

ЗАХАР
АБРАМОВ

Приговор

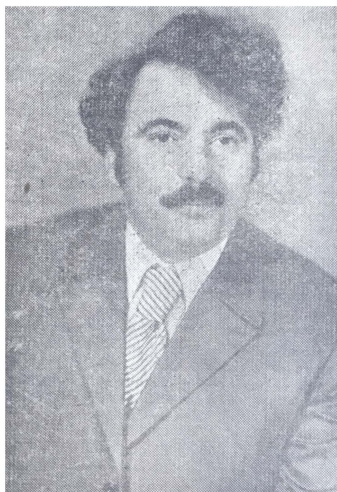
**ЗАХАР
АБРАМОВ**

Приговор

**ЯЗЫЧЫ
БАКУ
1980**

C(A₃)₂
A161

ПРИГОВОР

Глава 1

«ТИХАЯ» СУББОТА

Решительно отодвинув ориентировку, Заур поднялся. Многочасовое напряжение тяжело давило на затылок. Надо отдохнуть. Хотя бы часа на два отключиться — забыть о темноватом кабинете, о бесконечной веренице дел...

Он медленно спустился по лестнице, осторожно ступая по стертым цементным ступеням, открыл дверь и остановился у литого чугунного столба.

По широкому проспекту с лязгом неслись трамваи, мягко шуршали шинами автомобили, по тротуарам катился шумный людской поток. В косых лучах заходящего солнца жарким пламенем пылали окна.

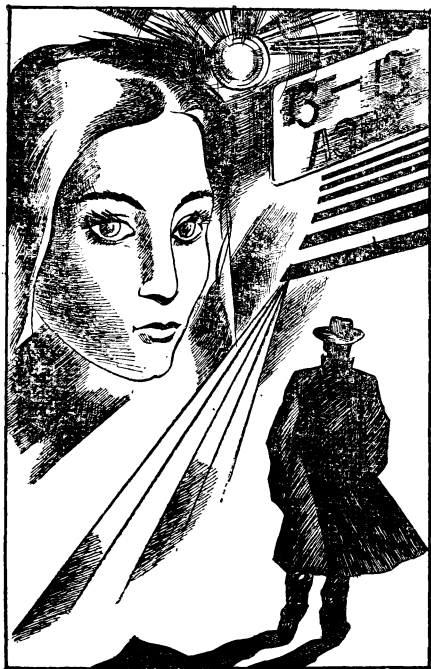
Заур взглянул на часы — семь без трех. Возвращаться раньше десяти явно не имело смысла. Не раздумывая, он двинулся к бульвару. Майский ветер нес запах сухой, прогретой земли и нефти — типично бакинские запахи.

Он шел расслабившись, бездумно глядя перед собой. И вздрогнул, когда рядом взвизгнули тормоза. К тротуару мягко притерлась синяя «Волга» с красной полосой вдоль кузова и четкой надписью «Милиция».

— Не пугайся, начальник, свои!

— Здравствуйте, Хосров Амирович, — по знакомой присказке Заур сразу узнал начальника райотдела милиции. — Что, только с совещания?

ПРИГОВОР

Глава I

«ТИХАЯ» СУББОТА

Решительно отодвинув ориентировку, Заур поднялся. Многочасовое напряжение тяжело давило на затылок. Надо отдохнуть. Хотя бы часа на два отключиться — забыть о темноватом кабинете, о бесконечной веренице дел...

Он медленно спустился по лестнице, осторожно ступая по стертым цементным ступеням, открыл дверь и остановился у литого чугунного столба.

По широкому проспекту с лязгом неслись трамваи, мягко шуршали шинами автомобили, по тротуарам катился шумный людской поток. В косых лучах заходящего солнца жарким пламенем пылали окна.

Заур взглянул на часы — семь без трех. Возвращаться раньше десяти явно не имело смысла. Не раздумывая, он двинулся к бульвару. Майский ветер нес запах сухой, прогретой земли и нефти — типично бакинские запахи.

Он шел расслабившись, бездумно глядя перед собой. И вздрогнул, когда рядом взвизгнули тормоза. К тротуару мягко притерлась синяя «Волга» с красной полосой вдоль кузова и четкой надписью «Милиция».

— Не пугайся, начальник, свои!

— Здравствуйте, Хосров Амирович, — по знакомой прищаске Заур сразу узнал начальника райотдела милиции. — Что, только с совещания?

— Представь себе. Два часа в духоте, при закрытых окнах. Да и разговор жаркий...

Заур вяло улыбнулся.

— Крепко нам досталось, Заур, — начальник РОМ вздохнул. — И возражать нечего. Министр прав — с предупреждением плохо. В общем, скажу тебе, не халва.

— Что ж, усилим борьбу по линии предупреждения. Нам главное, чтоб была линия...

— Все это не так весело, Акперов. — Хосров Амирович поднес толстый палец к самому носу Заура. — Были нарушения днем?

— Нет. И вечер тихий. Впрочем, не исключено, что в эту самую минуту преступный элемент, который не взят нами на учет и только поэтому не предупрежден...

— Брось. Говорю, не до шуток.

— Слушаюсь, товарищ Асланов! — Заур подтянулся.

— Так-то! — Асланов сердито дернул тугой воротник кителя. — Когда будешь в отделе?

— Часа́м к десяти.

— Что ж... Отдыхай.

— Какой отдых в субботу? — искренне удивился Заур.

Асланов махнул рукой и тронул шофера за плечо. «Волга» резко рванула с места.

Заур побрел дальше. В зеркальной витрине ресторана проплыло крупное лобастое лицо, резкие морщины у рта. Акперов дернулся и быстро отвел глаза. Почему-то вспомнился последний вечер с Гюлярой и сыном, вечерний пустынный аэродром. И, как удар наотмашь, — короткая, в несколько слов телеграмма: «Погибли ашхабадском землетрясении»...

Солнце садилось. Небо, еще прозрачно голубея за Шаховой Косой, тяжело наливалось синевой на востоке. Лениво плескалось у черного замазученного берега море. Желтые струйки песка стекали из-под ног вниз, на черные жирные камни. Он оглянулся. В Доме правительства было темно, только на верхних этажах одиноко светились окна.

Он шел, стараясь дышать глубоко и ровно. Тупая боль в затылке медленно отступала, он почти ощущал, как легкие заполняет прохладный и чистый воздух. Совсем стемнело, когда он снова вышел на площадь.

И сразу — сегодня ему везло на машины — к тротуару, взвизгнув тормозами, свернул голубой «Москвич». Профессиональная привычка мгновенно впечатала в память номер:

АЗИ 13-13. «Ого! Сразу две чертовых дюжины. Дурная примета».

И словно в насмешку, из машины стремительно выскочила девушка. Серdito хлопнув дверцей, она проскочила мимо. Но Заур успел заметить большие глаза и густые черные волосы, схваченные у затылка ленточкой. Волнение очень ей шло. Одета она была с изысканной небрежностью — серые брюки, полосатая, навывпуск, кофточка.

Девушка капризно стукнула каблуком по заднему колесу, сердито сжала кулачки. Заур приостановился. Ясно, села покрышка. Предложить помощь? Или неудобно? Он подошел. Девушка встретила его колючим взглядом.

— Вы случаем не режиссер? — Голос у нее зазвенел от злости.

— Почему вы решили? — Заур изумленно вскинул брови.

— Так, — она притворно вздохнула. — У вас такой вид, будто вы ищете сюжет для фильма. И даже нашли. Закат... Пустынная площадь... Незнакомка... Машина, терпящая бедствие...

Заур улыбнулся. Нужно было что-то сказать, что-то легкое и остроумное. Однако ничего такого в голову не приходило. Все-таки он устал сегодня...

— И что вы смотрите? Я, признаться, как-то не расположена к лирике.

— Это почему?

Незнакомка сердито прищурила голубые глаза.

— Нелепый вопрос.

— Не думаю.

— Охотно верю. Думать умеет не всякий.

— Спасибо на добром слове. А если просто, без лирик что вы собираетесь делать?

— Кружиться в вихре вальса. — Она отвернулась и, присев на корточки, стала устанавливать домкрат.

— Полезное дело, — одобрил Заур. — Но где же музыка?

— За углом, в клубе.

— Тогда у вас поразительный слух.

— А других достоинств вы не заметили? — Она стремилась кончить этот разговор.

«Что это со мной», — подумал Заур и спросил совсем другим тоном:

— Давно водите машину?

— Предъявить права?

— Спасибо, не нужно.

— Приятно слышать. — Она усмехнулась. — А то я уже испугалась, что передо мной автоинспектор... Слушайте, молодой человек, а не кажется ли вам, что вы несколько назойливы? У нас как-то не принято досаждать расспросами незнакомым людям.

— Пожалуй, — сказал Заур миролюбиво. — Но намерения у меня самые мирные. Просто хотел поделиться с вами опытом.

— Гм! Согласитесь, однако, что обстоятельства не очень благоприятствуют лекции.

— Ох, вы и колючая. — Он искал сравнение. — Как еж в обороне.

Опустившись на корточки, он осмотрел крышку. Спросил коротко: — Запасное колесо есть?

— В багажнике.

— Тогда никаких проблем.

Он бросил плащ на сиденье машины и полез в багажник. Заменить пострадавший скат запасным было нетрудно.

Кажется, девушка смутилась. Произнося обычные слова благодарности, она упорно отводила глаза. Заур, напротив, развеселился. Голова прошла. Пожалуй, сейчас он охотился попрактиковался бы в пикировке.

— Вы собирались кружиться в вальсе. Очень любите танцевать?

— Нет, не люблю, — ответила она просто; продолжать эту нгру ей явно не хотелось.

— Что же вы любите?

— Неожиданности. Все настоящее приходит неожиданно... — Лицо ее на мгновение погрустнело. — В том числе и помощь.

— Спасибо, — Заур слегка поклонился.

— Что вы! — Она совсем смутилась. — Я вам так благодарна. — И сразу, без перехода: — Простите, с кем имею честь?..

Заур огляделся (вокруг никого) и отвесил поклон уже по всем правилам искусства.

— Нат Пинкертон.

Незнакомка, помедлив, протянула руку.

— Очень приятно. Марита.

Наступило смущенное молчание, говорить было не о чем. Наконец Марита решилась — шагнула к машине. Еще секунда, и «Москвич» растаял в сумерках. А Заур зачем-то долго стоял у кромки тротуара и смотрел на свою ладонь. Ладонь была теплая от ее пальцев...

У фуникулера, как обычно, было полно людей. Заур взглянул на часы и полез наверх: лестница дожидала до самого Нагорного парка, а там два шага до дома. Такого настроения у него давно не было. То ли в девушке что-то есть, то ли очень уж хорош тихий вечер... Пожалуй, он слишком торопился. Добравшись до площадки, он ощутил, как стремительно и резко бьется сердце. Облокотившись на балюстраду, он взглянул вниз.

Горód переливался мерцающей россыпью огней. Расходящиеся веером фонари Приморского парка четко обозначили его границы. В заливе, перерезанном наискосок лунной дорожкой, красными искрами вспыхивали буйки; скользили по воде, дрожа, отраженные огни катеров и буксиров.

Узкая улица вывела Заура в заросший виноградом переулок. Еще издали он заметил у своих ворот одинокую фигуру.

— Мама, ты?

Пери-ханум сдвинула на шею темный платок. Вздохнула: наконец-то...

— Асланов звонил, сказал, наверно, зайдешь домой.

Зайдешь... Раньше, если случалось хотя бы пятнадцать свободных минут, он сломя голову мчался сюда. Теперь идти не хотелось. Только жалея мать, он заставлял себя иногда возвращаться, спать можно и в кабинете... «Я не утешаю, просто работа — лучшее лекарство от горя», — говорил Асланов, подбрасывая ему новые и новые дела.

Лунный свет притушил звезды, удлинил и вычернил тени. Тихо. Мягко светятся окна соседних домов. Легкая рука матери гладит плечо, что-то неслышно шепчут губы. Почему-то вспомнилось вдруг далекое хмурое утро. Вот здесь у ворот, едва ли не на этом самом месте, он играл в камушки. Подошел отец, большой, встревоженный, наклонился к нему.

— Идем, сынок, идем скорее. А то не успеем.

— Куда, папа?

— На базар. Нужно купить маме девочку. Совсем живую куклу. Понимаешь, сынок?

— Разве мамы играют в куклы?

— Играют, сынок, играют.

Пятилетний Заур спешит, старается шагать пошире. Он чувствует, отец торопится. Но базара все нет и нет. Они долго ходят по аллеям старого парка, потом отец берет его на руки. Начинает накрапывать дождь. И отец, закутав Заура в пиджак, бежит с ним домой.

— Папа, а кукла? Ты же говорил...

— Ай-яй-яй! Совсем забыл, сынок. Ну, ничего. Наверно, тетушка Джейран уже купила. Ну-ка, герой, прыгай, зайдем в комнату, посмотрим.

В полутемной комнате тускло горит свеча, в ее дрожащем свете лицо мамы белое-белое. И печальное, будто кто-то ее обидел. Но она слабо улыбается Зауру, тянет к нему руки. Тетушка Джейран показывает куклу. Кукла большая, настоящая. Вдруг она смешно морщит нос и так кричит, что Заур пугается.

А сколько было бы его сыновьям? «Братья-разбойники» — звала мальчишек Зарифа. Его Зарифа.

Заур вздрогнул, быстро взглянул на часы. Вздрогнула на плече и рука матери.

— Что, сынок, думал? — спросила она шепотом. — Не надо...

— А ты откуда знаешь?

— Так, сердцем слышу. Все слышу.

— Не все, мама. — Он коснулся губами ее виска. — Иди в дом. Мне пора на работу.

— А ну марш в комнату, — прикрикнула Пери-ханум. — Пока чаю не выпьем, никуда не пушу.

Перед ним уже стоял стакан, исходящий ароматным паром.

— Что-то ты сегодня не такой, сынок. Ты не думай, я всегда пойму...

— Не о чем пока говорить, ана джан¹. Разве что девушку встретил сегодня.

— И кто же она?

— Не знаю, мама.

— Чья дочь?

— Не знаю.

— А где живет?

— И где живет не знаю, ана джан. Ничего не знаю.

— Ну, что ж. Пей чай, остынет.

С каким наслаждением пьется крепкий мамин чай... «Как мама заваривает, никто не умеет», — хвастался он в армии. В первые дни, когда его демобилизовали, он, кажется, только и делал, что пил чай.

В тот вечер он тоже сидел за столом и пил чай, грея руки о горячее стекло стакана. В дверь постучали. «Кто?» — уди-

¹ Мама, милая (азерб.).

вилась мама. Потом вошла и сказала почему-то тихо: «Из горкома»...

Встретил его пожилой, с жестковатым не улыбочивы второй секретарь. Кивнул, как старому знакомому.

— Садись. Я знал твоего отца. Истинный был нефтяник. Ты похож на него, старший лейтенант. Хорошо, если и характером в отца. Деды говорят, крепок корень — плоды хороши. Рад буду убедиться, что сын Акперова так же принципиален, тверд, умеет работать. Я не просто так говорю. Тебя, как офицера-разведчика и коммуниста, решено рекомендовать на работу в уголовный розыск.

— В уголовный розыск? Понятия об этой работе не имею.

— Научишься. Думаешь, я родился секретарем горкома? Работал механиком, потом буровым мастером, потом... Словом, дорога обычная. — Ну что? Договорились?

Заур встал, зачем-то надел фуражку. Секретарь улыбнулся — усталое замкнутое лицо стало неожиданно добрым.

— Запомни, это очень важно, ощутить, что ты нужен людям. Уголовный розыск — дело особое, сам понимаешь. На санаторий мало похоже. Как сказал поэт: «И вечный бой, покой нам только снится...»

— Что-то слишком уж быстро. Вы меня и не знаете.

Секретарь прямо взглянул на Заура. Сказал жестко:

— Знаем, Акперов. Знаем. Была, к примеру, такая милая особа, некая Луиза Летгер. В начале 1945-го ваши пути пересеклись. Если мне не изменяет память, под Будапештом. Ставка генерала Пфедера. Это была нелегкая игра, с большими ставками. Выйграли ее мы, при участии одного старшего лейтенанта. И быть бы ему героем, не допусти он в последний момент серьезной ошибки. Ошибка эта, говорят, тоже дорого стоила...

Акперов вспыхнул, вскочил. То, о чем вспомнил секретарь, мало кто знал.

— Хорошо. Попробую... Ошибок постараюсь не повторять. Спасибо за доверие.

Такси остановилось у здания районного отдела м Акперов торопливо прошел к дежурному.

В большой комнате дежурки было шумно, густо колыхался под потолком сизый табачный дым. Громко переговаривались, уходя в наряд, патрули и постовые. Дежурный инспектор — старший лейтенант Никольский что-то энергично дока-

зывает сутулой старушке. Старушка, все время поправляя очки, кричала, стараясь убедить собеседника.

При появлении начальника угро все на минуту приумолкли. Акперов поздоровался и быстро прошел в кабинет. Сел к столу, нехотя придвинул объемистую папку. Что-то новое? Ясно, очередная ориентировка. Московский уголовный розыск сообщает, что с сентября 1952 года разыскивается опасный преступник Тониянц Аршавир Самвелович, по кличке Волк, рождения 1905 года. 20 сентября 1952 года, устроившись бухгалтером-кассиром СУ, похитил 180 тысяч рублей и скрылся. МУР располагает данными о том, что, скрываясь под чужой фамилией, этот Тониянц разъезжает по Союзу. Преступник одинок, владеет несколькими языками, ранее судим за убийство. Не исключена возможность его появления в Закавказье. Прилагается словесный портрет: роста высокого, сутуловат, бреет голову, брови густые, черные, шрам на затылке — след пореза, глаза карие, одевается скромно, нелюдим...

Акперов еще раз перечитал ориентировку и задумался. Машинально набросал на клочке бумаги густобровое, хмурое лицо. Усмехнулся, откинул набросок. По таким данным трудновато опознать преступника. Разве что случайно...

За спиной скрипнула дверь. Вошел старший оперуполномоченный капитан Огнев.

— Вечер добрый, Заур Алекперович.

— Здравствуй, Андрей. Что нового?

— Тишь.

Акперов улыбнулся.

— Вот если бы ты мог гарантировать такую же тишину и субботу и воскресенье...

— Кто поручится... Гарантия столь же верная, как на телевизор.

— Это верно. Телевизор — штука сомнительная.

— Знаешь, вчера обратился за пропиской Серго Шавлакадзе.

— Кто-кто?

— Серго, художник.

— «Рембрандт», что ли?

— Он самый. Помнишь, в сорок девятом сел за грабеж и попытку изнасилования.

— Тощий, пижонистый?

— Вот-вот. И в колонии не поправился. Только бородку отпустил. Увидел меня, разлетелся. Рад, дескать, и все прочее.

Полтора года назад выпустили досрочно, жил в России. Теперь потянуло в родные края, к матери.

— Требуется, наверно, помощь с работой?

— Спросил. Говорит, что оформляется в кинотеатр «Ширван» художником. Поблагодарил за внимание.

— Слушай, — Заур хлопнул себя по лбу. — Ведь его одиодец, подожди, да, Галустян, бежал из заключения. Помнишь, месяцев семь-восемь назад была ориентировка.

Огнев опустил на стул.

— Верно. Совсем вылетело из головы. Впрочем, может и хорошо, что не спросил. Надо сначала присмотреться к этому Серго. Всерьез он завязал или темнит...

— Давай-ка, Андрей... Под особый контроль — и Шавлакадзе, и его знакомых.

— Наблюдение за квартирой?

— Нет, для этого у нас нет оснований. И острой необходимости нет. Просто присмотримся. Надо надеяться, что в колонии он чему-то научился. Времени на размышления вроде бы было достаточно. Хотя...

Хлопнула дверь. В кабинет влетел Никольский. Он был растерян.

— Товарищ майор, на 2-й Железнодорожной ограбление с ранением. Имело место полчаса назад, в 22.30. Потерпевшая — женщина...

— Черт, моя зона, — ругнулся Андрей. — Надо же! Жива?

— Да, товарищ капитан.

— Видишь, Андрей, — произнес Акперов, — а мы только что поминали тишину. Где потерпевшая?

— Во второй комнате дежурки. Доставлена каретой «Скорой помощи». Сделана перевязка. От дальнейших услуг врача отказывается, хочет ехать домой. Акт с подробным описанием происшествия составлен.

— Начальник здесь?

— Да, товарищ майор.

— Хорошо, Никольский. Идите, я сейчас.

Дежурный вышел. Акперов и Огнев переглянулись.

— Я поехал, Заур Алекперович. Произведу осмотр, nibудь, наверно, осталось.

— Давай, действуй. Удачи тебе!

Через несколько минут под окном прорычал мотоцикл. Акперов спустился в дежурку. Здесь уже никого не было — только потерпевшая, врач и фельдшер «Скорой помощи». Жен-

щина полулежала на диване, прикрыв рукой висок. Что-то странно знакомое было и в позе, и в тонких длинных пальцах. «Черт...» — Заур отшатнулся.

Глава 2

КТО ВЕСЕЛ, ТОТ ЖИВУЧ

На диване лежала Ирина Леоновна Сумбатова — артистка театра музыкальной комедии, жена Сергея Ковынова. С ее мужем, хирургом, Заур был знаком с незапамятных времен.

Сейчас, остановившись в дверях, он почему-то чувствовал себя страшно виноватым. «Мало того, что это случилось, — мелькнула мысль, — так еще в нашем районе».

— Гражданка, здесь нельзя оставаться. Не исключены осложнения. Возможно, сотрясение мозга... — уныло твердил врач.

— Нет-нет, — не отнимая руки от виска, Сумбатова качала головой. — Я подожду.

— Чего вы ждете? — Врач терял терпение. — Время дорого. — Не понимаю, почему вы...

Откинув голову на спинку дивана, Сумбатова с трудом шевелила губами. Губы были белые.

— Не волнуйтесь. У меня муж — врач, его сейчас вызовут, он все сделает. Спасибо вам за помощь...

Акперов решил, наконец, вмешаться.

— Простите, доктор, — сказал он негромко. — Ее муж действительно врач, отличный хирург. Да-да, понимаю. Всю ответственность я беру на себя.

Врач еще поворчал, но, кажется, больше для формы. Он кивнул фельдшеру, фельдшер торопливо подхватил чемоданчик. Дверь хлопнула. Женщина медленно повернула голову.

— Вы давно здесь, Заур?

— Нет, только вошел.

— И слава богу. Меня хоть немного привели в человеческий вид.

— О чем вы, Ирина? В такой момент...

— Женщина всегда остается женщиной. — Ирина с трудом улыбнулась. — Мне уже лучше. Правда, вид у меня, наверно, все еще страшноватый.

Заур притянул к себе стул, сел сбоку. Скосив глаза, внимательно оглядел Ирину. Лицо серое, измученное. Но довольно спокойное. Палец в губной помаде. Ясно, пыталась подкрасить губы. Пытается шутить... Что это? Привычка к сцене? Или просто воля? В любом случае хорошо: неприятно, когда человек распускается.

— Я чувствую себя виноватым...

— Чепуха, — сразу же перебила она. — Не надо психоблгии. Лучше позвоните Сергею. Пусть наш дорогой хирург окажет помощь собственной жене.

— Вы продолжаете шутить?

— Конечно. Говорят, кто весел, тот живуч.

Заур покачал головой, снял трубку.

— Сергей? Добрый вечер! Заур. Да-да. Знаешь, Ирина у меня. Здесь, в дежурке. Подъезжай. Не волнуйся, ничего страшного. — Двойная неприятность! — Акперов в сердцах бросил трубку на рычаг.

— Почему?

— Дикая история. Что я скажу Сергею?

— Что за ерунда. — Ирина осторожно тронула его за рукав. — Слава богу, все обошлось. Может, пока, как выражаются в детективных романах, вы «снимите с меня показания»?

Заур не выдержал, улыбнулся.

— Убедили. Вам действительно лучше. Только у нас не снимают показания, а опрашивают. — Добавил уже серьезно: — Рассказывайте, стараясь не упустить ни одной мелочи, ни одной самой мелкой детали. Хорошо?

— Хорошо. Вышла из театра, села в трамвай и проехала несколько остановок. Сошла на 2-й Железнодорожной. Когда обходила летний кинотеатр, вдруг потемнело в глазах — видимо, сзади здорово треснули по затылку. Кажется, я закричала. Не помню... Очнулась, чувствую кто-то возится. Это была «Скорая помощь». Вот и все.

— Да... Не густо. Что же у вас похитили?

— Часы. Золотые. На золотом сетчатом браслете. Швейцарские. Да вы же их видели много раз.

— Прошу вас, вспомните, не шел ли кто-нибудь за вами? Не задевали ли вас в трамвае?

— Нет. Шагов не слышала. Никто меня не задевал. Впрочем, подождите. Когда я садилась в трамвай, меня подтолкнули сзади... Да... да... в трамвае. Я оглянулась. Помню,

увидела соломенную шляпу — какую-то помятую. И вместо ленты — грязноватый шнурок.

— А с трамвая в этот момент кто-нибудь сходил?

— Не заметила... С моей рассеянностью, Заур, я вас только запутаю. В таких делах помощник из меня никудышный. В комнату, тяжело дыша, вбежал Ковшов.

— Ирина!

Он бросился к дивану, наклонился к Ирине. Ничто другое его сейчас не интересовало, Акперова он даже не заметил. Пользуясь этим, Заур проскользнул в соседнюю комнату, потом на улицу. Настроение было паршивое. В этой зоне давно не случалось столь дерзкого ограбления. Да и с Ириной не все ясно, ранение, похоже, нелегкое. Удастся ли Огневу нащупать хоть какой-то след? Акперов постоял у чугуниного столба, закурил. Подошел к шоферу.

— Сарыев, быстро в дежурку. Там раненая женщина и ее муж. Скажи, что тебе приказано отвезти их домой. Если спросят, где я, объясни, что срочно выехал на место происшествия. Ясно?

— Ясно, товарищ майор.

— Иди.

Акперов поднялся в кабинет начальника милиции. От стола, за которым сидел Асланов, почти до дверей тянулся длинный приставной стол, покрытый синим сукном. Заур присел к этому столу, придвинул пепельницу.

В кабинете было непривычно тихо. Разрушать эту редкую тишину не хотелось. Асланов кончил читать, повел мохнатыми бровями и сказал, не глядя на Заура:

— Думай, начальник. Знаю, тебе есть над чем подумать.

— Никаких зацепок, — сказал Акперов хмуро.

— Понятно, — Асланов мельком глянул на Акперова, потер ладонями мясистые, гладко выбритые щеки. — В этом соль нашей работы. Горькая соль. Некоторые думают, что все просто: взял фонарик и обнаружил в темноте притаившегося преступника. Разгадки падают на сыщика, как яблоки с ветки. А нам с тобой надо искать не только преступника, а истоки преступления. Почему ограбление вообще стало возможным? Потому, дорогой друг, что мы плохо знаем свой район, слабо связаны с активом, с дружинниками. Сам понимаешь, наши возможности ограничены, штатов не увеличат... — Асланов помолчал, вздохнул. — А ведь было так хорошо. Конец месяца, тишина. И вот на тебе, субботний подарок. Происшествия

серьезное. И сработано, надо признать, чисто. Добавил, уже спокойнее: — Вроде бы потерпевшая — твоя знакомая?

— Да, — нехотя кивнул Акперов.

— Ничего, не унывай. Общими силами разберемся. Чья это зона?

— Огнева.

— Андрей — парень толковый, цепк Кстати, потерпевшую опросили?

— Да.

— Есть что-нибудь существенное?

— К сожалению, нет.

— Ну ладно, не кисни. —

— Не в этом дело, — Заур откинул со лба волосы. — Знаешь, почему-то особенно тяжело, когда беда касается близкого человека. Может, и неправильно — для нас все люди одинаково дороги, а вот тяжело. И никаких следов...

Асланов встал из-за стола, сказал уверенно:

— А вот это — уже мистика. Какая-то зацепка обязательно найдется. Не может не быть. Кто поехал на место?

— Огнев.

Они помолчали, вслушиваясь в шум улиц. Город засыпал. Треск мотоцикла возник внезапно. Они переглянулись: конечно, Огнев.

Вместе с Огневым вошел дежурный следователь.

— Удалось обнаружить на месте происшествия. — Огнев положил на стол молоток с железной рукояткой. — Нашли в кустах. На головке и рукоятке свежие пятна подсохшей крови. Головка обмотана тряпкой. Но небрежно. Видимо, преступник хотел лишь слегка оглушить женщину. А увидев кровь, испугался и отшвырнул молоток. Кусты примяты, кое-где обломлены. Похоже, быстро опомнился и бросился искать молоток. Но тут помешала охранница.

— Откуда?

— Со стройки. Пост ее метрах в тридцати от кинотеатра. Кое-что она видела, хотя улица освещена плохо. Видела полную женщину, парня в светлой рубаше и соломенной шляпе. Он шел следом, в нескольких метрах. Сам момент нападения она пропустила. Услышала крик, бросилась к воротам и стала звать на помощь. Человек в шляпе, не оглядываясь, метнулся к садику. Женщина осталась на тротуаре. Охранница сразу же вызвала «Скорую помощь»...

— Постой. В соломенной шляпе?

— Да. Такая, говорит, странная шляпа.

— И Сумбатову к трамваю подтолкнул какой-то тип в шляпе. Только шляпу она и запомнила, — Акперов улыбнулся. — Вот одна ниточка есть...

— Не одна. Больше, — перебил Асланов. — Часы он, надо думать, захочет продать поскорее. Если они приличные, то обратится к специалисту-часовщику. Это уже вторая зацепка. Дальше. Надо выяснить, что это за молоток. Немых вещей не бывает. Это три. Как видите, не так уж мало. А шляпа... Как раз сейчас, когда жарко, каждый пятый в шляпе. Теперь, начальники, идите. Действовать надо быстро. Очевидно, это кто-то новый. И достаточно наглый. Если мы его упустим, он еще наделает дел...

— Понятно, — сказал Заур. — Пошли, товарищи, думать.

В окнах на втором этаже до глубокой ночи горел свет. Там думали. В два часа ночи погасло окно Акперова. Но по балкону, куда выходил его кабинет, еще долго метался огонек папиросы. Заур любил думать в темноте.

Глава 3

ОПТИМИСТИЧЕСКИЙ МОНОЛОГ

Данные экспертизы стали известны в понедельник утром. Биологический анализ показал, что кровь на сапожном молотке, обнаруженном на месте происшествия, той же группы, что кровь Ирины Сумбатовой.

— Не так уж много, — подытожил Акперов, изложив Огеву и капитану Агавелову результаты экспертизы. — Не противоречит времени — и только. Попробуем реконструировать события субботней ночи. Итак, 23 мая в 22 часа 30 минут на улице 2-я Железнодорожная некто в светлой рубашке и в старой соломенной шляпе, со шнурком вместо ленты, напал на гражданку Сумбатову, нанес ей удар по голове — предположительно сапожным молотком, небрежно обмотанным тряпкой. Заметив на молотке кровь, испугался, отбросил молоток в кусты. Однако испуг быстро прошел. Во всяком случае он успел сорвать с руки потерпевшей часы фирмы «Омега» на золотом сетчатом браслете и постарался даже отыскать молоток. Только крик охранницы заставил его скрыться. Ну, квалифицировать преступление просто: грабеж с насилием. Гораздо труднее разобраться в психологии грабителя. Дей-

ствовал он явно с заранее обдуманым намерением, преднамеренно. Ограбление не крупное, но дерзкое. Реакция на кровь вроде бы указывает на новичка. Однако последующее поведение заставляет в этом усомниться. Надо прикинуть возможные версии, проверить, не знаком ли нам его «почерк» по прошлым делам. Улик почти никаких, да и вообще такие уличные, полуслучайные преступления раскрыть трудно. Тут, по моему, самая важная зацепка — часы. Их надо найти во что бы то ни стало.

Акперов достал сигарету, размял в пальцах.

— Теперь я вас слушаю.

Огнев невесело усмехнулся. Заур отметил: за эти два дня лицо осунулось. В пальцах хрустнул спичечный коробок.

— По-моему, товарищ майор, на шляпу пока следует махнуть рукой. — Капитан показал, как именно это следует сделать. — Соломенные шляпы у нас носят с апреля. Охотиться за шляпой все равно, — Огнев помолчал, — что ловить солнечного зайчика. Шансы на успех те же.

— Допустим, — кивнул Акперов. — Дальше.

— Надо искать часы.

— Почему часы? А молоток?

— Нет, часы вернее, — поддержал Агавелов. — Конечно, сапожными мастерскими займемся. Однако, честно говоря, шансов мало. А вот часы... Даже если сам преступник толкнет их первому встречному, тот почти наверное заглянет в мастерскую. Часов такого типа в городе не много. Значит, часовщик их запомнит. А тот, кто принесет их показать, особенно маскироваться не будет — он же их не крал. А там, глядишь, пойдет разматываться ниточка...

— Согласен, — кивнул Акперов. — Хорошо, что наши соображения, в общем, совпадают. Как распределим обязанности?

— Беру на себя мастерские, скуппункты и прочее, — Огнев встал. — Надеюсь, Заур, ты мне немного поможешь.

— Хорошо, возьму у тебя два района. Ты, Агавелов?

— Загляну в архив, прошу паю возможные связи.

— Решено. Сейчас десять. В двенадцать соберемся у меня и начнем действовать.

Прошло несколько дней. Однако особых достижений не было. В списке направлений поиска, который составил Заур, одна за другой были зачеркнуты все строки. Часы словно

канули в воду. Почему-то он постоянно ждал звонка и вопроса. Позвонит Сергей Ковшов и спросит шутя: «Ну, как, идут часы Ирины?» Интересно, что он ответит...

Может, от этого, да еще оттого, что спал он мало и плохо, урывками, к вечеру голова становилась свинцовой, веки сами слипались. На людях он усилием воли еще заставлял себя держаться: слушал, давал указания, шутил. Но потом...

Огнев доложил: ничего нового, они обсудили очередной вариант, покурили. Однако едва капитан вышел, на Заура навалилась эта страшная усталость. Он с трудом добрал до двери, повернул ключ, повалился на диван.

И сразу выплыл из тумана берег моря. Он стоит у цветного фонтана, ощущая сыроватый запах ветра. Моряна. Тянутся к воде ветки плакучих ив. Подсвеченные снизу, из воды, они кажутся тенями, изломанными ветром.

И вдруг из-за поворота вырывается машина, набирает скорость... Машина на бульваре?! Заур, вскинув руку, бросился навстречу. Вокруг дети, женщины, старики. Слепящий свет фар, толчок, он летит в воздух и томительно долго падает на асфальт, под колеса. Перед глазами стремительно пролетает номер: «АЗИ 13-13». «Москвич». Над ним склоняется — глаза к глазам — девушка. Лицо сияет. Белозубая, веселая. Марита!

— Почему вы не сказали, что вы сыщик? — смеется она. — Почему?

— Простите, Марита... Но я же представился: Нат Пинкертон. Конечно, это шутка, но я думал...

— Думал, думал... Вы не способны думать! Ладно, возьмите. На память.

Швейцарские часы с сетчатым браслетом мягко легли в его ладонь.

— Марита!

Заур вскочил и долго смотрел на пустую ладонь. Что за чертовщина лезет в голову...

Встряхнул головой, долго тер руками глаза. Взглянул на стенные часы. Десять вечера. Невероятно, проспал полных пять часов. А во сне будто минута.

Все эти дни он был так занят, что ни разу не вспомнил о случайной знакомой. А сейчас совершенно отчетливо увидел ее лицо — веселое и капризное, волосы, схваченные сзади легкой, просторную рубашку поверх брюк, услышал ее звонкий, ломающийся от обиды голос. «Ну-ну, — усмехнулся он. — Только влюбленности мне сейчас не хватает».

Он постоял, раскачиваясь с пяток на носки. Глупо? А собственно, что тут такого? Подошел к телефону, набрал номер.

— Саркисов? Привет, дружище. Майор Акперов... Да-да... Прощу, проверь «Москвич», АЗИ 13-13... Хорошо, жду.

Прошло несколько минут.

— Да! Слушаю... Пишу. — Заур взял карандаш, придвинул к себе блокнот. — Владелец — Заступин Оскар Семенович, уроженец Смоленска, 1905 года рождения. Начальник отдела снабжения артели «Мебельщик». Адрес — поселок Строителей, самостройка 30. Машина зарегистрирована... Ясно, Ашот, ясно... Спасибо, старик. Привет.

Акперов дал отбой и, понимая, что его занесло, набрал номер адресного бюро. Все остальное просто, дорогая незнакомка. Либо вы дочь владельца машины, либо племянница, либо, увы, невестка. Последняя версия, естественно, не очень приятная. Но тут уж ничего не поделаешь... Ответила дежурная. Акперов попросил дать справку о Заступиной Марите.

— Заступина Марита... Оskarовна. Родилась в г. Смоленске в 1932 году. Не замужем. Проживает на поселке Строителей, самостройка 30. Прописана в Баку. Не работает, студентка второго курса медицинского института...

Акперов едва дослушал. Он мысленно представил себе, как зайдет в медицинский институт и почти случайно встретит ее в коридоре. Он поблагодарил и положил трубку.

«Так вот, Марита Оскаровна, мы почти познакомились. Правда, пока я знаю о вас больше, чем вы обо мне. Не совсем честно? Пожалуй. Но у меня и в мыслях нет ничего дурного...»

Постучали. Заур отпер дверь. Вошел Огнев, изумленно осмотрел комнату, подошел к балкону.

— Кого ты ищешь? — поинтересовался Заур весело.

— Мне показалось, ты вроде бы с кем-то разговаривал. Похоже, я совсем... — Он выразительно повертел пальцем у виска.

— Не показалось. Я действительно разговаривал. Сам с собой. Готовился к докладу, — улыбнулся Заур.

— К докладу?

— Потом объясню. Ничего интересного. Заурядный доклад на заурядную тему.

Они сели к столу.

— Знаешь, Андрей, — Заур замялся, — явилось мне во сне эдакое неземное создание, принявшее образ очаровательной

брюнетки, и вручило часы Сумбатовой. Остается лишь сожалеть, что ты не брюнетка, а совсем напротив — блондин.

Огнев рассмеялся.

— И все-таки сон почти в руку, — заметил он как бы вскользь. — Давай заглянем в картотеку.

Заур насторожился.

— Что у тебя за идея?

— Заурядные вариации на заурядную тему. Ничего интересного. Даже как-то неловко беспокоить своего столь высокого начальника...

Оба рассмеялись.

— Ладно. В чем все-таки суть заурядной идеи?

— Хочу заняться Рембрандтом.

— Не возражаю. Только не сейчас. Подумай, есть ли основание его подозревать? Личность приметная — с бородкой. Да и трусоват он, хлипок.

— Все так, но....

— Нет, дорогой. Это работа не Рембрандта. Молотком по голове! Тут действовал человек жестокий, наглый, твердо уверенный в своей силе. Где этому слюняю...

— Дай договорить! — вспыхнул Андрей. — Все это мне известно не хуже, чем тебе. Он не мог — ясно. А Галустян?

— Галустян? — Заур на мгновение опешил. И сразу бросился к картотеке. — Превосходная мысль, капитан. — Он присел, поставив перед собой узкий и длинный ящик.

Пальцы привычно перебирали твердые таблички.

— «Адмирал», «Кит», «Медведь», «Волк», тьфу, целый зверинец. «Старик»... А вот он «Артист» — Галустян Аркадий.

Оба быстро пробежали глазами короткую характеристику — всего несколько строк. «Действует решительно и дерзко. Физически силен. Расчетлив...»

— Что ж... Убедил. Придется прямо завтра заняться твоим художником. Они вместе сидели?

— Не знаю. — Андрей пожал плечами.

— Сейчас припоминаю, — продолжал Заур, — в том деле — грабеж с изнасилованием — инициатором был Галустян.

— Верно, — кивнул Огнев. — Больше того. Он ловко сыграл тогда на мужском самолюбии Рембрандта. Дескать, девушка, осмелившаяся публично его отвергнуть, нанесла удар по его мужскому чувству собственного достоинства, и он просто обязан ее проучить. И пока этот балбес пытался ею овладеть — кстати, делал он это достаточно лениво и неумело — Галустян

спокойно и методично отыскивал ценности. К счастью, суд от-
лично разобрался в том, кто есть кто.

— Не стану уверять, что появление этого бандита меня
очень обрадовало.

— Ха! Что может сделать какой-то бандит против славны
оперативников, возглавляемых майором Акперовым?!

Заур вскинул глаза. В дверях улыбался Агавелов. Сверкну-
ли золотые коронки.

— О, следопыты, уткнувшиеся в архив. Оторвались от масс.
Забыли, что сила милиции в ее связи с народом...

— Садись, Эдуард. И не дави нас высоким стилем. — Заур
не сомневался, что новости хорошие. Добродушное лицо Ага-
велова прямо-таки излучало сияние.

Агавелов важно свел брови на переносице.

— Терпение, товарищи; терпение.

— Хватит, — взмолился Огнев. — Рассказывай.

— Пожалуйста. Часы есть!

— Точно?

— Самб собой, товарищ майор. Сообщение точное и бес-
спорное.

— Вот тебе и сон... Чувствуешь, Андрей?

— Ощущаю. Я же сказал, сон в руку.

Заур расстегнул рубашку.

— Слава богу, гора с плеч. — Подошел к телефону, набрал
номер.

Агавелов нажал на рычаг.

— Ты не Сумбатовой звонишь?

— Конечно.

— Не спеши. Ее часы у гражданина Симонянца Ерванда,
часового мастера. Работает в пассаже. Живет на улице Садо-
вой, дом 18, квартира 32. Сначала надо подготовить постанов-
ление на обыск и изъятие, успешно проделать все, что требует-
ся, а уж потом со спокойной душой звонить Сумбатовой.

— Ты несправим, Эдуард, — Заур сокрушенно покачал
головой. — Люди с годами делаются серьезней, а ты...

— Разве жизнерадостный человек обязательно легкомыс-
ленный? — парировал Эдуард.

— Сдаюсь, — Заур поднял руки. С тобой спорить бес-
смысленно.

Спорить с ним, действительно, было трудно. Живой и ост-
роумный, он легко сходиллся с людьми, к нему тянулись, ему
верили. Даже самые заядлые преступники «разговаривались»
чаще всего именно с ним. В самые трудные минуты с его лица

не сходящая спокойная и добрая улыбка. Казалось, все давалось ему легко, без особых усилий.

Но Заур знал, так только казалось. Агавелов работал много и трудно. Десятки раскрытых преступлений — это лишь видимая часть айсберга. А была еще скрытая — множество ситуаций, которые могли перерасти в преступления и не переросли, ибо Агавелов сумел оценить ситуацию и принять предупредительные меры.

При этом он вовсе не был лишен недостатков. Слишком быстрый на решения, вспыльчивый, он стремительно переходил от полной уверенности в успехе к отчаянию. Почему-то в первый момент любое дело казалось ему простым, и он клялся, что успех гарантирован. Однако шли дни, ожидаемое решение не находилось. Обнаруживались ошибки. Он воспринимал их остро и болезненно, шумно каялся.

И так же быстро забывал об этом, энергично хватаясь за новое дело. Снова работал сутками, не теряя обычной жизне-радостности. Первые же признаки успеха взвинчивали его, распаляли воображение. Захваченный видимой легкостью задачи, он снова давал гарантии. И снова каялся...

Но при всем этом опыт у него был богатейший, он в совершенстве владел умением мгновенно менять тактику незримого боя, а главное — его уважали и ему верили самые разные люди.

Совсем другим человеком был Огнев. Про него не зря говорили, что прежде, чем отрезать, он двадцать семь раз отмерит, а потом еще подумает. Однако, когда нужно, он умел действовать быстро и решительно.

В двадцать три часа прокурор района дал санкцию на обыск и изъятие часов у Симонянца.

На Садовую решил ехать Агавелов, сказав, что хочет сам довести дело до конца. Заур не возражал. Через полчаса синяя «Волга», где сидели капитан, участковый уполномоченный и два дружинника, стремительно пронеслась по опустевшим улицам и остановилась у подъезда двухэтажного серого дома. Из окошка на втором этаже тускло сочился зеленоватый свет. Агавелов быстро и бесшумно взбежал по лестнице, постоял у полустертой таблички с фамилией хозяина «Симонянец Е. И.» и неторопливо нажал кнопку звонка. За дверью послышалось шарканье, возня, хриловатый голос спросил:

— Кто там?

— Прошу открыть. Милиция.

Лязг цепочки, щелканье замка.

В приоткрытой двери мелькнуло испуганное лицо. Эдуард протянул удостоверение. Дверь со скрипом распахнулась. Пожилой мужчина в пижаме (тонкие губы подрагивали) испуганно жался к вешалке. Он осторожно, держа за краешек, протянул капитану удостоверение, сказал хрипло:

— Слушаю вас.

— Разрешите?

— Пожалуйста. Входите. — Симонянц с усилием изобразил улыбку, раскинул руки. Было ясно: он смертельно напуган этим ночным визитом.

Вежливо поздоровавшись, сотрудники милиции прошли в узкую переднюю. Из комнаты сбоку выскочила девушка, на ходу застегивая пестренький халат. Большие глубокие глаза смотрели растерянно. Капитан протянул хозяину постановление. Симонянц испуганно отстранился. Девушка взяла, быстро пробежала бумагу глазами. Голос ее дрогнул.

— Папа, это обыск.

— Обыск? Пожалуйста. — Кажется, часовщик уже овладел собой. — Мы ничего не крали. Пусть товарищи ищут то, что им нужно в нашем доме. Пожалуйста...

Сказано это было спокойно и с таким достоинством, Агавелов смутился.

— Хочу извиниться за поздний визит, — сказал он мягко. — Поверьте, мы этого избегаем. Но в данном случае ничего не поделаешь, необходимость. Если не возражаете, пройдем в комнату, поговорим. Возможно и обыск не понадобится. — Он говорил, обращаясь к Симонянцу, но с интересом поглядывал на девушку.

Симонянц поспешно распахнул дверь в комнату, откуда только что вышла девушка. На тумбочке у разобранной постели неярко горела лампочка под зеленым абажуром. На круглом столе брошенное рукоделие. По стенам гардероб, небольшой книжный шкаф. Все в комнате было простым и скромным, только плохая копия «Незнакомки» Крамского в аляповатой рамке заставила Агавелова поморщиться.

Гость и хозяин сели к столу.

— Хочу откровенно объяснить вам, гражданин Симонянц, что нас сюда привело. В прошлую субботу в Завокзальном районе было совершено нападение на артистку театра музкомедии. Грабитель ударил ее по затылку молотком и сорвал с руки золотые часы фирмы «Омега» на золотом браслете. Мы располагаем данными, что на следующий день, в воскресенье,

вы купили у преступника эти часы. Предлагаю вам — это в ваших же интересах — сдать их властям добровольно...

Симонянц вытащил из кармана пижамы мятую пачку «Беломора», закурил, жадно затягиваясь. В сердцах хватил кулаком по столу.

— Подлец. Какой мерзавец! Аида, где эти проклятые часы? Принеси!

Тонкая рука опустила часы на плюшевую скатерть.

— Они. — Агавелов радостно улыбнулся. — Спасибо, Ерванд Ишханович. Не поверите, сколько мы их искали.

Брови Симонянца поползли вверх.

— Вы знаете мое имя-отчество?

— Конечно. Ведь я, некоторым образом, шел к вам в гости.

— В гости, между прочим, редко приходят так поздно. И не требуют от хозяев таких дорогих подарков. — Аида пыталась шутить, но пальцы, теребящие пуговицы, выдавали волнение.

Симонянц заметно оживился.

— Простите, а как же с деньгами, которые я уплатил? Вы их мне не вернете?

— Почему не вернем? Вы их получите у того, кто вам продал часы.

— Понятно, — часовщик иронически усмехнулся. — Он их, разумеется, положит на сберкнижку в ожидании, пока вы его поймаете.

— Можете не сомневаться — поймает. Непременно и быстро. Вы его, конечно, запомнили?

— Как вам сказать... Особой наблюдательностью я не отличаюсь. Но, по-моему, если увижу, узнаю. Парень как парень, смуглый, восточного типа. По-русски говорит хорошо. Безусый, лицо худое, в старой, выдавшей виды шляпе; под белой рубахой — тельняшка. Вот и все... Особых примет не запомнил. Я не портретист.

— Он вам сказал, что приехал из Ирана?

— Да. — Брови Симонянца снова удивленно поползли вверх. — Откуда вы знаете?

— А вы разве не знали, что созданы специальные автоматы, фиксирующие каждую сомнительную сделку? — спросил Агавелов. — Шучу, конечно. К слову сказать, парень в тельняшке никогда в жизни не нюхал моря. Ладно, вот вам номер моего телефона. Пожалуйста, позвоните мне завтра часов в десять и приезжайте к нам для небольшого разговора. Это важно.

Агавелов вырвал из блокнота лист с номером телефона и положил на стол. Аида взглянула на бумагу и прикрыла ее вазой с розами. Эдуард ощутил их тонкий запах, быстро встал, подошел к книжному шкафу.

— Разрешите?

— Конечно. Секретов у меня нет. — Библиотека небольшая, я держу только то, что постоянно перечитываю.

Он чувствовал на щеке её теплое дыхание. Уходить не хотелось, книги он любил и мог говорить о них часами.

— Товарищ капитан, — доложил участковый, — протокол о добровольной сдаче часов составлен, копия вручена гражданину Симонянцу.

— Хорошо, — Агавелов попрощался с Симонянцем, мгновение задержал в руке мягкую ладонь девушки.

Прежде чем сесть в машину, Эдуард машинально вскинул голову. Окно на втором этаже мягко светилось зеленоватым светом, за прозрачной легкой занавеской угадывался женский силуэт. Агавелов рванул дверцу, сел рядом с шофером.

— Поехали, — сказал он весело.

Глава 4

БЕЗ ПРИСТАНИЩА

К утру Лара совершенно окоченела от холода. Встала, потерла затекшую спину, тихо прошла к себе и легла в постель. Проснулась невероятно поздно, в двенадцать. Конечно, в доме уже никого не было. Но стол так и остался неубранным. Она с отвращением осмотрела пустые бутылки, залитую вином скатерть, окурки, раздавленные прямо в тарелке... Все-таки они с матерью совсем разные люди. Настолько разные...

Она схватила чемодан, яростно побросала туда свои вещи. Обшарила комод, пересчитала деньги — семьдесят рублей. Постояла у калитки под высокой яблоней, вздохнула. Слез не было. Ничего не было, кроме тупой боли, которая гнала ее отсюда — из низенького кирпичного домика, где все давно стало чужим.

Часа через два она уже сидела на нижней полке общего вагона. Поезд шел на юг. В последний момент Лара все-таки решила ехать в Сумгаит; Зина была единственным близким человеком.

В соседнем купе надрывался баян, мягкий тенор лениво выводил что-то о высоком дубе и одинокой рябине. Ни песня,

ни разговоры пассажиров, ни любопытные взгляды соседей по купе ее не касались.

Что ждет ее там, в незнакомом городе? Говорят, южане гостеприимны. Она вспомнила слова одного из постоянных собутыльников матери, хваставшегося знанием Кавказа. «На Кавказе, — часто повторял он, захмелев, — не пропадешь. Каждый хлеб — чурек, каждый гость — абрек, каждая гора — Казбек».

И однако же все было не так просто. Поезд шел и шел, пейзаж в раме окна заметно менялся: редели леса, вместо зеленой травы все чаще появлялись бурые колючки. И от этих невеселых колючек на душе становилось тревожно и смутно.

Проехали Махачкалу. Внизу, под самой насыпью тяжело шумят волны Каспия. Белую полосу прибоя разрывают острые, ржавые скалы. Кажется, неведомая сила выбросила из глубин эти гигантские осколки. Потом море уходит. Редкие деревья теперь покрыты густой коричневой пылью. Проплыл серый грязноватый перрон дербентского вокзала. «Храните деньги в сберкассе» — со щита самодовольно улыбался счастливый обладатель «Волги», телевизора, стиральной машины. И такая тоска вдруг схватила за сердце, что она тихонько завывала, привалившись к оконной раме.

— Что с вами, девушка?

Она подняла глаза. Парень в гимнастерке со следами погон. Сидит напротив нее, скрестив на коленях большие сильные руки. Чубатый, черноглазый, румянец во всю щеку. Смотрит и улыбается.

— Ничего, — она всхлипнула, подобрала ноги в стоптанных туфлях, отвернулась.

Парень несколько не смутился.

— Куда едете? — спросил он все так же весело.

Лара немножко подумала.

— В Сумгаит. Хороший город?

— А я думал в Баку.

— Нет. Там у меня никого.

— А в Сумгаите?

Лара не ответила.

— К кому же вы едете?

— Это что — допрос?

— Да нет. Просто любопытствую.

Лара уставилась в окно. Подумаешь, друг отыскался. Пристал как банный лист. Что ему до нее? И руки в наколках, как у блатного.

Парень не отставал.

— Чудится мне, у вас и в Сумгаите никого.

Лара уперлась лицом в стекло, всем своим видом давая понять, что этот разговор ей и не нужен, и неприятен.

— Не пугайтесь, девушка. Я просто так.

— Поразвлекься решили?

— Зачем же так? Я к вам по-человечески. Давн был. Волнуюсь.

— Это всегда так... Ничего, поживете немного — отойдете.

— Хотите, сойду в Сумгаите, провожу? Одной в незнакомом городе-нехорошо. А до Баку я потом доберусь. Не проблема: автобусы, такси, электричка. А я Сумгаит знаю, работал там. Хотите?

— Не беспокойтесь. Язык до Киева доведет.

— Доведет. Но зачем? Смысл-то какой?

Так, слово за слово, они познакомились. Звали его Аликом. Лара рассказала о том, что в Сумгаите работает ее землячка Зина, и она хочет там работать. Очень уж хорошо Зина пишет об этом Сумгаите...

Поезд остановился у маленького вокзала. С другой стороны вытянулась цепочка однообразных бурых цистерн. Лара вышла и разочарованно повела плечами: Зина писала, что Сумгаит большой и красивый город.

— Город дальше. Надо еще автобусом. Тронулись? — Он подхватил ее чемодан.

— Вы со всеми такой добрый?

— Не знаю. Давно не было случая.

Вприпрыжку, как девочка, Лара перебежала пути. Алик с двумя чемоданами отстал. Солнце поднялось уже высоко, стало жарко. Взмокшие, усталые они вылезли из автобуса у здания городской автостанции. И тут Алик предложил сходить на базар: отличные сабирабадские арбузы. Лара легко согласилась. Всю дорогу они весело болтали. Ларе казалось, что она давно знает этого веселого и простого парня.

Подшучивая друг над другом, они с удовольствием съели сахаристый прохладный арбуз и только потом отправились искать общежитие.

— Зина Редькина? — хмуро спросила дежурная. — Опоздала ты, красавица. Зина вышла замуж за матроса — и помпай, как звали. Одним словом, уехала твоя Зина... Не дожила, в каком направлении. Все вы приезжаете сюда хвостом вертеть, женихов приманивать.

— А я совсем за другим, — пыталась объяснить Лара. — Зачем вы так? Вы же меня не знаете...

— Знаю, знаю, — не унималась вредная тетка.

Алик отстранил Лару, кинулся к двери.

— Чего обижаешь девочку, ведьма?

— А-а, заступничек нашелся! Проваливай, пока не поздно. — И повернувшись к ним спиной, хлопнула дверью.

Вспылив, Алик рванул дверь. Но по ту сторону тупо звякнула щеколда. Остыв, он догнал девушку, пошел рядом.

— Ты разве не переписывалась с Зинной?

— Переписывалась. Давно, правда... Не до того было.

— Знаешь, Лара, поедем ко мне. Как-нибудь устроимся. В тесноте, да не в обиде. — Он не заметил, как перешел на «ты».

— Не поеду, — она вспыхнула.

— Как «не поеду»? Куда ж ты теперь?

Лара не ответила.

Молча дошли они до вокзала. У перрона стояла электричка, идущая в город.

— Лара, поедем, — мягко повторил он.

— Езжай. Не поеду.

— Но почему, почему?

— Так. Не поеду и все, — упрямо повторила Лара и демонстративно уселась на скамейку.

— Не могу же я бросить тебя так... Поехали.

И вдруг Лара закричала отчаянно, зло, дергая из его рук свой легкий чемодан.

— Отстань! Не твоя забота. Отстань, говорю!

Он еще немного постоял рядом. Поезд тронулся. Алик отбросил сигарету, крикнул:

— Смотри, тебе жить. Адрес мой у тебя есть. Пока.

На ходу он вскочил в последний вагон. И тут она поняла, что сейчас останется одна. Рванулась, но поезд уже скрылся за поворотом. Она села на скамейку и опять заплакала — тоненько, как плачут обиженные дети.

Кто-то осторожно тронул ее за плечо. Лара вздрогнула, подняла мокрое испуганное лицо, сбросила с плеча чужую руку. Узенькая ухоженная бородка, пестрая, навывпуск, рубашка... Холодные умные глаза сочувственно прищурены. Лара вскочила, испуганно попятилась.

— Осторожно, барышня, сзади камень.

Она резко обернулась, никакого камня сзади не было. Она подхватила чемодан и ушла к самой дальней скамейке. Человек, однако, как ни в чем не бывало, последовал за ней, сидел рядом.

— Можете ничего не объяснять. Вы достаточно умны и не повсе лишены чувства юмора. Поэтому, признаться, удивлен. Неужели вы меня боитесь?

Опа не ответила. Незнакомец негромко, но выразительно прочел:

...Я знаю: вы не та —
Живете вы
С серьезным, умным мужем,
Что не нужна вам наша маета,
И сам я вам
Ни капельки не нужен.

Лара хмыкнула:

— Подумаешь, Пушкин!

— Пардон, леди. Есенин.

— Ну и пусты! Все равно нечего приставать.

— О! Это мне нравится, — он подвинулся ближе. — Знаете, почему я слез и отстал от поезда? Мне не понравилось, что тот парень вас бросил. Дурной тон.

— Он не бросил. Я сама...

— Прекрасно, будем считать, что деловой контакт налажен. Два слова — контакт, три — знакомство, четыре — уже союз. Скажите, что заставило вас плакать?

— Не ваше дело.

— Мое. Так сказать, не проходите мимо. И вообще человек человеку — друг, товарищ и брат.

— А вы что, утешитель... на общественных началах?

— Н-нет... В принципе у меня иное амплуа.

— Ну и занимайтесь своим амплуа, а меня покое.

— Сей минут. Только один вопрос.

— Слушайте, кто вы такой и чего вы от меня хотите? — спросила она уже беззлобно, так ей все это надоело, так она устала.

Уши бородатого комично дернулись, это было смешно, и она слабо улыбнулась.

— Вот это мне нравится. Готов ответить на ваш вопрос.

— Я вас ни о-чем не спрашивала. Мне все равно... Понимаете? Все равно.

— Неправда. Вы спросили, кто я такой.

Он молча раскрыл лежащий на коленях альбом, вытащил из кармана карандаш. Прошло несколько минут, он протянул набросок.

— Синьора на этом портрете вам знакома?

Лара с любопытством взглянула на лист бумаги. Конечно себя она узнала сразу.

— Художник?

— Нет-нет. Не профессионал. Любитель. Говорят, особенно удачно у меня получаются женщины.

— Оно и видно. Набили руку на уличных знакомствах.

— Ах! Все мы относительно знакомые люди. Живем одной планете. Вы слышали о Рембрандте?

— Что-то припоминаю, — Лара наморщила лоб.

— Великий художник. Меня друзья так шутя называют. Возьмите на добрую память.

Лара взяла лист и невольно залюбовалась, рисунок и в самом деле был хорош.

— Спасибо.

— Пожалуйста. Как вас зовут?

— Лара, — поколебавшись, она все-таки ответила.

— Ну вот и ладно. При желании меня всегда найдете на берегу Каспия. Баку, ул. Герцена, 45, этаж один, квартира единственная. Заказы не принимаю, но гостям рад! Мой салон открыт для друзей. Вы меня поняли?

— Не совсем. Вы что, приглашаете в свой «салон» каждого встречного?

— Естественно, нет. Только тех, чьи души созвучны моей, так сказать, поэтической натуре. Обещаю, скучать не придется.

К платформе подошел поезд. Художник галантно поклонился, щелкнул каблуками.

— Итак, не прощаюсь.

И двинулся к поезду.

Лара долго рассматривала рисунок. Почему-то сейчас он уже не казался ей таким хорошим. «Рембрандт» изобразил ее в вызывающе открытом платье, а на ней была полосатая кофточка с глухим воротником.

Глава 5

КСТАТИ, Я НЕ ЖЕНАТ

Утро выдалось великолепное. Еще не растаял в небе бледный ломтик луны, а из-за темной кромки горизонта уже выдвинулся пламенный солнечный диск.

Может быть поэтому работалось легко, с тем особым душевным настроением, когда кажется, что нет службы интереснее, чем у тебя. В кабинете было тихо. Только одинокая муха негромко жужжала у оконного стекла. Оглушительно взвизгнул телефон. Капитан снял трубку.

— Агавелов слушает.

— Здравствуйте, товарищ капитан, — голос был женский, как будто знакомый.

— Аида, вы?

После небольшой паузы, смущенно.

— Угадали.

— Естественно. Скажу без лишней скромности, что на голоса у меня отличная память.

— Надеюсь, что у вас не только отличн
доброе сердце.

Агавелов насторожился.

— А в чем дело, собственно?

— Не подумайте, что притворство... Папа заболел. Правда, заболел. Не верите? Он не сможет к вам...

— Ничего страшного, — Агавелов вздохнул с облегчением. — В виде исключения я побеседую с ним дома. Не возражаете?

— Конечно.

— Значит, договорились, ждите. — Капитан стремительно поднялся.

Аиде не хотелось класть трубку. «Ту-ту, ту-ту», — попискивали в мембране гудки отбоя. Она вздохнула.

— Доченька, доченька! — кричал из комнаты отец. — Договорились?

Аида еще раз приложила к уху теплую трубку и осторожно опустила ее на рычаг.

— Да. Приедет. — Она зашла в комнату к отцу, присела на краешек кровати.

— И чего я ввязался в эту историю, — сказал Ерванд Ишханович виновато. — И неприятности, и деньги улетели. Жаль деньги...

— Не надо о деньгах, папа.

— Э-э, деньгами нельзя швыряться, — раздраженно перебил отец. — Проклидаешься. И потом мне не очень улыбается встреча с этим типом, который подсунул часы. Придется его опознать, верно? А потом он мне это припомнит. Не опознать — милнция подумает бог знает что...

Агавелов хотел ехать сразу. Но в коридоре его перехватил Андрей Огнев.

— Далеко?

— По делу.

— Никаких дел. Жена приготовила воскресный обед. Пити — ты же любишь. Хотел Заура позвать, не нашел. Поехали. В воскресенье не грех отдохнуть.

— Не могу, Андрей. Извини.

— Что ты! Вера строго-настрого приказала без вас, холостяков несчастных, не появляться. С утра меня на базар погнала. И не думай отказываться. Тебе-то что. А меня запилит.

— Хорошо, — сдался Агавелов. — Только не больше, чем на часок. Понимаешь, у меня сегодня сразу и служебное, и личное дело. Да, представь себе, и личное...

— А я и не удивляюсь. Кто же не знает, как блестяще ты умеешь сочетать личное с общественным...

Такси за несколько минут довезло их до улицы Шаумяна. Андрей с женой и сыном занимали двухкомнатную квартиру на третьем этаже нового дома.

Дверь открыл сын Андрея, двенадцатилетний Игорь. Вихрастый и длинноногий, он радостно кинулся к Агавелову.

— Здравствуйте, дядя Эдик. А то мы ждем, ждем... А где дядя Заур?

— Здорово, старик! — Агавелов схватил и легко подбросил Игоря. — Дядя Заур будет в следующее воскресенье. Мы решили теперь ходить в гости по очереди. Чтобы маме было легче. А то, знаешь, сразу два таких холостяка, да еще с нашими аппетитами... По-моему, это слишком.

Андрей рассмеялся. Из кухни вышла Вера.

— Здравствуйте, Эдуард Мансурович.

— Добрый день, Вера Григорьевна. Аллах свидетель, Андрей предложил меня умышленно. Давно, говорит, жена настоящих обедов не готовит. А тут, говорит, в связи с приходом гостей она, конечно, постарается, и я хоть раз в неделю вкусно поем.

— Так прямо и сказал? — Она шутя погрозила мужу черпаком.

— Именно, Вера Григорьевна! Слишком вы его избаловали — в столовую не затянешь.

Посмеялись.

Мужа Вера отослала на кухню, а Эдуарда повела в столо-

вую — порасспросить. «Из Андрея, — жаловалась она, — слова не вытянешь».

Но поговорить по душам не удалось. В кухне что-то жаростно зашипело, потянуло дымком. Испуганно взмахнув полотенцем, Вера умчалась, бросив на ходу:

— Извините. С этим поваром мы можем остаться без обеда.

С завистью вслушивался Агавелов в шутливую перебранку за дверью. Удивительно дружная пара. Огневу завидовали не только холостяки.

Время пролетело незаметно. Пити удалось на славу, пальчики облизнешь. Агацелов опомнился, когда стенные часы проббили два раза. Он вскочил, принялся извиняться. Андрей мигнул жене — не удерживай, сказал в пространство: «Куда-куда, а уж на свидания Агавелов никогда не опаздывает».

Большие стенные часы проббили два раза. Аида неслышно вышла в коридор. За прикрытой дверью похрапывал отец. Тихо сняла трубку, набрала номер. В ухо ударили длинные монотонные гудки. Первый, пятый, седьмой.

Раздосадованная, заглянула к отцу. И встретила с его внимательным взглядом. Отец поморщился, спросил недовольно:

— Снова звонила?

Аида почувствовала, что краснеет.

— Сегодня воскресенье. Может, что-то задержало, приедет попозже.

— Или не приедет вообще.

— Он же обещал!

— Э-э, обещания, доченька, не всегда выполняют. А главное, чудится мне, ты стараешься не только ради отца.

Аида дернула плечом и убежала к себе в комнату.

Когда Агавелов поднялся по лестнице, дверь уже была открыта. Аида в коридоре звонила по телефону.

— Входите, — сухо бросила она.

— Здравствуйте, Аида Ервандовна. Простите за опоздание. Неожиданно возникли обстоятельства... — Он тянул, стараясь встретиться с ней глазами.

— Добрый день. У папы все еще неважно с сердцем. — Тем же ледяным тоном предупредила она. — Постарайтесь не очень его волновать.

— Не беспокойтесь.

— Спасибо. — Она повела плечами. — Наверно, ваша жена не слишком довольна тем, что мы испортили вам воскресенье.

Агавелов понял безыскусную уловку и незаметно улыбнулся.

Разговор с Симонянцем занял около часа. Укладывая протокол в папку, Агавелов прислушивался к легким шагам за дверью. Медленно и аккуратно застегнул папку. Потом не спеша пожал Симонянцу руку. Рука, действительно, была слабая и влажная, рука больного..

На улице, прежде чем завернуть за угол, он как бы случайно оглянулся. Легкий ветерок колыхал полупрозрачную занавеску, окно было распахнуто.

Через десять минут в квартире Симонянца требовательный звонок телефона. Аида сняла трубку.

— Да?

— Еще раз добрый вечер, — услышала она знакомый голос. — Скажите папе, чтобы он не волновался. Да, кстати, я не женат...

Глава 6

НЕ ГРУСТИТЕ, ЗАУР

Вместе с надеждой на благополучный исход дела к Зауру вернулись и мысли о Марите. Пожалуй, только теперь он понял, что эта случайная встреча уже что-то изменила в его жизни и еще многое может изменить.

Наверно, надо было просто зайти в институт. Но он вдруг — кажется это случилось с ним первый раз в жизни — испугался. Все это слишком серьезно. Он позвонил знакомому, который работал в медицинском, и попросил узнать хоть что-нибудь: факультет, курс...

— Время не самое подходящее, — пробурчал приятель. — Экзамены...

Однако через несколько дней он позвонил и сказал официальным тоном:

— Заступина Марита Оскаровна, второй курс лечебного факультета; сессию сдает успешно. Летом, очевидно, уедет отдыхать... — Он расхохотался и спросил басмешливо: — Ну как, возьмешь к себе?

Заур поморщился.

— Чертовщина... — Придвинул бумагу и принялся машинально набрасывать на бумаге женские лица. Когда места на листке уже не осталось, он позвонил участковому уполномоченному Мухтарову.

— Слушай, дело сугубо личное. Чисто дружеская просьба. В твоих краях...

Мухтаров позвонил на следующий день, в начале седьмого.

— Слушаю. Так-так. Села в троллейбус? Отлично. Номер машины? 603? Огромное спасибо.

Акперов стремительно выскочил из кабинета. Молодец Мухтаров. Теперь все зависело от того, успеет ли он к остановке троллейбуса. Чистое совпадение. Более убедительной «случайности» не придумаешь.

Спустя пять минут он уже был на месте и как раз вовремя. Из-за угла выплыл тот самый троллейбус. Акперов вошел, рассеянно огляделся. Пассажиров совсем немного. Вот и Марита — сидит на третьем от входа сиденье, внимательно смотрит в окно. Нежное васильковое платье с золотистыми искрами оттеняет легкий загар. Заур прошел вперед, сел рядом. И только теперь перевел дыхание. Соседка мельком взглянула в его сторону и отвела равнодушный взгляд. Не узнала. Что ж, попробуем напомнить.

— Простите, если не ошибаюсь, мы

Девушка резко обернулась.

— Пожалуй, — сказала она не сразу.

— Вас зовут Маритой.

— Разумеется. — Она усмехнулась.

— Счастливая неожиданность. Заговорив с вами, я рискнул, что позволяю себе редко. Хотел проверить память. И ужасно рад, что не ошибся.

Она не ответила.

— В город? Видимо, спешите?

— А что, заметно? Очень спешу. Надо успеть в библиотеку.

— Но еще рано. Институтская библиотека...

— Какая? — Марита взглянула на него внимательно. — А почему вы решили, что институтская?

Заур на мгновение смешался.

— Логика. Железная цепь силлогизмов. Посылка первая — маршрут троллейбуса. Посылка вторая — вы студентка, как раз на кольце находится фундаментальная библиотека мединститута. Остальное просто, ведь я — Нат Пинкертон.

— Все правильно. Мне остается только кивать в знак сог-

лася. — Марита засмеялась, весело блеснула глазами. Улыбнулся и Заур. Кажется, все проще, чем он предполагал.

— Знаете, я часто вспоминаю одну вашу мысль. Прямотаки не выходит из головы: «Все прекрасное приходит неожиданно». Увы, конечная остановка. — Заур поднялся, сказал, не скрывая огорчения: — Все-таки до чего ограничены человеческие возможности.

Марита лукаво взглянула на него.

— Я в библиотеку ненадолго.

— С удовольствием подожду, но...

— Что «но»?

Заур посмотрел на нее укоризненно.

— Вам не кажется, что наше знакомство носит односторонний характер?

Марита прыснула.

— Почему же? Вас зовут Нат Пинкертон.

— Мое имя — Заур.

Они вышли из троллейбуса, и разговор как-то сам собой увял. Они еще постояли немного у платана с широкой тенистой кроной. Потом Марита стремительно перебежала улицу и скрылась в подъезде.

Минут через десять она вернулась с объемистым томом «Физиологии человека».

— Не соскучились? — спросила она серьезно.

— Очень. Каждая из десяти минут показалась мне вечностью.

Она снова промолчала. Похоже, полуигривый нравился.

— Интересная наука физиология, — сказал Заур.

— Правда? И вы в ней разбираетесь?

— Разумеется. Хотите, чтобы я продемонстрировал свои блестящие знания в этой области?

— Хоть сейчас. У меня это последний экзамен. И самый сложный.

— А может, вы устроите мне экзамен вечером?

Марита погрозила пальцем.

— Нет, серьезно. — Он остановился, взял ее за руку. — Шутки в сторону, это в самом деле серьезно. Встретимся вечером? Я очень прошу.

Было около девяти, когда Заур подошел к саду. Сел недалеко от бокового входа и задумался, наблюдая за трепетным

язычком пламени над грапитной чашей. Он едва успел выкурить сигарету, как невдалеке мелькнуло знакомое платье.

— Добрый вечер! — Заур по привычке взглянул на часы. Марита приехала точно, минута в минуту.

— Ого! Мы еще толком не знакомы, а вы уже посматриваете на часы. — И добавила с притворным возмущением: — По-моему, это неприлично.

— Простите! — Заур не почувствовал шутки. — Поверьте, просто привычка. Фу, черт, рабочая привычка.

— Потрясающе! — Марите нравилось поддразнивать Акперова. — Оказывается, вы пригласили меня на свидание, чтобы побеседовать о черте?

— М-да...

Марита не успокаивалась.

— Вы то ругаетесь, то молчите. Может, нам лучше сразу разойтись?

Она болтала вздор, легко и весело разыгрывая обиду. Но было в этой веселости что-то злое. Заур представлял ее другой.

— Слушайте, а вы, наверно, и больно делаете людям с такой вот милой улыбкой?

Марита остановилась, растерянно посмотрела на него. С ее лица медленно сходила краска, яснее проступили яркие пятна на скулах.

— Я же шутила. Поймите, шу-ти-ла!

Снова она стала другой. Не просто грусть, а тоска прозвучала вдруг в ее голосе. Такая тоска, что он смутился.

— Трудно с вами, Марита. Говоришь и не знаешь... кому говоришь. Очень вы разная. И как в этот момент воспримите.

— Естественно, мы ведь почти ничего не знаем друг о друге, — сказала она мягко.

— Вы уверены?

— А что?

— Живете на поселке Строителей. Самостройка 30. Отдельный дом. Три окна. Под окнами палисадник. Два тутовых дерева. Гамак...

— Ну, конечно, высмотрел, — Марита рассмеялась, но как-то нервно.

— Допустим. Идем дальше. Зовут вас Маритой Оскаровой. Фамилия Заступина.

— Верно. Вы и вправду волшебник?

— Отчасти. Продолжать?

— Не надо. Вы и так изрядно потрудились.

Марита взяла Заура за руку, доверчиво погладила его жесткую твердую ладонь.

— Не грустите, Заур. Грусть вам не идет.

— А вам к лицу. Вы становитесь ближе... Кажется старше. Можно подумать, что вам уже полных двадцать пять лет.

— Вам и возраст известен?! Ну-ну... А не подумали ли вы о том, что мне не очень ловко сидеть здесь с вами? Сейчас уже довольно поздно, а я не люблю сцен ревности.

Заур вздохнул.

— Я свободный человек, Марита.

— Утешительно, хотя, согласитесь, и банально. С девушками в темных аллеях почему-то встречаются исключительно свободные люди. Правда; потом...

— Опять? — он покачал головой. — Откуда у вас такое недоверие к людям? Люди, понятно, бывают всякие. Но не только же плохие, черт возьми!

— Ну, хорошо, — Марита послушно сложила на коленях руки. — Я слушаю.

— Мне тридцать пять. Был женат. И сын у меня был, славный мальчик... В сорок девятом они погибли в ашхабадском землетрясении. Теперь о работе. Я — начальник уголовного розыска района, в котором вы живете. Узнать о вас кое-какие подробности мне было просто. Понимаю, что это не очень красиво, но что делать. Вы мне понравились. И сегодня я встретил вас не случайно. Вот и все.

Пальцы, лежащие на его руке, дрогнули.

— Что вы молчите? Невеселая биография, правда?

— Неправда! — быстро ответила она. — Трудная биография — да. И все равно я рада, что у меня такой знакомый, рада, что есть человек, который мне поможет, если... — Она умолкла.

Заур погладил ее руку.

— Конечно, я сделаю для вас все, что смогу. ...Не могу подобрать слов... Все время думаю о вас. Я так ждал этого вечера. Как мальчишка.

— Не надо. Пойдемте, — сказала она мягко. — Боюсь, и так слишком много наговорили. Для одного вечера.

Легкий ветерок тронул листву, 'дохнул прохладой. Они шли по аллее. Заур бросил папиросу, посмотрел, как летит по кривой маленькая красная точка. Вдруг почувствовал, как тревожно, толчками забилося сердце.

Они ехали, потом шли, не замечая уличной толкотни.

— Вот и наш дом, — тихо сказала Марита.

Сквозь темные заросли мягко светилося окно. В тишине отчетливо звучал голос диктора — передавали последние известия.

— Знаю, — ответил Заур. — Знаю даже, что вас двое.

— Трое.

— Трое?

— Папа, я и Тузик. — Она усмехнулась. — Страшно симпатичная вислоухая такса.

— Отлегло. А я было подумал...

— Не пугайтесь. Его еще нет. И, вероятно, не будет. Ну, мне пора.

— До свидания, да?

— Нет. По крайней мере пока.

Заур крепче сжал ее руку.

— Почему? — спросил он быстро. — Почему?

Марита освободила руку, сказала шепотом:

— Сейчас я ничего не могу объяснить, Заур. Не могу обещать. Дайте мне ваш телефон.

Заур достал авторучку, оторвал кусок картона от пачки «Казбека».

— Я вам обязательно позвоню, Заур. — И повторила снова: — Обязательно. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи! — глухо отозвался он.

Звонко простучали каблучки по каменистой дорожке. Заливисто залаяла собака. Заур постоял и медленно побрел к остановке.

Глава 7

СНОВА «КАПЕЛЛА»

Серго придирчиво оглядел себя в зеркале. Рыжие римлянки, плотно облегающие ноги васильковые брюки, пестрая рубаха-распашонка.

— Модерн — что надо, — напевал он, прихорашиваясь.

Причесался, усердно пригладил щеткой тонкие стрелки усов, небольшую бородку. Вышел на улицу. Постоял у троллейбусной остановки, раздумывая, и решил идти пешком — до ГУМа-было недалеко, четверть часа ходьбы.

У арки ГУМа он влился в людской поток, толпа внесла его в пассаж с остекленным куполом и дальше, на второй этаж. Здесь работала Людмила — «его девушка», пышная, белоко-

жая блондинка. На той неделе они рассорились — как обычно из-за пустяка. Серго отнесся к этому философски. Ссор за их короткое знакомство было немало, он справлялся с ними без труда. «Это надо уметь, — объяснял он хвастливо. — Знание женской психологии и тонкостей политеса».

У девиц определенного толка он и в самом деле пользовался успехом. Психология у таких девиц была нехитрая, и он знал ее превосходно. Благо, времени у него хватало: мать, безгранично верившая в его способности, ни в чем ему не отказывала. Впрочем, ничего особенного он и не требовал. Унаследовав от отца, известного в городе художника, интерес к живописи, Серго целыми днями малевал морские пейзажи с чайками, или читал, или спорил о новейших направлениях в искусстве.

Знакомые предрекали сыну Елены Андреевны блестящее будущее. И вдруг мальчик срезался на приемных экзаменах в художественное училище. Сколько слез пролила мать в кабинете директора. Ничто не помогло. «Средний балл», — сказал директор, размахивая аттестатом зрелости, где было всего две пятерки: по рисованию и поведению. Остальные отметки были существенно ниже, поскольку, как говорил Серго: «бог тронцу любит».

Сам Серго воспринял неудачу вполне хладнокровно. «Не станем впадать в панику, — изрек он. — Рафаэль, Рембрандт и прочие Веласкесы отлично обошлись без художественного училища. Обойдемся и мы».

Днем он читал или делал наброски, вечерами фланировал по городу. Одну из комнат их обширной квартиры Серго превратил в «салон». Туда охотно заглядывали молоденькие пациентки мамы, модного, частнопрактикующего гинеколога. В мамином кругу считалось, что у доктора милый и остроумный мальчик. И вдруг — такой пассаж: тихий, талантливый и обаятельный сын доктора угодил за решетку. К счастью, скоро выяснилось, что сам он в этом почти не виноват, сбил его с толку «этот мерзавец» Галустян. Даже суд это признал: Галустяну за грабеж дали десять лет, Сереже — «за покушение на изнасилование» — вдвое меньше.

Но это так, для острастки. Через четыре года он попал под амнистию и, вернувшись в Баку, сразу получил прописку, устроился на работу. И вскоре познакомился с Людмилой. Это получилось само собой: случайно встретил у кинотеатра, в зале они оказались рядом...

Встречались они часто, но прежних «могучих» вечеринок Серго не устраивал. Мама постарела, сильно сдала, сам он зарабатывал мало. Да, честно сказать, и не очень-то его тянуло к старым друзьям. «Завязывать — так намертво», это он усвоил еще в колонии.

Людмила стояла, картинно опираясь на прилавок, и лениво разглядывала свои острые, похожие на розовые коготки ногти. Когда Серго коснулся ее руки, Люда красиво вскинула длинные подсиненные ресницы и демонстративно повернулась к нему спиной.

— О, прощай, дитя! Приношу массу извинений. Признаю, что виноват. — Серго усмехнулся, провел рукой по короткой бородке. — Ты уже не сердилась? Тогда улыбнись...

— Что за тон? Ты еще издеваешься?

— Ничего похожего. В доказательство я готов съесть твои душистые пальчики.

— Подавишься.

— Отнюдь. По случаю размолвки я голодаю, и у меня страшный аппетит.

— Не болтай глупостей.

— Хорошо, Мими, я слегка глух и совершенно нем. Позволь, однако, показать тебе фокус. В лучших традициях старика Кио.

Он картинно взмахнул рукой. В белых пальцах зелеными искрами сверкнула брошь.

— Эффектно? — спросил он весело.

Люда с удовольствием смотрела на безделушку, усыпанную блестящими звездочками. Стоит, конечно, ерунду (в этом она разбиралась), но миленькая. Да и не в цене дело, главное — внимание. Лицо ее прояснилось, полные губы дрогнули.

— Ну и мошенник! — вскрикнула она.

— Для тебя стараюсь. Прямо из Ирана. Чистая контрабанда, клянусь мадонной.

— Правда? — Она с сомнением взглянула на Серго.

— Какой может быть вопрос!

И не давая времени на раздумье, он схватил ее руку и быстро вложил в ладонь безделушку. Приладив брошь к блузке, Люда залюбовалась игрой самоцветов в зеркальной витрине.

— Хвала аллаху! — произнес Серго. — Жду вечером. Душа вянет с тоски.

— Ха-ха. У тебя, оказывается, есть душа?

— Не просто душа. Огнедышащий вулкан.

— Ладно уж... — Люда кокетливо прищурилась. — Так и быть, приду.

— Брависсимо! Гарантирую неслыханное блаженство.

— Хватит.

— Исчезаю и жду.

Он вышел сияя: ему мерещились хмельные глаза Люды, теплые податливые плечи. Он не заметил, как проскочил садик и свернул на улицу Фиолетова. И тут над самым его ухом знакомый голос пророкотал:

«С того и мучаюсь,

Что не пойму,

Куда несет нас рок событий...»

Серго резко обернулся, всплеснул руками.

— Аркаша!

— Нет, друг мой, это Есенин.

— Есенин, Есенин..., — бормотал Серго, обалдело поглядывая на старого приятеля. — «Черт тебя принес», — подумал он с неприязнью и страхом.

Недели полторы назад, сжимая в мокрой руке мятую посылку, Серго вошел в кабинет Огнева. Разговор был о работе, о делах, в общем «за жизнь», как сказал случайно заглянувший в комнату начальник угрозыска майор Акперов. Потом перешли на живопись, даже устроили конкурс на дружеский шарж — рисовали капитана Огнева.

— Честно, у меня получилось хуже, — с огорчением признался Акперов.

— Формально вы правы, — великодушно улыбнулся Серго. — Но если учесть, что условия неравны — я ведь этим занимаюсь почти профессионально, — то моя победа сомнительна. У вас явные способности.

— Благодарю, — майор поклонился.

Если бы ни обстановка делового кабинета, со стороны вполне можно было подумать, что встретились давние и добрые знакомые. Серго повторил свое твердое решение взяться за ум, сказал, что хочет за год подготовиться в институт.

— Что ж, идея стоящая, — одобрил Огнев.

— Если будут осложнения по нашей линии, приходите, поможем, — добавил Акперов.

Как-то незаметно разговор повернул на прошлое. Вспомнили «Артиста»...

— Ловкий был парень, — вырвалось у Серго.

Заур и Андрей переглянулись. Ясно — Шавлакадзе о нем ничего не знает.

— Открою тебе один секрет. — Огнев доверительно положил руку на плечо Серго. — Он бежал из заключения. И есть сведения, что он опять в городе.

— Я его во всяком случае не видел. — Серго почувствовал, как повлажнели ладони. — И видеть не хочу.

— Готов верить, — суховато кивнул Акперов. — А если увидишь... Надеюсь, тебе не надо объяснять, какую «услугу» может оказать тебе «Артист»...

— Что побледнел, маляр? — спросил Артист насмешливо, но глаза настороженно забегали по сторонам.

— Н-нет, просто голова болит, — Серго с трудом шевелил языком. И вдруг он разозлился на себя. — Кстати, знаешь, я завязал.

— Собираешься заложить? — спросил Аркадий тихо. От тихого его голоса Серго стало страшно.

— Что ты! — пролепетал он испуганно. — Мы же друзья.

— Ясно, друзья. Однако продашь — кокну. Как собаку! — Он рывком притянул к себе Серго, пристально посмотрел в глаза. — Был в милиции?

— Был.

— Обо мне спрашивали?

— Н-нет...

— Меня ищут. Было тут одно маленькое дельце, часики рыжие увел.

— К чему ты мне это говоришь?

— Чтоб зарубил на носу. Живешь там же?

— Да.

— Ладно, будь, — Аркадий хлопнул его по плечу и растаял в людском потоке.

Серго долго бродил по улицам, несколько раз подходил к знакомому подъезду, останавливался у литого чугунного столба. Но в ушах стучало: «Кокну! Как собаку!»

Домой он вернулся к вечеру. Рассеянно прошелся по комнате. Переоделся, придвинул начатый холст, критически оглядел работу: пляж, женщина с распущенными волосами, лежащая на песке под косыми лучами солнца. Так, среднее. Но поворот головы удался: сразу видно — Людмила.

Увлеченный работой, он не услышал легкого стука. Дверь скрипнула. Он недовольно поморщился.

— Можно?

Он обернулся. Это была та самая девчонка, из Сумганта.

«Ну и денек, — подумал Серго с тоской. — Накрутил, теперь расхлебы. Скоро припрется Люда. Ситуация идиотская».

— Добрый вечер, Рембрандт. Не забыли? — Лара все еще стояла на пороге. — Дверь была не заперта, — добавила она извиняясь. — И я подумала...

Серго посмотрел на ее старенькое застиранное платье и вздрогнул.

— Добро пожаловать. — Он протянул руку, невесело усмехнулся. — Как раз сегодня очень кстати. И потом, я никогда не спрашиваю, о чем думает тот, кто входит. В этом доме всегда рады гостю.

— Девушка несмело шагнула в комнату, остановилась у мольберта.

— Фу, — сказала она.

— Что «фу»?

— Голая... Противно.

— Ха... Дело житейское. Разве женщины не загорают на пляже?

— Женщины ного что делают, не только хорошее. Противно! — упрямо повторила Лара.

— Это официальная точка зрения?

Лара не совсем поняла, что это значит, но на всякий случай повторила:

— Да.

— Деточка, — протянул Серго покровительственно. — Усвойте, что натура в ее первозданности...

— Да, папочка? Тоже мне, сыскался родственничек...

Серго изумленно уставился на нее.

— Чтобы научиться говорить, человек тратит годы. Чтобы научиться держать язык за зубами, надо прожить лет пятьдесят. Так писал известный немецкий писатель Леон Фейхтвангер. Слыхивала?

— Слышала, слышала. А почему вы все время повторяете чужие слова, из книг?

— Должен признаться, Лара, что вы представляете серьезную потенциальную опасность...

Лара промолчала, устало опустила на стул.

Серго взглянул на нее, бросил кисть в этюдник, обнял за худенькие плечи. Сразу ощутил, как она вздрогнула, натянулась, как струна. Торопливо отвел руки, сказал небрежно:

— Не бойся, девочка. У нас практикуется только модная любовь. По Ремарку. Читала?

— Значит и на любовь есть мода? — спросила она просто.

— Ах, Лара, не терзай мою бедную душу... Устраивайся,

садись в кресло, ложись. Я сейчас сделаю музыку. — Он включил магнитофон. — Ну и как, хоть музыка нравится?

— Так себе. Вот у нас в селе есть гармонисты... — Она с тоской смотрела в окно.

— Нет, ты просто чудо! Самородок. Целина... Жаль не слышит покойный Белинский. — Ты пришла со мной спорить?

— Нет. Только мне непонятно.

— А ты не думай, живи проще. Больше эмоций, я хочу сказать, чувств.

— Пустое вы говорите.

В дверь требовательно постучали. Серго открыл и замер. На пороге стояли старые друзья — Ариф и Геннадий. После возвращения он их еще не видел. Оба были нагружены свертками, бутылками: Из-за их спин выглядывали два смеющихся девичьих лица.

— Заходите, — Серго посторонился, пропуская их в комнату.

— Аркадий сказал, что ты вернулся, — пробасил Геннадий. — Предложил собраться у тебя.

— Я рад, очень рад..., — бормотал Серго. — Располагайтесь.

— Наконец-то «капелла» снова в сборе и в том же знаменитом салоне Шавлакадзе! — Ариф весело оскалился. — Кутнем нынче на всю катушку!

Капелла... До той истории они часто собирались здесь. Ариф и Аркадий прошли колонию, потом загремел Серго. Только Геннадий каким-то чудом умудрился остаться в стороне. Теперь Серго многое дал бы, чтобы приятели по капелле забыли дорогу к его дому. Но прямо этого не скажешь: начнутся обиды, выяснение отношений. Приятного мало. Придется ждать счастливого случая, который поможет легко, без осложнений, выйти из игры.

Все эти мысли крутились у него в голове, но приятелей он встретил с подчеркнутым гостеприимством. Немного позже пришла Людмила в черном с глубоким вырезом платье. Серго, улучив момент, объяснил, в чем дело: совсем, понимаешь, неожиданно заглянули друзья.

Девушки накрывали на стол, оживленно болтая о модах. Лара слушала молча, ей все было странно. Очень хотелось спросить, кто они, где работают и откуда у них такие платья — красивые, модные и, наверно, дорогие...

Вскоре появился и Аркадий. Остановился в дверях, зорко оглядел компанию, вскинул руку:

— Привет!

— Мой друг, прошу любить и жаловать! — Серго представил его девушкам.

Уже слегка захмелевшие девушки радостно кивали. Коньяк, смелые комплименты Серго, бешеная музыка — все это действовало неотразимо. Что ж, парни как парни, пожалуй, интереснее и веселее других.

Веселье нарастало. Анекдоты становились все более сомнительными. Особенно усердствовал Серго, после нескольких стаканов он почти совсем забыл свои страхи. Тосты давно кончились, пили как придется: каждый наполнял свою рюмку и опрокидывал, когда вздумается. Люся показывала класс «рока» с Геннадием. Полулежа на софе, Лара с интересом наблюдала за ними. От коньяка кружилась голова. За день она устала, напervничалась, ничего не ела. И сейчас она лишь вяло отталкивала руки Аркадия. Хотелось встать, выйти на улицу. Но не было сил встать. Тяжелая рука Аркадия прилипла к плечу, медленно скользнула вниз. Он наклонился и крепко прижал рот к ее губам. Губы у него были липкие, противные. Она вырвалась и влепила ему звонкую пощечину.

— Нахал! — Она стояла в углу и плакала, закрыв лицо руками.

Галустян вскочил, выругался. Серго бросился к нему. Музыка и смех оборвались.

— Ах ты, гадина! — кричал Аркадий, пытаясь дотянуться до испуганной, сжавшейся в комок девушки. Наконец она выскочила в коридор.

Серго мигнул Люде, та пошла за ней. Ребята окружили Аркадия, тихо уговаривая его не устраивать «шумок». Он и сам понимал, что перестарался, и куражился больше для вида.

— Брось! Неужто не видишь, кто она, — уговаривал Сер-

— Деревня, дура. Да, и ты хорош.

Аркадий сдался. Потирая красную щеку, он сел к столу, пригладил взлохмаченные волосы.

— Ладно, твоя правда. Зови, не трону. — Он залпом выпил коньяк, лихо тряхнул головой. — Музыку!

— Браво! — заорал Серго. — Браво. Истинно королевск великодушие. Лю-да! Зови Ларочку.

Оглушительно завыл магнитофон. Людмила ввела в комнату всхлипывающую Лару. Аркадий, как ни в чем не бывало, шаркнул ногой, поцеловал ей руку. Девушки захихикали.

— Забудем. Я не злопамятный.

Лара шмыгнула покрасневшим носом.

— Ладно. Чего там...

— Ариф. Рок! Черт возьми! Форте! — закричал Серго и, ухватив Люду, бесновато запрыгал под музыку.

Через несколько минут Лара смеялась вместе с Аркадием, не замечая его тяжелого, трезвого взгляда.

Глава 8

ПРИСТУП ВЕЛИКОДУШИЯ

Дом Заступина стоял на отшибе, у самого края поселка. Он был виден издали — высокие деревья, ограда из аккуратного серого штaketника. Прямо от калитки начиналась узкая асфальтовая дорожка, уходившая в сторону Дворца строителей. Ветви раскидистого тутовника тянулись за ограду. У калитки, накрепко запертой на засов, словно часовые, высились серебристые тополя.

За этим зеленым великолепием трудно было разглядеть небольшой, прижавшийся к земле домик с верандой. Густой плющ защищал ее от жгучих лучей солнца.

Слева, под навесом, стоял «Москвич». Рядом — душевая. Марита очень любила цветы — в палисаднике пылали бархатистые георгины, отцветали белые розы, нежно алела гвоздика.

Медленно ползли дни летних каникул — вялые, похожие друг на друга дни. Марита валялась на траве, читала, стараясь ни о чем не думать. Но тревога не проходила.

Утром, проводив отца на службу, она выводила «Москвич» из гаража и ехала на рынок. Потом недолго возилась у газовой плиты. Закончив домашние дела, засыпала в гамаке. Вечером они проводили у телевизора.

Иногда Оскар Семенович вдруг начинал убеждать ее, что так нельзя, надо как-нибудь сходить с однокурсниками в кино или в театр. Но Марита отмахивалась — общества подруг она избегала.

Неизвестно, как бы она выдержала эти тягучие серые дни, если бы ни Заур. С той далекой встречи ее не оставляло желание смеяться. Она ждала. Чего? Она не знала.

Но само это ожидание было так радостно и так тревожно. Что время шло незаметно. Марита все не решалась набрать запомнившийся номер. Мысленно она уже не раз говорила с ним, шагала рядом по затихающим улицам города... С на-

деждой и обидой думала она о том, как поздно встретился ей этот сильный, прямой, так не похожий на ее прежних знакомых человек.

От отца не укрылись перемены — все чаще она ловила на себе его зоркий, внимательный взгляд. Словно невзначай, он ронял иногда:

— Чему, интересно, ты радуешься? — И, не ожидая ответа, переводил разговор.

Так было и в это утро. Открывая калитку, Оскар Семенович оглянулся и встретился глазами с Маритой. Он остановился, спросил хмуро:

— Случилось что?

— Ничего. Дремлю.

Заступин пожал плечами, ссутулился, толкнул калитку. Сучковатая полированная палка мерно постукивала, подчеркивая размеренный ритм шагов. Марита осталась одна. Ей было хорошо. Пусть не рядом, но где-то здесь, недалеко от нее, живет, работает один человек...

Путь на рынок занял совсем мало времени. И кухонная возня совсем не утомила. Приготовив обед, она вышла во двор, полила цветы, сорвала большую белую розу и, приколов к волосам, помчалась в дом, к зеркалу. Здесь она закружилась, что-то напевая. Засмеялась. Вспомнила, как уверяла Заура, что не любит танцевать. Не любила! А сейчас хочется, неудержимо хочется кружиться в вальсе, петь громко и весело.

Разыскала под кустом дремлющего Тузика, подбросила вверх.

— Идем в сад, дружок, поваляемся и поговорим за нашу с тобой жизнь.

Удобно расположившись в гамаке, Марита следила, как в просветах между ветвями плывут и плывут белоснежные облака. И еще она увидела Заура — таким, как тогда на скамейке. Незаметно она уснула.

Разбудил Мариту легкий стук калитки. Она вскочила в испуге: неужели так поздно? Отец, как обычно, остановился посреди двора и осматривался, вытянув шею. Будто принялся. Почему-то эта привычная картина сегодня вызвала у нее раздражение.

— Ты там, дочка? Одна?

— Конечно. Кому же здесь быть?

— Очень хорошо. Не люблю гостей. Тишина и спокойствие... В конечном счете человек человеку — волк. Самые красивые

слова ничего тут не изменят. — По его лицу скользнула улыбка, больше похожая на гримасу. — Чем побалуешь сегодня?

— Отбивные из баранины, — ответила Марита тихо.

— Превосходно. Старательная дочь — утешение отца. Молодчина!

Марита побежала на кухню. К тому моменту, как Оскар Семенович переоденется и примет холодный душ, стол должен быть готов. Таков железный порядок, установленный им. Не очень приятно видеть гневные глаза отца, слушать бесконечные упреки.

Обедали на веранде. Аккуратно вытерев рот салфеткой, Оскар Семенович благодушно крикнул и, прищурившись, взглянул на небо.

— Страшная жара, дочка.

— Естественно. Конец июля. Лето в самом разгаре.

— Что? Ах, да-да, лето... Не мешало бы съездить к морю. Какие есть соображения?

— На пляж? — весело спросила она. — С удовольствием поеду.

— Отлично. Тогда собирайся, махнем в Загульбу.

Было уже около шести, когда «Москвич», за рулем которого сидела Марита, влетел на загульбинский пляж.

Они выбрали место между двумя огромными скалистыми глыбами. Здесь была хоть какая-то тень, и песок не так жег ноги. Не выпуская из рук палки, Оскар Семенович помог Марите расстелить тонкое одеяльце.

— Уютно, как в нашем доме, — довольно пророкотал он.

Марита стянула с себя сарафан, осталась в купальнике.

— Уже готова? Ну, ступай. Только осторожнее. А я отдохну в тени.

Марита с наслаждением нырнула. Несколько сильных взмахов унесли ее далеко от берега. Она легла на спину и отдалась мерному движению волн.

Она бы охотно поплавала дольше, но не хотела волновать отца. Он заметил ее издали и крикнул:

— Можешь еще раз окунуться. Я пока занят.

Человек сидел спиной к ней. Она заметила только, что волосы у него черные. Собственно, что ей до него? Она стремительно повернулась и помчалась назад к воде.

Уже смеркалось, когда «Москвич» двинулся в обратную дорогу. Пляж заметно пустел. Развалившись на заднем сиденье, Оскар Семенович молча попыхивал трубкой.

Проехали под кишлинским мостом.

— Довольна, дочка? — спросил он внезапно.

— Очень.

— Чудесно. Теперь мы будем ездить на пляж, когда захочешь.

— Спасибо.

— Хочу, чтоб тебе было хорошо. Может быть, я временами чрезмерно строг. Ты не обижайся. Такой у меня нелегкий характер. Жизнь не баловала. Ох, нет. А уроков я не забываю...

Марита напряженно слушала. К чему он клонит, что за необычный для него приступ великодушия? Но нет, отец умолк, старательно раскуривая трубку. Она успокоилась и нажала на акселератор. «Москвич» вынёсся на шоссе.

Глава 9

КТО НАПАЛ НА КАССИРА?

К Зауру часто обращались за советом. Приходили товарищи по работе, родные, просто знакомые. Считалось, что он разбирается в людях, что у него прямо-таки нюх. Впервые услышав об этом, он долго смеялся. «Ну, что ж, нюх это как раз по моей части. Должность такая». Наверно, он и в самом деле что-то понимал в людях. Жизнь сталкивала его с самыми разными характерами, учила подмечать мелочи, спокойно и трезво анализировать факты.

Но все это — когда дело касалось других. Между тем собственные его дела были далеко не блестящи. Мать только вздыхала, когда видела, что он часами лежит без сна и утром встает с черными кругами у глаз.

Чем дальше уходил в прошлое тот тихий вечер, тем отчетливее всплывали в памяти подробности: неясный шорох листьев, улыбка Мариты, каждое ее слово, каждый жест. Теперь он был уверен, что в этой встрече был какой-то еще скрытый смысл. Он вспоминал, как Марита неожиданно обрывала разговор, и такой печалью веяло от ее молчания... И эти странные вспышки злого веселья. Почему так остро журились ее глаза, жестко сжимались губы? Что было в ее жизни? Он рассказал о себе все, ничего не утаивая. Она промолчала. Хотя нет, в ушах зазвенел ее прерывающийся от волнения голос: «И все равно я рада, что у меня такой знакомый, рада, что есть человек, который мне поможет, если...» Она не договорила. Что ж, у всякого человека могут быть сложные обстоятельства. Он готов ждать...

Но шли недели, а Марита не звонила. Должно быть, он не очень ей приятен. Случайная встреча, случайный разговор — и только. Постепенно он привык, перестал вздрагивать от телефонного звонка, от сладкого страха, что вот сейчас он услышит ее голос.

Уже август. Обычный субботний вечер. Жарко и душно, легкий южный ветер несет с моря влагу. Людской поток течет по шумному проспекту к морю, в Приморском парке немного прохладнее. Каменные коробки домов пышут жаром. Но работники уголовного розыска не могут себе позволить расслабиться. Тем более в субботу. Нервы напряжены. Оперативники дежурят в кабинетах и на участках. Мерно шагают по улицам патрули. Скользят по асфальту милицейские газики. У каждого своя зона, свои заботы. Майор Акперов отвечает за всю территорию района. В кабинет постоянно входят люди, докладывают; и уходят, выслушав распоряжения.

Зажав телефонную трубку плечом, Заур протянул руку Огневу, кивнул на стул.

— Конечно, Хосров Амирович, постараемся выяснить все. Кое-что уже ясно. Агавелов за ночь постарался. Женщина — Багирова Фатъма Аждар кызы. Да, в нашем районе. Работала в небольшом магазине. Ревизия обнаружила недостачу. Видимо, испугалась ответственности. Да, оставила дома записку... Материал? Направлю в понедельник утром. Есть. Прослежу...

Акперов отодвинул телефон на самый край стола, встал и, словно забыв о капитане, зашагал из угла в угол.

— Поразительно, — сказал он негромко. — Как легко иногда человек отступает перед обстоятельствами. Нам надо больше работать, Андрей, — Акперов сжал руками виски. — Больше. Привлекать людей. Тысяча глаз видит зорче, чем пара... Ну, ладно, — он махнул рукой. — Учтем. — И уже совсем другим тоном спросил: — Что у тебя?

— Помнишь, Заур, по делу Сумбатовой мы колдовали над картотекой, а потом вызывали Шавлакадзе? Так вот...

— Стой, стой, — перебил его Заур. — Эту новость я уже знаю.

— Не может быть, — вырвалось у Андрея.

— В соседнем районе три дня назад двое неизвестных напали на кассира машиностроительного завода, нанесли ему тяжелый удар по голове и похитили три тысячи рублей. Проезжавший на мотоцикле офицер милиции услышал крик и поспешил туда. Опоздал немного. Все-таки он успел открыть

огонь и как-будто ранил одного из них. Это уже зацепка. По почерку, по степени наглости — ограбление похоже на паше. Видимо, придется подключиться и нам. Почти уверен, что Сумбатова ограблена той же командой.

— Уверенность — это, понятно, кое-что. Но...

Затрещал звонок. Акперов взглянул на часы.

— 20.45. Неужели опять происшествие?

Он снял трубку. Нет, улыбается. Огнев облегченно вздохнул: пронесло. Смотри, как блестят глаза. Ясно, погасшая папираса упала в пепельницу. Не отрываясь от трубки, достал новую, щелкнул зажигалкой. Сизые кольца дыма победно поползли вверх, расплываясь у потолка.

— Конечно, узнал, хотя и удивился. Признаться, я уже потерял надежду услышать ваш голос.

Огнев поднялся и вышел на балкон.

— Знаете, Заур, я вам звонила вчера, но вы не отвечали.

— Только вчера... Я бы вам звонил каждый день.

— Не всегда это зависит только от желания, Заур.

— Хочется верить. Ладно, будем считать причину вашего молчания уважительной.

— Договорились. Если свободны, мы могли бы завтра увидеться.

— Разумеется, свободен. Но когда? Вечером я договорился с друзьями пойти на футбол. А после я свободен.

— Вы не возьмете меня с собой?

— На футбол? С удовольствием.

— Очень хорошо.

Он объяснил, где и когда надо встретиться. Попрощался.

В трубке завывли короткие гудки отбоя.

Заур вышел на балкон. Настроение заметно улучшилось. Стало как-будто даже немного прохладнее. Огнев лукаво улыбнулся, поглядывая на начальника.

— Все-таки великая вещь интуиция! — воскликнул Акперов, когда они вернулись в комнату. — Чувствовал, что она должна, непременно сегодня должна позвонить. Умом не верил, а чувствовал... Ладно, Андрей, рассказывай, что там у тебя? Готов слушать сколько угодно.

— Установлено, что преступления похожи, Но пока не установлено, кто их совершал. Верно?

Акперов кивнул.

— Так вот, товарищ майор, из достоверных источников стало известно, что в городе появился Аркадий Галустян. Не-

сколько дней назад его видели с какими-то девушками на станции Загульба:

— Аркадий Галустян? Артист? Друг художника Шавлакадзе?

Андрей кивнул.

— Мог пойти на ограбление?

— Конечно.

— Допускаешь, что снова спелся с Рембрандтом?

— Не думаю. Хотя... — Огнев развел руками, потом добавил твердо: — Нет, не думаю.

— Надо выяснить, когда он появился.

— К сожалению, пока не удастся. Взяли под наблюдение квартиру, но он там не был. Где-то бросил якорь и скрывается.

— Плохо. Надо пайти. С кем его видели?

— Рассказывают, что с ним были двое ребят: русский и азербайджанец, а также девушки. Одна из девушек, светло-волосая, с ним спорила. Он грубо ее оттолкнул, та — в слезы.

— Надо завести дело. Поднять архивы. Запросить Москву.

— Москву запросили. Дело завел.

— Молодец. Снова надо вызвать Рембрандта. Предупредить, чтобы держал нас в курсе. Поговорить надо серьезно и убедительно.

— Ясно. Я думаю то же.

— Хорошо. А где Агавелов? Что-то его не видно.

— Всю ночь дежурил. Совсем недавно ушел.

— Что, опять кто-нибудь звонил?

— Теперь звонит только Аида.

— Что ж, скоро погуляем на свадьбе.

— Да, холостяки постепенно устраиваются... Кстати, и ты, Заур Алекперович, времени не теряешь.

— Не будем забегать вперед, дорогой, — Акперов почувствовал, что краснеет. — Жизнь покажет.

Глава 10

НЕЗАПЕРТАЯ ДВЕРЬ

Рахиль Моисеевна Эпштейн вела тихую, размеренную жизнь. Прожив сорок два года в одиночестве, она твердо уверилась, что найти хорошего мужа столько же шансов, как вернуть молодость. Муж представлялся ей существом почти не-

реальным, во всяком случае для нее. Не та у нее, Рахиль Моисеевны, судьба.

Работала она бухгалтером на фабрике верхнего трикотажа. Целый день, педантично копаясь в счетах и ведомостях, она с нетерпением ожидала вечера, когда можно будет мирно посидеть в уютном сквере. Это была едва ли не единственная радость в ее бедной событиями жизни.

Сквер этот, против ее дома, она знала много лет. Знала все скамьи и аллеи, людей, которые здесь бывали. С некоторых пор на «ее» скамейке появилась новая пара: женщина средних лет и девушка. Постоянно встречаясь с ними, Рахиль Моисеевна вскоре начала здороваться, а немного позднее узнала, что старшую зовут Араксей Хачатуровной, а девушку — ее дочь Люся.

Как-то, разговорившись, Рахиль Моисеевна пожаловалась на высоту: в ее возрасте уже трудновато карабкаться на пятый этаж. Оказалось, что новые знакомые тоже мечтают об обмене. У них двадцать квадратных метров, этаж второй, правда, в уплотнении. Рахиль Моисеевну это не смутило. И вскоре она стала соседкой Джумшуда Самсоновича Айрияна, бывшего мужа Аракси Хачатуровны, отца Люси.

У соседа постоянно бывали женщины. Не по годам павная, Рахиль Моисеевна долго не придавала этому значения — она никогда не вмешивалась в то, что ее не касалось. Да и сосед первое время, видимо, остерегался. Однако прошло полгода, и все стало ясно. Облысевший старик оказался форменным Дон-Жуаном. Каждую неделю он приводил к себе новую женщину. Женщины были самые разные: и достаточно старые, и совсем молоденькие. До рассвета за стеной журчал хриловатый говорок старика, слышался приглушенный смех, звон бокалов.

Рахиль Моисеевна всю жизнь избегала скандалов. Она и сейчас не стала ссориться с соседом. Тем более, что Джумшуд Самсонович не буянил, не шумел. Она просто проходила мимо него боком, стараясь не видеть заискивающей улыбки старика, не слышать его длинных и путаных объяснений.

Только однажды, заметив, как в комнату старика проныгнула совсем юная девица, Рахиль Моисеевна не выдержала и вызвала его в коридор.

— Что вы такое творите? — зашептала она: — Это же мерзость, грязь, преступление. У вас нет ни стыда, ни совести.

Сосед невозмутимо пригладил ладонью редкие, прилипшие к потной лысине волосы. Сказал спокойно:

— Дорогая Рахиль, не волнуйтесь. Люди мы пожилые, жить нам осталось немного. Зачем же упускать последние возможности? Деньги я зарабатываю честно, копить не для кого. И потом, извините, но это мое личное дело. Не советую вам вмешиваться. Будет вам известно, что я никого не насиую. Так вот, дорогая Рахиль.

Он кивнул и ушел к себе.

— Старый козел! — прошептала она вслед. — Слыханное ли дело... Видит бог, это плохо кончится.

И все. Дальше ее возмущение не пошло. Потом, ворочаясь на кровати без сна, она даже пожалела, что начала этот бессмысленный разговор.

Чтобы избежать волнений, Рахиль Моисеевна в субботний и воскресный вечер стала уходить из дома. Летом это было легко — можно гулять на бульваре, пойти в кино. А с середины июля она уезжала по субботам в Мардакяны, где снимал дачу ее единственный брат. Домой возвращалась только в воскресенье, с последней электричкой.

Видимо, Джумшуд Самсонович оценил ее деликатность, и между ними возникло вроде молчаливого соглашения. Когда она бывала дома, женщины в квартире не появлялись. Рахиль Моисеевна успокоилась, остальное ее и в самом деле не касалось. Так прошло два года.

Как-то, в обычный августовский вечер Рахиль Моисеевна после работы лишь на минуту забежала к себе (была суббота), взяла авоську и поехала к брату.

Чувствовала она себя не очень хорошо и охотно осталась бы дома, но... Но это значило нарушить соглашение, что было бы с ее стороны неделикатно. Зато в воскресенье (голова не проходила) она позволила себе вернуться пораньше. Электричка, трамвай... У дома она взглянула на часы: без трех восемь. Рано, пожалуй... И тут она разозлилась на себя: в конце концов имеет она право хоть когда-то вернуться к себе пораньше?

Тяжело ступая, Рахиль Моисеевна поднялась на второй этаж. Достала из кошелька ключ, поднесла к замочной скважине. И остановилась — рука повисла в воздухе.

«Невероятно! Джумшуд Самсонович оставил дверь открытой? На него не похоже. А вдруг в квартире воры?»

С бьющимся сердцем она вошла в переднюю. Темно, тихо. Однако из комнаты соседа сквозь щель под дверью пробивается свет, чуть слышно звучит радио.

Уже не сомневаясь, что сосед у себя, Рахиль Моисеевна сказала громко:

— Добрый вечер! Вам что, жарко? Почему вы оставили открытой дверь?

Молчание. Но Рахиль Моисеевна и не ждала ответа. Дверь она заперла, сосед уже знает, что она вернулась. Остальное ее не касается, ей достаточно своих забот.

Она вошла в комнату, открыла окно. Потом неторопливо прошла в ванну, умылась и легла — завтра понедельник, вставать рано.

Она закрыла глаза. Но именно в этот момент приемник пустили на полную мощность. Ни о каком сне уже не было речи, голова разламывалась.

— Нет, это невозможно! — Она встала, натянула халат, сунула ноги в туфли. Стараясь ступать тверже (каблуки дробно стучали по паркету), подошла к двери, постучала. Раз, другой. Несмело тронула дверь.

Гулко и страшно прокатился по квартире женский крик.

Глава 11

ДОСМОТРЕТЬ МАТЧ НЕ УДАЛОСЬ

У здания городского цирка черная «Волга» резко затормозила. И сразу же от колонны отделилась легкая фигура. Заур выскочил из машины, пошел ей навстречу.

— Добрый день, Марита. Рад вас видеть.

— Здравствуйте. А почему вы на «Волге»?

— По такому случаю одолжил у приятеля.

Марита улыбнулась, взглянула на него с интересом — будто видела впервые.

— Хотели доставить мне удовольствие? Поверьте, если бы вы просто пришли, я была бы так же рада.

Он открыл дверцу, помог ей сесть.

— У нас есть полчаса, — сказал Акперов, когда машина тронулась. — Если не возражаете, заедем за Эдуардом Агавеловым — это мой коллега. Он тоже с девушкой.

— Конечно.

— Ну и хорошо.

«Волга» промчалась по центральным улицам и повернула к бульвару. Эдуард и Анда ждали на углу. Обычный ритуал

знакомства, после которого всегда следует легкая заминка. Садясь за руль, Заур краем глаза заметил, как переглянулись Эдуард с Аидой. Ясно, его выбор одобрен.

Надо было торопиться. Заур сорвал машину с места, выжал газ. Марита с опаской посмотрела на спидометр.

Акперов усмехнулся и еще подбавил — шофер он был перwokлассный. Через несколько минут машина вырвалась на огромную площадь у северных ворот стадиона. Заур плавно убрал скорость и спокойно отрулил к стоянке.

— Прибыли, — весело объявил он.

— Я думал, ты скажешь: слава богу — уцелели, — покачал головой Эдуард. — У меня потемнело в глазах. Тебя полагалось бы привлечь за лихачество.

— Дело не в скорости, дело в умении...

— Не тратьте время на пустые споры, — вмешалась Аида.

— Молчу! — откликнулся Эдуард. — Потопали.

Они двинулись к воротам. Толпа здесь была такой густой, что можно было потеряться. Пользуясь этим, Заур взял Мариту под руку. Его примеру сразу же последовал Эдуард.

— Вы очень любите футбол, Марита? — спросил Заур.

— Так себе... Море люблю больше.

— Слышите? — Акперов улыбнулся. — Марита любит море. Может, в следующее воскресенье отправимся на пляж? Как вы, Аида?

— Я — за.

Они вошли на стадион через служебный вход. Марита видела, с каким уважением здоровались с Зауром работники милиции.

— А вас знают, — заметила она негромко.

— Естественно. За пятнадцать лет можно познакомиться.

— Наверно, хорошо, когда у тебя много друзей. Как-то веселее и надежнее, правда?

— Конечно.

Места у них были в центральном секторе. Людей здесь было особенно много, так что на свои места они пробились с трудом. Сидеть пришлось в тесноте, их просто прижали друг к другу. Не только трибуны, все проходы были запружены. Встречу ждали с нетерпением. «Нефтяник», проигравший в первом круге, жаждал взять реванш у себя на поле. Но «Пахтакор», судя по всему, не собирался уступать.

Едва прозвучал свисток, ташкентцы ринулись в атаку. Длинная передача на правый фланг, стремительный проход,

навес, и полузащитник головой нанес удар. Вратарь парировал.

Довольно долго мяч метался в центре поля. И вдруг... Заур вскрикнул. И не услышал собственного голоса. Трибуны гремели.

Защитник ташкентцев отобрал мяч и медленно двинулся вперед. Его не преследовали — до ворот было далеко. И тут последовал точный пас на выход центральному нападающему. Тот ударил сходу — мяч буквально вонзился в верхний угол.

Марита незаметно поглядывала на Заура. Он переживал всерьез, должно быть, поэтому его волнение передалось ей. Она пробормотала тихо:

— Трудно будет сравнять счет.

— Сравняют! — буркнул Заур.

Потом ласково покивал ей, осторожно погладил пальцы. И снова ушел в игру.

В перерыве Эдуард и Аида со знанием дела принялись обсуждать ход игры. Марита и Заур слушали молча. Агавелов горячился, уверяя, что «Нефтяник» во втором тайме забьет не меньше трех мячей. Аида не соглашалась: у ташкентцев хорошие защитники.

Начался второй тайм. Заметно потемнело. Угроза поражения подхлестнула хозяев. Теперь игра шла почти исключительно на половине гостей. Нападающие «Нефтяник» легко просачивались в штрафную. Вот в узкий коридор между двумя защитниками рванулся Смольников...

И в ту же секунду, перекрывая рев болельщиков, зазвучал четкий голос диктора:

— Майор милиции Акперов и капитан Агавелов — вас срочно просят подойти к восточной трибуне... Повторяю, майор...

Но они уже стояли: серьезные, жесткие.

— Вы уж досмотрите без нас, — предложил Заур.

— Что вы! — запротестовала Марита. — Мы пойдем...

Заур кивнул — он уже был там. Извиняясь на ходу, они выбрались вверх, добежали до башни. Подполковника Асланова они заметили издали. Он явно нервничал.

— В районе убийство. Проспект Востока 180, блок 3, квартира 20. Огнев там. Из НТО выехали. Собака вызвана. Я пока не могу уйти. Занят. В общем, начинайте сами, опыта у вас достаточно. Возьмите мою машину.

— Не нужно. Машина есть.

— Тогда действуйте.

Асланов пристально взглянул на Акперова и кивнул. У выхода их ждали девушки.

— Что-нибудь серьезное? — спросила Аида.

— Мелочи. Небольшая кража. Пианино и два барана, — тшучивался Агавелов.

Хмурое лицо Мариты просветлело. Но только на мгновение. Она поняла. Каблуки ее тревожно и часто выстукивали по асфальту: боясь их задержать, она почти бежала. Заур чуть замедлил шаги, взял ее под руку. Уже в машине сказал, виновато улыбнувшись:

— Извините, Марита. Так вот неладно получилось. Мы вас довезем до центра, ладно? А вы мне позвоните дня через два.

— Позвоню, Заур. Обязательно. Почему-то я волнуюсь.

«Волга» притормозила у светофора и, чуть выждав, понеслась напрямик. Теперь Агавелов молчал: совсем другой случай, оперативная необходимость. Заур старался сдерживаться — он вел машину, — но ему это плохо удавалось. Убийство...

На улице Чапаева Заур остановился. Девушки выскочили из машины, помахали. «Волга» резко взяла скорость. Проводив ее глазами, Аида сказала беззаботно:

— В этом, по-моему, что-то есть: Романтика милицейской службы. Неожиданность и борьба... Интересно! Правда, Марита?

— Как вам сказать. Я ведь всего этого не знаю.

— Понятно. Но раз уж ваш друг оперативный работник, надо вникать. Конечно, есть и свои минусы. Не всегда даже в кино выберешься вместе. У них ведь рабочий день ненормированный. Бр-р, не люблю одиночества.

— А я ничего, я привыкла. Есть на свете вещи и похуже.

Странная она была какая-то, Аида. Вроде бы деловая, практичная, но во многих вещах такая наивная, что Марита только пожимала плечами. Сначала это ее раздражало, но потом разговор зашел о последних моделях сезона — в этом Аида разбиралась.

— Нравится вам Заур? — спросила Аида.

Марита неопределенно хмыкнула.

— А Эдик мне сказал, что вы Зауру нравитесь, — щебетала Аида. — Я даже допускаю, что он вас любит...

— М-да... Он и в самом деле, кажется, славный человек. Только для меня все это так не просто.

— Глупости! Не надо усложнять. Так можно до старости просидеть в девках. А Эдик вам нравится?

— Хороший парень. Веселый, интересный. Мне кажется вы подходите друг другу, — сказала Марита осторожно.

— Я рада, что компания у нас сложилась, — воскликнула Аида весело.

Идти домой не хотелось. Около одиннадцати Марита оставила такси, завезла Аиду и поехала к себе.

Глава 12

ОСМОТР

«Волга», не сбавляя скорости, неслась по городу. Заур был предельно внимателен, но напуганные пешеходы жались к домам. Агавелов сидел мрачный. Убийство произошло в его зоне, которую в районе называли образцовой. «Вот и сглазили», — мрачно думал он. — За год ни одной серьезной кражи, всего два-три мелких происшествия. И на тебе, убийство».

Акперов будто угадал его мысли.

— Не досмотрел, — сказал он укоризненно.

— Разве все предусмотрить?

— Должен.

Агавелов промолчал. Что ответить, когда начальник прав?

Виртуозно попетляв по узким улицам, машина вырвалась на проспект.

— Что молчишь? — Акперов невесело усмехнулся. — Вот и посмотрели футбол... Я не суеверен, а все-таки... Решили одно воскресенье отдохнуть по-человечески — и пожалуйста. Как удар в спину.

— Есть еще на земле подонки. — Агавелов зло стукнул кулаком по колену.

— Есть — верно. Но нельзя давать им свободу действий. Нельзя! — голос Заура сорвался, папироса выпала и скатилась вниз. — А мы им щели оставляем. Значит...

— Значит, плохо пока работаем? Это ты хочешь сказать?

Машина круто повернула. Впереди была хорошо освещенная арка большого дома. Слева от ворот — красно-синий милицкий автобус.

— Наши уже здесь.

Они притерли «Волгу» рядом, выскочили из машины. Перед подъездом толпились любопытные. Постовой милиционер, издали заметив начальство, принялся проявлять рвение.

— Граждане! Граждане! Проходите... Куда вы, гражданка? Товарищи, не мешайте!

Из парадного вышел Огнев. Он сегодня дежурил и прибыл сюда первым. Кажется, он хотел что-то объяснить. Акперов остановил его.

— Не нужно, Андрей. Веди на место.

В квартире уже было много людей: эксперты, следователь прокуратуры, проводник с овчаркой. Работников угрозыска встретили весело. Кто-то шутя заметил, что оперативники всегда прибывают к месту происшествия последними. Шутка была беззлобная, но с подтекстом. Не возразишь!

— За чем остановка, товарищи? — спросил Акперов спокойно. Самое нелепое в такой ситуации — начать злиться.

— Ждали угрозыск, — бодро ответил Байрамов. Он, следователь прокуратуры, мог и не торопиться. — Решили, что без вас не обойтись.

Осторожно перешагнув порог, Заур вошел в комнату, за ним остальные. У двери замер подоспевший постовой.

Акперов медленно обвел комнату взглядом. Потом они будут копаться, изучать детали, искать следы. Но сейчас важна общая картина. По первому впечатлению убийство с целью грабежа. Совершено компанией. Во всяком случае здесь побывал не один человек.

— Начали, — сказал он коротко.

Осмотр, как положено, вели слева направо — по часовой стрелке. Работали медленно, тщательно анализируя происхождение и принадлежность каждого предмета, отпечатка, следа.

Мебели в комнате немного. У двери — двустворчатый зеркальный шкафчик. Дверцы распахнуты. Одежда и прочее выброшено на пол, валяется в беспорядке. Видимо, торопились. Под ногами — справки, письма, жировки. В открытое окно просунул свои ветки любопытный тополь. Под ним, у подоконника, круглый стол без скатерти. Под столом две ложки, осколки рюмок и тарелок, разбитая ваза. Тут же яблоки, пустая бутылка из-под коньяка.

У правой стены — никелированная полутораспальная кровать. Подушка измята, брошена в сторону. Полосатый матрац оголен, простыня стянута к полу. На тумбочке натужно хрипит приемник «Мир», мигает зеленый глазок.

Человек лежит головой к двери. Он немолод, лыс, почему-то полураздет. Из ноздрей к щеке и подбородку тянутся две

темно-бурые полосы засохшей крови. Над правой бровью и на виске темно-фиолетовые кровоподтеки — гематома.

Кисти рук крест-накрест связаны бельевой веревкой. Она тянется по животу под ягодицы, затем обернута вокруг бедер и несколькими оборотами захватила сжатые ступни. У правого локтя раскрытый садовый нож.

Агавелов и врач-эксперт, тихо перешептываясь, стали на колени около тела. Другой эксперт — химик, дождавшись, когда будут сделаны снимки, осторожно подобрал осколки разбитой посуды, бутылку из-под коньяка и занялся обработкой вещдоказательств особым порошком. Байрамов и Огнев тщательно осматривали все, что валялось на полу — вещи, бумаги, яблоки.

Хотя в комнате одновременно работало семь человек, тишина была абсолютная. Ходили бесшумно, разговаривали мало и только шепотом. Когда человек смотрит и думает, ему нельзя мешать.

Акперов ничем, в частности, не занимался. Он продолжал общий осмотр комнаты. И вдруг бровь дернулась, полезла вверх.

— Вероника Тарасовна, — тихо позвал он.

Эксперт подошла к нему, взглянула вопросительно.

— Кровать, — сказал он. — Приглядитесь внимательнее. Видите что-нибудь, Верочка?

— Вижу. Волос.

Маленьким пинцетом она осторожно сняла с простыни длинный, чуть выющийся черный волос и опустила его в конвертик. Оба они одновременно кивнули: находка была очень важная.

Акперов присел на корточки перед убитым. Вопросительно взглянул на врача, тот подошел, наклонился.

— Мы с товарищем Агавеловым уже обратили внимание на странгуляционную борозду. Похоже, смерть наступила в результате удушья. Самоубийство исключается — это очевидно. Убитый сопротивлялся до самой смерти. Обратите внимание, сколько ссадин — на лице, руках, коленях. Асфиксия — результат либо простого накидывания веревки, либо стягивания петли. Борозда невелика. Так что могут быть разные мнения. Вскрытие покажет.

— Понятно, — кивнул Акперов. — Но как вы тогда объясните присутствие ножа?

— Не знаю. Как врач я могу только сказать, что нож не имеет прямого отношения к убийству. В передней части нет

следов ножевых ранений. Может быть, на спине? Но не думаю. Убийцам не было надобности прибегать к ножу. Не исключено, что нож принадлежал убитому.

— Еще одна деталь, доктор, — сказал Акперов. — На простыне мы нашли женский волос.

— Участие женщины придает делу известную пикантность, — доктор хмыкнул. — Но почему вы так уверены, что волос женский?

— Длинный, тонкий, вьющийся...

— Это не все. Есть мужчины, у которых, знаете ли, такие прически, — он выразительно покосился на Агавелова, — что м-м-м... Во всяком случае давайте это предоставим специалисту.

Акперов помог эксперту перевернуть тело. Осмотрели со спины. Никаких следов применения ножа. Видимо, эксперт был прав: смерть наступила от удушья.

Осмотр закончили только к полуночи. Эксперты научно-технического отдела изъяли все предметы, на которых могли остаться отпечатки пальцев, и уехали. Судебно-медицинский эксперт и следователь увезли тело в морг, где должно было состояться вскрытие.

Огнев коротко рассказал об обстоятельствах дела. Заур его выслушал и отпустил, оперативный дежурный должен находиться на своем месте — в отделе милиции.

В пустой мрачной комнате остались Заур и Агавелов. Курили, молчали. Заур думал о том, как странно вела себя овчарка. Долго металась по комнате, наконец, будто нехотя, подбежала к окну, вскинула передние лапы на подоконник, покрутила мордой и отошла. Почему?

Скорее всего след, как говорится, «простыл». Убийство совершено не час, не два, может быть, сутки назад. «И все? — спросил он себя. — Сомнительно. Ладно, не будем забегать вперед. Посмотрим, что покажет вскрытие. Врачи установят время наступления смерти достаточно точно, тогда и будем думать».

Акперов встал и подошел к окну. Думать будем потом, но присмотреться не мешает. Окно тут явно сыграло какую-то роль. Либо убийцы проникли через окно в комнату (сделать это, пожалуй, нетрудно), либо через окно были сброшены вещи. Это бесспорно. Иначе собака к окну не бросилась бы. При втором варианте внизу ждала машина. На нее погрузили вещи...

— Эдуард, — Заур обернулся, — предупреди соседку, что-

бы она в десять утра была у нас. Дверь запри. Я буду внизу, под этим деревом.

Акперов осмотрел тополь снизу. Дерево старое, ветвистое. По нему можно добраться хоть до пятого этажа, а до второго — тем более. Ветви толстые, прочные, касаются окон. Ясно.

Присев на корточки, Заур занялся асфальтом. Машина должна была стоять где-то здесь, следы протекторов... Где? Но то ли он ошибся; то ли освещение слабое. Во всяком случае следов не видно.

Спустился Агавелов, ск что все в порядке.

— А знаешь, — он потряс головой. — Убитого я откуда-то знаю. Вот не могу вспомнить, а знаю.

— Гм! «Откуда-то», — передразнил Акперов. — Да будет тебе известно: убитый — крупный делец. Жил неплохо, чтобы не сказать больше. К примеру, имел собственный «Москвич». Работал на русско-армянском кладбище, мастерил надгробья. Как-то мы с ним беседовали. Но придаться было трудно: налог платит исправно, никакими сомнительными операциями вроде бы не занимается. А может быть, занимался? Тебе это следовало бы знать, Эдуард, — зона твоя. — Он вздохнул. — Да, не простое это дело.

Подошли к машине. «Волга» развернулась и понеслась по пустынному проспекту к райотделу милиции.

Глава 13

НАЧАЛО

Надолго осталась в памяти Акперова эта августовская ночь. Трое — он, Эдуард и Андрей — не сомкнули глаз. Сидели за столом в кабинете Заура, разбирая различные версии, выдвигая аргументы и контраргументы. К утру под потолком плавали густые облака сизого табачного дыма.

Незаметно подкрался рассвет. С севера потянуло прохладой. Сначала ветерок едва ощущался, потом вдруг хлопал окна. Чтобы стряхнуть дремоту и усталость, вышли на балкон. Пыльный вихрь хлестнул по лицам.

— Норд, черт побери, — проворчал Агавелов. — Так и по-ровит свалить с ног. Милая экзотика...

— Наш ветер, истинно бакинский, — согласился Огнев. — Но по-моему, ненадолго. Побуянит и уймется. Лето все-таки.

— Скоро не стихнет.

— Нашли тему для спора, — оборвал Заур. — Шли бы лучше спать.

Помолчали, наблюдая, как медленно гаснут огни. И вдруг по асфальту запрыгали крупные дождевые капли. Дождь прибил и ветер, и пыль.

а Агавелов прищурился.

— Удивительно! И сон прошел. Погода курортная, прямо Кисловодск.

Хлынул дождь — шипящий, безудержный. Стало темно почти холодно. Пришлось вернуться в комнату.

— Хватит, — решительно объявил Акперов. — Теперь по кабинетам. Надо часа два-три поспать. С утра — уйма дел. Скажу прямо: на поблажки не рассчитывайте. Из отдела не уйдем, пока не раскроем убийство. Все.

Заур еще пробовал думать. Но голова стала тяжелой, он с трудом удерживал ее руками. Потом прилег на диван, с наслаждением вытянул ноги. Сон навалился мгновенно.

Он не видел, как кончился дождь, как сквозь облака провались первые лучи солнца. Над быстро высыхающим асфальтом закрутился легкий парок.

Заур почувствовал только, что его трясут за плечо. Трясут настойчиво и сильно. С трудом разлепил веки, растерянно оглянулся. Солнце сияло вовсю. За окном деловито шумел умытый дождем город. Акперов протер руками глаза.

— Сурен! Каким ветром? Здравствуй, приятель.

— Доброе утро, дорогой коллега. Извини, что прервал сон. Снилось тебе что-то весьма симпатичное. Ты аж мурлыкал от удовольствия.

— Что ты! Очень хорошо, что разбудил. День уже.

— Пришел и не знаю — обрадую или огорчу. — Юзбашев чуть наклонился вперед, сказал быстро и негромко. — Нашли грабителей кассира. — Данные надежные. Пришел к тебе за помощью.

— Всегда рад помочь. Кто они?

— Двое. Один Аркадий, по кличке Артист, другой — Косой, Ариф Мехтиев. У Косого легкое пулевое ранение на правой руке. Хотели этой ночью брать, не получилось. Не живут дома.

— Спасибо. Новость хорошая и важная. — Акперов встал.

— Слышал, у тебя неприятности?

— Неприятности — еще слишком мягко. Убийство. Наглое и дерзкое.

— Дерзкое? С кассиром — тоже дерзкое. Уж не одна личность?

— Что ж, не исключено. Но пока лишь догадка. А ее, как бабочку, к делу не приколешь...

Прощаясь, Сурен Юзбашев — начальник уголовного розыска соседнего района — сказал Зауру:

— Учти, если надо, подключусь. При первом же сигнале. Ситуация такая, что лучше действовать сообща.

— Хорошо, — Акперов кивнул. — Обязательно дам знать. Он проводил Юзбашева до дверей, потом умылся и разбудил друзей. В начале девятого они уже снова сидели за столом.

— Только что был Юзбашев, — сообщил Заур. — Есть данные, и надежные, что кассир ограблен «Артистом» — Галустяном и Косым — Арифом Мехтиевым. — Заур поморщился. — Надо снова вызвать Шавлакадзе и подробнее расспросить о Галустяне. В крайнем случае придется недели на две установить наблюдение.

— Я думаю, его надо доставить сюда немедленно, — Агавелов стукнул кулаком по столу.

— Резонно, — согласился Огнев.

— Все правильно, — сказал Заур медленно. — Но следует рассмотреть разные варианты. Допустим, Шавлакадзе запуган. Боится мести «Артиста». Что тогда? Ясно, он начнет выкручиваться. А это, как вам известно, он умеет. Не лишен остроумия, за словом в карман не лезет. Или упрется: ничего не знаю — и точка. Сам он не грабил, не убивал. В чем же мы можем его уличить? Ни в чем. У нас нет ничего, кроме догадок и предположений.

— У меня есть одна идея, — улыбнулся Агавелов. — Шавлакадзе как-будто всерьез увлечен продавщицей ГУМа — Цаплиной. Как-то он меня даже с ней познакомил в кафе «Наргиз». В сущности Людмила — единственно близкий ему сейчас человек. И если он действительно встречается с «Артистом», уверен, что Людмила это знает.

— М-да... — Заур пожевал губами. — Пожалуй, не лишено оснований. Раз ты знаком с нею, ты и беседуй. Только пригласить их надо одновременно, чтобы они не успели поговорить. Есть возражения? Нет. Тогда решаем. Ты, Эдуард, пойдешь в ГУМ, Андрей — за Шавлакадзе. Желаю успеха.

Агавелов и Огнев встали. Но Заур поднял руку.

— Подожди. — Он выразительно посмотрел на Огнева. — А не стоит ли тебе прихватить с собой пару ребят?

— Зачем? — Андрей пожал плечами.

— На тот случай, если на квартире Шавлакадзе ты встретишься с «Артистом».

— Разумная мысль, — поддержал Агавелов. — Маслом кашу не испортишь.

— Ладно. Теперь можно действовать?

— Теперь можно.

Негромко хлопнула дверь. Заур походил по кабинету, снял трубку.

— Морг? Говорит майор Акперов. Да-да. Меня интересуют результаты вскрытия. Понимаю. Значит, сомнений нет: асфиксия? Примерно за сутки? То есть в субботу вечером. Убитый находился в состоянии опьянения. Спасибо. Акт передайте Байрамову.

В дверь постучали.

— Пожалуйста, входите.

Вошла приземистая тучная женщина. Одета она была очень старательно, даже чуть-чуть подкрашена. Однако от этого лицо казалось особенно бледным, в маленьких глазах — ужас. Заур в ту ночь ее не видел, но догадался сразу — Рахиль Моисеевна Эпштейн, соседка убитого.

— Входите смелее. Здравствуйте. Давайте знакомиться.

Акперов подошел к ней, представился, проводил к столу.

— Меня просили зайти, — сказала она робко.

— Да. Я вас очень жду. Меня интересует все, что вы знаете о покойном соседе...

— Жуткая история! — Рахиль Моисеевна достала платок, осторожно вытерла глаза. — Никак не приду в себя. Всю ночь не спала. Такое несчастье. — Она поморгала редкими ресницами.

Акперов придвинул блокнот, взял карандаш.

— Не волнуйтесь, Рахиль Моисеевна. Начните с самого начала. Как вы познакомились с Джумшудом Айрияном, какое он на вас произвел впечатление, что делал, кто у него бывал?

Рахиль Моисеевна оказалась на редкость словоохотливой. Она часто повторялась, уходила далеко в сторону, путалась. Но Заур был терпелив: в этом нагромождении деталей было немало ценного.

— И все-таки его жаль, Айрияна, — Рахиль Моисеевна вздохнула. — Да и их жаль — Араксию Хачатуровну, Люсю.

— Понимаю вас, — сказал Заур мягко. — Если позволите,

я хотел бы лишь кое-что уточнить. Верно ли я понял, что жена, дочь и зять Айрияна часто с ним ссорились?

— Да. Постоянно ссорились.

— А как ссорились? — спросил Акперов, сделав ударение на «как». — Громко со скандалами, не стесняясь посторонних?

— Нет-нет! Только у него в комнате, при закрытых дверях. Я-то не могла не слышать. Знаете, какие теперь стены...

— И когда произошла последняя ссора?

— Если не ошибаюсь, в четверг. Да-да, в четверг. За два дня до убийства. Вы полагаете, это они?.. — Она в ужасе привстала со стула.

— Я пока ничего не знаю, Рахиль Моисеевна. Я как раз и надеюсь, что ваш рассказ поможет нам во всем разобраться.

— Просто кошмар! Не могу себе представить, кто будет моим соседом теперь. После всего, знаете, страшно.

Акперов скрыл улыбку. Убит человек, а ее волнует, кто будет ее новым соседом. «Не надо смеяться, — одернул он себя. — Она не очень счастлива, эта женщина, одинока, а сейчас еще и напугана. В конце концов в этой квартире ей жить».

— Ссориться они приходили все вместе?

— Обязательно всей семьей: жена, зять и дочь.

— А из-за чего возникали ссоры?

— Из-за денег.

— Каких?

— Обыкновенных. Жена требовала, чтобы Джумшуд Самсонович давал семье больше денег. Жаловалась, что ста пятидесяти рублей, которые он ежемесячно приносит Люсе, им не хватает на жизнь, что накопленные деньги он припрятал, а теперь проматывает их на женщин, в то время как его дочь... По-моему, сто пятьдесят рублей совсем немало.

— Конечно. А что он?

— Оправдывался, уверял, что отдает им последнее, сам живет впроголодь. Это, понятно, чепуха, он ни в чем не нуждался.

— Очень хорошо. Дальше.

— Зять обычно молчал, но в последний раз вмешался. Обозвал Айрияна старым жуликом. Кричал, что по нему тюрьма плачет, что таких надо уничтожать.

— Так и сказал — «уничтожать»?

— Кажется, нет. Убивать? Тоже нет. Ага, четвертовать. Именно так он сказал. И еще, чуть не забыла. До этого жена

требовала, чтобы Джумшуд отдал ей какой-то бриллиант. Джумшуд расхохотался, крикнул, что за этот бриллиант он едва не заплатил жизнью, и ей, старой дуре, не видать его, как собственных ушей. Вот тут и вмешался зять. Тогда Айриян разозлился и всех их выгнал. Я приоткрыла дверь и услышала, как зять шипел в прихожей: «Ничего, скупердяй старый, тебе это дорого обойдется».

— Простите. Скандал в четверг был особенно сильным или все их ссоры протекали так же остро?

— Разумеется, — ответила Рахиль Моисеевна не задумываясь. — Это был далеко не самый хлесткий. Только зять обычно не вмешивался. Кричали мать и дочь.

— Хорошо. Спасибо вам, Рахиль Моисеевна. Вы нам очень помогли.

— Рада, что могла быть вам полезной. Если я понадобится...

— Непременно. Уверен, что мы к вам еще обратимся. Простите за беспокойство. Всего доброго.

Заур проводил ее до дверей и вернулся. Рассказ длинный, путанный. Надо будет внимательно прочесть. Пока же отметим два момента. Во-первых, случайные женщины. Но одна женщина никогда бы с ним не справилась — старик был крепкий. Да женщина так и не убивает — веревкой. Второй момент — семья. Скандал, история с бриллиантом. Однако скандалы бывали часто. Приходили всегда вместе. Допустим, зять под горячую руку мог и убить. Но под горячую руку не душат. Нет, преступление было продумано, тщательно подготовлено. Работали профессионалы...

Он долго сидел, закрыв глаза. Встал, спустился к подъезду. Через несколько минут служебная «Волга», тяжело переваливаясь на выбдинах, остановилась у ворот кладбища. У решетчатой ограды, рядом с воротами, примостилась будка, бесформенное сооружение, кое-как сколоченное из старых досок. Вокруг валялись каменные глыбы — заготовки будущих памятников. Это и была «контора» Айрияна.

Заур огляделся. Чуть дальше, под навесом, вяло постукивал топориком пожилой человек с жидкой бородавкой.

— Здравствуйте, отец! — Акперов поклонился.

Старик медленно повернул голову.

— День добрый. Что требуется?

— Зашел поговорить с вами. Это будка Джумшуда Айрияна?

— Да. Но самого нет. Как ушел в субботу, так и не появлялся. Должно быть, приболел.

Заур понял, что старик не знает об убийстве. Это, пожалуй, облегчало дело.

— Простите, отец, что отнимаю время. А где шофер Джумшуда-даи¹.

— Хорей, что ли?

— Конечно.

— С неделю, как в Шемаху уехал.

Старик поднял голову, и только тут заметил милицейскую «Волгу». Он бросил топорик, машинально стянул с головы выгоревшую пыльную фуражку.

— Не стану хитрить, отец, — Акперов удобно устроился на одной из плит. — Давай говорить напрямик. Вы хорошо знакомы с Айрияном?

— Как же, сынок! Джумшуд, можно сказать, мой кормилец. Всегда заработать даст. Как же!

— Вы ничего не знаете?

— Нет. Что-нибудь случилось?

— Джумшуд-даи убит прошлой ночью.

Каменотес, словно задохнувшись, вертел длинной жилистой шеей. Сначала он просто онемел, губы шевелились беззвучно.

— Да. Простой ночью, — повторил Акперов.

— Что говоришь, ай киши? — старик вдруг обрел дар речи. — Как так? Кто мог убить такого доброго человека? Вай-вай-вай! Кто убил?

— Вот об этом я приехал поговорить с вами. Кое-что хочу выяснить. Помогите нам.

— Пожалуйста. От души помогу.

— Есть подозрение, что Джумшуда мог убить его зять, Ашот. Как вы считаете?

— Что ты, сынок?! Ашот — цыпленок. Как Люсик скажет, так и сделает. А Люся разве скажет родного отца убить? Вай-вай-вай! Нет, сынок, нет. Они такое не сделают. Я их давно знаю. Еще вот такими, — он показал рукой.

— Может, тогда вы что-нибудь подскажите? Говорят, покойный был влюбчив.

— Это да. Случалось. Да, что там, — он махнул рукой. — Путался со многими. Недавно одна сюда приезжала. Краси-

¹ Буквально: дядя (азерб.). Уважительное добавление, когда говорят с пожилым человеком.

вая, как марал. На машине приехала. Темные очки на глазах. Спросила Джумшуда. В будке они о чем-то говорили, смеялись. Уехала, а Джумшуд вслед смотрит, словно кот, облизывается. Спрашиваю, большой заказ? Он на меня уставился, хохочет. «Какой заказ, — говорит. Видел королеву? Моя будет». Водилось за ним такое. Это да.

— А на какой машине приезжала женщина?

— Эх, откуда я знаю. Похожа на машину Джумшуда. Но, кажется, немного больше...

— На «Волге», что ли?

— Наверное, — каменотес пожал плечами. — Я не разбираюсь.

Он опустил голову, уперся взглядом в землю. Тяжелые натруженные руки повисли беспомощно. Он сокрушенно качал головой, вздыхал. Горе его, кажется, было искренним.

— Скажите, а о бриллианте, который был у Джумшуда, вы слышали? — спросил Заур, переждав.

— Бриллиант? Нет-нет. Такого не слышал.

— А женщину сможете узнать?

— Откуда моим старым глазам запомнить? — он раздраженно махнул рукой. — Женщина, да. Все они одинаковые.

Заур поблагодарил и пошел к своей «Волге».

Глава 14

КРУПИЦЫ ИСТИНЫ

В кабинете Заура ждал Огнев. Андрей был расстроен — это угадывалось сразу. Поэтому Заур не стал допытывать его вопросами. Просто сел к столу и занялся бумагами.

— Шавлакадзе нет ни дома, ни на работе, — сказал, наконец, Андрей. — Похоже, успел улизнуть.

— Прямо-таки улизнул. С чего это ты взял?

— Мать сказала, что Серго ушел со своей девушкой вечером в субботу и с тех пор не возвращался. Потом прилипла, как банный лист: «Кто вы? Зачем вам нужен Сержик?» Пришлось объявить себя художником. Кажется, поверила, отстала.

— Не расстраивайся, старина, — успокоил его Заур. — Никуда твой Шавлакадзе не денется.

— Будем надеяться. — Огнев резко повернулся на стуле,

сел верхом, крепко обхватил спинку. — А что у тебя? Есть результаты?

— Больше, чем ожидал.

Огнев с надеждой взглянул на начальника.

— Слушай, Андрей. Соседка Айрияна — Рахиль Эпштейн рассказала, что старик часто скандалил с женой, дочерью, зятем. Во время последнего скандала жена требовала, чтобы Джумшуд отдал ей какой-то бриллиант. Старик отказался, тогда зять крикнул, что четвертовать его мало. Через два дня мы обнаружили труп Айрияна.

— Только-то? Не слишком ли просто?

— Конечно, слишком. Но ты не спеши, Андрей. Слушай. Убийство произошло в субботу вечером. Смерть наступила от асфиксии, к тому времени Джумшуд уже был пьян.

— Помню, — кивнул Огнев.

— А теперь вспомни, что мы видели в его комнате. Прибор на двоих — две вилки, два бокала, две рюмки, пустая бутылка от коньяка, две бутылки вина. Старик связан, видны следы побоев.

— Так-так...

— Собака бросилась к окну и затем потеряла след. В окно стучатся ветви тополя — считай, готовая лестница.

— Понимаю. Версия реальная. Жаль, что она объясняет не все.

— Например?

— Например, открытую дверь. Открытое окно, открытая дверь — не слишком ли много? Но прости, я тебя перебил. Давай дальше.

— Следы за ходом мысли. Имея эти сведения, я поехал на кладбище, где работал Джумшуд. Там у него будка. Говорил с его подручным, каменотесом. О гибели мастера он не знал. Старик довольно убедительно опроверг мои первоначальные подозрения. Во-первых, шофер Айрияна, Хорен, неделю назад уехал в Шемаху. Проверим, конечно, но тут вряд ли. Во-вторых, недавно к Джумшуду приезжала молодая женщина. Видимо, речь шла о свидании, потому что заказа не сделала.

— Думаешь, замешана женщина?

— Думаю. Вспомни обстановку.

— Что же зять?

— Старик уверяет, что нет. Не знаю, как тебя, а меня он убедил.

— Ладно. Попробуй сформулировать свою версию.

— Вот она. На субботу Джумшуд пригласил к себе женщину. Вероятно ту, что приезжала к нему на кладбище. Пили коньяк. Старик опьянел. Женщина скорее всего была «накольщица». Так что за их милым дружеским ужином наблюдали в окно. С дерева. Интимные подробности, полагаю, не очень смущали наблюдателей. Волос-то найден в постели... Потом женщина уходит. Айриян провожает ее до двери, и тут на него набрасываются. Может быть, один ждал в парадном, другой проник в комнату через окно. А может, их было и трое. Они скрутили старика, втащили в комнату. Тот продолжал сопротивляться. Один из преступников хотел прикончить его ножом, но потом, видимо, решил обойтись веревкой. Остальное ясно: квартиру ограбили; вещи, очевидно, вынесли через окно. Внизу ждала машина. Сами грабители тоже спустились по дереву, забыв о двери.

— Версия в целом убедительная. Только вот мы почти ничего не знаем. Кто женщина, кто убийцы — само собой. Но мы даже не знаем, что похищено.

— Ну, это можно выяснить, опросив жену убитого.

— Возможно. Разумеется, при условии, что она в курсе его дел.

— Можно? — В дверях появился улыбающийся Агавелов. — Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло!

— Не закроешь ли дверь? — спросил Заур.

— Закрою. Привез вам два сообщения. Как-будто неплохие. С одной стороны...

— А с другой? — перебил Заур.

— С другой — печальные. Ладно, не будем отвлекаться. В субботу вечером исчезла «Волга» АЗТ 60-60, принадлежащая таксомоторному парку № 3. Это одно. Второе — вчера после обеда эта самая «Волга» вернулась в парк. Шофер — его фамилия Павлов — перепуган до смерти. Я с ним говорил. Он...

— Подожди, Эдуард, не так быстро. Сядь и спокойно объясни в чем дело.

— Слушаюсь, Заур Алекперович. Однако пока буду краток, внизу, в дежурной комнате, ждет Цаплина. Шофер Павлов рассказал, что в субботу около двадцати двух часов на проспекте имени Кирова в его «Волгу» сели трое. Попросили, чтобы шофер отвез их в армянские Кишлы. Когда машина углубилась в темные и узкие улочки, сидевший рядом здоровяк вытащил нож. У Павлова отобрали выручку, что-то в

пределах двадцати — рублей, связали руки, завязали глаза, заткнули рот тряпкой. Словом, выключили.

За руль сел кто-то из троих. Двинулись в неизвестном направлении. Где-то стояли довольно долго. В машине как-будто остался один, двое ушли. Отсутствовали с полчаса. Вернулись злые, ругались. Опять куда-то ехали минут пятнадцать. И снова шофер уверяет, что один остался за рулем, остальные вышли.

Вернулись скоро. На этот раз с ними была жейлица. Снова ехали. Молчали. Машина неслась быстро. По пути женщину вытолкнули из машины. Она, говорит шофер, плакала, просила. Не помогло. Еще часа через два кончился бензин и мотор заглох. О том, что в багажнике есть запасная канистра, преступники не догадались.

Уходя, они сказали Павлову, что сохраняют ему жизнь, если он будет вести себя «разумно», то есть снимет повязку через час. Когда он это сделал, то увидел, что машина стоит на окраине города. Пробегавшая мимо девочка объяснила ему, что это Кировабад. Павлов описал преступников. Один здоровый, с пышным чубом, у другого внешность азербайджанца, третий — типичный русский. Имен он, естественно, не знает — не называли.

К удивлению Агавелова Заур широко улыбнулся.

— Не понимаю, — заворчал Эдуард, — что я сказал смешного?

— Не понимаю; — повторил Заур. — Андрей, объясни, почему мне весело? Да потому, что ты принес очень ценную весть. Она многое проясняет и подтверждает в моей версии.

— Верно, — поддержал Огнев. — Твое сообщение очень хорошо вписывается в картину, которую нарисовал Заур.

— Не будем, однако, забывать старую, как мир, истину: куй железо, пока горячо. — Акперов взглянул на часы. — Поэтому ты, Андрей, сразу езжай за женой Айрияна. А ты, Эдик, пожалуйста, спустись и пригласи Цаплину. >

Глава 15

АРТИСТ БРОСАЕТ ЯКОРЬ

Люда Цаплина спокойно вошла в кабинет и уверенно направилась к столу, за которым сидел Агавелов. Стоявший у окна Заур окинул ее быстрым взглядом. Хороша, ничего не

скажешь. Небольшая головка на высокой шее, округлые плечи, руки с длинными пальцами. Открытое летнее платье свободно облегалo фигуру.

— Присаживайтесь. — Агавелов вежливо привстал.

Люда не спеша опустилась на стул, аккуратно протерла платочком стекла темных очков.

«Очки! И гостя Айрияна была в очках, — Заур чуть вздрогнул. — Но летом восемь человек из десяти в темных очках. И все же надо будет проверить».

Агавелов долго перебирал бумаги и что-то искал в ящиках. Молчание явно затянулось, но, кажется, Цапину это не волновало.

— Ужасно интересно, зачем я могла вам понадобиться? — спросила она с легкой иронией.

— Если говорить откровенно, Цапина, нас беспокоит ваша связь с Шавлакадзе, — бабахнул Агавелов.

— О-о! Выбирайте выражения! У меня с Сергеем не связь, а дружба. — Ее глаза сухо блеснули.

— Хорошо. Пусть это называется дружбой.

Люда встала.

— Не понимаю, какое дело милиции до моих личных отношений. Это, во-первых. А во-вторых, если вы намерены продолжать разговор со мной в таком тоне, я просто не буду отвечать.

Заур поморщился и бросил на капитана укоризненный взгляд. Что это с Агавеловым — никогда он так не разговаривал. Видимо, нервы...

— Простите, Людмила, — Агавелов мгновенно изменил тон. — Вы правы, конечно, ваши личные дела нас не касаются. Но есть обстоятельства, которые вынуждают нас задавать вопросы.

— Какие, например? — прервала она.

— Садитесь, пожалуйста. — Он подождал, пока Цапина сядет. — Пока я не могу вам этого сказать. Но, поверьте, речь идет о вещах очень серьезных.

— Хорошо, я отвечу.

— Позавчера, в субботу, вы зашли к Серго и затем...

— Пошли ко мне домой. Я из этого не делаю секрета. Дружу, встречаюсь. Полагаю, законом не запрещено.

— Разумеется. Я говорю не об этом. Нас интересует, как долго вы были вместе?

— Я обязана отчитываться даже в этом? — губы ее тронула презрительная усмешка.

Агавелов мягко улыбнулся.

— Не обязаны. Но вы же, наверно, знаете, алиби?

— О, так серьезно? Хорошо, я скажу. До сегодняшнего утра.

— Все это время вы были вместе?

— Да.

— Та-ак, — задумчиво протянул капитан и спросил внезапно:

— И где же вы были?

— Я же сказала: у меня дома. Просто не понимаю, чего вы от меня хотите?

— Правды, — сказал Агавелов твердо. — Как говорят англичане: «Правду. Всю правду. Только правду».

Она опустила голову, задумалась.

— Мне почему-то кажется, — продолжал капитан, — что вы мало знаете о нашем друге.

— Вы уверены? — тонко подведенные брови сошлись к переносице.

— Серго находился в заключении. Целых шесть лет. Вам это известно?

— Да, я знаю, — ответила она спокойно. — И догадываюсь, зачем вы меня вызвали.

— Тем лучше. Тогда давайте говорить откровенно.

Она усмехнулась.

— Боюсь! Откровенность иногда оборачивается неприятностями. Особенно, когда откровенничают с милицией.

Акперов с досадой хрустнул пальцами, отошел от окна и постарался незаметно включиться в беседу.

— Простите, ваше лицо мне откуда-то знакомо. Не вас с веделю назад я видел на русско-армянском кладбище? В мастерской каменщика?

Люда изумленно привстала.

— Меня? Вы шутите?

— Ничуть.

— Господи. Тогда вы меня с кем-то путаете! Что мне делать на кладбище? Смешно.

— Извините; должно быть, я ошибся, — голос Заура зазвучал. — Но постарайтесь меня понять, Цаплина. Если бы нам была безразлична судьба Серго, мы не беседовали бы с вами здесь. — Он прошелся по кабинету. — Совершенно серьезное преступление. Есть основания полагать, что Серго, как минимум, знает о нем. А может быть, и причастен. Если мы за-

блуждаемся — я хотел бы верить, что это так, — лучше, чтобы это выяснилось раньше. А главное — никто из нас не может быть спокоен пока... — он круто повернулся и взглянул на Люду в упор, — пока преступник на свободе. Обещаете не честно ответить на один вопрос? Всего на один.

— О... обещаю.

— Вы боитесь за Серго?

— Да, — едва слышно прошептала она.

— Хорошо. Мы вас слушаем.

Люда нервно вытерла платком лицо, облизнула сухие губы.

— Я очень волнуюсь. Могу сбиться. Ради бога, не перебивайте меня.

— Говорите спокойно, — Агавелов встал и закрыл окно. Нельзя допустить, чтобы в уличном шуме затерялось хотя бы одно ее слово.

— На субботний вечер у меня и Сергея не было определенных планов. Посидели на бульваре, пошли в кафе. Я проголодалась. Мы взяли яичницу, выпили по стакану коктейля. Говорили об учебе. Несколько дней назад я сдала документы в вечернюю школу, в десятый класс. Это Сергей настоял. Правду сказать, и на работе приставали. Дескать, не учишься, не растешь. Чушь, конечно. Но в самом деле, чем я хуже других? — Люда трянула головой. — В общем, твердо решили, что осенью поженемся. Я буду учиться, а он мне поможет и заодно повторит курс. А в будущем году попробуем поступить в институт.

«Так не выдумывают», — отметил про себя Заур.

— Когда мы вышли из кафе, — продолжала Люда; — к вам подошел Аркадий, был у Сергея такой приятель, со своей девушкой, Ларой. Милая такая девочка, блондинка. Терпеть этого Аркадия не могу, — перебила она себя. — Сломал человеку жизнь. Так вот Аркадий отозвал Сергея в сторону. Мы остались с Ларой, и я ее спросила, как жизнь. Ничего, сказала она, живем пока с Аркадием в поселке НЗС, в квартире Арифа. Тоже один из прежних друзей Сергея. Еще Лара сказала, что не может пока устроиться на работу, но это не страшно: деньги у Аркадия есть.

Тут наш разговор прервали. Подошел Ариф, потом вернулись Аркадий с Серго. Аркадий был явно зол. Подозрительно взглянул на Лару, спросил грубо: «Что ты уже наболтала?» Та испугалась: «Ничего, Аркаша, ничего». Потом они попрощались и ушли. Аркадий не подал руки Серго. *

— Разрешите, Люда, — Агавелов не выдержал. — Кто они — эти прежние друзья? Откуда вы их знаете?

— Ой, я начала с конца. — Люда поискала глазами воду. Агавелов быстро встал, налил ей воды. Она с наслаждением выпила. — Месяца два назад, уже после того, как он был у вас, Сергей неожиданно встретился с Галустяном на улице. А вечером тот вдруг появился в гости. Потом, когда все разошлись и мы остались вдвоем, Сержик сказал, так мягко, как никогда раньше: «Ты, Люда, единственный человек, которому я доверяю».

Понимаете, не «девочка», не «Мими», а «Люда». Он искал помощи, сочувствия. «Как быть, Люда? — спросил он. — Пойти в милицию?» Он все хотел поговорить... — Она сухо взглянула на Агавелова. — Но не с вами, а с капитаном Огневым. И еще с каким-то майором. Забыла его фамилию. Серго-сказал, что он здорово рисует.

— Приятно слышать, — Заур улыбнулся. — Тогда уж позвольте представиться, майор Акперов. Но продолжайте, продолжайте.

— Я виновата, отговорила его. В ту ночь впервые, кажется, почувствовала, как он мне дорог. Пусть зубоскал, пусть легкомысленный. Понимаете? — Глаза ее были полны слез. — Я почувствовала, что боюсь за него. И... не пустила к вам, испугалась Аркадия. На вечеринке я видела, как он разозлился. Честное слово, настоящий зверь. Такой убьет — и не почесется.

В субботу он звал Серго на какое-то «дело». Серго наотрез отказался. Аркадий стал угрожать: «пришью», «заказывай гроб» и все такое. Я знаю, Серго мягкий, ему трудно отказаться. Но в этот раз он уперся: «Не пойду. Я завязал крепко, оставь меня в покое». Потом подошел Ариф и мы разошлись. На всякий случай я потащила его к себе домой. Вот и все. — Она вздохнула и заплакала.

Агавелов осторожно поднес к ее губам стакан, подождал, пока она успокоится, вытрет с ресниц мокрую тушь. Спросил мягко:

— Ваш адрес, Люда?

— Крепостная, 43.

— Серго там?

— Да. На работу ему к часу.

— Последняя просьба. Побудьте часок здесь. Скучать не придется. У нас есть хорошие журналы. Договорились?

— Хорошо, если нужно.

Агавелов проводил Цаплину в отдельную комнату. Вернулся, весело подмигнул Акперову.

— Кажется, Заур, все идет как надо.

Акперов покачал головой.

— Не торопись с выводами.

— Не понимаю. Ведь твоя версия подтверждается. Ее рассказ отлично совмещается с показаниями шофера такси, со всем, что мы знаем. Что тебе еще нужно? Пора действовать! Мы почти у цели.

— Опять порежь горячку, Эдуард?

— Удивляюсь твоей нерешительности.

— Эх, Эдик. Сколько раз тебе повторяют: слишком горячая голова — форменное наказание для оперативного работника. И не только для него, к сожалению.

— Ты считаешь, что Аркадий и Ариф не виноваты?

— Нет! Уверен, что ограбление Сумбатовой и кассира — дело их рук. А вот убийство Айрияна... — Заур потер лоб. — Давай разберемся спокойно. Такси угнали трое. Кто же, по-твоему, третий? В квартире была женщина. Но, видимо, не блондинка. Откуда она взялась? Как видишь, в цепи минимум два неясных звена. А есть и другие пробелы.

— Хотя режь меня, но Цаплина сказала правду. Сердцем чувствую.

— Тут я с тобой согласен. И только рад и за нее, и за этого Сергея. Становится человеком.

— Ты как хочешь, Заур, — перебил Агавелов, — но я убежден, что, во-первых, в убийстве замешаны Артист и Косой. Во-вторых, ни Шавлакадзе, ни Цаплина не имеют отношения к делу. Сейчас я вытяну Серго, и все будет ясно.

— Вот-вот. Поверь, мне совсем не хочется думать о них плохо.

Агавелов выбежал из кабинета. Заур распахнул окно, обхватил голову руками. Похоже на правду. Однако какое-то сомнение осталось. Что ж, не будем спешить с выводами. В сомнительных случаях всегда лучше не спешить.

— Черт, совсем забыл! — Акперов хлопнул себя по лбу, бросился к телефону. Набрал номер научно-технического отдела.

— Да? Замечательно!

Оказалось, что в двух случаях отпечатки пальцев, обнаруженные в комнате Айрияна, пригодны для идентификации.

— Не принадлежат убитому? — переспросил Заур. — Нет?

Тогда поднимите дактокарты Аркадия Галустяна, по кличке Артист, Арифа Мехтиева, по кличке Косой, — он немного помедлил, — да, и Серго Шавлакадзе, по кличке Рембрандт. Результаты сообщите. А что с волосом? Так-так... Женский. Черный. Некрашенный. Ясно. Жду звонка.

Акперов устало прилег на диван. С волосом он не ошибся. Значит, там была женщина. Заур закрыл глаза, сладко потянулся. Но вздремнуть ему не дали. В коридоре застучали каблук, кто-то застонал. Заур вскочил, одернул китель. Дверь распахнулась. В кабинет не вошла, а ворвалась седая женщина в черном траурном платье. За ней — растерянный Андрей Огнев. Старуха плюхнулась на стул, ударила себя кулаком в грудь, по коленям.

— Вай-вай, горе мне!.. Убили, убили мерзавцы, мужа убили, утащили все состояние! Что я буду делать? Вай-вай-вай!

По дряблым щекам бежали слезы. Заур и Огнев терпеливо ждали, пока она успокоится. Женщина вскочила, бросилась к Акперову.

— Кто? Кто убил Джумшуда? Куда вы смотрели? Кто его убил, я вас спрашиваю?

Крикливый ее голос раздражал Заура.

— Сядьте, гражданка Айриян, — сказал он холодно. — Пока что вопросы будем задавать мы, милиция. — Он обернулся к Андрею: — Займитесь, капитан Огнев.

Огнев сел к столу.

— За два дня до убийства вы с семьей приходили к мужу. Возник спор, скандал. Вы требовали деньги и какой-то бриллиант. Объясните, о чем шла речь.

— Еврейка вам уже доложила? — Араксия Хачатуровна насупилась.

— Отвечайте по существу, — Андрей негромко постучал карандашом по столу.

— А что отвечать? Джумшуд бросал нам крохи. Мы нуждались. Ну и...

— Сто пятьдесят рублей ежемесячно, — уточнил Заур.

— Для нашей семьи — крохи! — Старуха живо обернулась к нему. — Мы не привыкли ни в чем себе отказывать.

— А откуда он брал эти деньги?

— Меня это никогда не интересовало, — Араксия Хачатуровна поджала губы.

— Мы отвлеклись, — вмешался Огнев. — Вы не сказали о бриллианте.

— Ах, вы о камне! Джумшуд обещал, когда ребенок родится, подарить кулон. Год назад родилась девочка, но муж заявил, пусть пройдет год, тогда он подарит. Год прошел, и что же, вы думаете, он нам преподнес?

— Вот что! — Она ткнула в лицо Огневу кукиш. — А камню, между прочим, цены нет. — Глаза ее сверкнули. — Двадцать каратов!

— Вы можете назвать ценности, которые были у вашего мужа?

— Конечно. Облигации, тысячи две наличными, фотоаппарат «Киев», итальянская ковровая скатерть, два макинтоша — китайский серый и синий, четыре хороших костюма.

Огнев аккуратно записал. Спросил:

— Все?

— Д-да.

Заур поймал ее настороженный взгляд. Отчетливо помнил, как она кричала: «Утащили все состояние». Сказал негромко:

— Из-за такого «состояния» не убиваются. Впрочем, это ваше дело. Люся, по-моему, единственная наследница. Других нет.

Старуха обмякла. Пробормотала запинаясь:

— Простите, ошиблась. Неудобно о покойнике плохо говорить. Много чего у него было: золото, камни. В портфеле держал. Старый такой, потертый портфель. Теперь все, клянусь богом, все — она торопливо перекрестилась.

На отдельном листе Огнев выписал — перечень получился длинный — наименования драгоценных камней, колец, золотых десятков. Акперов не вмешивался, стучало в висках. Сказал устало:

— Ясно. Вы свободны. Товарищ Огнев, проводите гражданку. Поезжайте в больницу Семашко, займитесь похоронами мужа.

— Конечно, конечно...

Они ушли. Заур с нетерпением взглянул на часы: пора бы вернуться Эдуарду.

Оказалось, однако, что он уже здесь — ждет очереди.

— Разрешите? Я не один.

— А-а, старый знакомый, — Заур улыбнулся Шавлакадзе. — Здравствуй, модернист. Значит, снова довелось встретиться?

— Почему бы и нет, товарищ майор. С хорошим человеком и поговорить приятно...

— Польщен. — Заур поклонился, кивнул вернувшемуся Андрею. — Слушай, Огнев. Сергей — человек искусства, и стихи он знает отличные.

— Нет уж, простите. К поэзии сегодня не расположен. — Серго понимал, что все не так просто. Иначе его не искали бы у Люды. — Объясните, пожалуйста, я задержан?

— Нет. Но нам необходимо выяснить, где вы были в субботу вечером и ночью. Дело серьезное. Речь идет об убийстве.

В комнате стало тихо. На лбу Серго выступили крупные капли пота. Он так сжал руки, что пальцы побелели. «Аркадий, Ариф, Генка, — лихорадочно пронеслось в сознании. — Теперь тянут меня. Сказать о Люде?..» Он вспомнил субботний вечер, ужас в ее глазах, шепот: «Молодец, Сержик. Сумел поставить точку.» Вспомнил ночь, негромкое жужжание вентилятора, тихий шепот...

— Нет. — язык ворочался с трудом. — Не могу сказать.

Агавелов наклонился к Зауру, шепнул:

— Молодец парень. Любит ее. Ей богу, любит. Совсем другим человеком стал. — Сказал громко: — Шавлакадзе, мы беседовали с Людмилой. И она.., — капитан замялся, подыскивая слова. — В общем, мы понимаем ваш ответ и не настаиваем. Нас интересуют Галустян и его сообщники.

— Аркадий прирежет меня!

— Ерунда! Галустян — трус и выродок. И ему недолго гулять на свободе.

— А ему и не нужно долго. Пырнёт ножом и...

— Ты же мужчина, Серго, — вмешался Заур. — И только что это доказал. Как тебе не стыдно! Тем более, что и сам собирался прийти. Просто тебя Люда не пустила.

— Правда, — Серго помолчал. — Она не пустила. Только, если уж честно, я обрадовался, что не пустила. Страшно.

— Конечно, страшно. Но надо взять себя в руки. Помогите

Шавлакадзе привалился к спинке стула, прикрыл глаза.

— Аркадия я встретил месяца два назад. Встреча, вы понимаете, меня не обрадовала. Перекинулись парой слов. Я сразу сказал, что завязал. Он разозлился, стал угрожать, предупредил, что если... В общем понимаете. А вечером неожиданно вся бывшая «капелла»: Аркадий, Генка, Ариф ввалилась ко мне.

— Погоди, погоди, — остановился Заур. — Что еще за Генка?

— Ну, Геннадий Чуркин, член нашей бывшей «четверки», юфер автобазы в Карачухуре. И его, и Арифа Аркадий дерсит в кулаке.

Оперативники переглянулись. Третий?..

— А Лара, кто такая Лара?

— Лара? — Серго оживился. — Я с ней познакомился в Сумганте. Оставил адрес. Она случайно, — боясь, что ему не поверят, Шавлакадзе прижал руку к груди. — Честное слово, случайно тоже пришла в тот вечер. Одна. А ушла, — он опустил голову, — ушла вместе с Аркадием.

— Аркадий ей что-нибудь рассказывал о своих делах?

— Кажется, немного. Знаю, что еще при первой встрече упомянул о каких-то золотых часах. Пожалуй, все. Да, еще говорил, что бежать из колонии ему помог какой-то «мужик», который сейчас осел в Баку. Он и дал наколку на «хазу». В субботу Аркадий звал меня идти с ними. Накольщик обещал за золото и вещи сразу выложить наличные. Я отказался. Ведь мы с Людой...

— Не надо, — мягко прервал его Заур. — Это мы знаем. Еще один вопрос. Лара крашеная?

— Не знаю, право. — Серго развел руками. — По-моему, нет. — Повторил твердо: — Нет. Она натуральная блондинка.

— Может быть, нам еще понадобится твоя помощь, Серго. Надеюсь, ты не откажешь?

— Конечно.

— И последнее. Если тебе или Люде будет трудно, смело приходите сюда. Мы всегда поможем. Запомни. — Шавлакадзе кивнул. — Сейчас капитан Агавелов проводит тебя к Люде. Ну, будь, — Заур крепко пожал ему руку.

Коротко обменялись мнениями. Гарантий, конечно, никаких, но попытаться стоит. Терять время опасно. Нужно немедленно произвести обыск. Третий, очевидно, Геннадий Чуркин. Так, во-первых, адрес. Во-вторых, санкция прокурора на обыск и арест всех троих.

Ровно через четверть часа из райотдела выехали по адресам оперативные группы.

Заур остался ждать. Многое прояснилось, но до настоящей ясности еще далеко. Кто эта черноволосая женщина? главное, что это за новая фигура? Мужик?.. Ха-ха. Видно, матерый хищник. Это он, ловко прибрава к рукам, направил «молодежь» на страшное дело. Кто же он? Кто?

УБИЙЦЫ ИЗВЕСТНЫ, А ДАЛЬШЕ?..

Опрос свидетелей закончили к вечеру. Теперь оставалось главное — заключение научно-технического отдела. Заур нетерпеливо поглядывал на часы. Наконец, телефон затрещал. Заур схватил трубку, взъерошил волосы.

— Слушаю... Да-да. Так. — Лицо его засияло. — В-великолепно. Ну, спасибо, обрадовал. Еще бы! Я понимаю: техника...

Байрамов приподнялся с дивана, стараясь уловить смысл. Заур положил трубку, сел рядом.

— Поздравляю, Фархад Гусейнович. Рука у тебя легкая. Говорил с экспертом?

— Это я понял.

— Так вот, уважаемый следователь, теперь можно сказать с уверенностью — убийство раскрыто! Есть железные доказательства. Отпечатки пальцев, найденные в комнате Джумшуда Айрияна, принадлежат Ариффу Мехтиеву.

Он достал коробку «Казбека». Курили, молча улыбались. Вечер, стирая пятна света со стен кабинета, сгущал тени, набрасывая на город голубое сумрачное покрывало.

Байрамов взгляделся в худое лицо Заура.

— Стареем. Седины у тебя вроде бы прибавилось? Устал?

— Устал, Фархад. Честно говоря, последние дни на одних нервах работаю. Надо кончать. Дело достаточно серьезное. Сейчас будто гора с плеч.

— Настырный ты человек, Заур. Многие говорят — везучий. Но я-то вижу, что это за везение. Труд адский.

— Лучше нам избегать высоких слов, но в одном ты, безусловно, прав. Дорого мы платим за каждое дело.

Помолчали. Заур медленно поднялся, включил свет. Встал и Байрамов.

— Что же, Заур Алекперович, арест?

— Да. Пока на двоих. С Арифом Мехтиевым — ясно. И на Аркадия Галустяна. Уверен, что руководил он. Без Артиста Мехтиева на мокрое дело не пошел бы. Значит, на двоих. С остальными разберемся позднее.

— Ты имеешь в виду третьего?

— Третьего, четвертого и пятого.

— Не понимаю.

— Третий — Геннадий Чуркин, тоже из галустяновской шайки. А четвертый и пятый — обозначим их икс и игрек — пока неизвестны. Икс — женщина с черными волосами, это все, что я о ней знаю. А вот игрек — истинный главарь шайки. Судя по всему, они и «накольщики». Впрочем, не стоит торопиться с выводами. Возьмем двоих, станет яснее. Хочу тебя только предупредить, Фархад: Галустян очень осторожен. Лишнего слова не скажет, пока не убедится, что мы все знаем. Я уже имел с ним дело.

— Крепкий орешек?

— Зависит от щипцов.

Байрамов усмехнулся.

— Учту. А теперь ладно, надо отпечатать постановления. — Он сел за пишущую машинку.

Акперов откинулся на диван, забыв о времени. Зубы упорно сжимали давно погасшую папиросу.

— Разрешите?

В кабинет вошли Огнев и два оперативника. Сзади семенила невысокая женщина. Огнев подошел к столу, достал сложенную вчетверо ковровую скатерть.

Заур сразу определил, что это именно та скатерть, о которой говорила Араксия Айриян. Значит, обыск что-то дал. Сейчас это очень важно, молодцы ребята.

— Месьма Мехтиева. Мать Арифа Мехтиева, — шепнул Огнев, понимая, что в подробном докладе об обстоятельствах обыска сейчас нужды нет.

Заур кивнул, пригласил женщину сесть. Впалые щеки, темные круги под глазами... Жилось ей, видно, несладко.

Байрамов брезгливо отогнул край скатерти.

— Откуда это у вас?

Месьма Мехтиева пожала плечами.

Чтобы не мешать следователю, Заур тихо подозвал подчиненных, сказал шепотом:

— Всем отдыхать до полуночи. Намечена операция. Объясню потом. Быстро!

Сотрудники ушли. Заур отошел к окну, оперся на подоконник. Хорошо бы сейчас пройтись по вечернему городу. Но нельзя. Он прислушался.

Байрамов повторил вопрос громче.

— Как вам сказать, начальник. День и ночь мучаюсь, работаю как проклятая. Где мне знать, откуда скатерть. Наверное, Ариф принес, чтоб у него руки отсохли. Клянусь, сведет

он меня в могилу. Связался с этим ит баласы¹ Аркадием, тот и вертит им, как конским хвостом. Что делать? Недавно ударил меня. Мать ударил...

— Где сейчас сын?

— Кто знает? Последний раз видела в пятницу. Вечером.

— Вы живете вдвоем?

— Живем — да. Только почти все лето у нас почуют Аркадий и эта его девка. Ларой звать.

Мехтиеву скоро отпустили, взяв обязательство при появлении сына сразу же сообщить в милицию. Она согласилась охотно. Чувствовалось, что женщина дошла до предела.

Баїрамов тоже ушел, сказав, что придет утром. Заур взглянул на часы и тревожно покачал головой. Агавелову давно полагалось бы вернуться. Только в начале одиннадцатого раздался телефонный звонок. Голос Агавелова доносился откуда-то издалека.

— Заур Алекперович, прости, задержался. Говорю с Карахурской автобазы. Обыск в квартире Чуркина ничего не дал. По словам матери, он ушел в субботу под вечер и не возвращался. Где сын, она не знает. Решил заодно проверить связи. У Чуркина есть девушка — Люся Худякова. Но ей вроде бы тоже ничего не известно. Пришлось ехать в гараж. Выяснил, что Чуркин отпросился у завгара на пару дней. В субботу на работе не был. Вот и все. Рейд пустой.

— Ничего, ничего, Эдуард. И это — немало. Отправь сотрудников по домам. Пусть до двенадцати отдохнут. Сам тоже отдыхай. Слышишь?

— Понял.

— До встречи, дорогой.

Заур положил трубку.

Глава 17

ТЕЛЕГРАММА

К полуночи у здания районного отдела милиции выстроились в ряд оперативные «газики» и мотоциклы. Собрав у себя участников ночного рейда, Акперов объяснил задачу, напомнил маршруты патрульных групп. Ровно в час машины и мотоциклы понеслись по опустевшим улицам.

¹ Сукин сын (азерб.).

Задача стояла нелегкая. Прочесать город — скверы, сады, парки и вокзалы. Может быть, удастся обнаружить светловолосую девушку по имени Лара. Фотографий у него не было, но Люда Цаплина описала ее довольно точно.

Он и сам не мог бы объяснить, как пришла ему в голову эта мысль. Лара — блондинка, а у той женщины, что была в комнате Айрияна, волосы черные. Однако Заур был почему-то уверен, что из машины вытолкнули именно Лару. Ту, черноволосую, явно не за что было выталкивать. Уж если она согласилась быть приманкой...

Значит, Лара. Куда она могла деваться? Вероятно, к утру вернулась в Баку. Ни у Шавлакадзе, ни у Чуркина, ни у Мехтиева не появлялась. Других знакомых у нее как-будто нет. Скорее всего, бродит по городу или ночует — в парке, на вокзале.

Заур развернул большую карту города, пытаясь угадать ее путь, путь загнанного человека.

В течение ночи в райотдел доставили несколько женщин. Проверили, извинились и освободили. Лары среди них не было. Операция кончилась неудачей.

С утра в кабинете Акперова (сам он часа два поспал на диване) собрались сотрудники. Совещание длилось недолго. Заур коротко подвел итоги.

— Составляем ориентировку и объявляем республиканский розыск. Пора подключить к работе другие отделения милиции. Есть предложения?

Поднялся Агавелов, положил на стол перед Зауром три фотографии.

— По-моему, стоит размножить и тоже разослать по всем каналам.

Акперов задумчиво перебирал карточки, пристально и долго вглядываясь в каждую. На первой — чубатый, толстомордый парень с хмурыми глазами. Это Галустян. На второй фотографии — Мехтиев. Густые брови, впалые щеки, напряженный взгляд. С третьей — белозубо улыбается Чуркин. Короткая челка, прилипшая к узкому лбу, крупный нос.

— Подонки, — глухо сказал Акперов. — Что им мешало жить по-человечески? — Он смешал фотографии, отодвинул к краю стола.

— Решим так. Ориентировками и фоторепродукцией займется Огиев. И еще одно. Есть предположение, что эта самая Лара могла вернуться в Баку попутными машинами. Надо связаться с Министерством автотранспорта и другими ведом-

ствами, узнать, какие машины следовали из Кировабада в Баку в ночь на воскресенье. Побеседовать с шоферами. Выяснить, не брал ли кто из них девушку. Работа трудоемкая, но усиленная. Товарищ Милевский, возьмешься?

Милевский, самый молодой сотрудник отдела, вскочил.

— Конечно!

— Теперь ты, Агавелов. Пройдись по скуппунктам, поговорь с людьми.

— Есть! — Эдуард молодцевато щелкнул каблуками.

Кабинет начальника угрозыска опустел. И сразу навалилась усталость. Сколько часов он спал за последние три ночи? Хорошо, если три. Он сел на диван, привалился к спинке...

Разбудил его телефонный звонок. Заур с трудом добрал до аппарата. Кто? Откуда? Но звонила Марита.

— Марита? Да-да... Добрый день. Не могли дозвониться? Верю. Что поделаешь — грехи наши тяжкие... — Он закрыл глаза и вдруг увидел ее такой, какой она была в последнюю встречу: странно тихой, покорной, и от этого еще более обаятельной. — Как у меня дела? Нормально. Сегодня? М-да... Хорошо. Только на час, не больше. Поверьте, я бы с удовольствием, но... Значит, договорились. Я приду.

Он положил трубку, невесело улыбнулся. «Два дня звонила, волновалась, — подумал он. — А я даже не вспомнил. Жизнь все-таки довольно собачья».

В дверь просунулась голова Огнева.

— Можно?

— Конечно, входи.

Андрей положил на стол кипу фотографий, пачку отпечатанных на машинке ориентировок.

— Готово!

— Отлично. Несколько ориентировок отправь городским райотделам, остальные по республике. Разошли и соседям. Что собираешься делать сейчас?

— Не знаю. А что?

— Устал? Смешной вопрос. Иди домой. Отпуск до утра.

— Стоит ли? — Андрей неуверенно потоптался на месте.

— Стоит. От усталого человека трудно ждать гениальных мыслей. А я их от тебя жду. Так что иди, не упрячься.

Наконец Огнев ушел. Было уже шесть. Странно, что ни Милевский, ни Агавелов до сих пор не появились.

Заур прилег на диван. Но теперь почему-то не спалось. Минут через тридцать позвонил Милевский.

— Вы ждете меня, товарищ майор?

— А ты как думаешь?

— Кое-что есть. Сейчас звоню из товаро-транспортной конторы. Разговаривал с шоферами.

— Ну-ну, не тяни.

— Шофер ЗИЛ-150 Сеидов рассказал, что в ночь с субботы на воскресенье подобрал на шоссе, недалеко от Евлаха, светловолосую девушку. Описание сходится. Девушка плакала. Довез до города. Сошла на Шемахинке.

— Имя! Имя как ее? — вскипел Заур.

— Лариса.

— А-а. Продолжай.

— Сказала шоферу, что ехала со знакомыми ребятами в Тбилиси. В дороге поссорились, она обиделась и вышла.

— Сказала, на какой машине ехали?

— Будто бы на «Волге».

— Сколько было ребят?

— Сеидов уверяет, что она сказала: двое.

— А где же, по-твоему, третий?

— Этого я не знаю.

— Понятно. А юмор понимаешь?

— Стараюсь.

— Это хорошо. Допроси подробно шофера и отправляйся спать.

— Слушаюсь.

Акперов в сердцах бросил трубку, потер подбородок. Что же получается, черт возьми? Неужели, ошиблись?

Его потянуло к окну. Это трудно объяснить, но вид города — люди, машины, огни реклам — все это почему-то успокаивает.

Заур круто обернулся. В дверь бесшумно скользнул Агавелов.

— Что ты тут крадешься, как тигр? Мог бы и позвонить. Всякая чертовщина в голову лезет, и даже словом перекинуться не с кем.

— Что случилось, товарищ майор? — Агавелов побледнел.

— Пока ничего страшного. Докладывай.

— Ариф Мехтиев арестован.

Акперов вздрогнул, с сомнением посмотрел на товарища.

— Ты, как свежий ветер, ворвавшийся в душную комнату. Даже не представляешь, как это важно. Или научился читать мысли?

— Пока нет. Очень я устал, Заур. Давай сядем.

— Конечно. Давай на диван. Ну, сыщик милостью божьей, — уже спокойнее сказал Заур. — Теперь рассказывай.

— В скуппунктах — ничего. Заехал в железнодорожную милицию. Там встретил старого приятеля Азиза — ты его знаешь — капитан Курбанов. Посидели, поговорили. Упомянул о наших неприятностях. Представь себе, Курбанов выслушал и вдруг стал довольно поглаживать усы. Они у него пышные. Я знаю, добрый человек. Пододвинул мне бумажку. Гляжу.

— Эдуард, короче. Не играй на нервах.

— Телеграмма. Я ее захватил.

Агавелов протянул бланк. Заур читал и не верил...

«Ариф Мехтиев арестован кражу чемодана станции Дербент тчк Срочно сообщите компматериал тчк Проживает НЗС тчк».

Заур вскочил.

— Мехтиев арестован! Значит, точно — они разделились. Интересно, зачем этому идиоту понадобился чемодан? Хотя хорошо, что понадобился. Теперь бы найти еще Галустяна и Чуркина...

— Найдем. Я съезжу и привезу этого типа.

— А это уже ни к чему. Ты не конвоир, операти ник. Бери блокнот и пиши.

Агавелов достал авторучку.

— Телеграмма. «Начальнику милиции станции Дербент, — диктовал Заур. — Ариф Мехтиев обвиняется убийстве тчк Высылаем постановление аресте и этапировании тчк Одновременно направьте дело краже тчк». — Телеграмму отошли сразу же, и ты свободен. Опять какая-нибудь Аида тебя ждет?

Оставшись один, Заур радостно взъерошил волосы.

— М-да, обстановка меняется. Интересно, сколько их еще будет, перемен?

Глава 18

МАРИТА, ЧТО С ТОБОЙ?

Те несколько часов, что Марита провела на стадионе, многое изменили. Казалось бы, ничего особенного не произошло. Однако домой она ехала с ощущением счастья.

Шел двенадцатый час, людей на улицах было немного. Из окна машины Марита рассеянно считала бегущие навстречу фонари. Машина вынеслась на шоссе, приближаясь к «зеленому изолятору», как она называла свой дом.

Сейчас она войдет в комнату с низеньким потолком. Навстречу ей встанет отец. Взгляд исподлобья, хмурая усмешка, осторожные вопросы. Глаза у него такие, будто он жалеет, что ее нельзя вывернуть наизнанку, как перелицованный пиджак.

Он ведь стес, нехорошо. Однако в последнее время все так опостытело, что нет сил. Неужели всю жизнь она будет под властью этого непонятного человека с тяжелым взглядом. В его присутствии она даже разговаривает как-то иначе — тише, чем обычно.

Сейчас она чувствовала — так дальше невозможно. Что-то должно случиться. Это что-то вернет ей волю, достоинство, ощущение жизни. Предчувствие перемен было неопределенным и немного тревожным, но она ждала их с нетерпением.

Такси остановилось. Марита рассчиталась с водителем и, выскочив из машины, подбежала к калитке. Вошла в комнату, оглянулась. Где же он?

— Папа? — позвала она дрогнувшим вдруг голосом.

Оскар Семенович появился, как тень, из темноты сада. Опираясь на палку, он долго и упорно смотрел на дочь из-под густых седых бровей.

— Ты одна?

— Конечно.

— Как погуляла? Хорошо?

— Да, папа.

— Ложись спать. Спокойной ночи!

Он повернулся и ушел к себе, ничего больше не сказав. Но Марите стало не по себе. Почему он ни о чем не спросил? Что случилось?

Она долго не могла уснуть — было душно, за окном шелестела листва, хлопали доски. Проснулась она от страха. Тяжело и тревожно билось сердце. Показалось, что рядом, в комнате, во дворе или в саду прячется, затаенно дышит кто-то чужой и страшный.

Марита прислушалась. Ерунда, конечно. В соседней комнате спокойно спит, похрапывая отец. Нет, так она не уснет.

Марита решительно поднялась, открыла дверь и в ночной рубашке вышла на крыльцо.

Каким непривычным кажется все в мутноватом, рассеян-

ном свете раннего утра! Под кустом сонно пощелкивает кузнецик. Наверно, ему тоже плохо спится. Тишина.

Ежась от холода, она вернулась к себе, с удовольствием нырнула в неостывшую постель. Послушала, как за окном выстучивает дождь — редкие крупные капли звонко барабаният по крыше, глухо — по ветвям тутовника.

Проснулась она поздно. Взглянула на часы и обомлела — десять. Никогда она так поздно не вставала. Спрыгнула с кровати, накинула халат. В доме тихо.

Странная ночь. Был черт или не был? Если и был, то ушел тихо, не тронув ее.

Марита спустилась во двор. Пышные георгины кивали ей своими тяжелыми головками. Дремавший под деревом Тузик потянулся, лениво побрел к хозяйке, виляя пушистым хвостом.

— Ну вот, коротыш, — сказала Марита грустно, — еще один день, такой же, как все. Поеду на рынок, буду кухарничать и ждать злого бога.

Недалеко от базара она остановила машину и по автомату позвонила Зауру. Очень долго было занято, потом телефон не отвечал. У Аиды тоже никто не брал трубку.

Не сразу удалось дозвониться к Зауру и на следующий день — первый день сентября. С утра телефон не отвечал. Она пошла на занятия, но высидела с трудом — где-то там, на кафедре что-то бубнили разные голоса. В перерыве она снова пыталась звонить, и снова телефон не отвечал. И когда, наконец, услышала в трубке знакомый голос, в горле стоял спазм.

У сквера на улице Камо Марита была ровно в девять. Вышла, огляделась. Бросился в глаза литой чугунный столб. Самое удобное место для свиданий...

А Заура все нет. Ей неловко было стоять одной, делать вид, что не замечаешь многозначительных взглядов. «Уйду, — решила она. — Еще три минуты...» На исходе третьей минуты из-за каменного выступа ограды вышел Заур.

Самое время было сострить по поводу «вежливости королей». Но увидев его — небрит, щеки запали, глаза лихорадочно блестят — она сдержалась.

— Тысячу извинений.

— Не надо. Я понимаю. Рада, что все-таки пришли. Мне очень хотелось вас видеть, Заур.

Она отвернулась, закусив губу. Он благодарно сжал ее тонкую руку.

Они медленно прошли вдоль шоссе, поднялись на мост, перекинутый над платформами.

Марита потянула Заура к перилам. Взглянула вниз. Отсюда, с высоты была отчетливо видна вся привокзальная площадь, паутина рельсов, дым у горизонта.

— Люблю вокзалы. Тянет сесть в поезд и уехать далеко-далеко. Все равно куда, — в голосе ее вдруг прозвучала такая тоска, что Заур вздрогнул.

— Почему? Разве вам здесь так уж плохо?

— Нет, наверное. Я и сама не могу объяснить, Заур. Но ощущение у меня странное: будто вот-вот что-то должно случиться.

Они спустились, пересекли привокзальную площадь и вышли к скверу Самеда Вургуня. Захрустела под ногами кирпичная крошка.

Они выбрали скамью у самого фонтана. Прозрачные струи воды взвивались вверх и с плеском падали в бассейн. Откуда-то издалека доносилась музыка. Голос пел: «Мы с тобой два берега...» Быстро темнело, в небе одна за другой загорались звезды.

Заур погладил холодные пальцы девушки.

— Подарить вам эту песню? — спросил он. — Эх, дарить — так дарить. И этот вечер. И вон те звезды, слева.

— Спасибо. — Она слабо улыбнулась. — Вы так щедры, что самые мрачные предчувствия отступают.

— Предчувствия? Откуда? У вас есть отец, товарищи. Я. Если вы, конечно, захотите.

— Отец! — Марита вздохнула. — Он странный. Иногда, мне кажется, я его боюсь.

— Боятесь? Действительно странно. И если он такой странный, почему же я его не знаю? — пошутил Заур. — Это ведь мой участок, а мне по должности положено знать всех странных людей района...

Но Марита не приняла шутки.

— Вы смеетесь, а это серьезно. По-моему, ему никто, кроме него самого, не нужен. Меня он просто терпит.

— Как же он стал таким?

— Не сегодня, Заур, — попросила она. Я расскажу и о нем, и о себе. Только не сегодня.

— Ладно, пока оставим эту тему. — Заур кивнул.

— Вы уехали со стадиона расстроенным. Что-нибудь случилось?

— Да, совершено преступление, — сказал он отрывисто. — Убийство.

Рука Мариты дрогнула.

— Очень трудное дело, да?

Акперов закурил.

— Пожалуй, нет. Вначале, правда, был полный туман. Убили старого человека, мастера, занимающегося могильными памятниками. Убийство не совсем обычное: его связали и задушили. Кто убил, с какой целью, почему таким способом?

Он помолчал.

— Сначала мы почти ничего не нашли. Так, один женский волос. Но знаете, как много может рассказать даже один-единственный волос?

Заур говорил, задумчиво глядя перед собой. Он не видел, как вспыхнуло, потом побелело лицо Мариты. Она стиснула руки, сжалась, от жесткой спинки скамьи заныли плечи.

Марита схватила его за локоть.

— Уйдем отсюда. Куда-нибудь. Мне страшно.

— Пойдемте, — Заур встал. — Действительно, я это зря...

— Нет-нет, продолжайте. — Они двинулись к чернгородскому мосту. Марита произвольно взяла Заура под руку. — И что же?

— В общем, они не уйдут. Главное сейчас найти женщину.

Марита шла, как пьяная, ей казалось, что земля под ногами живая: вверх-вниз, вверх-вниз... Ее как-будто стегнули по лицу. Ноги стали ватными. Боясь, что упадет, она повисла на руке Заура.

Заур курил, перебирая в памяти факты. Все-таки что-то он упустил. Он не сразу заметил, что рука ее стала тяжелой. Они остановились под самым мостом, у массивных каменных опор. Здесь было полутемно, и Заур с трудом различал глаза Мариты. Станные, остановившиеся глаза.

— Что случилось? Вам плохо?

Заур достал платок, вытер ей лоб.

— Сердце... Теперь уже ничего, прошло. Ты мне очень дорог, слышишь, — сказала она вдруг. — Ты мне веришь, Заур? Вопрос поразил его.

— Конечно, — сказал он нерешительно. И чтобы отбросить сомнения, обнял ее за плечи. На душе было смутно.

— Но ты совсем меня не знаешь, — возразила она с жаром. — И все-таки верь мне. Что бы ни случилось, верь. У меня ведь никого нет. Только ты, Заур.

Губы у нее шевелились. Но слова потонули в гуле. По мосту

над ними мчался поезд. Гулко колыхались опоры. Грохот бил в уши, давил на плечи. Заур потерял представление о времени. Влажные губы Мариты коснулись его губ. Заур прижал ее к себе. И снова где-то в глубине сознания иголкой кольнула тревога.

Поезд прошел. Она осторожно отвела его руки и, опустив голову, пошла вниз.

Заур рванулся за ней.

— Марита! — окликнул он шепотом. — Подожди. Ну что с тобой? Скажи мне, наконец! Я прошу.

— О-ох! — выдохнула она. — Не спрашивай, не надо. Ты же обещал. Проводи меня. Я сама потом тебе скажу. Потом. А сейчас мне надо домой. Пожалуйста, скорее.

Заур остановил такси. До самого дома Марита молча прощаясь, сказала, не глядя на него:

— Не обижайся. Понимаю, что веду себя, как сумасшедшая. Но... Ладно. Я тебе позвоню. Обязательно.

Рванулась и побежала к калитке.

Заур снова сел в такси — он и так опаздывал. На ходу вскочил к дежурному — тихо. Уже спокойнее поднялся к себе в кабинет, не зажигая света, сел к столу, стукнул кулаком по стеклу.

— Ничего не понимаю. Либо я идиот, либо...

Ему не хотелось об этом думать. Он закурил, быстро заходил по кабинету. Черт бы побрал эту работу, к самым простым вещам начинаешь относиться подозрительно.

Стукнула дверь, шелкнул выключатель.

— Ну-ну, — подполковник Асланов прищурился. На крупном мясистом лице мелькнула и пропала улыбка.

— Убийство вроде раскрыто, начальник, — пророкотал он. — Чего сидишь как сыч? Причин для волнений не вижу.

Акперов смущенно наклонился над столом.

— Да я и не волнуюсь, товарищ подполковник.

— Знаешь... Особой наблюдательности не требуется. Личные неприятности, что ли?

Заур неуверенно кивнул.

— Вы почти угадали, Хосров Амирович.

— То-то. Может, иногда и полезно посидеть в темноте. А при свете держи себя в руках, майор. Если плохо, загони бодь подальше. Нельзя, чтобы люди видели, как раскисает начальник уголовного розыска. Им, черт возьми, может, через

час идти на дело. С каки настроеннем пойдут? — громыхнул он сердито.

— Но...

— Никаких «но». Кстати, сколько дней ты не был дома?

— Три, — солгал он.

— Сейчас же собирайся. У тебя есть мать, которая и право видеть тебя хотя бы раз в сутки.

— Был занят.

— Было и сплыло. Ступай Ясно?

— Ясно. Иду.

— Вот и ладно. А то мать подумает, что Асланов не человек, а черт, который сотрудников и домой не пускает. О тебе-то она дурно не подумает, сын...

В дежурке Заур предупредил:

— Еду домой. Если что, пошлите за мной. Только Хосрову Амировичу не докладывайте. Ясно?

— Ясно, товарищ майор.

Глава 19

В САДУ

Поначалу история казалась заурядной. Постовой милиционер Эйбат Рагимов, во второй раз обходя участок, обратил внимание на парочку, которая сидела на скамейке в саду Ильича. На том самом месте они были и два часа назад, он и тогда их заметил.

Парень сидел, низко наклонив голову. У ног валялась скомканная пачка сигарет. Светловолосая девушка что-то горячо говорила ему, пытаясь заглянуть в глаза.

Рагимов постоял немного и пошел дальше — ничего подозрительного. И вдруг услышал:

— Товарищ милиционер!

Он круто обернулся. Девушка вскочила, сделала шаг к нему. Вскочил и парень, рванулся и локтем попал ей в лицо. Схватил за руку и притянул к себе.

Минуту назад Рагимов мог бы поклясться, что позвал его парень. Но теперь обстановка прояснилась. Он мгновенно рванулся к скамейке и умелым движением вывернул кисть нарушителя. Тот вскрикнул от боли.

— Зачем бьете девушку, гражданин?

— Что вы, я ее не бил!

— Как не бил? А кто по лицу ударил, негодяй!

Девушка, теребя порванную косынку, всхлипнула, пыталась что-то сказать. Губы ее не слушались. Рагимов свистком вызвал милицейский патруль, коротко доложил обстоятельства и попросил остановить машину. Один из патрульной группы бегом кинулся к магистрали. Задержанный дернул руку, пытаясь освободиться. Рагимов предупредил внушительно:

— Тише, гражданин, спокойно. Не заставляйте применять силу.

Подоспела машина. Хулигана вместе с потерпевшей отправили в милицию.

В дежурной комнате два дружинника играли в нарды. Старший инспектор, позевывая, решал кроссворд в «Огоньке». Помощник дежурного составлял график проверки постов.

Каждый из сидящих в комнате тайно молился, чтобы остаток ночи прошел спокойно. Самое опасное время — от девяти до двенадцати ночи — уже миновало. Но кроме теории вероятностей есть случайности...

В коридоре послышались возбужденные голоса, застучали каблуки. Инспектор встал, одернул китель. В помещение ввалился коренастый парень, за ним Рагимов.

— Начальник, — крикнул задержанный, — я не бегу, пусть руку отпустит.

— Не нужно сопротивляться!

— Я же ничего не делал.

— Ах мерзавец, — возмутился Рагимов. — Посмотрите, товарищ дежурный, какой фонарь поставил. — Милиционер кивнул на вошедшую вслед за ним девушку.

— Да-а! — протянул инспектор. — Опять девушка. Хорошенькое дело. Бродят ночью по улицам. — Он повернулся. — Рагимов, можете вернуться на пост.

— Слушаюсь, товарищ старший лейтенант, — милиционер козырнул.

Никольский подошел вплотную к парню, оглядел его.

— Пока посидите, гражданин, там на скамейке. Сначала выслушаем девушку, потом поговорим с вами.

— Да я же сам тащил ее в милицию. — В голосе парня прозвучало отчаяние. — Моя фамилия Мурадов...

— Ну, так прямо и тащил. — Никольский усмехнулся и уже резко добавил: — Вам сказано, садьте. Кончим с ней, потом объясните.

Помощник дежурного отвел нарушителя в сторону, скамье.

— Ну, полуночица, почему бродите так поздно? — спросил инспектор равнодушно. — Приличные люди давно спят.

Девушка всхлипнула, ответила тихо:

— Я не брожу, я сидела. И откуда вы знаете, какая я: приличная или?..

— Извините. Может, во всей этой истории мы и виноваты? Спали бы себе спокойно...

— А если не спится?

— Что? Ваш адрес?

— Нет у меня адреса.

— Это мне нравится. Я, между прочим, говорю с вами официально. Ваши документы, паспорт?

— Нет у меня ничего... Украли.

— Молодец, дивчина. Паспорт украли, адреса нет. Знаем мы эти сказки!

— Гражданин начальник, — смешался парень. — Разрешите мне объяснить?

— Помолчите! — крикнул инспектор, раздражаясь. Обернулся к девушке: — Фамилия, имя?

— Носова. Лара.

Никольский положил ручку, внимательно посмотрел на потерпевшую.

— Как? — переспросил он.

— Носова Лара! А что?

Инспектор зачем-то потрогал свой нос:

— Может, чаю хотите? У нас горячий, крепкий.

Девушка, не ожидавшая такого поворота событий, смутилась.

— Хочу. Если можно...

— Вот и прекрасно! — Инспектор мягко попросил ее пройти в соседнюю комнату, там ее напоят чаем. Устроив все, вышел в коридор, сказал шоферу: — Лети за Акперовым. Скажешь, девушка, по имени Лара, у нас в дежурке. Понял? — И только затем пригласил к столу парня.

Мурадов рассказывал коротко. Месяца два назад, возвращаясь из армии, познакомился с Носовой. Разговорились. Она объяснила, что приехала к подруге в Сумгаит, а той нет. Он ее уговаривал заехать к нему. Она отказалась, но адрес взяла. И вот позавчера, в воскресенье, появилась. Расстроенная, что-то с ней стряслось. Расспрашивать я не стал. Утром ушел на работу. Вечером в понедельник были гости, погово-

рить тоже не удалось. Только сегодня, после кино, она мне кое-что объяснила. Но идти в милицию не хотела, сколько я ни уговаривал. Позвал постового. Остальное вы знаете...

Глава 20

ЛАРА?

Акперов дошел до дома пешком. Сонной тишиной встретил его переулочек. Заур взглянул на единственное освещенное окно, вздохнул и вошел в ворота.

Стараясь не шуметь, осторожно нажал на дверь и остановился. Мать сидела в углу на коврикe и вязала шерстяные носки.

— Добрый вечер, ана-джан, — сказал Заур тихо. — Все трудишься?

— О, сынок! — мать бросила вязанье, тяжело поднялась. — Раздевайся. Я сейчас ужин подогрею. Чудесная долма с гатыгом есть. Сердцем знала — придешь сегодня.

Засуетилась, захлопотала. Порозовели блеклые щеки, заблестели глаза.

Заур, сбросив пиджак, с наслаждением растянулся на тахте. Хотелось спокойно полежать, собраться с мыслями. На работе не подумаешь. С Маритой что-то неладно, в этом он был уверен. И чем больше думал, тем тревожнее становилось на душе.

Из раздумья его вывел голос матери.

— Сынок, ты хоть дома поменьше думай. Нельзя так.

— Прости, ана-джан, виноват.

— Бог простит... Вставай, поужинай, стакан чаю выпей.

Он бесшумно поднялся, с удовольствием взялся за долму. Пери-ханум села напротив. Не сводя с него глаз, мелкими глотками пила чай, неторопливо сообщала новости.

— Получила письмо от твоей сестры, в гости зовет. Пишет, что Алекпер и Полад очень соскучились.

— Да? Очень хорошо. Еще неделя, я буду совсем свободен. Возьму отпуск, обязательно поедem с тобой в Москву, ана-джан.

— Спасибо, сынок, спасибо. Был бы ты только здоров.

Заур тоже выпил чай. Помолчали, вслушиваясь в прерывистую трель сверчка: Мать начала осторожно:

— Вай, все вокруг спрашивают, не женился ли ты. Удивляются. А что я могу ответить?

— Эх, ана-джан, ты же знаешь: не женился. И пока нечего сказать. Было бы что, от тебя бы не скрыл. Есть, понимаешь, одна девушка, вроде хорошая, но что-то у нее неладно. — Нахмурился, помолчал. — Если б вот в душу человека можно было заглянуть. Не знаю, мама, не знаю. Как прояснится, приведу к тебе, познакомлю. Сразу будут две радости: девушка и отпуск... Хорошо?

— Конечно, сынок, конечно... — Пери-ханум поняла: неспокойно на сердце у сына. — Ты не торопи ее, Заур. Радость не прячут. Раз молчит, значит горе...

В ночной тишине заурчал мотор, призывно взвизгнул гудок. Заур схватил пиджак, рванулся к воротам. И чуть не сбил с ног шофера.

— Товарищ майор, вы? Там эта девушка... Лара.

Смолкли шаги сына. В наступившей тишине как-то резче затикали старенькие ходики. Пери-ханум все пила чай маленькими глотками, повторяя чужое, странное имя.

— Лара... Значит, Лара. Вон как побежал...

У себя в кабинете Акперов выслушал короткий доклад инспектора. Поговорил с Мурадовым. Проводил его до двери, крепко пожал руку.

— Извините, что такое случилось. Нагоняй я этому Рагимову дам, но его тоже можно понять. После беседы отведем ее прямо к вам. Не волнуйтесь. — Обернулся к Никольскому. — Попросите ее, пожалуйста, ко мне.

Лара робко вошла в комнату, подняла на Заура большие голубые глаза, присела на краешек стула. Заур молчал, стараясь успокоиться. Как много зависело от этой встречи!

Лара незаметно рассматривала майора: усталое лицо, седая прядь над высоким смуглым лбом.

Заур полистал папку, взглянул на нее.

— Как дела, Лара? Устали?

— Н-нет. Наоборот... В дежурке напоиди чаем с печеньем. Никогда не думала, что в милиции так...

Заур улыбнулся.

— Теперь знайте. В общем-то, мы для того тут и сидим, чтобы помогать людям.

— В чем? В поисках украденного вором кошелька? Да?

Заур спокойно встретил ее острый взгляд.

— Для этого — тоже. Ведь бывает, что в кошельке последние деньги.

— А если поздно? Если все поздно? — вскрикнула она, вцепившись в край стола.

— Поздно никогда не бывает. Особенно в вашем возрасте. Сколько вам, простите, лет?

— Девятнадцать!

— Ну, вот. Может, от усталости, но выглядите вы старше. Нелегко пришлось, да?

— Да. Всякое бывало.

— У вас есть родители?

— Отца нет. Умер. Мать... — она замаялась. — Можно сказать, что и матери нет. Фельдшерица в сельской больнице. Сошлась с одним. Пьяница. Заставляет ее спирт таскать. Билась, билась она с ним. А сейчас пьют вместе. И меня все к столу тянули. Уйдешь на крыльцо и сидишь до рассвета, пока не уснут. А вы говорите — мать...

— А друзья?

— Нет у меня друзей. Разве что Алик Мурадов.

— А Галустян, Мехтиев...

— Какие они друзья! С ними — все, кончено. — Она махнула рукой.

— У меня к вам просьба, Лариса, — сказал Заур тихо. — Давайте сядем на диван, и вы мне все расскажете. Я не буду задавать вопросов, не буду писать. Вы мне просто все расскажете. Даю вам слово, что я постараюсь вам помочь. Сделаю все, что в моих силах. Большого я пока обещать не могу, понимаете?

— Понимаю! — Лара с такой надеждой взглянула на Заура, что ему стало не по себе. Форменный ребенок. А если так же просто и бесхитростно она что-то натворила? Все равно он постарается ей помочь. — Боюсь я, товарищ майор. Вы не представляете, какие они. — Голос ее задрожал, сломался.

— Их боишься, Лара? — Он вздохнул с облегчением. — Тут я могу поручиться: в обиду мы тебя не дадим.

— Верю. Но знаете, сколько я натерпелась... Страшно вспомнить.

Акперов закурил, мягко погладил ее руку.

— Не волнуйся. Все будет хорошо. — Он подумал и повторил твердо: — Хорошо.

Я НИЧЕГО НЕ СКРОЮ

Из-за дощатой ограды небольшого дома, стоявшего в стороне от шоссе, тянуло вкусным дымком шашлыка. Ариф, присев на корточки у мангала, помахивал куском фанеры. На раскаленных углях шипели капельки жира.

В низенькую калитку с гоготом и шумом ввалилась компания. Впереди, покачиваясь, шли Артист и Геннадий. За ними, весело щебеча, девушки. Из сумок торчали горлышки бутылок, пучки зелени, чуреки.

Ариф повел в их сторону раскосыми глазами, проворчал:

— Что-то вы, братцы, ползете как черепахи. Я тут работаю в поте лица и все думаю, неужели шашлык придется есть одним.

— А что, и съел бы, — отозвался Аркадий. — Аппетит у тебя, известно, волчий. Веселиться сегодня будем до упаду. Деньжата есть и еще появятся — бог не оставит.

— Заходите в комнату, — Ариф сделал галантный жест рукой.

— Старуха дома?

— Нет. Появится только утром. Сегодня в ночь работает.

— Отлично. Значит, успеем повернуть дельце. — Аркадий многозначительно подмигнул Арифу.

— А где Серго? Ты же собирался за ним зайти.

— Не застал. — Аркадий помрачнел. — Совсем откололся от нас.

— Ха! Он знает свое дело. Рисует розовый зад Мими, — Геннадий рассмеялся и, опустившись на корточки, стал перекладывать шампуры.

— Брось трепаться, — покосился на него Аркадий. — Серго — свой парень, тертый. А ты что? Всегда в запасных ходишь.

Геннадий сразу снял.

— Это я так, Аркаша, пошутил.

— Девочки, шагайте в хату и накрывайте на стол, — распорядился Аркадий.

Почему-то любое его распоряжение выполнялось беспрекословно. Оставшись одни, заговорили свободнее.

— Клевая у тебя хата, Ариф, — восхитился Геннадий. — И главное — на отшибе. Никто не догадается.

— Пока не наколят. Что-то мать в последнее время стала шипеть.

— А ты сдрейфил, мямля, — поддел Аркадий.

— Ни в жизни! Так, к слову пришлось. А в общем, наплевать.

— Кончайте треп, тащите шашлык!

Аркадий пошел к дверям.

Гулять — так гулять. Пили жадно, беспорядочно, мешая вино и водку. Стало весело. Хохотали до упаду, рассказывали анекдоты, хвастались.

Лара старалась не терять головы, пить меньше. Последние недели ей все чаще хотелось исчезнуть, почему-то постоянно вспоминался Алик, разговор в поезде. Адрес его она помнила. Уйти, однако, было не так-то просто. Пару дней назад Аркадий забрал все ее вещи и паспорт. «Ты меня устраиваешь, — кривляясь объяснил он. — Не желаю тебя терять. Не думай отколоться. Под землей найду! И тогда...» Он подмигнул так, что Лара вздрогнула. Весельчак Аркаша мог и зарезать так, с улыбкой.

Сидя в углу, она молча наблюдала за дикой пляской Люси и Геннадия. Повернула голову и встретила внимательный взгляд Аркадия. Не отводя от ее лица цепких, совершенно трезвых глаз, он сказал негромко:

— Не тушуйся, Ларка, рви от жизни все. Кто знает, что ждет нас завтра. Как сказал поэт: «Пейте, пойте в юности, бейте жизнь без промаха». Все едино, судьба наша поломатая. — Он состроил гримасу и вдруг как-то невесело усмехнулся. — Пей!

Лара отвела его руку с протянутой рюмкой.

— Почему поломатая? Я пойду работать. Я буду...

Геннадий расхохотался.

— Слышали, братцы. Ларочка изъявила намерение трудиться. Пардон! Да за Аркашей ты как за каменной стеной. Не жизнь, а малина.

— Умница, Геночка; — Люся в восторге всплеснула руками.

Аркадий взглянул на нее и брезгливо поморщился, процедил сквозь зубы:

— Паскуда.

И тут же отвернулся к Арифу.

— Слушай, кассир, выдай из банковских средств Ларочке скромное пособие. На обустройство.

— Не нужно, — сказала Лара спокойно. — Мне ничего не

нужно. — И беззаботно расхохоталась, стараясь отвлечь от себя внимание.

— И за что только ты мне нравишься? — Аркадий взял ее за подбородок, заглянул в глаза. — Думаешь, я скотина? Да?

— Не исключено. — Лара кивнула и внутренне сжалась, ожидая удара.

Но он не ударил. Обнял, поцеловал в губы. И в эту минуту за окном коротко свистнули. Аркадий вскочил со стула, поднес палец к губам.

— Тихо, ребята! Старик появился. Я сейчас вернусь.

Он нырнул в дверь и вернулся минут через пять.

— Хевра, кончай кино! В субботу пить грешно! По нашему закону положено трудиться.

Нехотя поднялись из-за стола.

— Гена, ты проводишь девочек домой и будешь ждать у фонтана, — деловито распорядился Аркадий.

— Заметано.

— Арифка и Лара пойдут со мной. Провыремся, разведемся. Может, встретим Серго.

Вышли на шоссе. Гена остановил такси, со смехом запихал в него девушек, сам сел впереди. Аркадий, Ариф и Лара отправились немного позже. Вылезли в центре, побродили по городу. Встретили у кафе «Наргиз» Серго с Людой.

Лара едва успела перекинуться с Людой парой фраз, как Аркадий грубо рванул ее за локоть.

— Опять наболтала?

Серго быстро увел Люду.

— Ладно. Пошли. Дел непочатый край, — сказал Аркадий сердито. От прежней его смутной усмешки не осталось следа. — Не вырвется, — сказал он ни к кому не обращаясь. — Не сегодня-завтра приручу.

У книжного пассажа остановили машину, зачем-то снова поехали в домик к Арифу. Высадили Лару. Галустян сказал негромко:

— Наведи тут порядок, чтобы все тип-топ. Мы скоро вернемся. Понятно? Жди нас.

— Ладно.

Лара медленно поплелась к проклятому домику. Знала точно: этой ночью что-то произойдет. Стараясь не думать, аккуратно собрала бутылки, вымыла посуду. Прилегла на кровать и сразу уснула.

Разбудил ее голос Аркадия. Лара вскочила, оправила сбившееся платье. Ариф и Геннадий рассматривали яркую

скатерть. На столе валялся потертый кожаный портфель. На плече у Аркадия — новенький фотоаппарат. Но лицо злое, угрюмое.

— Никто не приходил?

— Нн-нет. Я спала.

— Наблюдал. — Он отвернулся, сказал жестко: — Барахло надо толкнуть поживее. Только не в Баку.

Ариф попросил:

— Оставь скатерть матери. Старуха обрадуется.

— Бери, барахольщик, мое дело — сторона. Однако учти, поведешь на себя милицию.

— Ерунда. До самой смерти мне ничего не будет.

— Лара, собирайся, — бросил Аркадий. — Едем.

— Куда?

— Не кудыкай, чушка. В Сочи, на курорт. Приходилось? И учти: разговаривать со мной теперь надо деликатно. Я — персона. — Он звонко хлопнул по коже портфеля.

Ариф, возившийся в углу, истерически вскричал:

— Нож! Нож! Сука буду, оставил там нож!

В руке Аркадия блеснула финка.

— У-у, скотина. След для уголовки оставил. Гадина!

Тяжело глядя на Арифа, он медленно цедил сквозь зубы ругательства. Ариф пятился, пока не уткнулся спиной в стену. Побелевшие губы его дрожали.

— Аркаша, Аркаша, ты что? — крикнул Геннадий, бросаясь между ними.

Галустян левой рукой отбросил Геннадия и не мигая продолжал смотреть на Арифа.

— Пришью как собаку, — Аркадий занес руку.

Лара бросилась вперед, загородила Арифа. Знала — Аркадия не остановишь. Но ей было как-то все равно. Она подошла к нему вплотную, смотрела глаза в глаза. Губы Аркадия дрогнули, он притянул ее голову, зло поцеловал в губы.

— Люблю диких кошек! Так и быть, прощаю ради тебя этого дурака. Отойдн.

За окном кто-то свистнул.

— Ждите! — Аркадий схватил портфель и выбежал из комнаты.

Вернулся он минут через десять.

— Старик за камни и золото выложил двадцать тысяч. Кинул нам два паспорта — мне и тебе, Генка. Больше бланков не было. Паспорта чистенькие: заполнил при мне, прямо в машине.

— Так кто же мы теперь? — пальцы Геннадия нервно стучали по столу.

— Кто? — Продолжая о чем-то думать, Аркадий пристально взглянул на Лару. — А... Сам прочтешь. — Повернулся к Ариффу: — Бери свою долю и исчезни. Довольно ты нам подгадил. Бери курс на север. А мы — мотаем на юг. Не обижайся: так уж получилось, что мы с тобой не сработались. — Он протянул Ариффу толстую пачку денег.

— Спасибо, друг. — Арифф взял деньги, спрятал в карман.

— Не за что. Давай скорее сматываться.

Погасили свет, заперли двери. У ограды ждала «Волга». Геннадий сел за руль, Арифф устроился рядом. Аркадий и Лара сели сзади. Под ногами как-будто шевельнулось живое. Лара вскрикнула, рванулась.

— Молчи, дура! — прошипел Аркадий. — Учись держать язык за зубами, а то вырву. — Он с силой толкнул ее обратно в машину.

У вокзала ссадили Ариффа. Он ушел молча, не простившись. «Волга» рванулась, выскочила на окраину. Последние огоньки скрылись за поворотом.

Неожиданно впереди обозначились темные силуэты гор. Лару стало укачивать. Она откинула голову на спинку сиденья и задремала. Сквозь сон почувствовала, что ее трясут за плечо. Открыла глаза. «Волга» стояла, Аркадий курил у машины, поманил ее пальцем. Она вышла.

— Дальше с нами ехать опасно, останешься здесь. В Баку идет много машин. Кто-нибудь подберет. Вот тебе деньги.

— Я боюсь одна, ночью...

— Дура! Как сказал, так будет. Приедешь в город, разыщешь Серго. Объяснишь, что мы уехали. Паспорт твой пришлю в письме на его имя. Запомни: Главпочтамт, до востребования. Чтоб и он помнил — висит на крючке. Пусть попробует рот раскрыть, — Аркадий сжал кулаки, — сверну. Это и тебя касается. Крепко запомни.

Аркадий сел в машину, резко хлопнула дверца. «Волга» бесшумно рванулась вперед, красные ее огоньки растаяли вдали...

— Вот, кажется, и все, — просто сказала Лара.

— Спасибо, очень хорошо. Ты очень устала, Лара?

— Н-нет. А что?

— Тогда еще несколько вопросов.

— Спрашивайте, — она вяло кивнула.

— С Серго ты встретилась?

— Нет... Видеть никого из них не хочу.

— Он не с ними. Но об этом позже. Где твои вещи?

— Вещи? Аркадий сдал их в камеру хранения на вокзале.

— Почему он, а не ты?

— Он положил в мой чемодан шляпу и тельняшку. Сказал, память о брате. До того чемодан был у Арифа дома.

— Понимаю. Прекрасно, — Акперов бросил окурок в уже заполненную до краев пепельницу. — Ты хорошо рассказываешь, Лара. Я не просто слышал, а прямо-таки видел все это.

— Что вы, товарищ майор! — Лара смутилась. — Хотите вам помочь. Что-то в жизни сделаю. А там пусть убивают...

— А вот это уже глупости. Ничего с тобой не случится, это я тебе обещаю. Будешь жить. И не прятаться, а ходить по земле с гордо поднятой головой. — Заур в волнении прошелся по кабинету. — Ну, если честно, гордиться пока особенно нечем. Вот устроим тебя на работу, поселишься в общешитии. Будешь ходить в гости к Мурадовым, ты им нравишься. Ладно, соловья баснями не кормят. — Он взял трубку, набрал номер. — Никольский, откройте кабинет Агавелова, организуйте постель на диване. Да, для этой девушки. Все. — Обернулся к Ларе. — До утра отдохнешь. А утром... Утром начнем перекраивать твою биографию.

Лара встала.

— Спасибо вам, товарищ Акперов. Вы добрый!

Заур проводил ее до двери, пробормотал смущенно:

— Какая там доброта...

Вернувшись, он сел к столу и попытался сосредоточиться. Мысли прыгали: всего было слишком много. Ясно одно: Сумбатова, кассир, Айриян — все это дело одних рук.

Все фигуры постепенно занимали свои места.

Глава 22

ДЕНЬ ХОРОШИХ ИЗВЕСТИЙ И ПЕЧАЛЬНЫХ СОБЫТИЙ

Заур с трудом дождался рассвета. Усталость прошла. Он лишь час подремал на диване, а ощущение было такое, словно он отлично выспался.

Поглядывая на светлеющие квадраты окон, Заур размечтался. Вот закончит он это дело и подаст рапорт — попросит

отпуск. Очень хочется побыть с матерью, съездить в Москву отдохнуть. Да, отдохнуть надо. Так тоже нельзя.

Ровно в восемь Заур умылся, забежал в парикмахерскую напротив и отправился в ближайшее кафе. На обратном пути столкнулся с Агавеловым. Капитан был в хорошем настроении — посвистывал, улыбался.

— Доброе утро, — поздоровался Заур. — Чего сияешь, как солнце?

— А почему и не сиять? Узнал про события этой и Грешен, завидую.

Они вместе поднялись на второй этаж. Там уже ждал Огнев.

— Хорошо, что все в сборе, — сказал Заур. — Есть срочная работа.

К этому времени он уже ясно представлял, что делать дальше. Загибая пальцы, он перечислил. Во-первых, позвонить Байрамову — пусть проведет официальный допрос Ларисы. Во-вторых, Главпочтамт, туда поедет Агавелов. В-третьих, чемодан Ларисы, этим займется Огнев. В-четвертых... Акперов не стал откладывать: сразу же позвонил в райотдел Сурену Юзбашеву. Узнав, что дело об ограблении кассира раскрыто, Сурен обрадовался. Договорились, что он пришлет материалы, чтобы приобщить их к делу об убийстве. Все было сделано быстро: ровно через час он доставил их сам. Понятно, хотел услышать подробности.

Байрамов быстро закончил допрос и сразу же вынес постановление об аресте Геннадия Чуркина. Еще через сорок минут вернулся Огнев. Он внес в кабинет маленький чемодан и осторожно положил его на приставной стул.

— Ну и бюрократы на вокзале, — хмуро сообщил он. — Пришлось походить по инстанциям, пока мне его выдали.

— Между прочим, они правы, Андрей. Наверно, и ты не очень обрадовался бы, если б твой чемодан исчез. Ладно, пригласи Носову и свидетелей.

Пришли Лара и два дружинника. Увидев свой чемодан, девушка всплеснула руками.

— Ой, откуда он взялся? Ведь квитанция у Аркадия.

— В порядке исключения, — Заур невольно улыбнулся. — А квитанция пусть у него останется. На память.

Чемодан вскрыли. Лара с интересом следила за руками Огнева. Появились ее платья, демисезонное пальто. Все остальное было чужое. Шляпа, тельняшка, карты, пачка порнографических открыток...

Огнев работал очень осторожно. На вещах могли сохраниться отпечатки пальцев. Потом он сел составлять акт, а Заур позвонил в научно-технический отдел — вызвать эксперта.

Он еще говорил по телефону, когда в кабинет Агавелов.

— Удача, товарищи! — крикнул он. — Удача, понимаете?

— Тише и без загадок. — Заур был напряжен до предела; именно сейчас, когда клубок разматывается, особенно легко допустить ошибку.

Агавелов торжественно вручил Зауру конверт.

— Прошу, Заур Алекперович. Весь день я сортировал письма. И вот результат. Из Сочи.

Четким косым почерком на конверте было выведено: «Баку, Главпочтамт. До востребования. Шавлакадзе Сергею». Обратного адреса, естественно, не было.

— Хорошо. Но подождем эксперта. Могут быть отпечатки пальцев.

Эксперт работал быстро. Ни на открытках, ни на картах следов, пригодных для идентификации, не оказалось. Зато на листе бумаги, вложенном в конверт, удалось обнаружить два вполне пригодных отпечатка. Эксперт осмотрел паспорт — в нем ничего не было. Заур кивнул и попросил передать паспорт Носовой.

С особым вниманием прочли письмо, адресованное Серго.

«Здорово, дружище! — писал Галустян. — Отбыли благополучно. Сестренку сбросили. С Косым расстались. Отдыхаем в Сочи. Курорт — класс. Обжорки еще лучше. Только с квартирами плохо. Кочуем. Но это мелочи жизни. Гроши есть, так что засиживаться не собираемся. Как твоё здоровье, не беспокоят ли тебя лягавые? Увидишь сестренку, привет. Развлеки девочку. Ты умеешь. Вернемся — отблагодарим. Не выпускай ее из виду. Береги и своё здоровье. Адрес не даю — жен попалась очень ревнивая.

Твои друзья.

Разумеется, в письме не было ничего загадочного. Похоже, Галустян к этому и не стремился. Если письмо и попадет в чужие руки, попробуй их найти в городе, переполненном приезжими. А может, их там и не будет — страна велика...

— Ясно, — усмехнулся Огнев. — Думаю, насчет отъезда он крутит. Они, несомненно, в Сочи. Надо ехать и брать их, сволочей, пока не смотались.

— Резонно, — согласился Агавелов. — Брать их надо немедленно. Но как? Самим ехать?

— По-моему, да. — Заур потер лоб. — И ехать надо как можно скорее. Время дорого. Нельзя терять ни часу.

— Может, взять с собой Шавлакадзе?

— Нет-нет. — Заур покачал головой. — Не станем его беспокоить без крайней надобности.

Все-таки два часа потеряли. Надо было доложить обстановку начальнику отдела и получить согласие на командировку, оформить документы, собраться. Решено было отправить на «курорт» две группы — Агавелова и Огнева.

В 18.00 к райотделу милиции подъехали два оперативных «газика» из Мотодивизиона. На машинах были номера войсковой части.

Заур сказал на прощание всего несколько слов.

— Учтите, успех зависит от вашей оперативности, раз. От вашей внимательности, два. Запомните: Галустян не дурак. Те немногие следы, что он оставил, естественны. Всего не предусмотреть. Будет трудно, свяжитесь с местными организациями. Все ясно?

Он помолчал.

— Охотно поехал бы с вами. Не пускают. Ладно, закурим по последней...

После отъезда опергруппы делать было особенно нечего, и Заур решил двинуться домой. Он уложил бумаги в сейф, выключил свет. Как раз в этот момент и затрещал телефон.

Заур, чертыхаясь, нащупал в темноте трубку.

— Алло! Майор Акперов у телефона.

Частое прерывистое дыхание, звенящий от волнения голос.

— Заур, вы?

— Слушаю, Марита. Марита!

Молчание. Потом быстро:

— Никуда не уходи. Через полчаса позвоню. Ты так мне нужен... — И частые гудки отбоя.

Заур зажег свет, прилег на диван. Прошло полчаса, час. Телефон молчал.

— Что делать? — думал он. — Поехать к ней? Но ведь она просила этого не делать. Но, может быть, что-то случилось? «Заур, ты мне так нужен».

Акперов вскочил, выбрался на проспект, остановил такси.

— Скорее! Скорее! — торопил он шофера, гнавшего машину.

Десять минут спустя машина остановилась метрах в тридцати от дома Мариты. Вот деревянный штакетник. Но почему ворота открыты? Тихо урчит мотор. Заур замер, прижавшись к ограде.

Из ворот медленно выехал «Москвич» АЗИ 13-13. Правильно. За рулем мужчина. Седой, согнувшийся. Ее отец. Машина резко рванулась вперед и, обдав Заура пылью, скрылась за поворотом.

Заур смело вошел во двор. Жалобно выла собака.

— Марита, — позвал он тихо.

Никто не отозвался. Заур крикнул громче. В ответ — отрывистое тявканье.

Быстро взбежав по ступенькам, Заур распахнул дверь и остановился. На полу лежала Марита.

Глава 23

СПАСТИ

Он хотел броситься на помощь и не смог. На него нашло какое-то странное оцепенение. Это продолжалось недолго — всего несколько секунд. Но они вобрали в себя многое: смутную тревогу от их последней встречи, напряжение этих дней, ужас — только сейчас Заур понял, как она ему дорога.

Он вышел из оцепенения, рванулся, схватил безжизненную руку. В слабом свете настольной лампы лицо казалось пергаментным. Судорожно сведенные к переносице брови. Ранка на отвисшей губе. Неверными пальцами Заур искал пульс. Нет... Нет... Нет... Он припал ухом к груди девушки.

— Жива!

Маленькая такса повела длинными ушами, заскулила. Заур попытался приподнять голову. Пальцы коснулись чего-то липкого. Кровь... Он заставил себя успокоиться. Трогать нельзя, могут быть переломы, сотрясение, все что угодно. Нужен врач, «Скорая помощь».

Он огляделся — телефона не видно. Правильно, его и нет — Марита всегда звонила из автомата. Он выскочил и побежал на огонек участкового пункта. Хорошо, что заметил раньше. Тяжело дыша, он толкнул дверь. Дежурный схватился за фуражку. Заур набрал «03».

→ Дежурная? Говорит майор Акперов. Поселок Строите-

лей, дом № 30. Тяжелое ранение. Да-да. Заступина Марита Оскаровна, 24 года. Скорее!

Участковый уполномоченный тарашил сонные глаза: чертовщина какая-то. Ни шума, ни крика — и вдруг ранение.

— Она должна жить, — пробормотал Заур хрипло. Взглянул на лейтенанта, вытер платком лицо. — Надо быть повнимательнее, участковый, — сказал он хмуро. — Ладно, иди встречай врача, а я сейчас...

Странная история... Бросил раненую дочь, умчался куда-то. Или он не видел? Нет, должен был видеть. Лицо у старика было мрачное. Может, он и ехал за врачом? Но тогда он давно вернулся бы...

И тут — обухом по голове: «Старик!». Он снова наклонился к аппарату.

— ГАИ? Майор Акперов. Немедленно примите меры к задержанию машины «Москвич» АЗИ 13-13. Голубая. За рулем седой человек. Оповестите все посты ГАИ и РУД. Очень важно. Очень.

Заур доложил обстановку начальнику райотдела, вызвал оперативника с фотокамерой. Кажется, все? Он побежал назад, к дому Заступина. Лара несколько раз говорила о старике, это он помнил точно. Волос был тонкий и черный. Волосы у Мариты... Нет, не надо об этом. Мало ли стариков; процентов семьдесят бакинских женщин — брюнетки. Простое стечение обстоятельств. Но эти вопросы Мариты, слезы, страх, просьба верить, что бы ни случилось...

У калитки уже стояла машина «Скорой помощи». Из дому доносились взволнованные голоса. Он замедлил шаги, остановился. Ноги стали ватными, дрожали. Сейчас он войдет и услышит: «Все». Сколько раз ему приходилось слышать это короткое слово.

Однако хирург — седой, с красными от усталости глазами — взглянул на него безразлично и ничего не сказал. Он был занят. Марита лежала на диване, врач, стоя на коленях, поднес к ее лицу пузырек.

— Как состояние? — спросил Заур шепотом. — Жива, доктор?

— Жива. Успели вовремя, — бросил врач коротко. Кивнул фельдшеру: — Кофеин. Приготовьте перевязку и противостолбнячную.

— Есть надежда? — голос Заура прервался.

— Пока живу — надеюсь, — врач усмехнулся. — В данном случае, кажется, не без оснований. Но положение опасное.

Рана, сильный ушиб головы. Возможно сотрясение мозга. Потеряла много крови. Сейчас введем сыворотку — и сразу в больницу.

— Я поеду с вами.

— Не возражаю, — кивнул врач.

Фельдшер взялся за шприц. Заур отвернулся, отошел в сторону. Мимо него быстро прошли к постели оперуполномоченный и следователь.

Врач спешил. Ровно через десять минут «Скорая» уже неслась к больнице Семашко. Зауру повезло. В приемной хирургического отделения дежурил Ковшов. Тоже обрадовался. Крепко, до боли стиснул руку, прогудел:

— Очередное ЧП, дорогой? Мы с тобой последнее время встречаемся только по таким поводам. Печально.

— Очень печально. Тяжело ранена девушка. Случай серьезный. К тому же знакомая...

— Опять знакомая? Преступный мир, похоже, решил расправиться со всеми твоими знакомыми.

Санитары вкатили коляску с носилками. Марита так и не пришла в сознание. Заур с ужасом взглянул на безжизненно откинутую голову, мертвенно белые губы.

Ковшов схватил за руку пробежавшую сестру.

— Майору халат и колпак, быстро! — Уже на ходу добавил: — Заур, я в перевязочной. Поднимайся.

Мучительно долго тянулись минуты. Ковшов разрезал бинт, начал обрабатывать рану, Заур старался не смотреть. Он все ждал мгновения, когда Марита откроет глаза и заговорит.

На скуластом лице Ковшова мелькнула легкая улыбка. Заур понял: не так страшно. «Кислород, — не глядя бросил Ковшов. — Достаточно». Веки дрогнули. Марита медленно открыла прозрачно-синие глаза. Заур подошел ближе, наклонился, пытаясь поймать ее взгляд.

— Это я! Заур! — выкрикнул он, не владея собой. — Марита, слышишь? Я!

Бледные губы шевельнулись.

— Зас-тупин... Ос-кар... У-убий Т-били-си...

Голова Мариты упала.

— Умерла?

— Нет, — сказал Ковшов спокойно. — Большая потеря крови. Сейчас сделают переливание. А ты — уходи. Ты мне начинаешь мешать.

Медленно спускаясь по лестнице, Заур думал сразу обо

всем. «Потеря крови, переливание. Заступина она назвала убийцей. Почему Заступин, а не отец? Тогда кто же он? И кто она?..»

Он схватил такси и поехал в райотдел. Надо торопиться. Похоже, старик — это и есть Оскар Заступин. Немедленно перекрыть пути. Сообщить на аэродром и вокзал. Тбилисская линия — само собой. Но и северная, и ереванская...

Приметы известны. Он видел его достаточно близко. Высокий, сутулый, совершенно седой. Лицо запоминающееся, не лишено даже жестокого благородства.

Мелькнуло знакомое серое здание. Он сразу заметил: в окне начальника — свет. Стремительно вбежал в подъезд. Но чем дальше, тем медленнее ступали ноги. Новенькая ворсистая дорожка. Перед массивной, обитой кожей дверью он остановился. Опять что-то произошло.

Глава 24

ОПЕРАЦИЯ «СОЧИ»

Два «газика», покачиваясь на рессорах, мчались по гладкому асфальту. Проехали Евлах, Кировабад, Тбилиси. Дорога вбегала в лесную чащу, вырывалась на равнину, петляла по горным склонам.

Утро выдалось хмурое, неприветливое. Небо затянуло тучами. Накапывал дождь. К полудню, едва милицейские машины миновали Сухуми, разразился настоящий ливень. Все вокруг зашипело, забулькало, с гор понеслись желтоватомутные потоки. Пришлось резко снизить скорость, на скользком асфальте машины заносило. Тяжело провис мокрый брезент. Машины, однако, упорно шли вперед, рассекая дождевую завесу лучами фар.

Головную машину вел Огнев. Сжимая руками непослушную баранку руля, он напряженно смотрел перед собой. Рядом, поживаясь от холода, нахохлился Агавелов.

— Вот тебе и солнце в Гаграх, — невесело пошутил Огнев, прижимая машину к скале, чтобы разминуться с встречной. — Буду тоже все время сигналить, а то...

— М-да, — кивнул Агавелов. — Похоже, придется заночевать в Гаграх.

— Придется. Только бы дождь до утра перестал. Говорят, в здешних местах по несколько дней льет.

— Типун тебе на язык! Надо надеяться на лучшее.

Прибрежный бульвар безлюден. Под ударами дождя слабо вздрагивают веерообразные кроны пальм, длинные лопасти агав, широкие листья бананов. С глухим ревом накатываются на плоский берег пенистые серые волны.

У двухэтажного домика под красной черепичной крышей машины остановились. Работники местной милиции приветливо встретили коллег. С южным гостеприимством накормили, заставили выпить графинчик «Изабеллы», связались с метеостанцией.

— К утру прояснится, генацвале, — заверяли они, проводящая приезжих в гостиницу. — Слово наших метеорологов верное.

В самом деле, к утру дождь прекратился, небо очистилось. Только море еще сердито гудело, выкатывая на берег тяжелые мутные валы.

«Газики» снова двинулись в путь. Агавелов заметно повеселел, шумно (впрочем, он все делал шумно) восхищался здешними видами.

— Только взгляни, Андрей, что творится вокруг!

— Вижу, Эдуард, вижу. Но сейчас меня волнует другое.

— Пусть это тебя не волнует. Галустян любезно сообщил свои координаты.

— Эх, искать их в Сочи все равно, что иголку в стоге сена.

— Найдем, Андрей. Уверен.

— Твоими устами — мед пить, — Огнев включил приемник. Сильный мужской голос запел:

Я люблю тебя, жизнь,
Что само по себе и не ново...
Я люблю тебя, жизнь,
Я люблю тебя снова и снова...

Не отрывая глаз от дороги, Огнев задумался. Песня давно кончилась, а в ушах все звенел мотив. Здесь, в Сочи, как-то особенно остро чувствуешь жизнь. Самую разную жизнь. Ведь отдых, шумный, веселый, порой даже с излишествами, заработан нелегким трудом в шахте, на промысле, у мартена, за рулем комбайна... И тут же, совсем рядом, смеются, как все, купаются, загорают эти двое. Они не то что не любят, они ненавидят жизнь. И в память своей ненависти оставляют всюду, где появляются, беду, горе, смерть. Пусть

удалось отстоять Шавлакадзе, спасти Лару, но никогда не поднимется Айрияш, затянут в самый омут Чуркин, еще ниже опустился Мехтнев... Раковую опухоль удаляют. И сегодня он, и Эдуард, и товарищи по группе — хирурги.

Через несколько минут машины остановились неподалеку от сочинского управления милиции. На короткой оперативке к бакинской шестерке прикрепили двух сочинцев, выделили дополнительную машину.

— Не станем терять времени, товарищи, — сказал в заключение начальник угрозыска города. — За вечер сделайте три-четыре круга по ресторанам. Не найдете — с утра на пляжи. Сейчас — два часа на отдых и обед. В 18.00 сбор здесь. И — первый этап операции.

Вечер выдался замечательный. С моря тянуло свежестью. Дышалось удивительно легко. К десяти выплыла луна — огромная желтая монета. И сразу на черном небе погасла добрая тысяча звезд.

— Теперь полный порядок, — довольно хмыкнул Агавелов. — Красиво и светло, как днем. Накроем.

Неисправимый оптимист, он не знал, как близок к истине. У ресторана «Горка» машины резко затормозили. Андрей и Эдуард вошли в зал. Это был их второй визит за вечер. Они огляделись. Как будто ничего нового.

В неярком свете так же топтались пары на пятачке перед эстрадой, так же звучал низкий голос певицы, так же мягко подыгрывал ей оркестр...

И за столиками сидели те же люди. Вон там — молодежь, шумная, уже подвыпившая компания. Рядом — пожилая пара. Он, затянутый в строгий черный костюм, она — в темном вечернем платье. Еще дальше уставился на очередную бутылку человек средних лет. Полосатый свитер, в тонких пальцах погасшая сигарета. Столик в углу, где сидело трое ребят, освободился, а рядом, правее...

Андрей почувствовал, как Агавелов сжал его руку и чуть коснулся глаза. За столиком, где час назад была табличка «завято», теперь сидело четверо. Два плечистых парня в одинаковых полосатых теннисках, ярко накрашенная блондинка и худенькая смуглая девушка с копной черных волос.

— Здорово! — прошептал Андрей. — Глянь-ка, Эдик, Галустян убрал чуб, завел короткую бородку. И Геннадий тоже с бородкой. Театр!

— Будем брать?

— Не в ресторане. Слишком шумно. Теперь они никуда не денутся.

Было около полуночи, когда Галустян и Чуркин, покачиваясь, вышли со спутницами из ресторана.

— Не найдется огонька? — высокий мужчина с длинной папиросой в зубах слегка поклонился.

С пьяной готовностью Чуркин щелкнул зажигалкой. И вскрикнул — руку его рванули и выкрутили за спину. Ни он, ни Аркадий не успели сообразить что к чему — так быстро они оказались в машине. Беглый обыск дал лишь одну важную улику — пистолет «ТТ».

Девушки бросились бежать. Но их быстро настиг «газик». Выскочил человек в милицмейской форме, вежливо откозырял.

— Извините, но мы вынуждены нарушить ваши планы на ближайшие часы. — Он предупредительно распахнул дверцу машины. — Прощу...

В эту же ночь машины двинулись в обратный путь. Таяли, уплывая назад, яркие огни сочинских бульваров.

Глава 25

ПОД ЧУЖИМ ИМЕНЕМ

События в Баку разворачивались не менее стремительно. Сообщение Мариты Заура не удивило. Удивило его другое.

Зачем, спрашивается, надо было Заступину сообщать Марите, что едет он в Тбилиси? Сомнительно, чтобы опытный преступник, сумевший провести всю операцию чужими руками, мог действовать так наивно и глупо. Одно из двух. Либо он сознательно нас дезориентировал. Либо, это тоже возможно, он абсолютно уверен, что мы на него не выйдем. Во всяком случае, в ближайшее время.

Он нажал на дверь. Заперто. Значит, хозяин вышел ненадолго, в таких случаях Асланов оставлял в кабинете свет. Он почему-то внимательно осмотрел ворсистую дорожку и подумал, что это даже хорошо, он успеет немного поработать. Зашел к себе, открыл сейф. Достал ориентировку, полученную из Москвы, взглянул на собственный, мимоходом сделанный набросок. Небольшие, близко посаженные глаза, густые брови. «Пожалуй, он, — вспомнилось мрачное лицо Заступина за рулем «Москвича». — Молодец Заур, — похвалил он се-

бя. — Рисовать умеешь». Быстро развернул ориентировку, прочел еще раз.

«...20 сентября 1957 года преступник, нынешняя фамилия Тониянц Аршавир Самвелович, кличка Волк, уроженец Нагорного Карабаха, рождения 1910 года, не женат, похитил 180 тысяч рублей и скрылся. Словесный портрет: высок, сутул, бреет голову под бритву, густые черные брови, на затылке шрам, нелюдим».

— Он! — почти крикнул Акперов. — Он! «Высок, сутул, нелюдим». Он!

Спокойно сложил листок, спрятал в карман, запер сейф.

Асланов мирно беседовал в своем кабинете со следователем. Хосров Амирович улыбнулся Зауру, протянул руку.

— А, вид у тебя, Заур Алекперович, бледный. Так тоже нельзя. Садись, расскажи новости. Помощь нужна?

Заур покачал головой.

— Все в порядке. Чувствую себя отлично.

Асланов поморщился. Не любил бравады. Словно не замечая его гримасы, Заур продолжил:

— Кстати, вроде бы мы вышли на след крупного зверя. Некий Заступин Оскар Семенович.

Асланов шевельнул бровями — эту фамилию он слышал. Вот только в какой связи?

— Да, Хосров Амирович, тот самый, что бежал в Тбилиси. Покушение на убийство. Настоящий зверь. — Заур помолчал, обернулся к Байрамову. — Нашли машину?

— Нашли. В Крепости, на улице Сабира. Водитель скрылся.

— В этом я был уверен.

— Почему? — вмешался Асланов.

Заур коротко пересказал слова Мариты.

— Думаю, — закончил он, — что Заступин сейчас спокойно пьет чай в куле. Ну, а если не подтвердится еще одно мое предположение, тогда я, как работник угрозыска, не стою ни гроша!

— Опять шахсей-вахсей, начальник? — подполковник недоброжелательно покачал головой. — Давай без этих... заявлений. Иди отдыхай. Мы сами тут разберемся. Главное сделано.

— Нет уж, — возразил Заур. — Пару часов назад я сам хотел просить об отпуске, был уверен, что дело идет к концу. А теперь вижу, что до сих пор мы забавлялись. Настоящая работа только начинается. Мы, Хосров Амирович... вернее, я...

упустили настоящего преступника, матерого волка, убийцу и вора, которого разыскивают по московской ориентировке. И кличка у него — Волк.

— Что ты говоришь? — Асланов вскочил. — Ведь он, если не ошибаюсь, армянин, и семьи у него нет.

— Армянин! — Заур покачал головой. — Разве у такого преступника есть национальность? И дочери у него, я уверен, нет. Марита назвала его Заступиным, не отцом. — Заур встал, подошел ближе. — Хосров Амирович, разрешите связаться с линейным отделом милиции. Нужно немедленно арестовать Заступина!

Асланов задумался, потом кивнул.

— Действуй.

Через десять минут Заур был в железнодорожной милиции. Времени оставалось в обрез: висевшие в кабинете начальника ходики встретили его боем. Два часа ночи.

До самого рассвета летели по проводам зашифрованные указания. До утра не покидал кабинета майор Акперов. Ему все казалось: что-то он упустил, не учел, не доделал...

Начальника железнодорожной милиции Тбилиси разбудили в пять утра. Чертыхаясь, он долго не мог найти телефонную трубку.

— Слушаю.

Кто-то на том конце провода, заикаясь от волнения, докладывал обстановку. Варлам Шатунашвили кивал, пытаясь нащупать ногой туфли.

— Понятно, гацо, понятно. Да-да, очень важно. Немедленно поднять оперативный состав по тревоге! Сейчас буду.

Стараясь не разбудить жену, поднялся с постели. Не получилось. Не открывая глаз, жена спросила:

— Что еще там, Варлам?

— Спи, дорогая, спи. Ничего особенного...

— Нельзя допустить, товарищи, чтобы преступник проник в Тбилиси, — с этого Шатунашвили начал совещание. — Раз позвонили ночью, — он строго оглядел заспанных сотрудников, — значит, дело срочное и особо важное. Найти и задержать его в городе будет много труднее. Раз он едет сюда, значит, думает, что на станции Тбилиси сидят лопухи. Так давайте ему докажем — он ошибается. Теперь к делу.

Шатунашвили надел очки, взял в руки бумагу.

— Преступник — Заступин Оскар Семенович. Приметы: высокий, сутулый, седой, с палкой. Может прибыть в Тбилиси под чужой фамилией. Хитер и опытен. Задержанию подлежит

всякий подозрительный. Будьте осторожны. Ясно? Уверен, Тбилиси станет последним пунктом в его маршруте.

Шатунашвили еще раз пробежал ориентировку, подумал.

— Да, товарищи, операция проводится по всем поездом, включая и электрички, идущие со стороны Баку. Вот так. Товарищ Майсурадзе, доложите детальный план операции.

В 8 часов 30 минут утра сотрудники линейного отдела милиции встретили первый пригородный поезд. Территория вокзала уже была оцеплена сотрудниками милиции и дружинниками.

Однако «гость» не появился. Не было его и в других поездах: бакинском, астафинском, в электричках.

Потеряв терпение, Варлам Шатунашвили выскочил на перрон. Всё в порядке. Оперативники на месте. Один сидит на ящике, другой читает, третий прогуливается с девушкой. Обстановка на вокзале будничная, спокойная.

— Внимание! — прогудел динамик. — На второй путь прибывает электропоезд номер 1412 Рустави — Тбилиси.

Начальник милиции торопливо пересек пути, вернулся в кабинет. Из окна было видно, как мягко затормозила электричка, хлынула на перрон толпа.

Молодые нетерпеливо рвались вперед. Пожилые пассажиры не торопились. Из пятого вагона вышел мужчина в сером костюме, седоволосый, в темных очках. Чуть припадая на левую ногу и опираясь на суковатую палку, он медленно двинулся к выходу. Недалеко от входа в туннель его остановил капитан Майсурадзе.

— Простите, товарищ, — как бы извиняясь сказал он, — прошу вас пройти в дежурное помещение вокзала.

Человек с палкой удивленно посмотрел на него, недовольно пожал плечами.

— По какому поводу? Мне там нечего делать, я спешу.

— И все же вам придется пройти.

— В чем дело? Кто вы такой?

— Из железнодорожной милиции.

— Милиции? — мужчина покачал головой, улыбнулся.

Пожалуйста. С милицией я не ссорюсь.

В дежурной комнате его уже ждал Шатунашвили.

— Присядьте, гражданин, — сказал он весело. — Что-то чудится мне: мы с вами встречались.

Старик сел, прислонив палку к столу.

— Возможно, если вы только бывали в Кировабаде. Я завхоз клинической больницы. Вот документы. — Он протянул паспорт и командировочное удостоверение. В удостоверении было сказано, что Сергеев Константин Павлович направляется в Тбилиси для приобретения медицинвентаря.

Опытный Шатунашвили смутился. Документы в порядке, держится человек спокойно и уверенно. Только вот внешность... Очень уж точно соответствует словесному портрету. «Э, брат, — подумал начальник, — бакинцы правы — выдержка у тебя железная».

— Вы едете из Кировабада?

— Как видите.

— А почему на руставском поезде, дорогой?

— Хотел земляка навестить, да не застал.

— А где живет ваш земляк?

— Адреса не знаю. Найти дом и улицу могу. А почтового адреса, уж извините, не знаю.

— Где земляк работает?

— Работал, — поправил задержанный. — Не помню. Сказали, что он недели две как выехал.

— Та-ак, — протянул начальник милиции. — Значит, в Рустави вы бывали?

— Конечно. — Старик улыбнулся. — А теперь объясните, к чему этот допрос. В моем возрасте это несколько... э, странно:

Шатунашвили тоже широко улыбнулся.

— Каждая работа имеет свои особенности. Майсурадзе, проводите товарища в соседнюю комнату.

Проверяемый встал.

— Минутку, геноцвале, — остановил начальник милиции. — Разрешите вашу палку.

Шатунашвили чуть не выронил трость. Ну, и тяжелая, черт возьми!

Старик снял очки, протянул руку.

— А при чем тут палка?

Шатунашвили с интересом всматривался в полустертые инициалы на отполированном дереве, в костяной набалдашник редкой работы. Чуть потряс и почувствовал, что в палке, внутри, что-то сместилось. Попробовал повернуть набалдашник. Он сдвинулся неожиданно легко. Несколько коротких рывков, удар, и на стол посыпались желтые монеты.

— Задержать и обыскать этого завхоза!

Майсурадзе схватил старика за кисти рук и почувствовал, как напряглись, наливаясь тяжелой силой, мышцы. Он увидел лицо старика: острое, злое. В бесцветных глазах — ненависть.

Он спокойно сидел за решеткой конвойной машины. Не кусал губ, не ругался, не искал виноватых. С интересом следил сквозь решетчатое окно за кусочком освещенного луной облака, вслушиваясь в перестук колес бегущего рядом поезда.

На предельной скорости машина мчалась по шоссе Тбилиси — Баку.

Глава 26

«ИКС»

До позднего вечера Заур просидел в отдельном боксе, куда поместили Мариту. Ковшов сказал, что удар нанесен тупым предметом в теменную область головы. Не исключено кровоизлияние в мозг. Удар сильный. Хирург хмурился, не шутил, как обычно.

Упорно держалась температура. Марита не открывала глаз, стонала, металась. В редкие спокойные минуты Заур с замиранием сердца вглядывался в сразу похудевшее лицо. Ему казалось, что она не дышит. Он ни разу не взглянул на часы, не заметил, как сгустились сумерки. Вздрыгнул, когда медсестра легко коснулась его плеча.

Товарищ майор, вас к телефону!

Заур медленно поднялся с табурета, прошел в дальний конец коридора. Не сразу узнал голос начальника.

— Отличные новости, дорогой! Слушай внимательно. В Тбилиси схвачен Заступин. Обнаружены все ценности, названные гражданкой Айриян. Большая сумма денег, золото, валюта, чистые паспорта, бланки других документов. Пистолет «Макарова», несколько обойм к нему. Сегодня же Заступина отправят в Баку.

Заур вяло поблагодарил Асланова за хорошие вести: То, чем он жил все эти дни, сейчас ушло куда-то на второй план. Он вернулся в бокс и просидел всю ночь на своем жестком табурете.

Почему-то теперь ему казалось, что самое страшное позади. Он все ждал, что вот сейчас она откроет глаза.

Тщетно. Серые губы раздвигал лишь стон; запавшие, без

кровинки, щеки были того же цвета, что бинт, плотной шапкой закрывший голову.

Утром пришлось уйти. Он вышел на улицу, глотнул свежего ветра, и вдруг впервые — не сердцем, умом — осознал, что печальный исход почти неизбежен. «Нет. Нет и нет», — твердил он.

Машинально поднял руку, вскочил в машину.

— Вы что-то сказали? — обернулся к нему заспанный пухлыми мальчишескими губами шофер такси.

— Нет-нет, — Акперов поежился. — Давай побыстрее.

В кабинете он настежь распахнул окна, выпил стакан воды, поморщился от головной боли.

Было нестерпимо больно. Наверно, до сих пор он не знал настоящего горя. Жизнь представлялась ему сплошным поиском. Ночь, рассвет сквозь табачный дым кабинета, порывистый бакинский ветер, разговоры с друзьями. Он тяжело перенес гибель жены. Но то была другая боль. Только сейчас он подумал, что настоящая любовь, может быть, пришла к нему впервые

Акперов побрел к телефону, вялой рукой снял трубку.

— Фархад? Доброе утро! Акперов. Да. Тебе надо приехать сюда. Во-первых, доставили арестованного, во-вторых... В общем надо поговорить.

Головная боль не утихала. Он откинул голову на спинку кресла, закрыл глаза. В дверь постучали тихо, но настойчиво.

— Да!

Старший инспектор Никольский подошел к столу, доложил официально, по форме:

— Товарищ майор, дежурство принял. Все в порядке!

— Что ж, отлично, — Заур вяло кивнул. — Как ведет себя в камере арестованный?

— Спит бандюга. Похрапывает, как в собственной постели.

— Ничего, пусть отоспится... Время у нас есть. Вызовите Носову. Она может понадобиться при допросе.

— Это я мигом организую, товарищ майор. Она работает там же, где этот парень, Мурадов. В трамвайном парке. Устроили ее в общежитие. Словом, жизнь потихоньку налаживается.

«Жизнь налаживается, — бормотал Заур, устраиваясь и Иван. — Налаживается, налаживается...»

Младший советник юстиции Байрамов приехал к десяти утра. Вошел — бодрый, подтянутый, бросил на стол кожаную папку. Взглянул на Заура, рассмеялся.

— Опять ночевал в кабинете, бездомный бродяга?

— Не угадал. На сей раз в больнице.

— Шутишь? Ей плохо?

Заур кивнул.

— Жаль дивчину. Ее показания очень помогли бы.

— Кое-что она уже сделала. Помнишь, Фархад, как-то я сказал тебе, что придется арестовать и других участников убийства?

Байрамов насторожился.

— Помню, конечно.

— Так вот, сейчас ты будешь иметь удовольствие беседовать с исполнителем главной роли. Тот тип, которого мы тогда игроком называли. Фамилия его Заступин — Сергеев. Задержан в Тбилиси.

— Так это просто великолепно! Значит, остается только «икс». Женщина. Подожди., — Байрамов даже прыгнул в восторге от собственной проницательности. — Не исключено, что эта Марита Заступина и есть...

— Думаю, ты не ошибся, — глухо сказал Заур, удивляясь собственному спокойствию. — Я на девяносто процентов уверен, что Марита и есть «икс». Но... — Он подошел к окну, наклонился. — Понимаешь, Фархад, тут есть одна тонкость. Она мне не безразлична.

Байрамов вскочил и, кажется, хотел что-то сказать. Но только с шумом втянул воздух.

— Это серьезно, Заур? — голос у него изменился.

— Очень серьезно, Фархад. Много серьезнее, чем ты думаешь. Кое-что я ей рассказывал. О деле. Понимаешь, я ей верил.

— Понимаю, — бесстрастно подтвердил Байрамов.

— Все это, ясно, касается только меня. Ты обязан действовать по закону. Если Марита Заступина выживёт, ты возьмешь ее под стражу.

Байрамов тяжело вздохнул.

— Ради бога, без сантиментов. Она подлежит изоляции на общих основаниях... — Знаешь, дорогой, я не о том. Сначала ты верно сказал: действовать по закону. По закону у следователя должна быть уверенность. Так вот, у меня ее нет.

Заур возразил резко:

— Не веришь? А ее поездка на кладбище? А обнаруженный волос в постели убитого? А то, как она испугалась, что я веду расследование?

— Все это я знаю, — сказал Байрамов спокойно. — Однако уверенности, повторяю, у меня нет.

— Ты что, Фархад, не понимаешь?

— Нет, не понимаю. Аресты по личным соображениям я не произвожу. И запомни: убеждение следователя формируется свободно, оказывать на него давление запрещено. Ты должен это знать. Поэтому давай поговорим о чем-нибудь другом. Например, о тебе.

— Понятно. Сейчас ты начнешь говорить мне очень правильные слова о том, что жизнь есть жизнь, и она продолжается. Но именно поэтому я хочу сохранить за собой право смотреть людям в глаза. Иначе лучше не жить.

— Оставим этот разговор, — сказал Байрамов твердо. — Как следователь я просто не имею права в нем участвовать. Ну, ладно, объясню тебе по-человечески. — Он встал и прошелся по кабинету. — Пойми, пусть ты распутал один конец клубка. Но ведь другой неизвестен. Марита без сознания. Заступин покушался на ее жизнь. Почему? Не потому ли, что эта другая, неизвестная тебе часть, достаточно серьезна. Как же я могу ее арестовать?

— У него могли быть свои основания...

— Этого я не знаю. А ты знаешь? Сядь и расскажи мне известно о Заступиных.

Он молча выслушал, долго сидел задумавшись.

— Ничего серьезного, — сказал он наконец. И сразу перевел разговор. — А этот Заступин ба-альшой хищник. Жил в нашем районе?

— Увы.

— Проморгали такую птицу... А ты еще требуешь санкции на арест полуживого человека.

— Но, Фархад, она соучастница.

— Это требуется доказать. Хватит, поговорили по душам. А теперь займемся Арифом Мехтиевым. — Байрамов отошел к двери, украдкой сунул под язык таблетку валидола. — Не волнуйся, все будет в порядке.

ПСИХОЛОГИЯ «ВОЛКА»

Никольский ввел арестованного, кивком указал ему стул посреди кабинета. Быстрые раскосые глаза Мехтиева сразу ухватили лежащую на столе ковровую скатерть, нож, который он оставил у Айрияна. Лихорадочно билась одна мысль: «Что им известно?».

Откуда-то издали донесся властный голос.

— Будете говорить?

Мехтиев облизнул пересохшие губы.

— Воды, начальник, — попросил он. «Самое главное, — вспомнил он совет Аркадия, — сориентироваться в обстановке».

Майор подошел, дал ему стакан воды и как бы нечаянно повернул руку. Никуда не денешься: шрам остался.

— Расскажите, как ограбили кассира, как убили Айрияна.

Мехтиев опустил голову, с усилием всхлипнул, выходя слезы.

— Я не убивал, начальник! Не убивал, честное слово!

— Честное слово? Какая у вас честь?! Рассказывайте.

— Бейте, выколачивайте показания! Все равно я не убивал, — выкрикнул он и пригнулся, ожидая удара.

Заур усмехнулся, отошел к окну, Мехтиев взглянул на него, старательно размазал слезы по грязному лицу.

— Мехтиев, перестаньте кривляться, — спокойно сказал следователь. — Расскажите все по порядку, с самого начала. Только не пытайтесь ввести нас в заблуждение, это бессмысленно. Посмотрим, осталась ли в вас хоть капля чести.

Арестованный вскинул голову, собираясь снова заплакать. Как раз в эту минуту в кабинет вошла Носова.

— Арифка?

Арестованный дернулся, скользнул взглядом по веселому лицу девушки. Махнул рукой.

— Ладно, гражданин следователь, пишите. Я скажу все.

Сначала он рассказывал то, что они знали. Следователь, слушая, вежливо — без интереса — кивал. Ариф решил, что ему не верят. Животный страх захлестнул его, сжал горло.

— Не верите? Честно! В тот раз, как обычно, распоряжался Галустян. Забросил на тополь мяч, велел Генке влезть на дерево и следить за окном второго этажа.

Мы остались внизу. Ждали до вечера... Прятались. Межала прохожие. Только когда совсем стемнело, стало тихо. Правда, еще до того чуть не помешал один парень, заметил на дереве Генку.

— «Братишка мяч закинул», — объяснил ему Аркадий. Потом Генка подал знак: можно начинать.

Аркадий и я вбежали во двор, поднялись на второй этаж. В самое время. Дверь распахнулась. Выскочила девушка. Как сумасшедшая рванулась мимо нас по ступенькам. Аркадий втиснулся в дверь, я за ним.

В комнате было полутемно, горела настольная лампа. Орал приемник. На кровати лежал пожилой мужчина. Пьяный — рот мокрый, слюнявый. Мы его связали и стали обыскивать комнату. Ни золота, ни бриллиантов, ни валюты, о которых сообщил Аркадию Старик. Простучали стены, пол, вытащили ящики. Отодвигая от окна стол, я с досады пнул ногой старый кожаный портфель. И тут:

— Руки вверх!

— Я обернулся и обалдел. На меня смотрело дуло пистолета; старик как-то освободился от веревок. Сидел на кровати и все улыбался своим мокрым ртом.

— Не тот коленкор, гады. Вы на кого пошли? — Голос у него был тоже противный, дребезжащий. — Не по силенкам вам старый волк! Не таких я видел. Молокососы...

— Мне удалось потихоньку раскрыть нож.

Он заметил.

— Кинь нож, гад!

— И тогда... Я метнул нож прямо в него. Он отклонился, раздался выстрел. И тут на него наскочил Аркадий. Прижал коленом руку с пистолетом, концом веревки сдавил ему горло. В дверь просунулся Генка. Он стоял на «атанде», в коридоре.

— Порядок, — крикнул Артист. — Кончено. Молодые волки посильнее старого.

Прихватив портфель, фотоаппарат и скатерть, мы смотались оттуда...

Остальное было известно: Мехтиев повторил то, что рассказывала Лариса. Ясно, Косой старался изобразить себя бедным запуганным мальчиком, несчастным исполнителем воли Артиста. С него, мол, и спрашивайте, я что? Я — человек подневольный...

Когда его увели, Байрамов сказал ни к кому не обращаясь:

- Воровское «товарищество» в его самом чистом виде.
— Что ты хочешь, Фархад? Волчья психология. Каждый спасает свою шкуру в одиночку.

Глава 28

«ЗАСТУПИНА?.. РАНЬШЕ ТЫ НАЗЫВАЛ ЕЕ ПО ИМЕНИ...»

Резко затрещал телефон. Заур схватил трубку.

— Слушаю! Спасибо, Сергей! Ты мой добрый волшебник. Еду, сейчас же еду.

Он обвел взглядом кабинет. Где-то тут должен висеть пиджак. Пиджака не было. Заур дважды обошел комнату: нет. И тут увидел — пиджак спокойно висел на вешалке, прямо перед глазами.

По пути он передумал — надо было забежать к Асланову. Подполковник встретил его неожиданно сухо, в светлых глазах настороженность.

— Простите, забежал на минуту, — Заур виновато улыбнулся. — Случай особый, Хосров Амирович. Заступина пришла в себя.

— Заступина? — Асланов прищурился. — Помнится, раньше ты называл ее по имени — Марита.

— Было...

— Было? М-да, — подполковник отвел глаза. — Ладно, это твое дело. Но вот Байрамов мне немного рассказал о ваших спорах. Требуешь санкции, не зная действительных обстоятельств. Что же, предлагаешь строить нашу работу не на фактах, а на догадках. Так?

— Товарищ подполковник...

— Подожди... Я думал, что знаю тебя хорошо. Знаю, как человека мужественного. Но что такое мужество? Это, прежде всего, умение владеть собой, собранность. А ты — раскис. Боишься за свою репутацию, что ли? Считаешь, как в анекдоте, что главное — вовремя смыться?

Заур вспыхнул.

— Ошибиться может каждый. Но при этом важно остаться человеком. Это относится и к Марите, и к тебе. Допустим, она совершила ошибку. Что же, по-твоему, ее надо добить? —

Асланов повысил голос. — Ты, работник милиции, лучше других должен понимать смысл нашей политики.

— Вы правы, товарищ начальник, — Заур опустил голову. — Но почему вы думаете, что мне самому это легко?

— Уж лучше бы молчал. — Подполковник смягчился. — Я понимаю: усталость, нервный срыв... И хватит об этом. Езжай, тебе надо быть в больнице.

В хирургический корпус Заур вбежал, нагруженный цветами, конфетами, фруктами. В коридоре его остановила сестра. Приложив палец к губам, сказала строго:

— Во-первых, тише — больные отдыхают. Во-вторых, разговаривайте с Заступиной осторожно — она еще очень слаба. Врач разрешил три-пять минут, и никак не больше.

Заур благодарно кивнул: могли и не разрешить. Мягко ступая, вошел в бокс. Бесшумно прокрался к тумбочке, сложил покупки. Прислушался. Тишина. Марита — бледная, укрытая простыней до самого подбородка, смотрела в потолок. Его она, кажется, и не видела. За эти дни она странно осунулась, под глазами круги, губы слабые, беспомощные.

Вдруг она медленно обвела глазами палату, чуть улыбнулась. Вынула руку из-под одеяла, поправила волосы. Заур шагнул к ней, коснулся ее руки. Рука сразу же испуганно спряталась.

— Вы пришли?

— Здравствуйте. Я рад, что вы...

Глаза Мариты подозрительно заблестели, она отвернулась. От угла глаза медленно поползла слеза.

— Лучше бы я умерла, — сказала она тихо. — Не надо было меня лечить. Это бессмысленно.

Он ответил сердито.

— Умереть легче всего. Лучше подумай о том, как жить. Жить, понимаешь? Жить, потому что я люблю тебя.

Губы задрожали, она сжала их, закусил. Но слезы бежали все сильнее — горькие крупные слезы.

— Нет... Заур. Не надо. Я хочу тебе сказать... — В голосе развенела такая тоска, что Заур не выдержал и отвернулся. Сказал мягко:

— Об этом потом. Тебе нельзя волноваться. Поправишься, поживешь у моей мамы. Домой пока нельзя, отец...

— Да не отец он мне, пойми! О, господи, как объяснить... — Она закусил край простыни, плечи ее тряслись.

В маленьком зеркале над кроватью Заур увидел лицо сестры — злое лицо. Он торопливо очистил мандарин, вложил в руку Марите.

— Все будет хорошо. Помни, я тебя люблю. Что бы ни случилось...

Она медленно повела головой из стороны в сторону: «Да», — прошептал Заур и быстро вышел из бокса.

Оставшись одна, Марита прижала к губам янтарные дольки. Есть не хотелось, но дольки, прохладные и влажные, приятно щекотали сухие губы. И все-таки пусть лучше он не приходит.

Он и не приходил. Только каждое утро на тумбочке появлялись фрукты, новые цветы в вазе.

Дважды появлялась Аида. Спрашивала о здоровье и сразу начинала рассказывать о своих делах. Дела были нехитрые, чуточку даже скучноватые. Но Марите нравилось ее слушать: во всем, что говорила Аида, так сильно ощущалось дыхание жизни, что собственные ее беды сразу забывались.

С таким же интересом слушала Аиду сидящая молчаливая санитарка. Кажется, она появилась в отделении недавно. Марита даже не знала ее имени. Но первые шаги, когда решил врач, Марита сделала, опираясь на руку этой старой женщины.

— Как вас зовут? — спросила она санитарку. — Вы чем-то похожи на мою маму.

— А я и есть мама, девочка. Заура мама, Пери-ханум.

Марита отшатнулась, закрыла лицо руками. Но Пери-ханум отвела ее руки.

— Идем на балкон, девочка. Тебе надо больше солн

Глава 29

«РАСКОЛОТЬСЯ»?

Удобно устроившись на нарах одиночной камеры, Аркадий с наслаждением курил. Папиросы отличные, высшего сорта. Жаль, что кончаются. Какое-то курево он найдет, но таких, пожалуй, здесь не достать. Взгляд его лениво обегал камеру. Скучота — потолок, стены, глазок на двери...

Он был почти уверен, что у них нет доказательств. Побег — да, от этого никуда не деться. Но побег чистый, без «крови». За него много не навесят. А там он как-нибудь выкарабкается, не зря вторая его кличка — Счастливчик.

«Конечно, о чем-то они догадываются, — спокойно размышлял он. — Но подложить меня будет не так просто, все же опыт есть, как-никак вор «в законе». Возьму на себя какую-нибудь мелочь, скажем, ту гримзу с часами...»

Не то, чтобы его совсем не беспокоил предстоящий допрос. На всякий случай, он прикинул вопросы, решил, на какие ответить, а где можно — промолчать.

Время, однако, шло, а его не вызывали. Аркадий уже беспокойно поглядывал на дверь, настороженно прислушивался к шагам в коридоре.

Вызвали его ровно в полдень. Окна в кабинете были широкие, дверь на балкон приоткрыта, за столом — следовательно. Он не знал, что каждая деталь продумана. Помня повадки Галустяна, Заур готовился тщательно.

Оторвав глаза от балконной двери, Аркадий уперся взглядом в стол. Стол был большой, круглый, и на нем — очень аккуратно — разложены вещи: шляпа, тельняшка, та дурацкая ковровая скатерть, старый сапожный молоток, нож, золотые часы с браслетом.

«Постарались, еволочи, — подумал он с одобрением. — Тоже свое дело понимают». На спокойном нагловатом лице не дрогнул ни один мускул. Он зевнул, равнодушно взглянул на Заура, сидевшего на диване; на Байрамова, который расположился за письменным столом, вежливо, как со старым знакомым, поздоровался с Агавеловым. Кивнул понимающе: капитан устроился на подоконнике, рядом с балконной дверью...

Несколько минут в кабинете стояла напряженная, какая-то неясная тишина. Тишина эта не нравилась Галустяну. Он беспокойно шевельнулся.

— Вы, очевидно, догадываетесь, что попали сюда не зря, — медленно начал Байрамов. — Было бы неплохо, если бы вы сами рассказали о своей деятельности.

Скуластое, смуглое, тронутое оспой лицо Галустяна скривилось в усмешке.

— Трудно так вдруг, гражданин следовательно. Но и вы, очевидно, знаете, что я вор, сидел за ограбление.

— За ограбление и изнасилование.

— Точно. — Артист кивнул. — Так вот, не усидел, бежал. Зеленая тоска заела. Подался домой. Ну, а здесь вел жизнь скучную, обыкновенную.

— Правда, дома не жил, — заметил Акперов.

— Естественно. Как положено нелегалу. Не хотелось встре-

чатся с милицией, могли по ошибке прихватить. Сказано: лезь в пасть удаву, если ты не кролик.

— Не остроумно, — вздохнул Заур.

— Вероятно. Остроумием никогда не блистал.

— Дальше..., — остановил следователь.

— Ну, жил, выпивал. Старался, понятно, рамках кодекса.

— Сомнительно, чтобы ваши широкие потребности удовлетворялись скромными сбережениями.

— Это вопрос интимный, гражданин следователь.

— Пусть так, не будем ворошить старое. Тем более, что нас интересует ваша деятельность как раз после побега, — сказал Акперов. — Улавливаете?

— Да, гражданин майор. Но ничего такого не было. И вообще...

— В частности, в частности.

— Э, начальник, скучные подробности, для следствия совсем не представляют интереса. Однако взяли меня здорово. У сыщика, изящно устроившегося на окне, выдающиеся способности к самбо. Один железный прием — и прогулка в Сочи накрылась. А ведь я смотался туда, чтобы у вас здесь голова не болела. Только собирался начать честную жизнь...

— Пропивая награбленное?

— С милицией я не спору. Милиция всегда найдет, что пришить. Сажайте, я свой срок отсижу.

— Темнишь, Галустян! — с упреком сказал следователь. — В игрушки играешь. А ведь вроде бы опытный вор. Должен понимать: туман тут не поможет.

— Да я, пожалуйста, Скажите только, что взять на себя?

Акперов встал, подошел к Артисту.

— Придется раскрыть карты, Галустян...

— Раскрыть? — Аркадий усмехнулся. — Какие?

Байрамов кивнул на круглый стол.

— Вот некоторые доказательства по некоторым делам.

— А я думал это секция магазина, где продаются уцененные товары. Меня такие товары не интересуют.

— Что ж, постараюсь кое-что напомнить. — Голос Заура зазвенел. — В мае этого года, напялив вот эту шляпу и вооружившись этим молотком, вы ограбили женщину и похитили у нее вот эти часы. Затем сбыли их часовому мастеру за шестьдесят рублей. Так?

Галустян промолчал.

— Идем дальше. Удача вскружила вам голову. Вместе с Косым вы выследили и ограбили кассира. Пуля, посланная офицером милиции, царапнула руку Арифа. Шрам остался. Жаль, что она миновала вас.

— Как это жестоко, начальник, — Артист ухмыльнулся. Но где-то в глубине сознания метнулся страх: «Знают. Все знают!»

— Далее. Вы связались со Стариком, получили от него один, зато весьма ценный адрес. По этому адресу вы отправились уже втроем — тот же Ариф и Геннадий. Вы ограбили и убили Айрияна, прихватив, кстати, и его пистолет. По дороге, так сказать, между делом, вы ограбили такси и угнали машину. Теперь ясно, Галустян?

— Не совсем.

— Вот вещи из комнаты убитого. Ковровая скатерть и складной нож, забытый Мехтиевым, пистолет, отобранный у вас. При желании коллекцию можно дополнить. При таких обстоятельствах подумайте, стоит ли морочить нам голову.

— Ха-ха! Рассмешили, начальник! Да за половину всего, что вы мне пришили, могут пустить в расход. Для меня это слишком, я скромный вор, чужих лавров мне не надо. Согласитесь, начальник, смешно для вашего успокоения идти под расстрел.

— Будем доказывать!

— Попробуйте. А свидетели есть? — Галустян чуть подался вперед, не спуская глаз с майора.

Заур молча усмехнулся. В этой усмешке был приговор. Свидетели были, иначе, Аркадий понимал, майор ответил бы. И все же он не ожидал, что сразу же встретится с Косым.

Увидев Галустяна, Ариф обмяк, тяжело плюхнулся на стул. Артист сжал кулаки. Забегали железки на скулах. «Раскололся? Продам?»

Сжав зубы, он слушал показания Арифа. «Пришить фраера, жаль обстановка не та, — упорно думал он. И успокаивал себя: — Ничего, еще сочтемся».

Когда Косой кончил, Галустян бросил небрежно:

— Врет. Все врёт.

Ничего не изменила и очная ставка с Геннадием Чуркеным. Казалось, Галустян просто не слышал покаянных слов соучастника. Но едва тот умолк, он сразу перешел в наступление.

— Эту мелочь собрали сюда, чтобы затравить волка, — заявил он, нагло. — Спасая свою шкуру, они дадут и не такие

показаний. Галустян, дескать, рецидивист, на него вали, что придется, сойдет. Не получится, дорогие граждане. Почему вы не вызвали Серго? Он мой друг, много лет меня знает...

Байрамов сказал серьезно.

— В самом деле, Заур Алекперович, почему бы нам не вызвать Шавлакадзе? Тем более, что подследственный просит.

Артист насторожился. В голосе ему почудилась ирония. Вошли двое — Серго Шавлакадзе и Лариса. Он долго смотрел на них, потом попросил закурить. Спичка не зажигалась. Он покраснел от злости, с силой бросил коробок об пол.

— У, суки!

— Вы хотели доказательств? — сдерживая гнев, спросил Заур. Повернулся к Ларисе. — Начинайте вы. Скажите правду ему в лицо. Он хочет услышать всё.

— Не надо, начальник, — хрипло выкрикнул Артист. Кончайте спектакль. Признаю. Я убил.

Глава 30

МАРИТА

Заступину привезли в полдень. Похудевшая, бледная, медленно вошла в кабинет. Робко поздоровалась с Байрамовым, который поднялся ей навстречу; вздрогнула, увидев Заура и Агавелова.

Эта реакция не ускользнула от глаз следователя.

— Может быть, вы предпочли бы давать показания наедине? — мягко спросил он.

— Нет-нет. Скорее наоборот, — быстро ответила Марита.

Следователь придвинул протокол, смущенно кашлянул.

— Расскажите, пожалуйста, о себе. Самое главное. Нам разумеется, интересует прежде всего то, что имеет отношение к делу.

Марита долго молчала. Судорожно сцепив пальцы, смотрела в раскрытое окно. В воздухе медленно кружились листья, над самой землей висело низкое осеннее небо. В кабинете было тихо. Стало слышно, как дребезжит под ударами ветра плохо закрепленное стекло. Заур не выдержал, подошел, захлопнул створки. Стук вывел Мариту из оцепенения.

— Никогда в жизни не исповедовалась. — Она горько усмехнулась. — Начну, пожалуй, с того, что я не Заступина.

Я — Лайтис. Лайтис Марита Мартиновна. Дочь капитана дальнего плавания Мартина Лайтиса. Родилась в 1935 году в Риге. Мать — итальянка, уроженка Неаполя, отец женился на ней в 1930 году. Маму почти не помню. Она умерла от тропической малярии, когда мне не было и пяти лет. В начале войны отец ушел на фронт и не вернулся. Меня воспитывала бабушка. Я кончала десятый класс, бабушка умерла, и я осталась совсем сиротой. Мечтала учиться, стать врачом, пришлось идти работать.

— Устроилась в горсправку. — Она помолчала, глотнула воду из стакана. — Жить было трудно. Кое-как тянула от зарплаты до зарплаты. Бедности своей стеснялась, никуда почти не ходила. Пока... Однажды — хорошо помню этот детский день: мелкий дождь, несильный порывистый ветер — в окошке киоска мелькнуло приятное мужское лицо.

— О чем задумались, девушка? — спросил клиент. Я уже пять минут жду...

Я извинилась, дала справку. На следующий день он пришел снова. Короче, мы познакомились. Альбертас — так его звали — пригласил меня в «Асторию». Это самый дорогой ресторан Риги. Я была почти уверена, что, увидев мое застиранное платье, штопанные чулки, потертые туфли, Альбертас сам отстанет от меня. Но я согласилась, очень уж мне хотелось побывать в ресторане...

Снова напряженная тишина повисла в комнате. Марита тяжело дышала, словно ей не хватало воздуха. Неровный румянец выступил на щеках.

— Мы встретились, — продолжала она с усилием, — Альбертас будто ничего не заметил. Зато заметил швейцар. Окинул меня удивленным взглядом, скривил губы.

— Мест нет.

Альбертас отозвал его в сторону, что-то сказал, может быть, сунул деньги. Швейцар пропустил нас в кабинет, бросил сквозь зубы:

— Прошу вас, девушка.

Через неделю мы поженились. Мне казалось, что Альбертас и я, что мы оба... В общем, что мы нужны друг другу. Но вскоре... я поняла, что не интересую его: ни как женщина, ни как подруга. Просто ему, жившему под постоянной угрозой ареста, было легче вдвоем.

Конечно, я это узнала потом. А первое время утешала себя тем, что зарабатывает он прекрасно, так что роптать грешно. Приносил он домой огромные по тем временам деньги. По

молодости или по глупости я никогда не интересовалась, откуда у него такие заработки. Работал-то он обычным часовым мастером.

В конце концов его арестовали, имущество наше было описано. К тому времени я кончила десятилетку, поступила в медицинский. Перешла на второй курс. Решила поработать до осени, а там будет видно. Как будто пазло свободного места санитарки или медсестры не оказалось. Увидела объявление: «Требуется на временную работу официантка в кафе «Луна». Подумала, почему не попробовать? Поступила.

Как-то в августе, когда суд над Альбертасом подходил к концу, за столик, где сидели двое ребят — мои постоянные клиенты, — присел пожилой хорошо одетый человек.

Я заметила, что он с интересом прислушивается к их разговору, но не придавала этому значения. Ребята расплатились и ушли. Старик остался, осторожно поманил меня пальцем.

— Сколько с меня? — спросил он.

Я выписала ему счет — как сейчас помню, на сорок пять копеек. Он молча положил на стол сторублевку.

— У меня нет сдачи, — сказала я. — Придется разменять в буфете.

Седой человек сказал внушительно:

— Не нужно.

— Как же так?

— Деньги не мои.

— А чьи?

— Наши.

— Не понимаю, — я растерялась.

— Может быть. Деньги наши — мои и Альбертаса.

Я вздрогнула.

— До какого часа вы работаете?

Меня смутил его повелительный тон. Ответила машинально:

— До одиннадцати.

— Отлично. Я жду вас в четверть двенадцатого. До свидания.

Он встал и, тяжело опираясь на палку, вышел из кафе. Я растерянно смотрела на деньги. Не сразу собралась с мыслями, уж очень все было неожиданно.

Седой ждал меня у гостиницы.

— Прошу вас подняться со мной в номер, — сказал он.

— Но как же... Я вас совсем не знаю,

— Я — тоже. Однако волноваться не стоит, разговор сугубо деловой. Решайтесь.

Он не оглядываясь пошел вперед. Мне ничего не оставалось, я последовала за ним. В номере старик заботливо усадил меня в кресло, придвинул вазу с фруктами. Спросил сухо:

— Я могу вам верить?

Не зная, что сказать, я промолчала. Он внимательно посмотрел мне в глаза и протянул записку. На небольшом листке, вырванном из блокнота, небрежным почерком было написано:

— «Дорогой Оскар!

Альбертас свалился в овраг. Результат безрассудного альпинизма. Он сейчас в больнице. На днях будет операция. Жена Альбертаса — Марита осталась одна. Надо помочь. Выезжай немедленно. Найдешь ее в кафе «Луна». Домашний адрес: Рига, Набережная 110, кв. 14. Но дома появляться не следует.

С дружеским приветом, Марк».

Едва я прочла, седой вытянул из моих рук записку, подскочил. Поднялся, походил по номеру. Сказал, не глядя на меня:

— Теперь вы знаете, зачем я приехал. Предлагая вам помощь, я выполняю свой долг.

А дальше пошел у нас такой странный разговор.

— Ваше предложение застало меня врасплох. Не знаю, что и ответить. Марка я не знаю. Альберт никогда не упоминал при мне это имя.

— А он вообще-то рассказывал вам о своих делах?

— Нет. Но все-таки, согласитесь, предложение странное.

— Не спорю. Жизнь — сама по себе величайшая странность.

— И что же мне делать?

— Ехать со мной.

— Лучше я останусь официанткой, чем перейду на положение вашей, простите, содержанки.

— Естественно. — Он мягко улыбнулся. — Это предусмотрено. Вы станете моей дочерью.

— Но суд кончится только через несколько дней.

— Это тоже предусмотрено. На следующий день после объявления приговора я буду вас ждать в семь вечера у поездов Рига — Сочи. Вагон пятый. Альберт в курсе дела. Если перед отправкой он захочет вас видеть, мы отложим отъезд. Об этом я скажу при встрече.

Старик достал из папки плотный конверт, протянул мне.

— Здесь пятьсот рублей. Возьмите с собой только то, что вам особенно дорого. Ну, а теперь идите домой. Поздно.

Я попрощалась и вышла из номера. Всю дорогу думала о том, что это значит. Не верить ему не было оснований, он говорил искренне.

Через два дня Верховный суд республики приговорил Альбертаса к пятнадцати годам лишения свободы с конфискацией всего имущества. Я больше не колебалась. В семь вечера, как договорились, я была на вокзале. Еще издали увидела старика. Он ждал у вагона, опираясь на трость. Когда я подошла, он молча взял у меня чемодан, отнес в купе. Молчала и я.

— Может быть, вы все-таки представитесь? — робко попросила я, когда поезд тронулся.

— Охотно. Заступин Оскар Семенович. Уроженец города Смоленска, 1910 года рождения.

— Чем же вы занимаетесь?

— Химией. — Он загадочно ухмыльнулся.

— Интересно.

— Очень. Дайте ваш паспорт, и я вам продемонстрирую один из моих опытов.

Пока я доставала из чемодана паспорт, Заступин разложил на столике несколько флаконов, кисточку, ученическую ручку. Я дала ему паспорт. Он развернул его, внимательно прочел и положил на столик. Я с интересом наблюдала за его действиями. Он погрузил кисть в самый большой флакон, прошелся по записям первой и второй страниц. Пауза. Потом макнул кисть в другой пузырек и снова прошелся по строчкам. Прямо на глазах буквы стали мутнеть и, наконец, вовсе исчезли. Оскар Семенович взял ручку и заново заполнил документ.

— Ну вот, паспорт готов! — сказал он весело. Аккуратно сложил свои «приспособления» и спрятал в портфель.

Я взяла паспорт, повертела его.

— О! Заступина Марита Оскаровна... Это я?

— Да, теперь ты моя дочь!

— А поезд стучал, стучал колесами, увозя меня все дальше от родных мест. — Голос Мариты дрогнул. Она вытерла платком набежавшие слезы, снова отпила из стакана.

— Я верила, — продолжала она, — что после отъезда из Риги начнется другая, настоящая жизнь. Я снова буду учиться, окончу, встану на ноги. Заступин предложил поехать в

Баку. Я не возражала. Здесь он купил домик, который вам известен, «Москвич», каким-то образом устроил меня в медицинский. Жизнь потекла размеренная, спокойная. Я, глупая, радовалась. Прошло меньше года — вдруг все переменялось.

— Я говорю о вас, — Марита взглянула на Заура. Синие глаза ее потемнели. — Вы же знаете... Я не искала встреч. Потом, когда мы встретились в троллейбусе, я не хотела обманывать. Но и объяснить не могла. Как это все расскажешь?.. — Она закрыла лицо руками, уронила голову на стол.

Байрамов встал и вышел на балкон. Заур и Агавелов пошли за ним. Закурили. На скамеечке у входа Агавелов заметил Пери-ханум. «Ждет, — подумал он. — Привыкла».

— Вернемся в кабинет, — предложил он.

— Извините, — уже спокойно сказала Марита, когда Байрамов сел за стол. — Постараюсь больше не отвлекаться.

У Заура сжалось сердце. Хотелось сейчас же увести отсюда эту измученную женщину, напоить чаем, уложить, тихо гладить тонкие, беспомощные руки. А Марита говорила, и голос ее звучал ровно.

— Как-то в конце лета мы поехали на пляж. Кажется, в Загульбу. Да, в Загульбу. Купалась я одна, Оскар Семенович устроился в тени под скалами. Когда я вышла из воды, он разговаривал с чубатым парнем. Я обрадовалась и снова полезла в воду. Минут через пятнадцать вернулась, он уже был один.

На обратном пути я гнала машину. Настроение было какое-то необычное, приподнятое. Но за ужином все кончилось.

— Ну как? — спросил меня Оскар Семенович, отправляя в рот кусок его любимой телятины.

— Пляж? Замечательный. Море такое ласковое. Вспомнилась Рига. Только у нас вода никогда не бывает такой теплой.

— Хорошо. Теперь будем ездить чаще. Если, конечно, выполнишь одну мою просьбу.

Я насторожилась. Еще в машине я ощутила в нем что-то новое. Особое напряжение, что-ли...

— На русско-армянском кладбище работает один старикан. Тип довольно сомнительный. Делает памятники, крупно зарабатывает. Мы с ним давно знакомы... В молодости я любил баловаться картами. Встретился с ним в одном доме, и

он меня облапошил. Был у меня бриллиантовый кулоп — дорогая вещь, из приданого покойной матери.

В общем, камень уплыл из моих рук. Веришь, сколько лет прошло, а я и сейчас его вспоминаю. Дорогая вещь — да не в том дело, для меня она не имеет цены — у этого мошенника. Я долго думал, как быть. Выкупить не могу, нет у меня таких денег. Ты теперь родной мне человек, и кулон должен быть твоим...

Разговор был такой необычный, что я забыла о еде. Он это почувствовал, наклонился ко мне, жарко сыпал словами.

— Мы должны вернуть свою вещь. Любым способом. Если надо, схитрить. Сейчас время такое — слишком мало честных людей. — Он хрипло рассмеялся. — У меня есть идея. Джумшуд, так зовут старика, равнодушен к слабому полу. Ты поедешь на кладбище будто бы заказать памятник, пококетишься с ним. Ручаюсь, он клюнет, пригласит тебя к себе. Согласись сразу же, не ломайся. Дома съешь побольше масла, а там, у него, постарайся, чтобы его рюмка не пустовала. Остальное — не твоя забота. Пил он всегда плохо. А в шестьдесят лет он бутылки коньяка наверняка свалится с копыт. На этом твоя роль окончена — можешь уходить со сцены...

— Но я вообще не хочу выходить на сцену. Роль мерзкая.

— Чепуха. Он картежник и мошенник. Мы хотим только вернуть свою вещь, что тут плохого?

— Нет! Нет! Нет! — закричала я. — Никогда. Ни за что.

Лицо Оскара Семеновича потемнело. Он схватил меня за руки.

— Слушай, — сказал он хрипло. — Если я наметил план, это верняк. Хочешь знать, твоего Альбертаса я и в глаза не видал. Случайно услышал за столиком, как один молодой лоботряс выкладывает другому твою нехитрую историю. Ты и клонула. Дура.

— Ты шутишь! — мне стало страшно.

— Какие там шутки! Только ангел станет заниматься подделкой документов ради дешевой официантки из бара.

— Ты не смеешь так со мной разговаривать. Ты обманул меня. — Я еще долго что-то кричала, возмущалась, плакала.

— Любопытная логика, — сказал он задумчиво. — Любопытная. Кормил, обувал, одевал, устроил в институт — ничего не жалел, а благодарность — кукиш? — Он сжал кулаки. — Запомни, я не из тех, кого можно не слушаться. Или ты пойдешь к Джумшуду, или...

— В общем, — Марита с отчаянием махнула рукой. — У не-

я не было сил сопротивляться. Меня как будто сломали, я превратилась в куклу. Поехала на кладбище, познакомилась со стариком. Я знала, на что иду, все знала. Стыдно говорить об этом, но пусть. Джумшуд пригласил меня к себе. Договорились на субботу в семь — начале восьмого.

Старик встретил меня ласково. Сели за стол. Я подливала и подливала ему коньяк. Он быстро опьянел, начал уверять, что любит меня, все для меня сделает. Я слушала и улыбалась. На душе было мерзко. Там, в этой комнате, я решила умереть. И если бы не Заступин, я сделала бы это сама...

О самом вечере мне трудно рассказывать. Старик лез, я его отталкивала. Он упал на колени, обнял ноги. С трудом я вырвалась. Сказала, что выйду на кухню напиться. Я слышала его голос: он дважды звал меня. Но я выскочила на лестницу, бросилась вниз.

— Встретили ли вы кого-нибудь в парадном? — быстро спросил Байрамов.

— Кажется, двое поднимались. Но я их не разглядела. Выскочила на улицу, остановила такси. Заступина дома не было. Я разделась, заперлась в своей комнате и всю ночь проплакала. Утром пошла в аптеку, купила несколько пачек люминала.

— Знаете, — Марита слабо улыбнулась, — захотелось перед смертью надышаться — увидеть Заура. Дозвонилась только через день. Мы встретились. Из его случайных фраз я поняла, что Джумшуд убит. Пора было кончать...

— Нет, подумала я, сначала выложу Заступину все, что о нем думаю. Потом пойду в милицию — только не к Зауру. — Брови ее сдвинулись, взгляд стал жестким. — А вечером, перед сном, проглочу таблетки. Мертвым стыдиться нечего. Как назло, Оскар Семенович исчез и в этот день не появился. Я ждала почти до утра. Потом решила, что он скрылся, оставив меня на произвол судьбы. Пошла к автомату, чтобы позвонить Зауру, хотелось в последний раз увидеться. Набрала номер и тут заметила наш запыленный «Москвич». Что-то крикнула в трубку Зауру и помчалась домой.

«Отец» встретил меня неласково.

— Где ты ходишь? Нужно успеть на поезд. Едем в Тбилиси.

— Я закричала. Он спокойно слушал меня, потом... Потом я не помню. Очнулась в больнице.

Марита встала.

— Теперь совесть моя чиста. — она обращалась только к

Байрамову. — Я арестована, гражданин следователь? Отправьте меня в тюрьму.

Байрамов молчал. За многие годы работы ему не пришлось встречаться с подобными случаями. Решать надо быстро, сейчас все зависит от него. Советоваться с Зауром бессмысленно — как ни в одном другом деле он будет придерживаться буквы закона.

Байрамов заставил себя успокоиться, объективно взвесить все «за» и «против». Марита ждала, не сводя с него глаз. Он подошел к ней, положил руку на плечо.

— Нет. Вы свободны.

Марита вздрогнула, побледнела. Байрамов едва успел ее подхватить.

Глава 31

ПРИЗРАК ПРОШЛОГО

Все время, что шло следствие, Оскара Заступина держали в одиночной камере. Байрамов, посоветовавшись с работниками милиции, решил не тревожить его раньше срока.

Было ясно — на испуг, на «психологию» его не возьмешь. По таким следствию должно бить только прямой наводкой. Много ценного сообщил Галустян. Понимая, что за убийство ему грозит смертный приговор, Артист подробно рассказал обо всем — о побеге, подготовленном Заступиным, его коротких письмах, вызове в Баку. Память у него была прекрасная. Правда, во всех этих рассказах сам он выглядел таким чистым и наивным, что следователь только качал головой, пряча в усы улыбку.

— В самом деле, Галустян, странно, что тебя, такого милого и чистого парня, держат под стражей...

Чувствуя, что переиграл, Артист злобно щурился и вдруг сбивался с тона. Из-под маски невинного младенца на мгновение высовывались клыки затравленного хищника. И сразу прятались. Чуть разбавив краски, Артист принимался за свое.

— Я что, я пешка. Вот Старик! Помню, еще в тайге, у костра он думал о встрече с Айрияном.

Сотрудников уголовного розыска заинтересовали и результаты экспертизы. Паспорт на имя Сергеева принадлежал Чур-

кину, паспорт на имя Заступина — Тониянцу. Получалось, что Заступин («Старик») и Тониянц («Волк») — одно лицо. Акперов направил Огнева и Агавелова в командировку, чтобы уточнить этот факт в местах заключения, сам же занялся изучением архивов.

Дома Заур не бывал. Мариту взяла на поруки Периханум. Видеться с Зауром врачи ей не разрешали. После допроса она слегла на две недели. Теперь (он знал об этом со слов матери) она медленно поправлялась.

Конечно, он был рад за нее. И вместе с тем... Чтобы уйти от этих проклятых вопросов, он целыми днями копался в пожелтевших пыльных бумагах. Хотелось одного: чтобы скорее все кончилось. Скорее. Скорее. И он гнал дело, не жалея ни себя, ни подчиненных.

К середине октября Байрамов и Заур шаг за шагом прошли по следам Старика. Как будто все было ясно. И однако ночь перед допросом Заур прокрутился на своем жестком диване. Заложив руки за голову, он вновь перебирал в памяти вехи страшной жизни...

Четырнадцатилетним оборвышем Каро Лалаев попал в милицию впервые: кража чемодана на вокзале. В архиве сохранилось несколько строк. Серый шероховатый листок, выцветшие чернила. Но данные сохранились: данные, собранные и записанные неведомым оперативником.

«Ф. И. О. — Лалаев Каро Гургенович.

Год рождения — 1906.

Соц. происхождение — дворянин.

Родители: отец — Лалаев Гурген, расстрелян за организацию антисоветской банды, мать — умерла в 1912 году...»

Внизу крупным твердым почерком было написано: «Ознакомился. Сын за отца не ответчик. Направить в детский дом № 2. Зам. наркома просвещения».

Фамилии Заур не разобрал.

Молодой Лалаев вновь попал в поле зрения милиции через несколько лет. С воспитанием не получилось. Скорее наоборот. Мальчишка оперился, стал своим человеком на знаменитом кубинском майдане. С утра вертелась здесь карусель торговой жизни. Караван-сарай заполняли деловитые напманы. Прямо на улицах мангалы с душистым кебабом, мелькали стопки румяных чуреков. Ловко неся над головами подносы с чаем, сновали неутомимые чайчи, продавцы леденцов, старой рухляди, анаши. Вся эта публика орала, торгова-

лась, на все лады расхваливала свой товар. В толпе иногда возникал высокий молодой парень в клетчатом костюме на шотландский манер.

«Князь» — шептали торговцы, «Граф» — твердили шулера, «Граф» — повторяли шашлычники. А графу-то было всего-навсего двадцать лет. Но его знали и побаивались даже кочи — отпетые бандиты, готовые ради денег на любое, самое страшное преступление. Граф недолго украшал майдан. После очередного ограбления его арестовали.

Отсидев срок, Каро Лалаев вынырнул в Ашхабаде. Он стал осторожнее, хитрее, шел — да и то не часто — только на крупные кражи. Тут, в Ашхабаде, судьба впервые свела его с милиционером Джумшудом Айрияном...

Заур повернулся на бок, нащупал на круглом столике у дивана пачку папирос, спички. Закурил. Слабый язычок огня вырвал из темноты кусок комнаты, колыхнулись тени: В ушах звучал то заискивающий, то злобный голос Артиста.

Целый день лил проливной дождь, мы промокли до нитки. А продвинулись на каких-нибудь восемь километров. К вечеру окончательно выбились из сил. Старик отыскал сухое место под раскидистым кедром, набрал сучьев. Я так устал, что, прислонясь спиной к дереву, только следил за ним глазами. Через полчаса костер пылал. Из небольшого ржавого котелка, в котором Старик замешал муку с водой, валил пар. Достал из мешка крупную серебристую рыбу, забитую вчера самодельной о трогой в нешироком таежном ручье.

— Ну, отдышался? — спросил он ласково.

Я кивнул.

— Смотри, худо в тайге одному. Пропадешь, однако. — Он помешал варево.

Я понимал: он не столько жалеет меня, сколько успокаивает. Одному в тайге плохо. А с больным — еще хуже.

— Воля нужна, Аркаш, к жизни, — медленно заговаривал Старик после ужина. — Наша волчья воля, — подбросил в костер сучьев, ухмыльнулся. — Жарко горит. А у меня, — он постучал по широкой костистой груди, — здесь горит. Знай, не умру, пока не перегрызу горло одному гаду.

В эту минуту он и впрямь был похож на волка. Седые волосы на загривке встали дымом, хищно блеснули зубные протезы. Я осторожно спросил, в чем дело.

Он зорко посмотрел на меня, оскалился.

— Ладно, расскажу, однако. В тридцатые годы — тебя тогда еще и в проекте не было — ходил я на дело редко. Брал

крупно, чтоб месяца три-четыре, а то и год жить свободно. Попал я в Ашхабад. Столкнулся там с одним мильтонем. Джумшуд-бек звали. Навел меня на ювелира. Все вроде шло хорошо. Вошел в квартиру, сунул в рот хозяину кляп, вскрыл сейф. И надо ж, случилось так, что кляп выскочил. Ювелир стал орать, я с перепугу и всадил ему пулю в морду.

На выстрел прибежал Айриян. Бледный, губы трясутся. «Что ты сделал», — шепчет. Отобрал у меня пистолет, бриллиантовый кулон — цены нет! — еще кое-что, вывернул руку за спину. Я молчу, думаю, хочет меня тихо вывести на улицу. Но он хитрый был, однако. Словом, привел меня в милицию. Валить на него — бессмысленно, кто поверит? — Старик кипел, глаза блестели, голос, всегда ровный, трывался. — Получил я большой срок, бежал. Приехал в Ашхабад — Джумшуд-бека и след простыл. Узнал только — за что-то выгнали его из милиции.

Начал я свой розыск. Уже перед войной передали мне, что он переселился в Баку. Я двинул было туда, да влип по дороге. И сел крепко. Прошел Казахстан, Забайкалье, Колыму. Два раза рвал когти, неудачно. Сейчас — третий...

Галустян уходил все дальше, голос его звучал все глуше. В окно сочился рассвет, но Заур спал. Погасшая папироса упала на пол.

Комната для допросов маленькая, низкая. Стулья и стол привинчены к полу. Лалаев уверенно направился к коричневому табурету, скользнул равнодушным взглядом по столу. Пристально, как будто желая запомнить на всю жизнь, взглянул на Байрамова, на Заура. Заур отметил про себя, что Лалаев сильно сдал. Воспаленные веки, помятое серое лицо. Сквозь редкие волосы на затылке просвечивает шрам, напоминающий расплывшуюся оспину.

Все понимали — обмена любезностями ждать не приходится. Следователи договорились — действовать прямо. Байрамов зачитал показания свидетелей — столь убедительные, что, кажется, никуда не денешься. Волк слушал безучастно, будто речь шла о ком-то другом. Он знал, что игра проиграна. Безразличие было его последним оружием, последним средством сохранить самоуважение. Будет неплохо, если следователи утратят выдержку, сорвутся... Это все, что ему оставалось.

На очных ставках перед ним поочередно прошли соучастники. Особенно разошелся Артист, которого вывело из себя равнодушное лицо Лалаева. Не выдержав взглядов его свинцовых глаз, Галустян крикнул ему в лицо:

— Что молчишь, старый пес? Чужими руками работал? Обвел вокруг пальца?

Лалаев не ответил. Не ответил он и следователю.

— Вы не могли не понимать, — сказал ему Байрамов, — что вся ваша деятельность противоречила укладу нашей жизни, попирала закон. Возмездие было неизбежно. О чем же вы думали? На что надеялись?

Не разжимая тонких губ, Лалаев чуть прикрыл вспыхнувшие злобой глаза.

Пригласили Мариту. Она сидела против «отца» в ярком свете электрических ламп. Впервые он вздрогнул, беспокойно заерзал на табурете, вскинул острый подбородок. Побагровев, прохрипел ей в лицо:

— Де-ше-вка...

Марита попятилась к двери.

— Пишите. Я — Лалаев, я же — Караян, Тониянц, Заступин, Сергеев. Я ненавижу вас...

Глава 32

ИСТИНУ НЕЛЬЗЯ НАРЯЖАТЬ

Дело об убийстве Айрияна было закончено. Осталось лишь подвести итоги оперативно-следственных действий, составить обвинительное заключение.

На основе этого заключения государственный обвинитель будет поддерживать обвинение, защитники оспаривать его и ходатайствовать о смягчении наказания. А суд? Суд выслушает доводы прокурора, показания свидетелей и подсудимых, их последнее слово. Затем судьи удалятся в совещательную комнату, чтобы вынести приговор.

Приговор! Это знакомое слово било Заура по нервам. Ночами ворочаясь без сна на своем узком и жестком диване в кабинете, он выступал в роли и защитника, и обвинителя Мариты.

— Несчастная женщина, жертва опытного преступника, — говорил адвокат.

— Соучастница преступления, — коротко парировал прокурор.

— Она на всю жизнь запомнит суровый урок, будьте сн

сходительны. Только теперь у нее появилась счастье. Надежда пришла к ней так трудно.

— Она виновата. И нет уверенности, что ошибки чему-то ее научили. Совсем не случайно она стала соучастницей, шаг за шагом приближал ее к преступлению. Лишь наказание будет для нее настоящим уроком. Счастье не приходит в руки само, за него борются...

Споры, которые Заур вел с собой, порой вспыхивали и в кабинетах. Разумеется; здесь доводы приводились иные — сугубо юридические. Конечно, стоило зайти Акперову, разговор мгновенно обрывался. Заур торопился уйти, он не хотел ни слушать, ни участвовать в разговорах.

— Нет и еще раз нет, — решительно заявлял Агавелов. — Для осуждения нет оснований. До суда ее передали на поруки. О чем это говорит? О том, что вы, товарищ Байрамов, сомн... Тогда почему же вы предъявили Лайтис обвинение в соучастии в убийстве? Тысячу раз поддерживаю, — словно защищаясь, он выставил вперед руку, — что Лалаев, Галустян, Мехтиев, Чуркин — преступники. Но при чем тут Марита?

— Перестань, — раздраженно прерывал его Байрамов. — Думаешь мне легко? К чему эти громкие слова, дорогой?

— Ради справедливости! Ведь решается судьба человека, от приговора зависит ее будущее... — Агавелов прошагал по комнате, стукнул пальцем по выключенному вентилятору, поморщился от боли. — Откуда ты взял, что она соучастница убийства? Убийства, понимаешь?

— Дорогой мой, это следует из хода событий. Из материалов следствия.

— Извини. Я тоже слышал показания обвиняемой и свидетелей, принимал участие в раскрытии преступления. Думаю, мне известны и обстоятельства убийства и все, что ему предшествовало. Утверждаю со всей решительностью, что о готовящемся убийстве Лайтис не знала.

— Это ничем не подтверждено.

— Но и обратное не доказано. Она не крала, не убивала, лишь постаралась скорее напоить старика...

— Лишь!

— Да; тут был обман. — Агавелов нервно одернул китель. — И все-таки я никогда не соглашусь, что действовала она с умыслом, включающим убийство. Так ты и Катюшу Маслову запишешь в убийцы.

— Оставим Маслову.

— Нужно понять, ощутить всю нестандартность, всю сложность жизни Мариты. В чем она виновата? В том, что девчонкой увлеклась жуликом? По наивности попала в капкан, не зная о преступных махинациях мужа? И уж тем более — этого старого мерзавца...

— Но она и не интересовалась баснословными заработками мужа, она не спрашивала, откуда берутся деньги у Лалаева. Это, проси, уже не наивность, а сверхнаивность.

— Не придирайся, Фархад Гусейнович. Вспомни — следствие фактически ее не коснулось. Она осталась в стороне. И это не случайно: ни в каких преступных махинациях она не участвовала.

— Кроме одного — убийства.

— Несчастная случайность и наглый обман. Растерявшаяся девчонка попала под влияние человека сильного, опытного, жестокого. Она искренне верит в его доброту, чувствует себя обязанной. И Лалаев ловко играет на ее слабостях, чувстве благодарности. Вспомни, узнав, что она стала невольной соучастницей его преступных замыслов, Марита твердо решила покончить самоубийством.

— И тянула с этим решен
ней, — тихо ска-
зал Байрамов.

— Пусть так. Но она доказала, что не принимает их волчьи законы. Прекрасно понимая, чем это ей грозит, она бросила открытый вызов «отцу». Я по опыту знаю, что у преступников нет ни стыда, ни совести. Люди же, у которых есть совесть, в наше время просто не могут быть преступниками.

— И все-таки, капитан, ей не хватило воли. Что ей мешало рассказать обо всем Зауру? Скажешь, трудно было объяснить? Правильно. Я и говорю, что она выбрала путь полегче.

— Полегче? Она погибла бы, если б Заур не приехал туда вовремя. И произошло это, учти, случайно. Но суть даже не в том. Теперь, когда она сделала первый, может быть, самый трудный шаг к правде, ты хочешь закрыть ей дорогу, погубить ее? — Агавелов почти кричал. — Да ведь спасти ее — наш прямой долг, естественный человеческий долг. Надо же отличать ошибку от преступления.

«Ошибка... Какое старое и вечное слово, — подумал Байрамов. — Оно сопровождает человека вот уже тысячи лет. Ошибки собирают, систематизируют, изучают с одной целью — чтобы их не повторять. И повторяют снова и снова». Он отошел

к окну. Ночное осеннее небо было беззвездно. Потянуло холодом.

— Слушай, друг, — он обернулся к Агавелову. — В известной степени ты прав. Но только отчасти. Почему? Да потому, что Лайтис перешагнула черту, которая отделяет ошибку от преступлений. И это, увы, факт.

— Не знаю..., — пробормотал Агавелов. — Если ты прав, получается ерунда. Ради буквы закона мы жертвуем его сущностью...

— А вот тут я никак не могу с тобой согласиться. Мы обязаны блюсти и суть, и букву закона — это наша прямая обязанность. У меня нет права судить. Только суд может осудить или оправдать ее. Так что спорить дальше просто нет смысла.

— А я и не спорю. Но имею я право высказывать свое частное мнение?

Следователь взял Агавелова за плечи, повернул к себе.

— Имеешь. Но пойми, Заура я знаю много лет, и дело это заботит меня не меньше, чем тебя. Однако истину нельзя наряжать даже в самые красивые одежды. Она должна оставаться нагой. В обвинительном заключении все будет изложено предельно четко и объективно. Это я тебе обещаю.

Глава 33

ВСТАТЬ! СУД ИДЕТ!

— Встать! Суд идет!

Третий день длится процесс. Судебная коллегия Верховного суда республики слушает дело о грабежах и убийствах. Подсудимые, как положено, отделены от зала массивной дубовой перегородкой.

Такие разные, сейчас они чем-то похожи друг на друга — угрюмые лица, взгляд исподлобья, руки чуть заметно дрожат. Только серое лицо Лалаева мертво, лишь в глубине острые буравчики глаз. Обращенных к нему вопросов он как будто не слышит. Глухое, мертвое молчание.

Подперев подбородок кулаками, беспокойно ерзает на месте Аркадий Галустян, Артист. Его вкрадчивый голос, простодушное лицо так не вяжутся с длинным перечнем совер-

шенных им преступлений, что люди в зале брезгливо отворачиваются.

Во втором ряду — Мехтиев и Чуркин. На скулах Косого прыгают красные пятна. Он поминутно вытирает грязным платком лоб и руки. Чуркин кажется спокойным. И не сразу заметишь, что все его тело бьет непрерывная мелкая дрожь.

Суд счел возможным подсудимую Лайтис Мариту Мартинову поместить отдельно.

Из конца зала, где сидят Заур, Огнев и Пери-ханум, Мариты не видно. Лишь когда она встает, можно разглядеть высокие плечи, бледную шею, россыпь темных волос.

Слово предоставляется прокурору. Завершая обвинительную речь, он повышает голос.

— За совершенные злодеяния — грабежи и убийство — я требую приговорить Лалаева, он же Кароян, Тониянц, Заступин, Сергеев, а также Галустяна и Мехтиева к высшей мере наказания — расстрелу, Чуркина — к пятнадцати годам лишения свободы.

В отношении подсудимой Лайтис, поскольку она осознала свою вину и помогла следствию разоблачить такого матерого преступника, как Лалаев, считаю возможным ограничиться лишением свободы сроком на два года...

Словно сквозь вату доходят до Заура выступления общественного обвинителя, адвокатов.

«Так или иначе, — сверлит мысль, — а Марита под судом. Моя Марита...» Странно, почему мать одобряет этот выбор? Что она сумела увидеть в Марите — слабой, безвольной, отступившей перед первой сильной волной... Так, кажется, ворила Байрамов.

Тяжело, с перебоями стучит сердце. Во рту горько. Но теперь он не сомневается: они будут вместе. И если то, что ждет впереди, будет самым тяжким испытанием в его жизни, что ж, он готов. Он разделит с Маритой все. Все, до самого конца.

— Последнее слово, — объявляет председательствующий. Чуркин говорит негромко, смотрит в сторону, на завешенное тяжелой зеленой шторой окно.

— Я соучастник... Знал, на что шел... Ошибся. Ошибся впервые. Поверьте, граждане судьи, — в голосе его звучит мольба, — больше ошибки не повторю. Дайте мне возможность искупить...

Невнятно бормочет Мехтиев. С трудом шевеля губами, выталкивает застрявшие в горле слова.

— Не повторю никогда. Я еще молод. Сохраните жизнь...

Галустян не говорит. Тело его сотрясается от рыданий. Сквозь пальцы, скрывающие лицо, просачиваются слезы. Артист все еще верит в свою удачу, в свой актерский талант...

Лалаев не сдвинулся с места. Не человек, камень. Лишь на миг из-под красноватых, будто обожженных век острой ненавистью сверкнули зрачки.

Когда поднялась Марита, по залу прошел легкий гул.

— Я не прошу снисхождения, — едва слышно сказала она. — Каков бы ни был приговор суда, он будет справедлив. И есть еще приговор... собственный... — голос ее дрогнул, — пусть... Я... до конца... Она упала на стул и беззвучно заплакала.

Пери-ханум бросилась по проходу к ней. Заур — влево, из зала. Он больше не мог.

Только привычные слова «Встать! Суд идет!» к двери.

Председательствующий и торжественно приговор.

— Подсудимого Лалаева Каро Гургеновича, он же Кароян Шаген, он же Тониянц Аршавир, он же Заступин Оскар, он же Сергеев Константин — приговорить к высшей мере наказания — расстрелу...

Подсудимого Галустяна Аркадия... — к расстрелу...

Подсудимого Мехтиева Ариф... — к пятнадцати годам лишения свободы.

Подсудимого Чуркина Геннадия... — к пятнадцати годам лишения свободы.

Подсудимую Лайтис Мариту Мартиновну к двум годам лишения свободы...

Тишину всколыхнул ропот, гул голосов. Заур привалился к стене, каждое слово тяжелым грузом ложилось на плечи.

... Однако, учитывая смягчающие обстоятельства, руководствуясь статьями... Уголовного кодекса Азербайджанской ССР, суд нашел возможным заменить лишение свободы условным осуждением на тот же срок...

Глава 34

ПРИГОВОР

...Над морем тяжело висело серое угрюмое небо. Волны с тугим гулом разбивались о черные камни. Брызги летели и падали у их ног. И Марита вдруг заговорила.

— Мне полагалось радоваться, но я не могу. Разучилась. Погасла во мне радость. Я должна искать другую дорогу, свою собственную. Если найду, тогда... Хочу, чтобы ты понял.

Заур понял. Он давно с тревогой ждал этого разговора, был готов к нему. И все-таки страшная боль сжала сердце.

— Марита! Не надо... После всего...

— Надо, Заур. Я рада, что встретила тебя, что ты такой... Но я знаю... — Он с удивлением услышал, что она говорит то, о чем он думал в долгие ночи следствия. — Я знаю, ко мне пришло счастье. Я и хочу... Хочу иметь право идти рядом с тобой. Как сегодня. Идти и открыто смотреть в глаза людям.

Она приподнялась, порывисто обняла его, прижалась сильными губами к его глазам.

— Дорогой, любимый...

Заур схватил ее за плечи.

— Ты не уйдешь. Нет!..

Она вскинула голову, улыбнулась насмешливо и печально.

— Значит, ты меня еще любишь?

— Очень.

Она мягко отстранила его.

— Когда я тебя встретила в первый раз — я была счастлива, почти как теперь. Как страшно... Может быть, я вернусь, и тогда тебе не придется стыдиться меня.

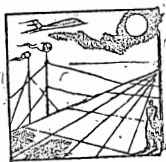
Она повернулась и быстро пошла по пустой сумеречной аллее.

Словно замороженный, он остался на месте. Холодный ветер швырнул в лицо пригоршню соленых брызг.

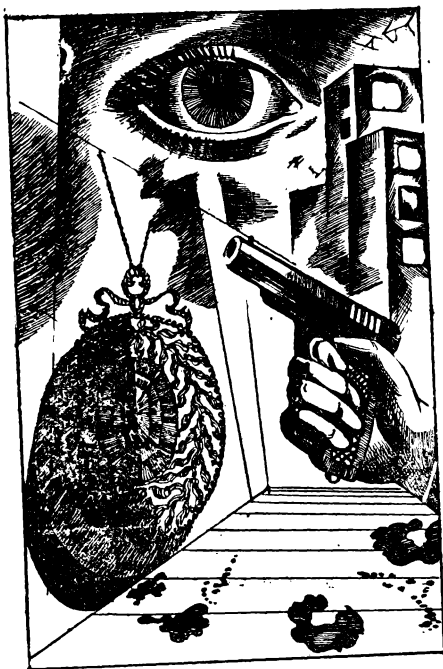
Час спустя в своем кабинете он морщась поднял телефонную трубку.

Звонил дежурный.

— Товарищ майор! На Октябрьской, 16...

ЧЕРНЫЙ ЖЕМЧУГ

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Март 1924 года выдался холодны. После сплошной полосы дождей, когда тучи стали расходиться и казалось, вот-вот выглянет солнце, с моря неожиданно сорвался ветер. Могучим накатом бились о набережную темные от мазута волны, неслись по улицам тучи жесткого, тяжелого от влаги песка.

Город будто вымер: опустела шумная вокзальная площадь, обезлюдел «Солдатский базар», где в дешевых духанах и мануфактурных лавках допоздна толкался мастеровой народ. Редкие прохожие жались к домам, торопливо ныряли в подворотни. С рассыпчатым звоном лопались стекла, хлопали ставни, скрипели от натуги ворота. По улицам несли мусор, захваченный ветром с дальних свалок. Только в самом центре города, защищенном высокими каменными зданиями, было сравнительно спокойно.

В такой день и появился на бакинских улицах Степка Кучерявый. С утра он слонялся у Персидского причала, с завистью поглядывая на уходящие вдаль пароходы, затем проскользнул в Крепость. Одет он был неважно — тонкое потертое пальто, драный шарф, потрепанная кепка. Но непогода его вполне устраивала. Гонимый страхом, он целый день метался по городу: все чудились косые взгляды, звенели в ушах свистки угрозыска. Только к вечеру Степка успокоился, поняв, что оторвался от погони.

По Набережной-Александровской он поднялся к Крепости, покрутился в лабиринте узких переулков. И только когда начало темнеть, он, обойдя караван-сарай, спустился по узень-

кой лестнице на Михайловскую, к Лалаевскому пассажи. Попав в кинозал «Тейяре», он с поразительным терпением просмотрел подряд две серии «Последних походов Тарзана». Трюки Гарри Пилы на какое-то время отвлекли его от этой проклятой действительности. В битком набитом зале было тепло и спокойно, и где-то в середине первой серии Кучерявы задремал.

Но будильник в его сознании действовал четко. Едва хлынули в зал бравурные аккорды тапера и на экране замелькали последние титры, Степка вскочил и, не дожидаясь пока вспыхнет свет, ринулся к выходу.

Было уже темно, а он все метался по пустынным улицам. Предусмотрительно обошел двухэтажное здание 5-го района милиции, вышел на Миллионную. Надежное укрытие — маленький, неприметный дом — было совсем рядом. Оставалось перейти мостовую. Степан огляделся, сплюнул скрипящий на зубах песок и решительно пересек улицу. Только здесь, привалившись к холодным воротам, он позволил себе расслабиться, вспомнить весь этот прожитый в сумасшедшем темпе день.

Рано утром, когда его вели в суд, он извернулся и ударом в переносицу свалил одного из конвоиров. Второй конвоир схватился за винтовку, но Степка нырнул в знакомый переулок. Сзади хлопнули запоздавшие выстрелы.

Нельзя было терять времени. И уже через два часа, имея точную наводку, он взял на Персидской улице квартиру нэмана Мир Алескера Шихлинского.

Агенты уголовного розыска, как водится, прибыли на место происшествия с опозданием. Потерпевший был в отчаянии. Размазывая мясистыми волосатыми руками слезы, Шихлинский истошно вопил:

— Вот вам ваши лозунги! Ваша новая власть! Нету жизни, аллахом клянусь, нету! Раньше один городской полгорода охранял! А теперь... Что теперь делать? Где искать правду?

Старший агент угрозыска равнодушно оглядел купца и сказал строго:

— Ты, гражданин Шихлинский, брось мне тут антисоветчину разводить. Был городской да сплыл! И вообще кончай истерику! Хватит, нажились...

Мир Алескер как-то сразу сник.

— Эх, начальник, зря глаза колешь. Я бедный торговец. Никому вреда не приношу. Зачем так? Совнарком частную торговлю разрешил. Мы налоги платим, помогаем вашим Со-

ветам. Меня обокрали, а теперь я и виноват? Зачем, ай балам, мне угрожаешь? Лучше ищи вора.

Держась за голову, Мир Алескер бегал по комнате, охал, стонал. Старший агент, не обращая на него внимания, тщательно осмотрел взломанный сундук.

— Что взяли?

— Рехметти оглы¹, — всплеснул руками Шихлинский. — Спрашиваешь что? Меня разорили. Все унес проклятый бандит. Все, что целую жизнь по копейке собирал. — Оң, суетясь, достал из ящика комода пачку смятых бумаг — купчих на дом Якубовича в Варшаве. Разложил на столе. — Смотри, гражданин начальник, смотри! Этим квитанциям двадцать лет. Годами копил. Мучился. Детям кусок хлеба жалел... Аллах свидетелы!

— Короче, короче, Шихлинский! — нетерпеливо прервал старший агент. Его злило вовсе не многословие потерпевшего, а то, что вор, проникший в дом и ловко взломавший кованый сундук, не оставил следов.

— Эх, что говорить? Все унесли. Четыре голландских бриллианта, каждый пять карат, десять колец «маркиз»... Еще десятка три турецких имперялов — старинных, дедовских.

— Ладно, чего уж там... Наверное, еще мешочек золоты червонцев припрятан на крайний случай, а? Николаевских.

— Нет-нет, начальник, аллахом клянусь. Нет у меня золотых червонцев. Законов не нарушаю.

— Так я тебе и поверил. Только скажу тебе, почтенный... Откровенно скажу. Не видно, чтоб у тебя на квартире побывал вор. Чую; хочешь за счет советской власти прокатиться, скостить мелочи. Смотри, старик, за такие штуčky...

Старший агент погрозил Шихлинскому пальцем, обернулся к помощнику.

— Ну-ка, Николай, мигом сочини протокольчик.

Мир Алескер всерьез забеспокоился.

— Начальник, за кого меня принимаешь? Я честный человек. Я к самому господину Газанфару Мусабекову пойду. Буду жаловаться.

— Кончай. Никаких господ нынче нет, и пугать меня нечего. Жалуйся не жалуйся, мы все одно будем искать вора. Но, предупреждаю, ежели решил нас подразыграть...

Мир Алескер не ответил, устало присел на стул.

Кража в доме нэпмана в самом деле была весьма загадоч-

¹ Насмешливое обращение, буквально: «Сын покойного» (азерб.).

ной. Полное отсутствие следов и явная осведомленность преступника свидетельствовали о высокой квалификации. Конечно, никто не мог и подумать, что кражу совершил уголовник, который лишь утром сбежал от конвоя. Растерянность сотрудников-угро и была той козырной картой, на которую рассчитывал Степка в своей рискованной игре.

О том, что Кучерявый готовит побег, в камере баиловской тюрьмы знал только один человек. Он и дал ему два «верных» адреса. Первым был дом Шихлинского, вторым...

Степка вошел в темный дворик, проверил на ощупь, здесь ли сверток с драгоценностями Шихлинского, потуже сколол булавкой приятно оттянутый карман. Пора. Вот она, у самого входа, узкая, обитая фанерой дверь.

Из щелей тускло сочился свет керосиновой лампы. Кучерявый, как было договорено, дважды постучал в фанерную обшивку. Дверь открылась сразу, будто там, за грубо сбитыми досками, кто-то уже ждал условного стука. На пороге возник костистый широкоплечий старик в длинной рубаше, у пояса перехваченной ремешком. Степка, как ни старался, не мог разглядеть в темноте его лица.

— Здорово, браток. — Старик прервал напряженное молчание. — Заходи, коль пожаловал.

Степка нерешительно переступал с ноги на ногу. Странно, старик не спросил, что за гость, откуда появился. Этак можно влипнуть в историю... Он чуть попятился. Хозяин насмешливо хмыкнул.

— Да ты не бойсь. Проходи. Сюда, на Миллионную фараоны не заглядывают.

— А ты, папаша, что ли меня знаешь? — спросил Степка подозрительно.

— Знаю. По пальту признал. От Марухи. Да и адресок-то мой только ему ведом.

Кучерявый пошарил взглядом по двору и осторожно шагнул в комнатуху. Снова огляделся: вроде бы тихо. Скоро на дощатом столе появились бутылка водки, пара граненых стаканов, головка маринованного чеснока. Старик, ухмыляясь, всматривался в Степку, оглаживая короткую с проседью бородку.

— Гляжу я на тебя, браток, и думаю: не из местных, что ли?

— Залетный я.

— Откуда будешь?

— Одесской губернии.

— Издалече-е, — вздохнул старик. — Мечтал я когда-то закаты в Одессу-мату... В доброе николаевское времечко мечтал. Ан не вышло. В Москве на Страстной заграбастали меня и за решеточку... Дело было дрянь. У Казанского вокзала собрался пощипать одного. Но получилось мокрое. Самого господина Рябушинского хлопнул. Слава богу, что революция, а то, братец, гнить бы моим косточкам в земле. Теперь-то все. Шестой десяток как-никак разменял.

— Я б тебе, папаша, больше дал, — простодушно брякнул Степка.

— Дашь, конечно, — старик сердито засопел. — Много пришлось в кичах просидеть, вот здоровье и ушло. Каждая косточка на дождик плачет. Завязал. Разве что подмогну иной раз Марухе — советом нль мыслишкой. Парень толковый. А ты, браток, сегодня удачно извернулся.

— Откуда известно? — насторожился Степан.

— Гм! Как же не знать-то? Чай не маленький. Что почем и отчего — соображаю, — старик многозначительно прищурился. Встал, прошелся по комнате, наставил на Степку цепкие, недобрые глаза.

— Долю принес?

— Принес. Хочу здесь ночь переспать, утром уйду. Я быстрый... Только документик мне бы какой...

— Это сообразим. Давай-ка поначалу с одним делом кончим. Этого изпмана ты, похоже, приличю пощипал. Адрес небось подкинул Маруха?

— Рисковое было дело, весь день дрожал. Ну, думаю, если не угро, местная уголовка прихлопнет.

Старик неопределенно пожевал губам разлил по стаканам остатки водки. —

— Всяко оно может быть. Однако выпьем, браток. Хорош самогон, холера бы его драла. Глотнешь, будто курьерский по кишкам. Так вот. За честный расчет подкину я тебе бесплатно пару дельных советов...

В полдень следующего дня к стоянке фаэтонов у вокзала подошел гладко выбритый элегантный молодой человек. На матовом лице выделялись черные холеные усики. Под небрежно сдвинутым на затылок котелком были видны аккуратно напояженные волосы. Франт лениво развалился на мягком сиденье, закинул ногу за ногу,

— Трогай, папаша!

Пара вороних зацокала копытами по брусчатке вокзальной площади.

1. ОТЪЕЗД

Заур Акперов и Эдуард Агавелов миновали туннель и очутились у самого здания вокзала. Как обычно московский скорый стоял на первом пути. До отправления оставалось не сколько минут.

С истории, описанной в «Приговоре», прошло три года. Срок немалый в жизни людей, чья судьба полна неожиданностей.

Пышная шевелюра Эдуарда поредела, в коротко стриженных волосах появилась седина. С Зауrom время обошлось куда жестче. Он как-то сгорбился, будто усталость придавила плечи. Веселый блеск в глазах потух.

Ему и в самом деле пришлось не сладко. В ашхабадском землетрясении погибли жена и сын; десять лет спустя женщина, которую он полюбил, попала на скамью подсудимых...

Эдуард, придерживая ногой небольшой чемодан, рассеянно чиркал спичкой — сыроватая сигарета постоянно гасла. Сегодня Агавелов уезжал. Но не в командировку, а в обыкновенный отпуск. Он давно мечтал побывать в Ленинграде, увидеть белые ночи. И только сейчас, на вокзале, вдруг заколебался. Уж очень у Заура измотанный вид. Эдуард торопливо докурил сигарету, вздохнул, сказал решительно:

— Слушай, Заур. Может, плюнуть? Порву к чертям этот дурацкий билет и обратно. Перебыюсь. Мы же собирались ехать в горы, охотиться... Ну? Договорились?

Акперов покачал головой.

— Нет смысла Эдуард. Без отдыха и верблюдов долго не

потянет. Мы обойдемся. В отделение подкинули курсантов. Помогут.

— Что там курсанты, Заур, когда кража в квартире профессора и для нас остается загадкой. Честно, я тебе удивляюсь. Отпустить меня в такое время... А отдых тебе даже нужней.

— Приказ подписан на тебя, значит, тебе и отдыхать. А насчет той истории... Уверен, ничего особенного. Есть Махмудов, Ибрагимов. Как-нибудь разберемся.

— Ладно. Только договоримся: если всерьез прижмет, вызови.

— Уловил.

— Ну, порядок. Смотри, Андрей так и не появился.

— Дежурит. Не обижайся. Как от нас ушел, совсем заработался. Сплошные командировки. Дома неделями не бывает. Вроде привык без него, а порой так не хватает Андрея...

Акперов нахмурился, взглянул на часы. До отхода поезда оставались считанные секунды.

— Да, чуть не забыл, Заур. Сделай такую любезность. Если позвонит Лейла, что-нибудь придумай. К примеру, выехал в срочную командировку... Не хотел прощаться, понимаешь... Дал слово, а сам еду в отпуск.

— Что с тобой? Проедешь первый семафор и забудешь. В первый раз, что ли?

— Не веришь? Такого у меня еще не было. Пойми, она мне всерьез нравится, по-настоящему. Только вот специальности наши плохо совмещаются. Музыка и уголовный розыск. А?

— Не знаю. Как-то не верится, что у тебя это серьезно. На моей памяти столько было этих самых... сердечных потрясений.

Эдуард покачал головой.

— Ладно, время покажет. А чего ты молчишь о Марите? Думаешь, не замечаю?

Акперов отвел глаза. Все, что связано с Маритой, было упрятано так глубоко, что он старался не трогать. Три года, а боль не проходит. Знает это Агавелов или спрашивает просто так? Обычный разговор о том, о сем в те долгие секунды, когда все сказано, а поезд почему-то стоит. Стоит, хотя полагалось бы трогаться...

— Понимаешь, с Маритой все очень сложно. Не хочу вспоминать. Наверно, я сам виноват во многом.

— В чем ты виноват, Заур? Ерунда. Да и насколько я понимаю, не только это тебя гнетет. Уж я-то тебя знаю. Не любишь ты никого пускать себе в душу, даже близких. Но

какой к черту я был бы тебе друг, если бы не догады Заур невесело усмехнулся.

— Как-то слышал, мальчишка-практикант обозвал меня «железным». Смешно... Другой раз такая тоска берет, бросил бы все и сорвался... Эх, зачем об этом? Не стоит заново городить огород. Ну, Эдуард, как говорится, с богом! Отдохни там за двоих!

Агавелов подхватил чемодан и потянул за собой Заура. Заур машинально вскочил на ступеньку — поезд тронулся.

— Во-первых, мы не успели выкурить последнюю на двоих, дорогой начальник. Традиция. Во-вторых, ничего не случится, если ты проводишь меня до Баладжар... А в-третьих, держись крепче, Акперов... Я еду в Ригу. Да, в Ригу!

Заур растерянно взглянул на Эдуарда. Тот улыбался широко и насмешливо.

— Ну? Думаешь, я сумасшедший, да? Лезу не в свои дела, да? А как быть? Равнодушно наблюдать, как ты, спрятавшись, вроде черепахи, в панцирь собственной дурацкой гордости, теряешь дорогого тебе человека? Что ты сделал, чтобы сохранить Мариту? Уждешь, что она пришлет тебе покаянное письмо? Дескать, так и так, дорогой Заур, приезжай, я тебя люблю и не могу без тебя? А у нее тоже есть гордость. Да и мало ли: может, с ней что случилось...

Акперов бросил сигарету и тут же закурил новую. В самом деле, мало ли что бывает...

— Да. Может быть.

— «Может быть», — передразнил Агавелов. — Ладно, не унывай. Уже Кишлы, тебе пора. А то уедешь со мной. Слезай и ежедневно благодари судьбу, что у тебя есть такой друг.

— Подожди, Эдик! Что ты придумал? — Заур вдруг спохватился.

Агавелов, не отвечая, подхватил его под руку и подтолкнул к выходу.

— Смотри, не натвори глупостей! — крикнул Заур в проплывавшее мимо окно.

Агавелов улыбнулся и картинно бросил руку к козырьку фуражки. Поезд ушел.

Бакинцы любят показывать приезжим Завокзальную улицу, которая зеленью и тишиной напоминает аллею парка. Улица, неширокая с самого начала, еще сужается к стадиону. Домов здесь немного, все знают друг друга в лицо. Летом, после ра-

боты жители выбираются на улицу, выносят скамеечки, усаживаются по-соседски в круг и неторопливо рассказывают новости или азартно стучат в нарды.

В жаркие дни посиделки тянутся до глубокой ночи. Первыми встают женщины, скликая детвору. Потом уходят любители нарда. Наконец, покряхтывая, поднимаются старики.

С этого момента и до самого утра улица тиха и пустынна. Разве что прошелестят в тишине шаги запоздалых прохожих да шепот влюбленных; им нравится эта тенистая улица с уютными скамеечками у палисадников.

В тот вечер Завокзальная улица опустела рано. Как часто бывает на Апшероне, налетел ветер, и непрочные уличные фонари заскрипели под его шалым натиском. Лампы, то вспыхивали, отбрасывая на асфальт желтые пятна, то гасли, и тогда улица погружалась во тьму — видно, где-то контактили провода. Тяжело зашлепали по листе первые дождевые капли...

Однако ни пронизывающий ветер, ни дождь не испугали одинокую парочку. Девушка и парень, обнявшись, медленно шли по улице, направляясь к старому кирпичному дому, увитому диким виноградом.

Они остановились под деревом, парень спрятал в ладонях маленькую руку девушки и сказал что-то такое, отчего она долго смеялась. Еще мгновение, и они расстались бы. Но именно в этот момент вспыхнули фары машины. Из-за угла вынырнула «Победа». Она мчалась на большой скорости, почти впрыток к тротуару, лезвием луча разрезав влюбленных. Парень оттолкнул девушку к стенке дома. Резко взвизгнули тормоза, грохнули два выстрела. Парень дернулся, покачнулся и, цепляясь за ствол дерева, медленно сполз вниз.

«Победа» рванулась вперед и через минуту исчезла, свернув у «электрички».

— У-убили-и-и-и!

Женский крик, как кнутом, рассек ночную тишину Завокзальной. Захлопали калитки, вспыхнул свет в окнах. Тихую улицу заполнили тревожные голоса, милицейские свистки, топот, гам.

— Кто такой? Ах, несчастная мать!

— За что? За что его, бедного?

— «Скорую помощь» скорее!.. Что вы стоите, как истуканы!

— Надо милицию, врача!

— Граждане! Граждане! Разойдитесь! Не мешайте! Кто видел номер машины? — Подоспевшая милиция искала свидетелей.

Девушка, которая была с убитым, едва держалась на ногах. Ее била дрожь, в глазах — ужас.

Милиционеры оттесняли любопытных, чтобы дать простор прибывшей на место убийства оперативной группе. Какой-то паренек все рвался к капитану, хотел что-то сказать. Раздраженный старшина грубовато оттолкнул его.

— Да я... я.., — твердил парень.

— Ясно, ты — это ты, — старшина расхохотался, твердо уверенный в своем остроумии.

2. МЕРТВЫЕ МОЛЧАТ

Заур пересек линию железной дороги и собрался выйти к шоссе, чтобы с попутной машиной вернуться в город. Но небо внезапно потемнело. Хлынул дождь.

Заур взглянул на тучи. Похоже, скоро посветлеет, мокнуть нет смысла. В тускло освещенном зале станции никого не было. Он присел на широкую скамью, с удовольствием закурил. Мысли все еще были там, в поезде.

Неужели Эдик едет в Ригу? Глупо. Где он будет искать Мариту? За это время она могла выйти замуж, уехать... И что ей скажет? Странная история. Конечно, ей было трудно. А разве мне легко? Следствие. Суд! Мне казалось, что товарищи посматривают на меня косо. А когда все вроде бы обошлось, она вдруг резко оборвала отношения и уехала.

А Эдик так говорит, будто я, Заур, в чем-то виноват. В чем? Не удержал ее? Не бросился вслед за ней? Со стороны все просто, конечно.

Ладно, пусть я виноват. Но ведь и она могла написать. Хотя нет, ей это тоже было не просто. Условно, но ее осудили. Наверное, сочла, что испортит мою биографию. Во всяком случае, она может так думать. А она ведь гордая, Марита.

Может, там, в Риге, она ждала, что я приеду, напишу. И не дождавшись, решила, что я давно забыл ее, просто вычеркнул из памяти. Конечно, даже если ей очень плохо, она не обратится ко мне, не позовет.

Он почему-то вдруг уверился, что все именно так: ей плохо. А он сидит и ждет. Дурацкое самолюбие! Похоже, прав Агавелов, прав!

Зауру стало душно. Он вскочил и торопливо вышел из зала. Дождь почти кончился, редкие крупные капли сверкали,

как елочная канитель, в свете фар. Заур машинально поднял руку. Взвизгнули тормоза. Молодой, одетый празднично, как на свадьбу, шофер грузовика весело подмигнул: отчего же, подбросим...

У входа в милицию толпились люди. Заур ускорил шаг, с трудом пробился сквозь плотное кольцо любопытных.

Дежурный инспектор Александр Никольский безостановочно крутил телефонный диск. Он заметно нервничал, от волнения палец срывался, цифры путались. Багровея от злости, Александр тряхнул аппарат и, кажется, готов был швырнуть его на пол.

— Алло! Алло! — закричал он вдруг радостно. — Периханум, вы? Слава богу! Ох, извините... не пришел? Досадно! Такое дело, понимаете...

Он был так расстроен, что не заметил стоявшего рядом Акперова. Бросил трубку, вздохнул и только тут заметил майора. Подтянулся, одернул китель.

— Ну-ну, докладывайте. — Акперов старался сбить напряжение. Но глаза его, не отрываясь, смотрели в лицо инспектору.

— Слушаюсь... Товарищ майор, в районе Че-Пел

— Пожалуйста, чуть подробнее, — произнес Акперов громко.

— В двадцать два ноль-ноль на Завокзальной двумя выстрелами из пистолета «ТТ» убит старший лейтенант милиции Чингиз Махмудов...

Заур рванулся вперед, вцепился руками в край стола. Голос Никольского слабел, глох. Губы его шевелились беззвучно, как в немом кино. Махмудов!..

Акперов тяжело повалился на стул, вытер рукой взмокший лоб.

— На место выезжали капитан Ибрагимов, следователь прокуратуры Байрамов и эксперты. Обнаружен пистолет «ТТ» со спиленным номером и тремя патронами в обойме. Рядом с телом найдены две стреляные гильзы. По подозрению задержаны Гончарова и Саркисов.

Дрожащие пальцы Заура никак не могли вытянуть сигарету из пачки.

— Где тело?

— В морге.

Вот и все. Несколько слов — полный доклад. А человека нет. Есть тело, труп. Наверное, оно уже пронумеровано и занесено в книгу, из которой никогда никого не вычеркивают.

Как только человек становится трупом, любая формальность выполняется с поразительной тщательностью.

Акперов тряхнул головой. «Два выстрела! Расчет, конечно. Предумышленное, тщательно продуманное убийство».

— Почему вокруг так много шума? — спросил Акперов сердито. — Почему у подъезда люди?

— Недовольны тем, что мы задержали Гончарову и Сарисова, — Никольский был уже, как обычно, невозмутим.

— Гончарова... Так-так. Гончарова! Знакомая фамилия. А почему, собственно, она задержана?

— По подозрению, товарищ майор.

Акперов встал.

— Выйдите и успокойте людей. Заверьте, что через час Гончарова и Саркисов будут дома. Пусть не волнуются.

— Ясно.

— Поднимите по тревоге всех сотрудников угрозыска и участковых. Наведите в отделе порядок. Я скоро вернусь. Поеду в больницу.

— Слушаюсь.

— Начальник РОМ¹ в курсе?

— Нет. Он в отъезде.

Милицейская «Волга» мчалась по проспекту. На ночной пустынной улице фонари, казалось, горели особенно ярко. Акперов шурился — свет резал глаза. Дождь кончился, зеркально блестел асфальт.

У входа в морг ждал Байрамов — хмурый, с непокрытой головой. Молча кивнул, приглашая спуститься в маленький огражденный дворик.

В небе перемигивались звезды. Было тихо и холодно. Акперов поежился, взглянул на следователя.

— Вот так. Встречаемся с тобой только тогда, когда произошло несчастье. Нехорошо, дорогой! — Байрамов открыл портсигар и вытащил сигарету. — Убийство квалифицированное, с прямым умыслом.

— А вскрытие?

— Сам знаешь, вскрытие в данном случае — дело формальное. Главное ясно — Чингиз убит. Два выстрела сзади, почти в упор. Одна пуля застряла в области сердца, другая прошла через легкое на вылет. Точно стрелял подлец. Смерть наступила мгновенно.

— Стреляли сзади?

¹ Районный отдел милиции.

— Да-да. А пистолет, на мой взгляд, подброшен. Специально. Гончарова как будто была в нейлоновых перчатках. Но я не думаю, что она... Скорее всего пистолет — просчет убийцы.

— Почему?

— Зря старался. Не поверю, что стреляла Гончарова. Выстрел произведен метров с пяти, а она, судя по всему, шла рядом. Впрочем, с этим пистолетом еще надо разобраться.

Акперов вздохнул.

— Где же ты пропал, Заур Алекперович? — спросил Байрамов укоризненно. — Искали всюду... Понимаю, конечно, что такое не предусмотреть, и все-таки...

— Не спрашивай, Фархад. За бедой ездил. Сам проводил Агавелова до Баладжар и остался без рук.

— М-да. Эдуард сейчас был бы очень кстати.

— Ну кто мог ожидать? Да чего там, поздно...

— С подозреваемыми разговаривал?

— Не успел.

— Тогда поезжай. Делать тебе здесь нечего. Мертвые, увы, молчат.

Агавелов стоял в коридоре у окна, пристально вглядываясь в темноту. Тенями проплывали деревья, вдали угадывались слабые огоньки. Пассажиры уже легли, и только сонная проводница, вяло бормоча что-то о стаканах, недовольно косилась на Агавелова. Стучали, выбивая привычный дорожный марш, колеса. Стрелка перешла за двенадцать. Как там в отделе? Заур, наверное, еще на работе. Полночь... Самое напряженное время в жизни угрозыска.

Ничего, справится. Скорей бы добраться до Риги. Найти Мариту, убедиться, что не зря затеял эту поездку. Что делать, так бывает. Человек, во всем остальном решительный, теряется с женщинами. Тот же Заур... И женат был, и женщинам нравится. И ничего.

Если так пойдет, он и Мариту потеряет. Нет, этого допустить нельзя. Агавелов бесшумно скользнул мимо закрытых купе, вроде бы случайно задержался у двери, за которой весело щелбетала смуглая толстушка. Мгновение, они обменялись улыбками. Эдуард уже знал, что едет она с флегматичным немолодым мужем, который ужасно боится простуды. Эдуард помог толстушке закрыть окно. Улыбнулся, сделал последнюю затяжку и пошел спать.

Первой Заур пригласил задержанную Гончарову. Взглянул на нее и сразу вспомнил все, что знал об этой девушке.

— Садитесь, Гончарова.

Она была так взволнована, что не услышала и продолжала стоять.

Заур повторил чуть громче:

— Садитесь, садитесь, Эра... И, пожалуйста, возьмите себя в руки. Постарайтесь вспомнить, что произошло.

— Товарищ майор, меня подозревают в убийстве Махмудова? Меня? — Губы ее дрожали.

— Кто вам это сказал?

— Думаете, я дура... Привели сюда как преступницу. Как подозреваемую.

— Перестаньте, Эра. В тяжелых обстоятельствах неизбежны ошибки. Даю вам слово, что я такой мысли просто не допускаю.

— Не убивала, не убивала я Чингиза Махмудова, понимаете?

— Понимаю, — спокойно сказал Заур. — А кто стрелял, Эра? Не зная этого вы не можете. Вы же были совсем рядом.

Она заплакала, спрятав лицо в ладонях. Заур встал, походил по кабинету.

— Я очень рассчитываю на этот разговор, Эра. Мы нуждаемся в вашей помощи. Не надо плакать, успокойтесь. Вы же понимаете, как все здесь не просто. Убит офицер милиции! — Он помолчал, добавил совсем тихо: — Честное слово, я верю вам.

Девушка чуть наклонила голову — она услышала.

— Я была с ним. Шли домой... Пистолет? Я никогда не держала в руках пистолета, не видела близко. Как вам это доказать?

— Ничего не надо доказывать. Просто расскажите все, что было. Как можно подробнее.

— В восемь вечера мы с Чингизом встретились у кинотеатра «Шафаг». Отношения у нас были хорошие. Уважали друг друга, иногда встречались. Вышли из кино, пошли вверх. Чингиз сказал, что ему трудно работать и попросил, чтобы я ему помогла. Я удивилась и спросила, чем же я могу помочь?..

Слушая, Заур вспомнил их первую встречу. Два... нет, почти три года назад она заплаканная вбежала к нему в кабинет, умоляя помочь. История была обычная, какие-то нелады с соседями — оскорбления, угрозы. Заур вызвал тогда

Махмудова и поручил заняться ее жалобой. Вот, оказывается, с какого времени длилось их знакомство.

— Чингиз сказал, что я могу оказать ему очень важную услугу. Я рассмеялась — ну, какой я в самом деле оперативник? — Однако Чингиз был настроен вполне серьезно. Спросил вдруг, видела ли я когда-нибудь черный жемчуг? Я ответила, что однажды жемчуг видела, а о том, что он бывает черным, даже не слышала.

Заур насторожился.

— Ну, как это было? Расскажите подробнее.

— Да, собственно, и рассказывать нечего. Он просто сказал, что у одной моей знакомой есть черный жемчуг. Вот он и просил, чтобы я кое-что для него узнала.

— Забавно, — ки нул Акперов. — А дальше?

— Вот и все, пожалуй. Как раз в этот момент он толкнул меня к дому. Грохнули выстрелы. Он пошатнулся, я закричала... Промчалась какая-то машина.

— Так! — Акперов открыл окна закурил. — А кто знакомая?

— Не знаю. Он не успел сказать, а я не могу догадаться. У меня много знакомых. И еще... Соседский парень видел номер машины, хотел поговорить с капитаном Ибрагимовым, но его не пустили.

«Многовато ошибок, — подумал Заур. — Придется разбирать на совещании».

— Парень этот самый?

— Да, Робик Саркисов.

— Хорошо. Захватите журнал и подождите в приемной.

Робик держался свободно, только искоса поглядывал на капитана Ибрагимова.

— Стреляли из машины?

— Да, товарищ майор. Я сам видел.

— А саму машину запомнили?

— Очень хорошо. — Робик для убедительности вскинул руки. — Машина «Победа». Это точно. Не то синяя, не то коричневая. Скорее, синяя. Серия АЗИ. А номер... Тридцать два запомнил. Остальные цифры — нет. Тридцать два, точно!

— Очень хорошо. А где эти цифры: в начале или в конце номера?

— Не помню, — сказал Робик виновато. — Но за тридцать два я ручаюсь, товарищ майор. Я на этом номере на завод ездил, когда была практика,

— Ну, хорошо. Пригласите Гончарову... Так. Вы оба свободны.

Ибрагимов молча проводил их глазами. Спросил неуверенно:

— Как же вы их отпустили, товарищ майор? А если и но они...

Акперов нахмурился.

— Чтобы подозревать людей в преступлении, капитан, нужны серьезные основания. У нас их нет. А травмировать людей не полагается. Между прочим, вы должны были сразу опросить Гончарову и Саркисова, а не держать их часами в дежурной комнате. В крайнем случае объяснить, извиниться. К убийству Чингиза Махмудова они непричастны, это ясно. Займитесь вот чем. Необходимо установить всех знакомых Гончаровой. Не только женщин. Понимаете?

— Слушаюсь, товарищ майор.

Оставшись один, Заур попытался свести восходящую информацию, полученную от первых свидетелей. Очень мало, «всего ничего», как говорил Андрей. Он еще раз прочел протокол осмотра места происшествия и позвонил в ГАИ.

К двум часам ночи в кабинете Акперова собрались все сотрудники районного угро и специально вызванные участковые. Приехал Байрамов. Дорог был каждый час, и Акперов торопился. Волнуясь, он коротко обрисовал обстановку. Стул в углу кабинета, где обычно сидел Чингиз Махмудов, остался пустым. Но рядом громко шептался с соседом участковый инспектор Кафар Кафаров — розовощекий, самодовольный.

Хотелось кричать. Усилием воли Заур взял себя в руки, сказал тихо:

— Известно, что стреляли из машины «Победа». Возможные номера: АЗИ 20-32 инженера Платонова, 00-32 врача Кулиева, 10-32 Искендерова и, наконец, 17-32 механика Мелкумова. Учтите немаловажную деталь. Убийцы нервничают. Им хотелось бы хоть на время сбить нас со следа. Пистолет «ТТ» со спилленным номером явно подброшен нарочно. Значит, надо спешить, сразу же организовать поиск. В райотделе останется капитан Ибрагимов. Я проверяю машину 17-32. Остальные?.. Так, хорошо. Учтите, товарищи, что машина, из которой стреляли в Махмудова, могла быть угнана. Вопросы? Тогда тронулись.

Так началась операция. Через десять минут Заур и Байрамов выехали по адресу Рафаэля Мелкумова, владельца машины номер 17-32.

3. ЭБОНИТОВЫЙ МУНДШТУК

«Газик» скрипел и побряхывал, с трудом пробираясь по размокшей от дождя дороге. Новые дома здесь только поднимались.

— Проклятье, — ворчал Заур. — Еще немного, и наш лимузин развалится. Интересно, как на такой машине пускаться в погоню за преступниками.

Байрамов глянул в прорезь брезента.

— Мы тащимся по целине. Район новый. По-моему, здесь,

— Да, — ответил Заур. — Выходим.

— Оружие взял? — спросил Байрамов, не отрываясь от освещенного окна на третьем этаже.

— Конечно. Почему в окне свет? Странно. Скоро четыре,

У двери с табличкой «Мелкумов Р. А.» Акперов поймал взгляд Байрамова и переложил пистолет в правый карман. Сухонький, подслеповатый старик открыл дверь и беззлобно выругался по-армянски. Поняв, что обознался, он виновато кашлянул.

— Здравствуйте, — сказал Акперов по-армянски. — Вы отец Рафика?

— Вот уже тридцать пять лет. — Старик отступил в прихожую. — А вы кто будете?

— Из милиции, — Акперов предъявил удостоверение.

Старик не удивился и вообще отнесся к происходящему спокойно.

— Заходите, пожалуйста.

Шаркая подагрическими ногами, он провел гостей в столовую, придвинул стулья. Появилась наспех одетая и растрепанная женщина с ребенком на руках.

— Вот... Товарищи из милиции, — равнодушно сообщил старик. — Однако зачем пришли, начальники не говорят.

— Извините за беспокойство, — заговорил Байрамов. — Время не для гостей, конечно. Но вы как будто не спали.

— Разве уснешь, — развел руками старик. — Скоро утро, а сына нет. Уехал в семь часов вечера и пропал. Такого еще не бывало. Места себе на пахотку. Светает...

— А жена не знает, где он? — спросил Акперов осторожно.

— Я работала во второй смене. — Женщина положила ребенка на диван и встала. — Вернулась, отец говорит, что Рафик уехал в поселок Монтиня к какому-то механику. Последнее время «Победа» часто барахлила. Не машина, чистое

песчастье на нашу голову. Сколько говорила — брось эту арбу. Толку никакого, одни неприятности. Так разве послушает?

— Механика вы знаете? — спросил Байрамов. — Ну, к которому он поехал.

— Откуда? — женщина пожала плечами. Вдруг руки у нее задрожали, застались по столу.

— А вы... Вы что-то знаете, да? Потому пришли, да? Что случилось? — На худой шее старика запрыгал острый кадык. — Марго, Марго! Как же я сразу не догадался?

— Не волнуйтесь, отец. Нам сообщили, что ваша машина угнана. Потому и заехали к вам. Когда Рафик появится, пусть заглянет ко мне в милицию. Я — начальник уголовного розыска Акперов.

Молодая женщина не поверила. Кинулась к дивану, схватила ребенка на руки.

— Где мой муж? Что натворил Рафик?

— Ничего. Просто необходимо выяснить обстоятельства угона. Но если до утра он не приедет, пожалуйста, сообщите нам. Договорились?

— Обязательно! А машину вы нашли?

— Конечно. Из-за нее весь сыр-бор. — Акперов встал, прошелся по комнате, незаметно присматриваясь к любительским фотографиям на стене.

Они молча спустились к машине. Серо и хмуро смотрели темные окна спящего дома. Лишь одно светилось ярко и тревожно — глаз не оторвешь.

— Зачем ты сказал, что машину нашли? — спросил Байрамов недовольно, когда «газик», наконец, выбрался на шоссе.

— Я почти уверен, Фархад, стреляли из машины Мелкумова. Но если и так, отсюда совсем не следует, что Мелкумов замешан в преступлении. Какой смысл волновать близких? Их и так достаточно потревожил наш визит. Заметил фотографию, над телевизором? Там этот Рафаэль со своей «Победой». Радостный такой, веселый... А чем ты сам объяснишь отсутствие Мелкумова?

— Поглядим, — ответил Байрамов уклончиво. — Не люблю философствовать на пустом месте. Все эти «кажется», «думаю», «может быть» ужасно меня раздражают.

К утру в райотдел поступили сообщения о проверенных адресах. Все «подозреваемые» машины оказались на своих стоянках.

Акперов испытал легкое удовольствие. Похоже, что его предположение близко к истине.

— Надеюсь, теперь ты не станешь спорить, что в «философии» есть смысл?

Заур ждал, что Байрамов, как обычно, возразит. Следователь с огромным профессиональным опытом, он скептически относился к догадкам, начисто отрицал интуицию. «Эти ваши штучки», — насмешливо говорил он молодым коллегам. Сейчас, однако, он просто притворился спящим.

Заур не обиделся. Не до того. Слишком много неизвестных. Допустим, владельца машины, из которой стреляли в Махмудова, он нашел. А что дальше? Провал, пустота...

— Мелкумова уже нет в живых, — сказал Байрамов негромко, приоткрыв тяжелые, припухшие от сна веки.

Акперов вздрогнул.

— Нет-нет! Это невозможно!

— Дорогой Заур, действительность не зависит от наших желаний.

Байрамов поднялся, вынул из кармана пакетик и высыпал на язык щепотку соды. Оглядел кабинет, поморщился — воды в графине не было.

— Изжога измучила. И устал. Сто раз клялся бросить эту чертову работу. Приходить домой, как нормальные люди, ровно в шесть. Ложиться на диван и читать газеты. Никаких беспокойств, разве что на тему, достанем ли билеты в кино. В выходной день пригласить тебя на дачу к брату. Приготовить заранее бастурму. Такая у брата дача в Бильгя — за-качаешься. У самого синего моря. — Приезжаем, значит, садимся в тени тутового дерева. Берем нарды. С моря ветерок. Тем временем брат Яхья творит шашлык. Такой шашлык — съешь и пальчики оближешь. — Байрамов поднес к губам пальцы, звонко причмокнул. — К шашлыку, естественно, бутылку «Садиллы». Я пью только сухое. При всех болезнях показано. И еще чурек. Конечно, тендырный¹...

Зазвонил телефон, с лица Байрамова медленно сползла блаженная улыбка. Акперов рванулся к трубке.

— Алло! Кто говорит? Громче. Ну! Давайте без предисловий, Кафаров.

Раньше, чем Заур выслушал донесение, Байрамов уже понял — беда, так побледнел Акперов.

¹ Чурек (хлеб), который пекут в особых — тендырных — печах, врытых в землю.

Трубка легла на место. Заур отошел к окну, глядя на следователя:

— Случилось то, чего ты ожидал, Фархад. На дороге, ведущей в Дарнагюль, обнаружена «Победа» кофейного цвета, АЗИ 17-32. Водитель мертв. Вызывай опергруппу. Эту ночь мы запомним надолго...

«Газик» и «Победа» вырвались на Балаханское шоссе, когда на востоке уже занималась заря. Ее красноватые отблески плясали в окнах домов, плескались в непросохших лужах. Шоссе было пустынно и просматривалось далеко. Час этот называли милицейским: еще не утро, но уже не ночь. Все увеличивая скорость, машины свернули на дорогу, ведущую к поселку. Из придорожного кустарника выпорхнула стайка воробьев, серым облачком метнулась ввысь и исчезла в утренней дымке. Вдали возникли силуэты двух людей, мотоцикл, уткнувшаяся в кювет «Победа».

Оперативные машины затормозили. Акперов и проводник с беспокойно рычащим Байкалом подбежали первыми. За ними, чуть позади, шли следователь, врач, эксперт, понятые.

Начался обычный осмотр места происшествия. Каждый из приехавших знал свое дело до тонкостей. Врач и эксперт направились к машине, проводник, участковый Кафаров и один из понятых пошли за собакой. Знаменитый Байкал сразу взял след и рванулся к шоссе. Но у самого изгиба дороги остановился и, заскулив, повернул обратно.

— Байкал; ищи... Ищи! След, Байкал! — пытался подстегнуть его проводник. Собака, виновато опустив морду, лишь виляла хвостом. — Все, — сказал проводник угрюмо. — След обработан.

— Что такое? — не понял Кафаров.

— Собака не берет след. Он обработан, понимаешь?

Работа на месте происшествия шла своим чередом. Врач подвел Байрамова и Акперова к убитому водителю. Тот так и сидел за рулем, голова откинута на спинку сиденья. Левая рука судорожно сжата, будто он собирался ударить.

— Ножевое ранение, — негромко сказал врач. — Удар под левую лопатку. Очень большая потеря крови. По-моему, смерть наступила часа три-четыре назад.

Заур и Байрамов переглянулись.

— Как раз в то время, когда мы совещались в твоем кабинете, — сказал Байрамов глухо, — оборвалась еще одна жизнь.

Заур кивнул. Оба они понимали, что не вин И тем
не менее...

— Убрали свидетеля.

Проводник доложил о неудаче. Заур посмотрел на него бессмысленным взглядом и снова кивнул. Байрамов крепко взял его под руку, обошел машину. Здесь работал Агафонов, эксперт.

— Давай-ка, Заур Алёкперович, послушаем, что расскажет Геннадий.

— У меня сюрприз!

— Давай без сюрпризов. Конкретно.

— В самом деле находка, товарищ майор! Эбонитовый мундштук.

— Мундштук?

Агафонов выбрался из машины, сжимая пинцетом черный, изящно-отделанный мундштук. Свободной рукой достал фонарик, в его луче ярко блеснули краски.

— Видите надпись? Нет? Вот, читайте. «Чу-ма!» Либо кличка, либо что-то в этом роде. Словом, сюрприз настоящий.

— Ну? — Заур взглянул на Байрамова.

— Похоже, кличка. Это уже серьезный просчет убий

— А не уловка?

— Вряд ли. Скорее, ошибка.

— Насколько я помню, в нашей картотеке такой клич нет, — протянул Акперов задумчиво.

— А где сказано, что убивают только местные? Допуск, что птица залетная. В любом случае мундштук любопытный. Теперь у тебя, Заур, в руках серьезные карты. Говорят: «Бог в помощи». А я добавлю: и криминалистика. Ладно, будем работать дальше. Это наша обязанность.

— Обязанность... — Заур вдруг сорвался. — Только и слышишь всю жизнь: обязанности! Кажется, лишь смерть избавляет нас от вечных обязанностей!

— Увы. Теперь ты понимаешь, почему я иногда — не так уж часто, по-моему, — вспоминаю дачу в Бильгя. Идем, брат Заур, снова к убитому. Послушаем, что нового скажет доктор. Кстати, Агафонов, вы обработали пистолет?

уж часто, по-моему, — вспоминаю дачу в Бильгя. Идем, брат во. Пришлось трудно, но номер восстановили. Не беспокойтесь.

Заур видел лицо убитого в профиль. Ничего не скажешь, похож на отца. Крупный нос, острый кадык. Эх, старик и жен все еще ждут. Убеждают себя: задержался и решил переноче-

вать у механика. Страшно сказать, что ждут напрасно. Завтра в кабинете он станет свидетелем еще одной трагедии. Самое жуткое — первый, ни на что не похожий, раздирающий душу крик...

Пройдут годы, боль затвердеет, притупится. Но жена и старый отец надолго запомнят того, кто первым сообщил им эту страшную весть. Что ж, в чем-то он виноват, наверное. Упустил, не учел, не принял мер — такова его профессия.

Небо, подожженное солнцем, полыхало во всю ширь горизонта. На дороге появились первые машины, люди потянулись из поселка. Проходя мимо уткнувшейся в кювет машины, они замедляли шаг, с любопытством поглядывая на милиционеров и оперативников.

Милицейский час окончился. Заур присел на камень у дороги и, чтобы успокоиться, заставил себя вспомнить детали прошлого преступления. Того, о котором они говорили на вокзале. Случилось это в субботу, за неделю до гибели Чингиза Махмудова. За неделю...

4. КТО УКРАЛ ЖЕМЧУГ?

В ту субботу стояла невыносимая жара — даже в тени было трудно дышать. А в воскресенье с самого утра неожиданно хлынул дождь. Умылись мостовые и тротуары, свежо запахло мокрой листвой. И почти сразу — так бывает, наверное, только в Баку — с моря сорвался ветер, разметал тучи клочья, угнал их на юг и стих. Дождя словно и не было. К полудню город вновь сверкал в прямых лучах солнца.

Выглянув в окно, Лейла вручила матери на всякий случай легкий плащ, а зонтик посоветовала оставить дома. Уже в парадном — мать торопилась на работу — Лейла догнала ее и весело крикнула:

— Счастливого пути, доктор!

Сона-ханум обняла Лейлу.

— Не скучай, доченька.

Лейла видела, как Сона-ханум спустилась по проспекту и дошла до троллейбусной остановки.

В большой квартире стало необычно тихо. Лейла не любила по воскресеньям бывать дома. Она с утра уходила к подруге и возвращалась к приходу мамы. Но сегодня все складыва-

лось неудачно. Подруга с родителями уехала в Кисловодск, и Лейле пришлось остаться в одиночестве.

С непривычки было тоскливо. Лейла покрутилась вокруг старинного беккеровского рояля, тронула клавиши, присела на стул. Пальцы стремительно пробежали по клавишам, гулко зазвучали первые аккорды. Затем звуки смолкли и возникли снова в торжественном вступлении к Первому концерту Чайковского. Лейла видела себя в концертном зале: цветы, улыбки, восторженные слушатели...

До последнего времени все в ее жизни складывалось удивительно легко. Она окончила консерваторию, стала преподавателем музыкальной школы по классу фортепиано. Горе пришло в их дом внезапно — от инфаркта умер отец. Лейла долго не могла оправиться от потрясения. Она старалась не думать, что отца уже нет и никогда не будет.

Отец очень любил Чайковского — особенно эти раскатистые могучие аккорды Первого концерта. Когда она играла, отец садился в кресло у окна и замирал. С самых первых уроков, когда она неумело тыкала пальцами в клавиши, пытаясь уловить нехитрые ритмы дождя, отец был ее самым чутким и благодарным слушателем.

Давно Лейла не играла Первый концерт, просто не могла. Но сегодня... Лейле чудилось, что сегодня отец рядом, стоит обернуться, — и она увидит в кресле спокойного седоватого человека, потрясенного магией звуков. Отец, самый родной человек...

В это самое время мимо их дома, разбрызгивая лужи, промчалась «Победа». Машина свернула за угол и остановилась недалеко от хлебного магазина.

В магазине, отгоняя назойливых мух, лениво помахивала пластмассовой лопаткой продавщица — полноватая флегматичная блондинка. Она увидела сквозь стекло подъехавшую машину и, решив, что это покупатели, пододвинула к весам самые пышные и румяные буханки.

Из машины вылез лейтенант в гимнастерке, за ним коренастый парень, в модной полосатой тенниске и сером кепи. Они пересекли улицу и скрылись за углом. Шофер тоже вышел, остановился напротив магазина и закурил. Со скуки Боброва принялась его разглядывать: прямой нос, короткие волосы, узкие, словно прилипшие к кривым ногам, брюки.

«Кавалерия, — усмехнулась Галина. — Каблуки сдвинуты, а между колен тельенок пролезет». Она даже вышла из-за прилавка, собираясь рассмотреть кривоногого получше, но тут

появилась покупательница — немолодая и очень говорливая женщина. Боброва знала эту породу: перешукает десять буханок, прежде чем купит полкило хлеба. Покупательница ругала все подряд — причуды погоды, больную печень, базарную толчею.

— Собралась выйти за хлебом — дождь. Дай, думаю, пережду. Но сколько можно? Ладно, решила идти. Надела плащ, смотрю дождь кончился. Сняла плащ, ветер. Снова надела...

— Вам серого? — торопливо перебила Галина. — Тольк не трогайте, пожалуйста, хлеб, я сама.

— Уж извините, привычка. Серый-то пынче не тот. Бывало, тронешь буханку, воздушная...

В магазин вошло еще несколько покупателей, и Боброва забыла о водителе серой «Победы».

Лейла играла с таким увлечением, что не сразу услышала звонок. Звонок повторился. Она вскочила, поправила халатик, пригладила волосы и выбежала в прихожую. Кто же это может быть? Неужели мама? Лейла широко распахнула дверь.

На площадке стояли незнакомый смуглолицый лейтенант и коренастый парень. Офицер добродушно улыбнулся.

— Добрый день. Вы, вероятно, Лейла Гейдаровна?

— Да. Но я не понимаю... Вы к нам?

Лейла отступила в сторону, пропуская гостей. Они спокойно вошли и уверенно направились в гостиную. Закрыв двери, Лейла последовала за ними. Офицер без приглашения сел к столу, его спутник остался у рояля.

— Вы ко мне или к маме? — спросила Лейла, опустившись на тахту. Немного подумав, добавила: — По-моему, вы ошиблись.

— Нет. Я вообще никогда не ошибаюсь, милая девушка. — Лейтенант встал и подошел к секретеру в углу гостиной. Достал из кармана лайковые перчатки, натянул на крупные гибкие руки, насмешливо взглянул на Лейлу.

— Не будем, красавица, продолжать представление. Вы желаете и дальше играть на своем пианино?

— Я вас не понимаю. — Лейла в испуге вскочила с места. От страшной догадки вдруг пересохло в горле. — Я прошу вас... Уйдите.

— Уйду, не волнуйтесь. Но только если вы будете умницей. Как говорят, кончил дело — гуляй смело. — Лейтенант неприятно усмехнулся. В длинной его руке возник пистолет. — Откройте секретер. Быстро!

— Зачем? Я не понимаю, — лепетала Лейла.

— Там хранится миниатюрная шкатулка, сундучок... Ясно? Лейла пошатнулась.

— Ну-ну, без истерики. Не люблю этих дамских штучек.

Ноги Лейлы налились свинцом. Она с трудом дошла до секретера, вынула старинную шкатулку.

— Откройте крышку. Ключиком, ключиком, — командовал лейтенант.

Дальше Лейла делала все машинально. Открыла шкатулку, протянула ее лейтенанту, с трудом доплелась до тахты. Ее бил озноб.

Лейтенант достал из шкатулки пачку денег, сунул в карман гимнастерки. Затем в карманах его галифе исчезли кольца, часы, браслеты, медальоны. Серебристой змейкой скользнуло на ладонь жемчужное ожерелье.

Лейла расплакалась.

— Не трогайте. Прошу вас! Это память. Оставьте!

Лейтенант снова усмехнулся, повертел в руке пистолет. Сказал насмешливо:

— Что другое, барышня, а черный жемчуг... Кстати, это непозволительная роскошь. Между тем известно, что советского человека отличает скромность. И вообще, не надо глупить. Ясно? Адье.

Лейтенант мигнул своему молчаливому партнеру и направился к выходу. Больше Лейла ничего не видела. Будто железным обручем сдавило виски. Очнулась она от звона разбитого стекла. В комнате гулял ветер.

В то воскресенье Акперов пришел на работу немного позже обычного. Ночью дежурил Агавелов. Он встретил Заура на втором этаже, весело доложил:

— Полный порядок, Заур Алекперович. Видать, я везучий.

— Твоими бы устами да мед пить. А что это за бумажка у тебя в руке?

— Рапорт, товарищ начальник. Душа просит об отпуске.

— Давай. Два года душа не отдыхала. Пора.

Они вместе вошли в кабинет Акперова. Заур прочел рапорт и написал размашисто: «Не возражаю».

— Считай, что ты уже в отпуске, Эдуард. Поезжай в Питер, отдохни, погуляй по музеям.

— Спасибо, Заур.

— Что ж, может, на прощание партию в нарды?

— Гениальная мысль! Сейчас сбегая, принесу. — Агавелов быстро направился к выходу, и в этот самый момент зазвонил внутренний телефон.

— Подожди! — Заур схватил трубку.

— Говорите. Записываю. — Заур пододвинул к себе и столыный календарь. — Ясно. Сейчас выезжаем.

Акперов вырвал листок, сложил вчетверо и спрятал в карман пиджака.

— Чингиз Махмудов здесь?

— Да. Внизу.

— Едем, о человек, которому всегда везет. Именно в твое дежурство ограблена квартира покойного профессора Гейдара Гасанова.

Агавелов растерянно почесал затыл
выскочил из кабинета.

До дома, в котором жили Гасановы, было совсем недалеко. Заур и Агавелов — оба в штатском — и старший лейтенант Махмудов в форме работника милиции добрались туда на мотоцикле за каких-нибудь пять минут.

Почти одновременно с ними приехала Сона-ханум, хотя ей пришлось добираться с другого конца города. Конечно, прежде всего Лейла позвонила ей. Сона-ханум не растерялась. Она сообщила об ограблении в милицию, словила такси. Но дома, едва она вошла и увидела Лейлу, ей стало дурно.

Лейла с трудом протолкнула сквозь плотно сжатые губы матери таблетку валидола.

— Возьмите себя в руки, Сона-ханум, — спокойно сказал Акперов. — Думаю, ваши вещи найдутся.

— Не надо, мамочка, не плачь, — Лейла бережно подвела мать к тахте и усадила ее. — Ну что я могла сделать?

Заур подошел к распахнутому настежь окну, где уже стоял Агавелов, и внимательно осмотрел улицу. У входа в хлебный магазин стояла полная женщина в белом халате, что-то оживленно рассказывая Чингизу Махмудову. Вокруг них собрались любопытные.

— Что будем делать, Заур Алекперович? — спросил Агавелов тихо.

— Искать грабителей. Однако сначала надо успокоить женщину, составить протокол, осмотреться... Поговори с ними, у тебя это лучше получается.

Эдуард направился к женщинам, на ходу подыскивая обычные в таких случаях слова утешения. Сона-ханум безглаголюще махнула рукой.

— Скажите, Лейла, вы смогли бы опознать того, кто был в форме офицера?

— Как вам сказать, сама не знаю. Я так испугалась, что даже лица толком не разглядела. Высокий, смуглый. Больше, пожалуй, ничего не заметила. Да, руки у него крупные, очень гибкие. И пистолет. Он предупредил, что если я подниму шум...

Акперов, осматривавший секретер, включился в разговор.

— Вы говорили, что грабитель знал место хранения шка-тулки?

— Безусловно. Меня это больше всего поразило. Вошел в гостиную и сразу же направился к секретеру. Да и из всего разговора это было совершенно ясно.

— Интересно. Вы кому-нибудь рассказывали о шкатулке?

За Лейлу ответила Сона-ханум:

— Что вы! Конечно, нет. Как это могло прийти вам в голову?

Поколебавшись, Лейла возразила матери.

— Как же никому, мама? А в прошлое воскресенье? Помнишь, у нас была Марина Сергеевна. И ты сама показала ей ожерелье.

— Перестань, доченька. Что ты фантазируешь!

Заур подошел к Лейле.

— Простите, кто это — Марина Сергеевна?

— Товарищ Акперов, дочь что-то путает. Марина Сергеевна — хирург окружного госпиталя. При чем тут она?

— Мама, я ни в чем ее не подозреваю. Но зачем скрывать? Это нечестно. Мы обязаны сказать товарищам все как было, а уж они сами разберутся.

— Ах, Лейла, Лейла, подумай, что ты сказала... Бедную женщину затаскают по милициям. Какой позор! Я этого не вынесу. Военный хирург, уважаемый человек... Пусть уж лучше...

Заур взглянул на Сону-ханум и укоризненно покачал головой. Агавелов попытался разрядить обстановку.

— Не волнуйтесь, Сона-ханум. У нас нет ни малейших оснований плохо думать о вашей знакомой. И «таскать по милициям» мы ее, конечно, не будем. Но вы сказали ей, она случайно могла сказать кому-то еще — не каждый же день увидишь такой жемчуг! — тот в свою очередь... Так и возникает цепочка, в конце которой оказываются преступники.

Сона-ханум неопределенно пожала плечами. Лейла присела к столу рядом с Агавеловым, который писал протокол.

— Что у вас похитили?

— Знаете... — она немного помялась. — В шкатулке было две тысячи рублей — сорок бумажек по пятьдесят рублей. Деньги остались нам от папы. Затем мужские часы «Докса», две пары женских золотых часов с золотыми же браслетами, два золотых медальона, два обручальных кольца, два кольца с бриллиантами... И главное — ожерелье из десяти нитей — розового жемчуга в виде бисера. На застежке ожерелья — в золотой оправе — черная жемчужина... Вот и все.

— Черная? — повторил Агавелов.

— Настоящая черная. Этой жемчужине много лет. Моей бабушке подарил еще прадед. Семейная реликвия, понимаете?

Агавелов с сомнением взглянул на Заура.

— Пишите, кивнул Заур. — Все, что похитили, должно быть отмечено в протоколе. Будем искать. Общая сумма похищенного — тысяч шесть-семь. Я не ошибся, Сона-ханум?

Сона-ханум горестно вздохнула и ничего не ответила. Много позднее выяснилось, что он сильно ошибся. С ним это случалось не часто. Но настоящую цену жемчуга никто из них не мог себе представить.

А внизу, на улице, Боброва со всеми подробностями рассказывала Махмудову о кривоногом шофере. Она помнила все: цвет его туфель, прическу, черный циферблат наручных часов. «Видела собственными глазами. «Победа» так себе... не новая. Компания сплошь-подозрительная. Если бы не чертова трешетка, что пришла за хлебом, я бы... Знаете, у меня особый нюх на жуликов. Мне сразу же показалось... Нет, номера машины не помню, не хочу врать. Не знала, что это важно...» Она говорила еще долго, но больше ничего реального Махмудов от нее не услышал.

Заур и его сотрудники вернулись в отдел. Еще раньше по телефону он вызвал экспертов. Но было ясно: преступники опытные, рассчитывать на следы трудно.

И все-таки кое-что известно. Грабители приехали на «Победу». Один из них в офицерской форме. Преступление готовилось заранее, на основе точной информации. Работали, безусловно, профессионально. Ожерелье — уникальное, с черной жемчужиной. Реализовать его чрезвычайно трудно, дробить — невыгодно. Опытные грабители не могли этого не понимать. На что же они рассчитывали?

— На что? — этот вопрос он задал тогда Эдику и Махмудову. Оба, как сговорились, пожали плечам

— Э-эй, товарищ майор! — Байрамов нетерпеливо теребил его за плечо.

Заур с трудом вернулся к действительности. Врач и участковый инспектор Кафаров помогали санитарам катеты «Скорой помощи» вынести тело Мелкумова из «Победы».

— Черт возьми, — Байрамов сморщился. — Сколько лет работаю и не научился спокойно воспринимать смерть. А ведь воевал. Но там все было иначе... Вот боремся мы с мерзавцами, многих обезвредили. Но Мелкумова убили. Понимаешь, убили! Что мы скажем жене, отцу старику?..

Байрамов горько покачал головой и отвернулся. Заур наклонился к нему, сказал совсем тихо:

— Слушай, Фархад. В этих двух последних убийствах есть что-то общее, и это меня беспокоит. Потом прикинул некоторые детали грабежа в квартире Гасанова. Один из грабителей был почему-то в форме лейтенанта. Расследование мы начали втроем. Агавелов уехал, Махмудова убили. В обоих случаях — «Победа», теперь убит еще и шофер...

— Ты можешь сказать что-то конкретное? Говори. Пока это напоминает ребус.

— Боюсь, что придется...

— Объединить эти дела? Ты предполагаешь, что грабеж и убийства взаимосвязаны? Дело рук одних и тех же мерзавцев?

— Примерно так. Но это еще не все.

— Что ж, не буду спорить. В таких делах тебе и карты в руки. Если у тебя есть конкретная версия или серьезные соображения, я всегда поддержу. Так что еще?

— Первое. Пистолет, обнаруженный на месте убийства Махмудова, уж очень напоминает тот, которым помахивал лейтенант в квартире Гасановых.

— Ты собираешься убедить меня в том, что пистолет «ТТ» существует в единственном экземпляре?

— Разумеется, нет. Хочу лишь напомнить, что тот лжеофицер был в перчатках. На пистолете, найденном рядом с Махмудовым, нет никаких следов, а номер спилен.

— Допустим.

— Дальше. Стреляли из «Победы». Очевидец убит.

— Убит, однако, ножом.

— Естественно. Пистолет подбросили раньше. Продолжаю. Махмудов как раз завел с Гончаровой разговор о жемчуге.

— Стоп! Когда нить слишком тонка, она обрывается. Насколько я помню, Махмудов заговорил с ней о жемчуге, когда они стояли у ее дома. Наврно думать, что преступники под-

слушали этот разговор, нашли машину, организовали убийство. Вообще я сомневаюсь, что все три преступления совершил один человек.

— Пожалуй, ты прав. Но мы еще вернемся к этому разговору завтра. — Заур взглянул на часы. — Нет, уже сегодня, когда Агафонов даст заключение по восстановленному номеру пистолета. Номер позволит ответить на многое...

— Это ясно. Что еще?

— Нам известно, Фархад, что Гончарова не очень разборчива в выборе знакомых. Помню, года три назад она завела себе очень милого приятеля — Яшку Тер-Терова. Он проходил у нас как Султан.

— Судился за убийство?

— Нет. Он обвинялся в изнасиловании. Это, так сказать, его побочная «профессия». Но не это важно. Важно, что в расследовании принимал участие Махмудов. И убили его в тот момент, когда он шел с Гончаровой. Улавливаешь?

— Однако Султан в заключении.

— Не знаю, не уверен. Мог и сбежать. Этот сукин сын скользок, как угорь. Я собираюсь показать фотографию Султана Лейле Гасановой. А вдруг девушка его опознает?

— Все это пока из области чистых догадок. Нужно что-то более веское... Гончарова — как связующее звено — могла оказаться случайным совпадением. Однако в принципе я не возражаю. Что-то рациональное тут есть: Действуй, я буду только рад, если первые же твои предположения оправдаются.

5. МАРИТА

Вдали отчетливо проступали островерхие крыши Риги. Цветная черепица ярко и празднично блестела на солнце. По обе стороны полотна тянулось сплошное мелколесье. Местами деревья подступали к самому поезду и, казалось, острые иглы елей вот-вот коснутся окон. Потом лес уходил далеко, и тогда открывались ковры некошенных лугов, изрезанных петляющей дорогой. Это было так непохоже на выжженные солнцем окрестности Баку, на поселки с низкими каменными заборами, за которыми тяжело никнут пыльные листья инжира...

Поезд подходил к Риге, где живет Марита. Марита Лайтис, которую не может забыть его друг. Найдет ли он ее в Риге, какой будет их встреча?

В одном Агавелов был убежден. Марита, если она человек, не могла забыть того, что сделали для нее многие люди. Байрамов, Заур, но особенно старая Пери-ханум.

Поезд простучал по длинному мосту через Даугаву и медленно подполз к вокзалу.

Пятикурсники лечфака сдавали зачеты по клинической хирургии. Знания субординаторов проверял сам руководитель клиники госпитальной хирургии профессор Тилтус, имя которого приводило студентов в трепет. Разговор с профессором котиrowался выше госэкзаменов. Ничто не могло обмануть Тилтуса — ни густо исписанные страницы, ни размашистые подписи больничных врачей. За сухими строками дневника он безошибочно угадывал истину: и насколько уверенными были первые шаги будущих врачей, и подлинность записей — делались они самостоятельно или откуда-то переписаны.

Чудес тут, конечно, не было. Накануне зачетов Ян Тилтус вместе с ассистенткой самым внимательным образом просмотрел дневники, где полагалось описывать каждый день практики, обосновывать диагнозы, отмечать особенности лечения.

Марита пришла на зачет почти спокойной. На практике она и в самом деле работала: не гнушалась выполнять обязанности нянечки, не одну ночь просидела в палатах тяжелобольных как дежурная сестра, практиковалась в хирургической приемной. Вроде бы бояться нечего. И все-таки при встрече с профессором всегда возможны неожиданности.

Заняв место в третьем ряду (аудитория была большая), Марита еще раз просмотрела дневник. Как будто все в порядке — истории болезни изложены коротко и четко, проанализированы операции — самые простые, конечно, что ей разрешили провести самостоятельно.

Было известно, что особо отличившихся студентов профессор оставляет в своей клинике для повышения квалификации. От него выходили уже не просто врачи — первоклассные специалисты. Это была честь, о которой мечтали все. Мечтала и Марита.

Начался зачет. И сразу вызвали ее. Марита вздрогнула, потом, как в холодную воду, рванулась к столу.

Профессор откинулся в кресле, взглянул на нее и нахмурился. Марита незаметно осмотрела себя — белая шапочка, тщательно отутюженный халат, все нормально. Что же не понравилось Тилтусу?

— Хирургу полагается убирать волосы — скалывать, прятать под шапочку, — буркнул профессор. — Да-с! Вам надлежало бы знать, что такого рода вольность или небрежность нарушает элементарные правила антисептики.

Марита моментально убрала волосы под шапочку.

— Простите, профессор.

— Я сделал вам замечание не потому, что у меня дури настроенно или я придираюсь. Понимаете?

— Да, профессор.

— М-да. Итак, чем вы занимались месяц в клинике?

Ассистентка передала ему дневник студентки Лайтис. Профессор полистал страницы.

— Травматический шок... Перитонит... Резекция... Так-так. Ну-с, все весьма серьезно. Начнём хотя бы вот с этой больной... Да, Юрнас — сорок один год. Что вы добавите, студентка Лайтис?

— Это был нелегкий случай. Больная жаловалась на боли в печени. Утверждала, что у нее рак...

— Хе-хе... Сама утверждала?

— Да, профессор. Позднее выяснилось, что она страдает холециститом. Но картина была смазана. При пальпировании прощупывалась сильно увеличенная печень. Это затрудняло диагностирование. Больная объясняла, что ей всегда помогала грелка, а при последнем приступе получилось наоборот: боли резко возросли. Количество лейкоцитов увеличилось до восемнадцати тысяч...

Марита говорила свободно и уверенно. Ассистентка чуть заметно улыбалась — значит, правильно. Даже сам профессор однажды кивнул, оторвавшись от любимого занятия — изучения желтоватых от йода ногтей.

— Уф-ф! — Только прикрыв за собой дверь, Марита вздохнула с облегчением. Она улыбнулась, и не очень удачно — к ней тут же подлетел Стасик со стоматологического.

— Хорошие зубы — залог здоровья! — приветствовал он ее дежурной шуткой. — Почаще улыбайся так, Марита.

На людях Стасик обычно дурачился: хохмил, надменно щурил глаза, копируя, профессора Тилтуса. Но стоило им остаться наедине, и Стасик заводил долгий и небезопасный разговор о чувствах. Разговор, которого она старательно избегала. У девушек Стасик пользовался успехом, и подруги упрекали ее в разных грехах: гордыне, упрямстве, скромности. Марита отмалчивалась. Что они знают о жизни, о том, какой тяжелой и путаной может быть человеческая судьба...

Вообще-то она не дичилась, отвечала на шутки. Но сегодня уж слишком устала. Кивнула ему и кинулась к выходу. Хотелось одного: скорее на воздух. На ходу скинула халат, сунула его вместе с шапочкой в сумку и, накинув свою старенькую болонью, выскочила на улицу.

Только теперь она поверила, что станет врачом. Профессор не просто буркнул что-то одобрительное, но церемонно пожал руку и сказал: «Коллега!» Еще год с небольшим — и она получит право войти в клинику, ей доверят совершить первый самостоятельный обход в сопровождении сестры. Больные будут называть ее «Доктор»...

Марита замечталась, шагая по широкому, залитому солнцем бульвару. Так увлеклась, что не заметила, как рядом, не отставая, идет Стасик. Наконец ему надоело. Он выскочил вперед, загородил ей дорогу.

— Говорят, ты произвела фурор. От души поздравляю тебя, Марита.

— Спасибо, Стась.

— Ассистентка выскочила из аудитории в диком восторге. Еще немного и появится плакат: «Равняйтесь на Лайтис!»

— Хватит тебе. Как всегда, перебарщиваешь.

Она попыталась уйти, но он придержал ее за локоть.

— Такое событие надо отметить. И сейчас же, не отходя от кассы. Считай, что ты врач, госэкзамен по хирургии в кармане. Словом, все о-кей! Старик растаял...

— Не увлекайся.

— Клянусь! По сему случаю предлагаю скромное пиршество — коктейль. Твой любимый — лимонный.

— Нет, Стасик.

— Отказываешься? От лимонного?

Марита медленно двинулась по аллее к бассейну. Стасик покорно поплелся за ней.

— Ты знаешь, что такое несчастье? — вдруг спросила Марита.

— Конечно. — Он слегка растерялся. — К примеру, увел жену, украли лотерейный билет, выигравший «Волгу», вырвали не тот зуб...

— Чудак! Впрочем, тебе трудно понять. Ты только начинаешь жить...

— Не понимаю, Марита, о чем ты? Я рад, что дружу с тобой. Вот уже два года...

Она вскинула брови.

— Что за срок два года? Человека трудно узнать и за пять лет.

— Брось ты эту философию, Марита!

— Нет уж, Стасик, послушай. Я не хочу, чтобы и у тебя, и у девочек складывалось ложное представление обо мне.

— Зачем ты? Может, это банально, но поскольку человечество не придумало других слов... Короче, я люблю тебя, Марита. Люблю. И ничего не хочу знать.

— Побереги эти хорошие слова, Стась, для более подходящего случая. Я совсем не тот человек.

— Но я тебя люблю!

— А я — нет. И очень прошу, если мы не можем быть добрыми друзьями, оставь меня в покое. — Она жестко взглянула ему в глаза и пошла вперед.

— Слушай, Марита, — Стасик шел за ней, — думаешь, я испугаюсь и уйду?

Положение становилось нелепым. Марита с трудом сдерживалась, чтобы не ответить резко.

— Я все знаю лучше тебя, Марита. — Стасик широко улыбался. — Как говорит Руставели: «И для каменного сердца есть алмазное копье».

Она невесело усмехнулась.

— А ты убежден, что у меня есть сердце?

— Можно сомневаться в отсутствии зуба мудрости, но уж сердца...

— Что ж, резонно. Итак, сердце есть. Но, как говорили в старину, оно принадлежит другому. И ему, как известно, не прикажешь.

— Кто это? — спросил он зло. — Я хочу поговорить с ним.

— О, Стась, не стоит. Ужасно не люблю дуэлей! К тому же, у тебя мало шансов. Будь здоров.

Она снова усмехнулась, помахала ему рукой и быстро ушла. Уже на перекрестке Марита незаметно оглянулась. Стась все еще стоял на краю тротуара, как слепой, ожидающий чьей-то руки, чтобы перейти улицу...

Марита жила далеко, на окраине. На дорогу до центра уходило не меньше часа. И все-таки каждые два-три дня она делала крюк и заходила на Главпочтамт, к окошечку «До востребования». Писем из Баку не было...

Весь апрель Марита пролежала в постели с воспалением легких. Только поднялась, заболела хозяйка квартиры — старая одинокая женщина. Пришлось поработать за всех: за врача, за сестру, за нянечку.

Дни мчались: институт, больная, аптеки, вызовы «Скорой помощи». Времени совсем не было. Несколько раз Марита садилась за письмо Зауру. Начинала и бросала: слова были все не те — вялые, чужие. А потом тетушка Юлия умерла. На Мариту легли невеселые похоронные хлопоты. Хорошо, что ребята помогли. Словом, забот и неприятностей хватало. Потом... Потом Марита просто не решилась писать — нужно было еще как-то объяснить молчание...

Но писем она ждала. На почте все знали и, почти не глядя, уверенно отвечали: «Нет. Вам пишут...» Она к этому привыкла и вежливо кивала. Но было грустно и обидно.

Марита подошла к трамвайной остановке, с трудом протиснулась в вагон. Агавелов, шедший по бульвару Падомью к той же остановке, опоздал на минуту. Трамвай тронулся.

Агавелов подошел к справочному киоску. Белокурая, с чуть подсиненными веками латышка кокетливо ему улыбнулась.

— Как мне проехать на улицу Августа Деглавы?

— Смотря в какую часть, генацвале. Я бы показала, но до перерыва двадцать минут, — весело ответила девушка.

— К костелу, — как можно суше сказал Агавелов.

— Трамвай номер три, угол Авоту, гражданин! — девушка с обидой захлопнула окошко.

Эдуард усмехнулся и лукаво погрозил ей пальцем сквозь стекло... Было уже поздно, а следовало зайти в магазин (не идти же в гости с пустыми руками?) и поймать такси...

Марита вышла из трамвая у небольшого скверика. Типичная старая окраина — маленькие дома, тишина, малолюдство. Дом, где жила Марита, потемнел от времени и казался заброшенным. Напротив, обнесенный причудливой литой оградой, высился готический костел. Казалось, низкие облака задевают шпиль. Древняя и величавая красота храма всякий раз открывалась Марите по-новому. Она и сейчас замедлила шаг, зачарованная игрой солнечных лучей в узких витражах костела.

Как раз в этот момент у старого тополя затормозило такси. Марита скользнула равнодушным взглядом по вышедшему из машины пассажиру — и замерла.

— Не может быть, — она тряхнула головой и зажмурилась, словно отгоняя призрак. А когда открыла глаза, призрак стоял рядом — вполне живой, изумленный, радостный.

— Эдуард! — Марита бросилась к нему, уткнулась лицом в жесткую ткань плаща. Нет, не зря она верила в счастливый случай! Она заплакала, потом засмеялась.

— Ну перестань, ну хватит, — Агавелов смутился. — Слушал сводку, вроде бы осадки не предсказывали. Имей совесть, Марита, рубашка промокнет, кто мне будет ее сушить и гладить...

6. ПЕРВЫЕ НАХОДКИ...

Перед Байрамовым лежали три серые папки. Дело о грабеже в квартире Гасановых. Убийстве офицера милиции Махмудова. Убийстве Рафаэля Мелкумова. В каждом деле, увы, пока пять-шесть страничек. Одни вопросы, ответов нет. И главный вопрос — кто? Кто похитил жемчуг? Кто застрелил Махмудова? Кто? Кто? Кто?..

На эти дни Байрамов перекочевал в кабинет Заура. По опыту оба знали, что этот странный союз столь разных людей — спокойного, медлительного Байрамова и первого, порывистого Акперова — давал иногда поразительный эффект. Во всяком случае работать вместе они умели. Вот и сейчас они сидели друг против друга, но каждый сам по себе, отделенные тонкими серыми папками.

— Каждое дело будем расследовать отдельно, а если обнаружим связь, объединим. Согласен?

Заур кивнул.

— Что ж, пожалуй, я начну с ограбления Гасановых.

Марина Сергеевна Белякова откликнулась на вызов охотно. Добрых четверть часа рассказывала о своей работе, о «миллой Соне-ханум». Однако на главный вопрос так и не ответила.

— Давайте конкретнее, Марина Сергеевна. Кому вы говорили о драгоценностях Гасановых?

— Видите ли, я женщина и не могла восхищаться этими вещами при самых различных обстоятельствах... Но сказать конкретнее не могу, просто не помню... Нет, не помню.

Марина Сергеевна отвела глаза. Конечно, она помнила, как интересно, со всеми подробностями рассказывала Ане Симоновой про жемчужное ожерелье, описывая сундучок, даже ключ на цепочке. Но подводить Аню было грешно — коллега, порядочный человек, да еще беременна. Только ей не хватало еще вызова в милицию...

Проводив Марину Сергеевну, Заур заметил уверенно:

— Белякова сказала не все.

— Почему ты думаешь?

— Во-первых, болтлива как сорока. Уверен — просто не смогла бы умолчать о черном жемчуге. Во-вторых, вдруг отвела глаза и замкнулась. Не понимаю только, что ей за смысл скрывать...

— Что ж, если ты убежден, что она хитрит, можно поинтересоваться ее знакомыми. — Байрамов медленно прошелся по кабинету. — Что мы имеем? Пистолет «ТТ», мундштук, и... Эра Гончарова. Если она вспомнит знакомую, о которой упоминала еще до гибели Махмудова...

Позднее, оставшись один, Заур вызвал Ибрагимова.

— Срочно установи, в какой исправительно-трудовой колонии отбывает наказание заключенный Яков Тер-Теров. Кличка «Султан».

— Что-нибудь прояснилось? — полюбопытствовал Ибрагимов.

— Не спеши. Кстати, узнай, что с нашим пистолетом. Только в темпе. Я жду.

— Слушаюсь.

Заур позвонил и пригласил к себе Лейлу Гасанову. Она пришла очень скоро. Заметив, что Агавелова нет, Лейла спросила осторожно:

— Агавелов как раз сейчас разыскивает наши вещи? Слова у него не расходятся с делом, так?

— Он выполняет свое обещание, — ответил Заур уклончиво.

— Ловит преступников? Ой, как интересно! И скоро вернется?

— Трудно сказать. А пригласил я вас Лейла Гейдаровна, вот почему... — Акперов веером разложил перед ней пачку фотографий. — Внимательно посмотрите на этих людей. Не напоминает ли кто-нибудь одного из грабителей? Того, в форме офицера? Или молчаливого, что стоял у пианино?

Лейла всматривалась в каждую фотографию с таким напряжением, что Зауру казалось, что она узнает. Но карточки складывались одна за другой — в том числе та, на которую он рассчитывал. Закончив, Лейла равнодушно отодвинула от себя все фотографии и решительно покачала головой.

Неудача расстроила Заура.

— Такие огромные глаза и полное отсутствие зрительной памяти, — сказал Заур вслух, когда Лейла ушла. — Ничего не запомнила, ни малейшей детали.

А он почему-то был уверен, что фотография Яшки Тер-Терова привлечет ее внимание. Султан просто не шел из головы.

— Ничего, Лейла Гейдаровна, — пробормотал он. — Мы еще посмотрим. Хоть Султан и оставил вас равнодушной, мы сохраним его про запас.

Как нарочно, застрелял Ибрагимов. Может, что новое? Неужели нельзя позвонить?

Мысль о том, что где-то совсем близко ходит по улице опасный и жестокий преступник, держала его в напряжении. Снова и снова он вспоминал разговор с Эрой Гончаровой. Неужели она была не случайной фигурой в этой запутанной истории?

Эра приходила в себя медленно и трудно. Конечно, Акперов прав: она не виновата. Но это — юридически. А в глубине души она смутно ощущала свою вину. К ней он пришел на свидание, провожал ее, рядом с ней его убили.

Эра похудела, стала рассеянной. Все валилось из рук. В конструкторском бюро, где она работала, пробовали узнать, что с ней. Но Эра отмалчивалась. Без видимой причины она вздрагивала, пугливо озиралась или просто цепенела. Рядом с ней работал чертежник, которого звали Чингиз. Обращаясь к нему, Эра избегала называть его по имени.

Акперов сказал, чтобы она поддерживала с ним связь — вдруг понадобится. Зачем? Неужели ее все-таки подозревают? Нет, не похоже. Акперов — человек умный, он ей поверил. Поверил, хотя следователь допрашивал ее слишком долго. Впрочем, это его обязанность. Конечно, он не думает, что она убила Чингиза.

Уже темнело, когда она возвращалась с работы. Сошла с трамвая, вяло двинулась той же дорогой, по которой недавно шла с Чингизом. Все здесь стало теперь невыносимы — дом с тяжелыми решетками на окнах; темный, захламленный проход во двор, гнилая лужа под краном.

Эра тяжело поднялась на крыльцо, открыла дверь в галерею. Соседка, бабушка Ануш, как всегда, сидела на сундуке, в руках ее быстро двигались спицы. Внуков становилось все больше, всем им надо было что-то связать.

— А у тебя, доченька, гость, — сообщила старушка.

Эра решила, что ее ждет Акперов. Распахнула дверь в свою комнату и с трудом удержала крик...

Заур терпеливо ждал Ибрагимова. Было уже за полночь, когда он появился. Веселый, чем-то взволнованный, он оставился в дверях, вытер платком мокрый лоб.

— Чего так долго? — сухо спросил Акперов.

— Выполнял ваше распоряжение, товарищ майор. Исправ-колонию, где отбывает срок заключения Яков Тер-Теров, удалось выявить. — Ибрагимов протянул начальнику справку. — По восстановленному номеру-пистолета «ТТ» пришлось искать ориентировку. Очень помог Агафонов.

— Ну и что?

— Ориентировка поступила в министерство в 1948 году из Львова. Этот пистолет принадлежал участковому уполномоченному, младшему лейтенанту Степану Николаевичу Горе. В ориентировке указано, что Гора был убит в схватке с опасным бандитом, а пистолет похищен.

— И все?

— Да.

— Не густо. А кто похитил оруж

— Нет, товарищ майор.

— Ну и ну, — Акперов с досадой хлопнул себя ладонью по колену и проворчал: — Лопухи... Слушай, капитан, а если тебе съездить по следам этой ориентировки? Бывал во Львове?

— Нет, не приходилось.

— Я понимаю, вряд ли это сулит нам особые перспективы, однако, ехать придется, дорогой Азад. Сам понимаешь — три преступления и ни одно не раскрыто! А время идет.

— Значит, поиски Яшки пока отпадают? — спросил Ибрагимов.

Акперов посмотрел на него, но промолчал.

— Ясно, — вздохнул капитан. — Но я не закончил. Помните Галину Боброву?

— Продащица? Из булочной, рядом с домом Гасановых?

— Да. Я встретил ее здесь, прямо у райотдела.

— К кому приходила?

— Искала Махмудова.

— Кого?

— Не знала, что убит. Когда услышала, расплакалась. Сказала, что на улице Щорса, недалеко от кинотеатра Низамы, видела сегодня ту самую «Победу» и кривонногого шофера. Она записала номер машины и побежала к нам. Представляете, какой молодец?

— Чего же ты тянул, Азад? — Заур на радостях вытащил сигареты. — Ну-ка, садись к столу, рассказывай.

— Номер «Победы» — АЗИ 30-05. Я сразу же проверил в учетной группе ГАИ и был поражен. Либо Боброва ошиблась, либо случайное совпадение. Владелец машины — знатный буровой мастер, Герой Социалистического Труда Али Ага Нейматов. Ерунда какая-то!

— Гм! И ты сдался? Наивно. Во-первых, у почтенного Али Аги есть, очевидно, родственники — сын, племянник. Во-вторых, могли использовать фальшивый номер. Ладно, адрес знаешь? Надо немедленно проверить стоянку, установить, кто из родственников водит машину. На стоянке поставить пикет. Когда шофер сядет за руль, организовать наблюдение. Впрочем, со всеми этими делами мы разберемся, ты готовься к поездке во Львов.

— Ясно!

— За добрую весть спасибо. Первый след! На душе стало чуть легче. Надо позвонить Байрамову... Ну, а ты иди, дорогой, иди. Организуй наблюдение за стоянкой и собирайся. Все срочно!

7. ...И ПЕРВЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ

На следующий день Заур уже в шесть утра был в своем кабинете. Сидел и нетерпеливо ждал Байрамова, ждал сообщений опергруппы, высланной на место стоянки «Победы» 30-05. Все они надеялись, что шофер машины выведет сотрудников угро на грабителей, похитивших жемчуг.

В 6.40 раздался первый звонок. Ахундов, молодой оперативник, доложил, что стоянка «Победы» в районе пятого хлебозавода. Водитель Икрам Худиев — племянник Али Аги Нейматова. По словам дворничихи, которая знает Икрама с детства, парень вполне приличный, спокойный, учится в мореходном училище, собираясь стать штурманом.

Заур нетерпеливо выслушал первый рапорт и приказал продолжать наблюдение. Вызвал машинистку и продиктовал запрос в исправительно-трудовую колонию на Якова Сейрановича Тер-Терова. В девять утра пришел Байрамов. Молча переложил бумаги в серой папке. Это был плохой признак.

— Ты все сделал правильно, — сказал он, наконец. — Запрос не помешает, это ясно. Стоит понаблюдать и за шофером. И то, что Ибрагимов полетел во Львов, тоже неплохо. Я убежден, что мы должны выйти на матерых преступников, у

которых могут быть самые различные связи. Не исключено, что их придется потом искать по всей стране. А вообще...

— Не понимаю, что «вообще»? — Заур начал злиться. — С одной стороны, я все сделал правильно. С другой, как я понимаю, нет. Может, не следовало посылать Ибрагимова? Сидеть и ждать, пока преступник явится сам и сообщит: — Добрый день! Честь имею доложить — это я убил и ограбил...

— Не утрируй. Речь совсем не об этом. Ты же знаешь: убийство Степана Горы, в котором использовался интересующий нас пистолет, произошло в 1948 году, убийца неизвестен. Не получится ли, что мы будем искать одно неизвестное с помощью других неизвестных? А нужно другое. Нужно идти по горячим следам... И все прочее.

Заур нахмурился.

— Можешь ты отказаться от общих слов и ясно изложить свои предложения?

— Могу, дорогой. Но ты горячишься и мешаешь мне спокойно все обдумать.

— Тогда давай подождем, пока тебе удастся это сделать. Кого ты собираешься сегодня допрашивать?

— От допросов воздержимся. Рано.

Полистали тонкие папки, помолчали. Ожидание становилось нестерпимым. Ахундов позвонил только в полдень. Он доложил, что в 8.00 утра «объект наблюдения» сел в машину и поехал в мореходное училище. Два часа спустя покинул училище и принялся колесить по городу, занимаясь халтурой. В полдень вернулся в училище. Сейчас он там. В машине никого нет.

— Гм... Видно, парень серьезный. Пожалуй, стоит познакомиться. — Акперов приказал задержать Икрама Худиева, как только тот допустит нарушение, и доставить в отдел милиции.

И вот Худиев, задержанный за явную халтуру, сидит в кабинете Заура. Внешность его Галина Боброва описала точно. Кривоногий, с хищным оскалом.

— Машина, на которой вы ездите, принадлежит Али Аге Нейматову?

— Да, товарищ майор.

— Почему вы занимаетесь халтурой? Не стыдно?

Молодой человек понурил голову и вздохнул, всем своим видом изображая раскаяние.

— Молчите? Вот мы поставим машину на «штрафную», сообщим о ваших делах в училище и по месту работы дяди.

Получится хорошо? Дядя — уважаемый человек, знатный нефтяник...

— Прошу вас, — встрепенулся Икрам, — очень прошу! Дядя ничего не знает. Я виноват. Даю слово...

— Слово? А чего стоит ваше слово?

— Я никогда не врал. На том воспитан.

— Что ж, поверим. Скажите, есть у вас друзья среди военных?

— Военных? — Худиев удивился. — Нет, все мои друзья — люди сугубо штатские.

— Ну, конечно. Так я и думал. Помните воскресный день, когда с утра шел дождь? Кого вы тогда возили по городу?

— Не помню. Обычная халтура, товарищ майор. Больше это не повторится.

— Все-таки попробуем уточнить. В машине их было двое: лейтенант и его приятель в полосатой тенниске.

— А-а, вспомнил! Было дело. Остановили меня на Восьмом километре и попросили подвезти в город и обратно.

— Разумеется, возили вы их бесплатно. Из любви к чистому искусству?

— Не стану врать. Мне дали десять рублей. На эти деньги я купил тормозные колодки для машины.

— Десять рублей? За два таких конца?

— Разве мало? Лейтенант сказал, что приехал из Грузии. Зовут Мишей... Михо... Приглашал в гости.

— М-да. Есть у вас вопросы? — Заур обернулся к Байрамову.

— Есть. Опишите этого лейтенанта, молодой человек.

— Ну, как описать? Ростом чуть выше меня, смуглый. Губы толстые. Усики. В остальном обыкновенно.

— Где вы их взяли и где высадили?

— Сели они на остановке автобуса, на Клубной улице. И привез их туда же.

— Не к дому?

— Нет, к остановке.

Сделав запись в протоколе, Байрамов вяло зевнул, спрягал глаза за тяжелыми веками. Заур понял.

— Ладно. Вы свободны! На первый раз — простим.

Парень облизнул высохшие губы, сам предложил сообщить в отдел, если встретит лейтенанта из Грузии...

Беседа с Худиевым ничего не дала. Парень, похоже, и в самом деле не зная своих пассажиров. Однако «Победу» Икрама Худиева решено было оставить под наблюдением.

8. «И Я ЕДУ!»

Марита никак не могла поверить, что видит перед собой давнего бакинского знакомого. Как он сюда попал? Зачем? Не случилось ли чего? Вопросов было столько, что она не знала, с чего начать. И не отпускала руку Агавелова — казалось, он исчезнет так же внезапно, как появился.

— Не ждали? — улыбнулся Эдуард. — А ведь все просто. Взял отпуск, сел в поезд и приехал.

— Боже, что мы стоим? — спохватилась, наконец, Марита. — Я совсем обалдела. Идемте в дом, скорее! Тут я живу. — Она кивком указала на низкие, потемневшие от времени ворота.

Двор — будто колодец — темный, сырой. Остро пахло плесенью. По скрипучим ступенькам деревянной лестницы они поднялись на второй этаж.

— Дом построен в том году, когда на Земле возникла жизнь, — невесело пошутила Марита.

— Значит, мне повезло! — весело откликнулся Агавелов.

Марита приостановилась на узкой площадке, спросила тихо:

— Все в порядке? Заур Алекперович? Пери-ханум?

— Пери-ханум здорова. Заур — тем более. Что ему, черту, сделается? — хмыкнул Агавелов. — Все занимается делами, что-то распутывает. А вот свою судьбу запутал. Жуткий человек.

— Разве плохо, когда человек заботится о других?

— Поэт сказал: «Скорее жизнь свою в заботах истощи!» — Не знали? А мы знаем. Вот и стараемся.

Марита слабо улыбнулась. Конечно, она поняла намек, но промолчала. Впрочем, и раньше не была болтливой. Изменилась? Да, похудела, побледнела... Лицо стало тоньше и, пожалуй, спокойнее. Заметил Агавелов и другое: плащ старый, каблук туфель сбиты.

Они нырнули в какой-то туннель и — по совсем уж дряхлой лестнице — поднялись на последний этаж. А проще — на чердак, кое-как приспособленный под жилье: длинный коридор, скошенный потолок, узкие, как бойницы, окна.

— Здесь раньше была крепость?

— Что вы? — Марита оживилась. — Бывшее общежитие. Раньше у меня была комната получше, но хозяйка умерла.

Располагайтесь, заварю кофе. Говорят, повышает тонус.

— Спасибо, Марита.

Она, несомненно, была ему рада. И все-таки встреча получилась не совсем такой, как Эдуард ожидал. Между ними стояла невидимая, но прочная стена. На какие-то вопросы она не отвечала, некоторых тем не касалась.

Когда она вышла в прихожую, Эдуард осматрелся. М-да... Даже вешалки нет. Старый облезлый шкаф, железная кровать, стол, заваленный книгами, два стула. Вот все, что было в комнате. А собственно, что тут странного: живет на стипендию.

Агавелов открыл чемодан, коробку шоколадных конфет.

Поверх книг лежала местная газета.

«Любопытно, — подумал он, — «Вечерка». Пробежал заголовки, прочел фельетон о квартирных склочниках. Перевернув страничку, натолкнулся на объявление: «Лайтис Маритас Мартиновна, проживающая в г. Риге по улице Августа Деглавы... Дело будет слушаться в Верховном суде». Эдуард взглянул на число. Поздно. Уже слушалось. Он положил газету на прежнее место. Вошла Марита.

— Не соскучились? Кофе готов! — она поставила поднос на край стола.

— Я умею ждать. Смотрел в окно на остатки средневековья. Очень интересный костел.

— О, да. Мой старый сосед и друг необычайно симпатичен! Давайте, однако, пить кофе. А это что? Конфеты? Вы, как всегда, предусмотрительны. Спасибо, Эдуард.

Они сели за стол. Марита разлила кофе.

— Когда я ехал сюда и представлял, что встречу Мариту, мне казалось, столько скажу ей... И за себя, и за Заура.

Марита отодвинула чашку, внимательно посмотрела на него.

— А сейчас сижу и не знаю, что сказать. Многое мне непонятно.

— Я виновата, Эдуард, — просто сказала она. — Но так получилось. Всю зиму проболела, пришлось досдавать позднее сессию. Потом тяжело болела хозяйка. Умерла. Словом, год был трудным. Потом всякие дела...

— Развод, например?

— Вы уже знаете? — Она покосилась на газету.

— Прочел случайно. И все-таки немного обидно. Как буд-

то не осталось у вас в Баку людей, которым в трудную минуту можно написать. Хоть бы одно письмо.

— Я писала.

— Знаю. В самом начале. Но когда это было? Если бы знали, как Заур радовался вашим письмам.

— А как я могла знать? Я же не телепат. Впрочем, наверно, я не права. В моем положении...

Конечно, она права. Она ведь тоже ждала и, не получив ответа, могла подумать... Да что угодно! Не любит, забыл, встретил другую... Но ведь и он мог... Фу, черт, все правы. А кто же виноват? Должно быть, он, Агавелов.

— Я понимаю вас, Марита, — сказал он медленно. — Но поймите и вы Заура. Когда вы перестали писать, он решил, что все... кончилось. Обидно за вас обоих. Нет, не обидно, зло берет! Разве можно, если вы действительно любите друг друга, ничего не делать? Какое тут может быть самолюбие? Это ведь так серьезно!

Марита опустила голову.

— Я не прав?

— Нет-нет, Эдуард. Правы. Только согласитесь, не могла же я сама...

— Верно. Заура я не оправдываю. Есть вещи, которые должны делать мужчины. Знаете что? Давайте вечером поговорим с ним по телефону. Решили? Ну... Теперь я немного успокоилась. Уф-ф! Еще кофе, — попросил он. — У вас он здорово получается.

Теперь они пили молча. Но в этом молчании уже не было прежнего тягостного ощущения. Теперь между ними был мостик. Пока тоненький, непрочный. Но Мариту захлестнул такой поток мыслей, что ей хотелось говорить и говорить. О чем? Только не о Зауре, о нем она боялась думать. Хотелось рассказать о практике, о соборе, который стал ей другом, о девочках, которые уверены...

— Еще кофе?

— Спасибо. Раньше было куда проще. Понравилась девушка, сел на коня, схватил и увез. Потом разберемся... А нынче? Тонкости, обиды, сложная игра самолюбий...

Марита лукаво блеснула синими глазами.

— Мне надо быть осторожной?

— Разумеется. Надоест мне эта ваша игра, возьму и увезу вас. Можно на милицейской машине, с использованием служебного положения. Как вам эта идея?

— Нравится.

— А как насчет того, чтобы предварительно побродить по магазинам? Люблю рижские магазины.

— С удовольствием, — оживилась она. — Здесь вы наверняка подберете что-нибудь для Анды.

Агавелов кашлянул. Надо же, память... Помнит то, о чем сам он давно забыл.

— С Андой все... Ничего не вышло. Разошлись как в море корабли.

— Зачем же тогда магазины?

— Секрет! Впрочем, от старого, доброго друга у меня нет секретов. Перед отъездом Пери-ханум отвела меня в сторону, взяла за руку и спросила: «Правда, ты едешь в Ригу?» Говорю: «Правда». «Возьми», — и сунула мне пакет. Развернул — там деньги. В Риге, говорит, живет моя невестка. Знаю, что ей нелегко. Так вот... Долго она говорила. Подробно перечислила, что должна иметь невестка Пери-ханум. В конце спрашивает: «Сделаешь?» А я что? Я не мог отказать. Старая почтенная женщина, мать друга...

— Все это вы, Эдуард, сочинили.

— Ей-богу, нет. Только повторил ее слова.

— Все равно, не могу. Ой, как стыдно! Прошу вас. Не надо об этом.

— Но я обещал.

— Не надо, Эдуард. Не настаивайте... Да, честное слово, это и не важно. Кажется, Толстой писал, что все несчастье человека в том, что он не может удовлетворить свои потребности. И чем меньше у человека потребностей, тем меньше оснований быть несчастным.

— Толстой явно имел в виду не вас, Марита. Вы хотите, чтобы Заур меня презирал?

— Нет, не хочу. Но при чем тут Заур?

— Как же? Он стоял рядом с матерью, все слышал и смотрел на меня несчастными глазами. Он же любит вас, Любит, понимаете?

Эдуард осторожно погладил ее по плечу. Она всхлипнула, уткнулась носом ему в грудь и вдруг горько разрыдалась.

— Ну зачем так? Разве тебе плохо? — бормотал он, не замечая, он перешел на «ты».

— Нет, конечно. — Она убежала и вернулась умытая. Сказала тихо: — Если бы угадать заранее, что тебя ждет. Слишком долго я ждала, перестала верить. Оттого и плачу, что снова появилась надежда...

— И слава богу. Только, пожалуйста, больше не надо,

Мне страши женщин Собирайся, покажешь
мне город.

Они объехали всю Ригу: осмотрели старый город, берег Даугавы, Рижское взморье, успели заглянуть в магазины. Вернулись домой поздно — усталые и довольные.

— Марита, — сказал Агавелов, когда они немного пришли в себя. — Сейчас я выйду в коридор, а ты переоденься и позовешь меня.

Он вышел, и Марита почувствовала себя Золушкой, которой волшебник подарил хрустальные туфельки. Как-то так получилось, что общими усилиями они купили и туфли, и плащ, и жакет, и сразу несколько платьев.

Десять минут шуршания, охов, топота острых каблучков за дверью.

— Входите!

— Ну и ну! — Эдуард восхищенно поцеловал ей руку. — Едем на бал!

— Спасибо вам! Спасибо за все! — Она поры
ловала его и отскочила — вся красная.

На бал они, понятно, не поехали. Но вечер провели в ресторане «Рига», где тоже было на что посмотреть. Марита боялась поднять голову. Ей казалось, что все только и смотрят на нее. Эдуард церемонно подал ей меню, шепнув: «Не стесняйся». Но Марита рассеянно пожала плечами. Еда ее не интересовала. К тому же за соседним столиком сидел Стасик. Он смотрел на нее круглыми от удивления глазами. «Ну и пусть, — отмахнулась она. — Перестанет приставать».

— Превосходный ресторан, — услышала она спокойный голос Агавелова. — И вообще, Рига великолепна.

— Представляешь, я в этом ресторане впервые. — «Ты» давалось ей трудно, и она немного выпила для храбрости.

— Представляю. Ничего, мы еще наверстаем упущенное. Ладно? Поможем городскому управлению ресторанов перевыполнить напряженный план.

На эстраде заиграл оркестр. Появился солист. Пел он по-латышски. Марита шепотом переводила:

Помолчим, потому что не найдено слов,
Помолчим, потому что вернулась любовь.
Только в милых глазах полыханье огня,
Только в музыке — радость поет для меня...

Пары стали подниматься из-за
танцы.

— Что, Марита, помолчим? — спросил Агавелов.

Она улыбнулась и кивнула.

— А может, потанцуем?

— С удовольствием. Когда-то я сказала Зауру, что не люблю танцевать. Это неправда. Просто чувствовала: он не умеет.

Баку дали в двенадцать часов. Агавелов потянул за собой Мариту, закрыл дверь кабины. «Вот обрадуется Заур», — заранее предвкушал он.

— Алло! Кто говорит? Никольский? Привет, дружище! Майор Агавелов! Да-да, из Риги. Как дела? Где Заур Алекперович? Что-о? Махмудова?.. Когда — Эдуард уже не кричал. Пальцы, сжимавшие трубку, побелели. — Хорошо. Все ясно. — Он на ощупь нашел рычаг.

Они вышли на улицу и двинулись по роскошному бульвару Падомью. Марита понимала, что произошло что-то серьезное, но ей было неловко спрашивать. Наконец не выдержала.

— Эдуард, скажите что-нибудь. Так же нельзя.

Он остановился под деревом, ощупал карманы. С трудом вытащил сигарету. Закурил.

— Заур ранен.

Марита сжала его руку.

— В самом деле ранен. Из пистолета. У, гады! — Гнев душил его. Марита бессильно прислонилась к стволу дерева.

— Господи, — шепнула она. — Не может быть... Нет, нет.

— Успокойся, ничего страшного. К черту отпуск! Надо лететь, немедленно. Убит Махмудов, ранен Заур.

— Я тоже еду! И не смей меня отговаривать. Слышишь?

— И не подумаю. Конечно, ты тоже.

9. «СУЛТАН»

Отца Яшка не помнил. Говорили, что работал заведующим складом в Азериттифаке, крупно проворовался и сгинул. Сначала, правда, писал. Пару раз мать ездила в тюрьму с передачей. Потом его куда-то отправили, писем больше не было.

Яшка рос с матерью — вечно усталой и раздраженной. Жили не сытно, заработка матери еле хватало на то, чтобы как-то сводить концы с концами. В доме говорили только о деньгах. Изредка — радостно, когда что-то вдруг перепадало, чаще — со злобой и завистью. Это было единственное, что их сближало — мать, Яшку, сестру Жанну.

В сороковом году мать умерла. Хозяйкой в доме осталась Жанна. Что могла семнадцатилетняя девчонка? Пошла ученицей швеи на фабрику, встретила там Николая Арзуманова. Поженились за несколько дней до войны. Через год пришла «похоронка».

Жанна ожесточилась до дикости. Жить в доме стало невыносимо. Сначала Яшка просто не приходил домой ночевать, потом и вовсе исчез. Жанна его не очень искала. Сообщили ей из милиции, что он совершил карманную кражу и отправлен в детскую исправительную колонию.

Возвратился Яшка в Баку лишь в самом конце войны. С удивлением обнаружил, что сестра изменилась. Стала спокойнее, основательнее, держалась с достоинством. Мать Яшка, правда, так и не узнал, от кого у нее смысленный лобастый мальчишка. С фабрикой давно было покончено. На бедность Жанна не жаловалась — бойко торговала в киоске водой с сиропом.

Денег не пожалела, придела брата. Яшка обещал, что начнет новую жизнь, пойдет работать. Вскоре он как будто стал неплохо зарабатывать, купил модный габардиновый макинтош. На расспросы отмалчивался, потом намекнул, что работает техником на номерном заводе и не вправе особенно распространяться. Жанна поверила. Откуда ей было знать, что брат по-прежнему промышляет карманными кражами даже известен в воровском мире под крепко приставшей ему кличкой «Султан».

Несколько лет ничто не нарушало их размеренной жизни. Жанне нравился брат. Нравилась и его девушка — скромная, вежливая Эра. Правда, Эра не очень-то баловала Яшку вниманием, встречалась с ним редко, обычно в присутствии Жанны. А Яшке, судя по всему, она нравилась всерьез. Он стал мягче, откровеннее, делился с сестрой — просил, чтобы могла ему сблизиться с Эрой.

Однажды, поздно вечером, Эра прибежала в слезах. Рывком расстегнула блузку, показала кровоподтеки и ссадины на плечах. Жанна расстроилась — этого она не ожидала. Сказала зло: сами путались, сами и разбирайтесь.

Эра написала жалобу прокурору.

Розысками Якова Тер-Терова занимался молодой оперативник Чингиз Махмудов. Позже, на суде раскрылись подробности Яшкиной «работы» на номерном заводе. Жанна была потрясена. Даже попрощаться с братом не пришла.

Осудили его на восемь лет. Письма откуда-то из Северного

Казахстана приходили аккуратно. Яшка просил не оставлять его в беде, клялся, что заслужит досрочное освобождение. Удивляло Жанну другое. Не было письма, в котором брат не вспоминал бы об Эре. То грозил «рассчитаться», то умолял узнать, как она живет. Однажды попросил раздобыть и прислать фотокарточку...

Праздник 1 Мая в исправительной колонии отмечался торжественно. После митинга заключенным показали кинофильм «Дело № 306». Фильм был интересный, но многие его видели раньше и ушли с середины сеанса. Подышать свежим воздухом.

Солнце припекало. Приятно было посидеть в тени старого дуба, что рос у барака. Здесь и присели двое. Постарше — высокий, с худощавым, резким, побитым оспой и все-таки по-мужски красивым лицом. Помоложе — розовощекий, с глубокими, быстрыми, плутовато бегающими глазами. Высокий официально именовался Матвеем Чуйковым, пониже — Эммануилом Шлимовичем. Оба — одесситы. Оба досиживали полученные в разное время сроки и «скорешовались»¹ как земляки.

— Собирают, показывают кино, — бурчал Чуйков, досадливо морщась. — Хвастают, когда нашего брата случается подцепить. Ты ж понимаешь, Моня... Расчет на фраеров. — Он покосился на собеседника, который с удовольствием уплетал кусок колбасы.

— Ты, Матюша, держись дальше от политики, — рассудительно заметил Шлимович. — Кино — тоже политика. Наше дело маленькое — дотянуть срок и в Одессу-маму... Там, небось, каштаны зацветают. — Он вздохнул. — Спел бы лучше чего почувствительней. За Одессу, за девочек.

— Гляжу на тебя, Моня, пустое у тебя в голове. «Одесс-а-а... Девочки...» Что-то я не помню тебя ни на Дерибасовской, ни с девочками. Сопляк ты еще, Моня.

— А я с Молдаванки, с Мясоедовской. Шо тебе еще надо? Спой, Матюша.

Чуйков махнул рукой, взял гитару и негромко забасил:

Воробушек тихо рыдал,
Прижавшись к кусту сирени,
Он душу свою изливал,
Он пел о любви и измене...

¹ Подружились (жарг.).

Не допел, рванул струны. Долго скручивал сигарку, проклиная какую-то «зануду», что сгубила его, подсекла на корню.

— Ты о чем, паря? — спросил Шлимович.

Чуйков растянулся на земле, прикрыл ладонью глаза.

— Была у меня Валюша. На телеграфе работала. Познакомился я с ней в Аркадии. Ох, и пела ж, вот пела! А как узнала, что вор — крышка. Так и сказала: «Стань, Матвей, человеком, можешь рассчитывать на меня. А вора не могу любить».

Хотел я завязать. И завязал бы. Но вот же «Сова», гад, обработал меня. Пощипали одну дачку. В общем, влип снова. Так даже на суд не пришла. А потом уж пошло-поехало: вся жизнь наперекосяк, в черную полоску.

— Девкам нет веры, Матвей, — брякнул Моня.

— Веры нет? Дурак! А какой бабе охота иметь дело с вором? Одна радость — передачи таскать. Вот выйду из колонии, я амба. Чтоб все как у всех — дом, дите...

— Ты же, керя, не из того теста! Ты ж мужик, а не фраер¹.

— Плохо меня знаешь. На четвертую судимость не полезу. Умный.

Моня рассмеялся:

— Что ж, завязывай. Кстати, и меня научи, ежели выйдет.

Матвей хотел ответить. Но как раз в эту минуту подошли еще двое — Яшка-Султан и Сашка Киреев, рыжеватый, веселый парень.

— О чем разговор, братишки? — спросил Яшка, щуря черные, масляные глазки.

— О том, как ты норму на сто тридцать отгрохал. Образцово-показательный экземпляр, чтоб я так жил, — захохотал Шлимович.

— Чего ржешь, не нравится?

— Ты, Султан, не темни. Уж такой, как ты, точно, фраером же станет. Клянусь Одессой-мамой...

Чуйков приподнялся на локтях, с интересом посмотрел на Моню. Тот сразу скис, даже челюсти задвигались медленнее.

— Спасибо, Матвей, за подарок, — вдруг сказал Тер-Теров серьезно. — Буду в Одессе, проводаю. Говорят, город у вас...

— Одесс-а-а, — тоскливо протянул Чуйков. — Хоть бы одним глазом... По утрам над лиманами туман ходит.

— А таможенная площадь? — вздохнул Моня. — Шоб я так жил, место... Закачаешься.

¹ Фраер — не вор (жарг.).

— Думаешь, Баку хуже? — покачал головой Яшка. — Срок, сволочи, нацепили ни за что. Баба заложила.

— Это — как закон. Бабам ничего не стоит.

— Ничего, еще свидимся. Припомню. А пока, как говорится, надо доверие зарабатывать. Аж усы для солидности отрастил.

— А тебе личит, — лениво одобрил Чуйков. — Говорят, вольную тебе хотят дать. Не шибко верю, но чем черт не шутит...

— Треп. По моей статье не дают. Время нынче не то. Такую развезли агитацию. Сопляки клюют. Из-за них и нам жизни не стало. Воры завязывают, поперек не попрешь... — Яшка встал. За ним поднялся Киреев. — Бывайте, одесситы.

Яшка обнял за плечи невысокого Киреева. Шагая в ногу, шепнул на ухо:

— Слушай, Сашок, может, рискнем, а?

— Не могу, Яша. Боюсь. Лучше отстучу год.

— Ладно, не настаиваю. Тебе жить. Только адресок не забудь подкинуть. Твоих проведу, а если унюхают след, пересажу...

— Это можно.

Двадцатого мая, недалеко от зоны, где пилили лес, Яков Тер-Теров оглушил конвоира палкой и скрылся в лесу. Погоня его не обнаружила. Преступнику удалось скрыться.

Городок Белозерск, где жили Киреевы, небольшой, тихий. Нужный дом Яшка нашел без труда. Перед дверью решил окончательно: встретят ласково, он тут же предъявит «пропуск» — записку от Сашки. Если нет — финкой он работать умеет. Нет, все должно быть в ажуре. Сашка рассказал, что дома подрастает сестренка Светлана, наверно, школу кончила. Ласковая такая, душевная. Сладко заняло сердце.

Он стукнул раз, другой. Долго, мучительно долго тянулась минута, пока открыли. На пороге стояла девушка с пышной русой косой на плече. «Светлана», — понял Яшка. Поразительно — такая милая и женственная, она чем-то неуловимо напоминала своего рыжего и нескладного брата.

— Вы к нам? — чуть удивленно спросила он

— Светлана?

— Да, а что?

— Здравствуйте, я инженер Балаев. Можно?

Приветливо улынувшись, Светлана отступила, пропуская в дом симпатичного гостя.

— Скажите, пожалуйста, Александра Павловна дома?

— Да-а.

— Превосходно. Я, собственно, к ней. От вашего брата Саши Киреева.

— От Саши! Заходите, заходите...

Гость остановился в прихожей. Светлана побежала.

— Мама, тут от Сашки! Инженер один. — Голос ее доносился отчетливо.

Встреча была радушной. Гостя пригласили в столовую, усадили за стол. Незаметно смахивая слезы, Александра Павловна доставала домашние соленья, наливку. Едваждавшись, когда гость хоть слегка перекусит, она засыпала его вопросами. Киреевых интересовало все: как Саша себя ведет, похудел ли, скучает ли по дому, когда вернется...

Яшка отвечал спокойно и мягко. Светлана, сидевшая рядом с гостем, поглядывала на него с откровенным любопытством. К концу обеда, словно спохватившись, инженер протянул Александре Павловне записку.

«Дорогие мама, Светик! — вслух прочла Александра Павловна: — Человек, который вручит вам записку, — хороший парень и мой приятель. Целую вас обеих. Ваш Саша». — Она заплакала, машинально сложила записку вчетверо и отдала Светлане.

О себе Тер-Теров рассказывал так же спокойно и мягко, глядя на мать и дочь темными, совершенно невинными глазами.

— Я не уголовник. Так случилось, судьба. Работал на стройке в Ростове. Сам-то я ростовчанин. Не досмотрел, доверился прорабу. Вот и поплатился...

— Ох и законы, господи! Ни за что, ни про что калечат человеку жизнь. — Александра Павловна вздохнула. — Вот хоть бы Сашка наш. Какой он вор? Да он курицы чужой не возьмет, а дали полных три года.

— Он, кажется, за соучастие?

— Да-да, за это самое. Сбили с толку соседские ребята. Сашка и Коля. Эти уж отпетые, по десять лет получили.

— Не горюйте, скоро будете вместе.

Султан, из осторожности назвавшийся Михаилом Балаевым, уже неделю гостил у Киреевых. Со Светланой они быстро и незаметно перешли на «ты», вместе бывали в кино, на танцах. Иногда, как бы в забывчивости, он обнимал ее за плечи. И тут же смущенно извинялся...

Кое-какой опыт у него был, многого он наслышался от бывалых соблазнительей. Но тут и особого умения не требовалось: Светлана явно тянулась к нему. Поняв, что девчонка увлеклась. Яшка однажды с грустью объявил, что ему пора возвращаться на родину, в Ростов. Светлана покраснела, стала его отговаривать. Александра Павловна, собиравшаяся на ночную вахту, с трудом упростила гостя остаться еще на денек. Она опаздывала и торопилась. Вслед за ней вышел Яшка.

— На пять минут, — пообещал он расстроенной Светлане.

Он, действительно, вернулся быстро. Поставил на стол бутылку коньяка, сладкое вино, сунул девушке в руку кулек с шоколадными конфетами.

— Ты ведь даже не знаешь, — объяснил он Светлане, — у меня день рождения. Как-никак двадцать шесть лет.

— Ой! Что ж ты не сказал раньше? И мама ушла...

— Ничего. С мамой мы отметим это событие завтра, а сегодня... Разве тебе плохо со мной вдвоем?

Девушка смущенно опустила глаза.

— Хорошо. Только лучше бы с мамой...

Яшка произнес витиеватый и пышный тост: за судьбу, за дружбу, за полное исполнение желаний... Первую рюмку Светлана выпила с трудом — в ее жизни это была и в самом деле первая рюмка. Но скоро ей стало весело. А Миша все говорил, говорил горькие слова об одиночестве, о том, что никогда ему не забыть ее глаз, ее голоса.

Никто никогда не говорил так с милой и курносой девушкой из Белозерска. Светлана уткнулась в Яшкино плечо, заплакала счастливыми, пьяными слезами. Выпили еще по стопке. Султан включил проигрыватель. Светлана танцевала, тяжело навалившись на руку партнера.

— На брудершафт? — спросил Яшка, не выпуская ее из объятий.

— А как это?

Они снова выпили. Светлане стало совсем весело. Ног ее уже не держали. Цепляясь за Яшку, она счастливыми глазами смотрела ему в лицо. Когда Яшка понес ее к кровати — безвольную, ничего не понимающую, она лишь слабо улыбнулась...

Когда она уснула, Яшка тщательно вымыл посуду под краном. Умылся сам, уложил в чемоданчик свои пожитки...

В ту же ночь в городке была совершена кража в универсальном магазине. Неизвестный преступник, как отмечалось

в суточном донесении местной милиции, похитил из магазина ювелирные изделия на сумму в десять тысяч рублей.

Прошел год. Яшка погулял по стране, многое повидал, встречался с разными людьми. Но странно — где бы он ни был, как бы лихо ни жил — родной город, как магнит, тянул его к себе, на юг. Даже во сне видел он Баку.

Конечно, переходить на легальное положение он не собирался. Законы он знал, в практических делах разбирался. Поэтому к возвращению он готовился долго и тщательно. Прежде всего раздобыл себе надежный паспорт на имя Автандила Каспарянца. Как и где — об этом он никогда и никому не рассказывал.

Что же тянуло Яшку в Баку? Дом? Жанна? Но особо сильных родственных чувств он не испытывал. Выпив, Яшка не хмелел, горько и зло вспоминая маленькие теплые руки Эры, доверчиво засыпавшей на его плече. Любил ли он ее? Мог ли кого-нибудь вообще любить этот холодный человек?

Трудно сказать, была ли у него совесть. Если и была, то очень покладистая. Она никогда не напоминала ему про Светлану Кирееву, с братом которой он делил хлеб-соль в колонии, охотно прощала ему множество других историй.

Домой он возвращался с деньгами, с чистым паспортом — это главное. Он пристально всматривался в знакомые дома пригорода, тянувшиеся за окном. Какой она будет встреча, которой он так ждал? Он усмехнулся. В городе никто не ждет Яшку-Султана? Что ж, тем лучше...

10. ДЕЛА ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ

Капитан Ибрагимов мало верил в успех своей командировки. Но он был человек исполнительный и дотошный. Поэтому, прилетев в Киев, он решил начать с самого начала — с архивов городского управления милиции. Никто, конечно, не возражал, хотя многие отнеслись к его идее скептически. Он и сам понимал, что раскрыть по «бумагам» убийство, случившееся свыше пятнадцати лет назад, вряд ли удастся.

Тем не менее Ибрагимов просидел в архиве полный день, а вечером вылетел во Львов.

Во Львове Азаду бывать не приходилось. Город ему понравился — спокойный, тенистый, совсем не стандартный. Львов многое повидал на долгом своем веку — войны, осады, пожары, войска и поляков, и немцев, и турок, и шведов. Здесь на-

чинал Богдан Хмельницкий борьбу за свободу украинского народа. Как только ни назывался этот город — и Леополис, и Левенсбург, и Лемберг. Бывший административный центр Восточной Галиции, Львов за годы Советской власти стал одним из крупнейших промышленных районов Украины.

Азад подумал с тоской, как хорошо было бы приехать сюда отдохнуть — часами бродить по тенистым бульварам, сидеть в парках, потолкаться на улицах. Но он, увы, приехал сюда не в отпуск.

В областном отделе уголовного розыска к приезду бакинца отнеслись достаточно серьезно. Подобрали материалы, помогли разобраться в ситуации.

Дело оказалось совсем не простым. Убийцей участкового уполномоченного младшего лейтенанта милиции Степана Горы оказался матерый бандит, главарь вспомогательных частей фашистского гестапо... Степан Гора.

Это и привело к трагедии. Когда органы госбезопасности сообщили, что разыскивается предатель украинского народа Степан Гора, участковый уполномоченный был потрясен. А тут еще на него стали косо поглядывать — вроде бы свой парень, но кто его знает... Степан решил сам найти однофамильца и кончить с этой историей. Случай исключительный...

Ибрагимов съездил туда, где все это произошло. Небольшой хутор, разместившийся на двух холмах, встретил его тишиной. Ибрагимов и сопровождавший его сотрудник ОУРа молча постояли у могилы.

Азад не рассчитывал найти свидетелей. Но неожиданно ему повезло. Он встретил Евдокию Ивановну — седую угрюмую женщину, которая когда-то была женой убийцы. Прошло больше пятнадцати лет — она не видела смысла таиться. А знала она много.

Прежде всего — подлинное имя Степана Горы и сумасбродную его жизнь. Звали его Степка Кучерявый, и на Украину он приехал из Баку. Была здесь какая-то история с убийством, за нее он попал в тюрьму. Побег, новые грабежи, аресты, скитания по далеким окраинам с чужим паспортом...

Когда в сороковом году Советская Армия освободила Львов, Степан решил попытать счастья в местах, где его не знали. Прицел у него был тонкий: перемахнуть границу и начать «там» спокойную деловую жизнь. Кое-какие «стекляшки» у него были.

Перейти границу, однако, не удалось, и он застрял во Львове. Снял небольшую комнату на Вулецкой улице, сидел

тихо. В сорок первом на Львов обрушились немецкие бомбы, началась война.

Немцы ворвались во Львов. Степка Кучерявый, по документам Степан Архипович Гора, решил выждать. Он облюбовал заброшенный подвал дома, сволок туда на всякий случай мешок картошки и несколько буханок хлеба. Выходил он редко — только в середине дня. Бродил по улицам, заходил на базар, читал приказы на стенах. Присматривался, принимался.

Немцы ему понравились — ребята крепкие, уверенные в себе. Он жадно ловил обрывки немецкой речи, лающие окрики патрулей. Начал понимать: худо будет евреям, большевикам, комиссарам, а темному человеку всегда можно пристроиться.

Как-то на рассвете мимо его подвала проволокли раненого красноармейца, грохнули выстрелы. Вместе с немцами шли полицаи. В одном из них Степан узнал известного львовского вора, промышлявшего по вокзалам. Это его успокоило. Раньше рассказывали, что с ворами у немцев разговор короткий — в расход.

Пора было решать, харч кончался. Степан еще немного выждал и решил рискнуть. Надел чистую рубашу и открыто пошел к дому Абрагимовичей, где разместилось местное гестапо.

Майор СС Якобс Фоглер терпеливо выслушал путан Степкины объяснения, похвалил за понятливость.

— Такой люди, как ви, нам отшень нужна. Мы приветствуем ваше решений... Русские никогда не относились к украинцам хорош... Но он должен понимать: Степан Гора необходим новый, чистый биографий.

Мгновенно осознав себя истинным представителем самостоятельной Украины, Степка попросил гестаповского офицера помочь в создании отряда преданных Германии людей и заверил его в том, что докажет на деле свою верность новому порядку. Фоглер кивал, но с ответом не торопился.

Через несколько дней его вызвали. Разговор был совсем другой — конкретный. Контрразведка проверила и убедилась, что он именно тот, в ком она нуждалась.

Фоглер не ошибся. В первые же дни Степан Гора опознал и помог задержать трех работников львовской милиции, которые не успели вовремя эвакуироваться из города.

Награда последовала незамедлительно. Гору назначили командиром отряда в составе тридцати отпетых уголовников, стали величать его атаманом. Немало кровавых следов оста-

вила на Украине банда Степки Горы; одно его имя наводило ужас на местных жителей. После каждой операции профессиональный вор и убийца с удовольствием выслушивал похвалу герра Якобса.

— Зер гут, батько, зер гут...

Степан Архипович осянотю поглаживал пышные усы; уходя, не забывал оставить гестаповцу в знак благодарности золотые часы или кольцо с бриллиантом.

Не думал Степка, что таким непрочным и недолгим окажется «новый порядок». Он и вправду верил в незыблемость черной свастики. Когда же слух о широком наступлении Советской Армии дошел до Львова, Степка заметался, хорошо понимая, что его ждет.

Но выхода не было. Оставалась одна надежда — на немцев. Не может же Фоглер, после всего, оставить атамана на произвол судьбы? Нужно было укрепить их доверие. И Степка старался всюду: предавал и расстреливал, грабил и жег.

Все, однако, имеет конец. Незадолго до отступления немцев из Львова Гора со своим отрядом напоролся на партизанскую засаду. Банду перебили почти целиком. Сам Гора чудом унес ноги. В схватке был убит ближайший приятель и собутыльник Степки — Дмитрий Галицкий. Панихиду по нему атаман превратил в беспробудную пьянку. Чувал Степка: не только по другу справляет тризну. На подступах к Львову гремели залпы советских орудий. На воротах одноэтажного степкиного дома уже кто-то углем вывел «Смерть предателю!».

Через три дня советские танки ворвались во Львов. Гора этого не знал — валялся пьяный вдребезги на хуторе Подгорном. Гудела, раскалывалась от боли, налитая свинцом голова. Не сразу услышал он стук в дверь — сначала осторожный, потом громкий. Евдокия Ивановна с трудом разбудила его. Гора поднялся с кровати, шатаясь, направился в сени. В комнату не вбежал, ворвался шофер гестаповского офицера.

— Красные во Львове. Герр Якобс васс...

— Чево ты мелешь? Лезут, значит гады? — Гора подошел к окну, распахнул ставни, выглянул наружу.

Над крышей, как ни в чем не бывало, кружилась стайка голубей. За лесной полосой ухали взрывы. У самого крыльца стоял черный «хорьх». Подполковник Фоглер нервно вышагивал у машины.

Степан оторвался от окна,

— Ну, Дуська, со стары і деламі трэба расстаться. Собирайся, ту-ту...

Он сунул за пояс пистолет, вскинул на плечо дорожный рюкзак, немецкий автомат. Схватил Евдокию за руку, потащил к выходу.

Увидев атамана, Якобс крикнул издали:

— Хелло, Горя! Шнель-шнель, ви поедет зо мной. Немного шнель...

— Яволь, господин Якобс.

Степан подошел к машине. Якобс покосился на женщину.

— Вас ист дас, Горя?

— Це жинка моя, герр...

— О, я-я! Зер гут. Фрейлин надо оставлять. Воймань.

— Герр начальник, не могу я бросить жинку, дите под сердцем...

— О, хорошо, гут. Садись. Время мале.

Два часа езды с головокружительной быстротой. На окраине какого-то села машина остановилась. Гора и Якобс сошли. В машине оставались шофер, адъютант Якобса и Евдокия. Подполковник достал из кармана объемистый пакет, протянул Степану.

— Ви останетесь родина, герр Горя. Это тактический штук. Мы вернемся шнель. В конверте докумейнт, деньги и инструкц. Отныне ви не Степан Горя. Устраивайтесь. Ми вас найдем, когда нужно.

— Хорошо, герр подполковник, — подавленно кивнул Гора. Вывел из машины Евдокию Ивановну. Понимал: спорить бессмысленно.

Подполковник торопливо сел в машину, кивнул оставшимся на дороге.

— До звидани... — На его длинном лице появилась и угасла кислая улыбка.

Гора молча смотрел на дорогу. Только когда «хорьх» превратился в маленькую точку, он злобно выругался.

— Вот и отслужились... Пошли в лис. Там зараз разбежмся.

С месяц они скитались по лесу. Там и родила Евдокия мертвого ребенка. Степан отрастил бороду, нацепил очки, обрил голову. Поселились они на дальнем хуторе, где о прошлых его делах никто не знал.

А потом это произошло. Евдокия Ивановна, вернувшись с рынка, увидела у калитки милиционера.

— Вы будете жена Степана Архиповича? — спросил он.

— Я., — растерянно пролепетала Евдокия, и, перепугавшись до смерти, с трудом выдавила: — Только он здесь не живет, госп... гражданин милиционер.

Но милиционер не поверил. Заставил Евдокию войти в дом, где дремал выпивший Степан Гора. Участковый уполномоченный ничего не сказал, лишь сурово глянул на Евдокию. Он уже не сомневался, что поиски, наконец, увенчались успехом.

Разбудили Гору. Тот надел на нос очки и с тупым удивлением уставился на младшего лейтенанта, который, загибая пальцы, перечислял все его преступления. Степан слушал, пытаясь понять, откуда этому будто с неба свалившемуся однофамильцу известно так много. Значит, эти проклятые ищейки вышли на его след?

У молокососа пистолет. За калиткой ждет двуколка. Треба думать, Степан. Случалось тебе попадать в истории и похуже. Прежде всего, выиграть время. Гора пожал плечами, сказал мягко:

— Что ж ты стоишь, Дуся? Собирай мои вещички. Товарищ, ясное дело, ошибся. Однако поеду, коль власть приказывает. Ошибку надобно выяснить там, откуда прибы товарищ.

Сказано это было так спокойно, даже равнодушно, что младший лейтенант вдруг усомнился. Очень уж этот мягкий и сонный человек был непохож на беспощадного атамана. «Ладно, там разберутся», — успокоил он себя. Присел на табуретку, положил пистолет перед собой на стол и принялся скручивать цыгарку.

Слишком опытен был Степан Гора, чтобы упустить такой случай. Падая, ударил ногой по табуретке. Милиционер рухнул на пол. Один прыжок, пистолет оказался в руке. Он не стал ничего выяснять, выстрелил сразу. Степан Николаевич Гора был убит на месте.

— Что стоишь, дура? — прохрипел Степан. — Бежим.

Захватив пожитки, Гора выбежал во двор, усадил Дусю в двуколку, вскочил сам. Хлестнул коня и погнал двуколку к лесу...

Никто не знал, куда он исчез. А Евдокия приехала во Львов, пошла к прокурору области. Рассказала обо всем, в том числе и о последнем убийстве.

Три года она отсидела в исправительно-трудовой колонии, потом ее освободили. Больше она никогда не встречала Степана Архиповича Гору — Степку Кучерявого.

11. НЕОЖИДАННОСТЬ

День стоял жаркий. У водяной будки, где торговала Жанна Тер-Терова, выстроилась длинная очередь. Жанна торговала лихо и быстро. Располневшая, с крупными чертами цыганского лица, она все еще была привлекательна. Клиенты охотно смеялись ее шуткам, с удовольствием отвечали на ее ослепительную улыбку. Ребята помоложе косили глаза на глубокий вырез ее платья, обращая мало внимания на сдачу. Подумаешь, копейки...

Однако из этих копеек к концу дня набиралась солидная сумма — ради которой стоило улыбаться. Случалось ей и при торговывать из-под прилавка спиртным. Деньги были главной страстью Жанны. Когда Яшку арестовали из-за этой дуры Гончаровой, она не сомневалась, что ей удастся «купить» следователя. Жанна искренне удивилась, когда следователь выставил ее из кабинета.

Вскоре от брата пришла записка. Яшка писал: «Жанна, не унижайся перед ними». Унижения тут не было никакого, но расставаться с деньгами не хотелось. И Жанна не без тайной радости последовала совету...

Очередь у киоска заметно поубавилась. Жанна собралась минут десять передохнуть — полакомиться куском захваченного из дома пирога. Но тут к стойке подошел солидный мужчина в модных роговых очках, с небольшой острой бородкой. Жанна оживилась. Работа научила ее разбираться в людях, так по крайней мере она считала. Спросила уверенно:

- Чего желаете, доктор?
- Смесь. Бокал побольше.
- Сию минуту.

Незнакомец отпил глоток. В эту минуту на прилавок легли руки, которые она узнала бы среди тысяч других. Чтобы сдержать крик, она зажала рот руками.

- Т-с-с! Паникерша! — услышала она шипящий шепот.

Доктор коротко взглянул на соседа и равнодушно отвернулся. Пил он не торопясь, смакуя каждый глоток.

— Ты? — со страхом и изумлением разглядывая брата, спросила Жанна.

- Нет, призрак!
- Как же? Ведь ты...

Мужчина с бородкой, наконец допил бокал и, извинившись, попросил еще стакан чистой воды.

- Жажда, — он развел руками.

Яшка недружелюбно покосился на покупателя: скорее бы убрался.

— Чего дрожишь? — Он начал сердиться: слишком уж явно сестра перепугалась.

— Недавно заходил уполномоченный Махмудов. Интересовался тобой, спрашивал — пишешь ли...

— Махмудов?

— Да. Еще спрашивал, осознал ли ты свою вину?

— Вину? Ха! У меня ее нет. Ясно? Эрочка, говорят, путается с лягавыми? Обработали гады. Думают взять меня голыми руками? Подавятся.

— Ты что? — Жанна судорожно сжала руку брата.

Человек в очках спокойно положил на прилавок деньги и медленно двинулся к скверу.

— Не бойся, сестричка, к тебе не приду, — сказал Яшка уже тише.

— Что ты? Я же сестра тебе. Если надо...

— Сестра! Для меня каждая калитка — сестра. Испугалась, что родного брата придется приютить в его собственном доме?

— Не за себя я. Мне что? Я чистая. Боюсь, отберут все, что заработала. Потом и кровью. Останусь нищей на старости лет.

— Не болтай ерунды. Султан не из мыла вылеплен. Думали, не вырвусь. Я им еще такой фейерверк подкину — ослепнут!

— Вай, аствац! Ты ненормальный.

— Ненормальному легче жить, — он вытащил из кармана толстую пачку денег, небрежно бросил на прилавок. — Пять тысяч. Спрячь себе на черный день, жадюга.

Жанна тревожно оглянулась, кошачьим движением смахнула деньги куда-то вниз. Занскиваяще улыбнулась Яшке.

— Одно прошу, не трогай Эру. Она сирота. Бог не простит, Яша-джан. Сам во всем виноват. Зачем обидел сироту?

Яшка хмуро выслушал сестру. Придвинул два стакана, ладонью сшиб их со стойки. Звякнули осколки.

— Чего ты опять задумал, негодяй? Чтоб ты сгорел, несчастье на мою голову!

— Цыц! Не твоего ума дело.

— Учти, на меня не рассчитывай. Предупреждаю заранее. У меня ребенок.

Яшка ухмыльнулся.

— Ну и расти его на здоровье, сестричка. Адье.

Исчез он так же внезапно, как появился. По крайней мере, когда она выглянула, улица была пустынна. Жанна прикрыла окно, села на ящик и дрожащими пальцами пересчитала деньги...

Когда Яшка вскочил на подножку трамвая, мужчина в роговых очках уже сидел во втором вагоне.

Яшка Тер-Теров поднялся с дивана навстречу Эре.

— Добрый вечер, Эрочка... Вот и я. Прямо с вокзала. При-
мешь — останусь, прогонишь — уйду. Да не стой ты на пороге. Входи.

Он подошел, взял за руку и втянул ее в комнату.

— Ну... Здравствуй!

— Здравствуй! — сказала Эра упавшим голосом и осторожно освободила руку. На столе стояла бутылка коньяка, лежали плитки шоколада. Эра обошла стол, стараясь держаться подальше от гостя. Словно читая ее мысли, Яшка виновато опустил голову.

— Бойшься? Зря. Ты не думай, я все понимаю. Понимаю, что ты не забыла. Виноват я, сорвался. Очень уж ты мне нравишься. Нет, нет, — он заторопился. — Это не оправдание. Не умел сдерживаться, вести себя по-человечески. Так ведь я отсидел, а за одно преступление два раза не наказывают. И вообще — кто старое помянет... Пойми, сколько лет прошло! Зашел попросить прощения. — Он поднял голову, взглянул исподлобья. — Ты же когда-то любила меня...

Эра слушала Яшку. В тот ужасный день он был совсем другим. Зачем он пришел? Наверно не от хорошей жизни. И говорит, говорит... Это на него не похоже. А похудел, уголки рта жалко опущены. Но можно ли ему верить?

Она устало опустилась на диван. Настроение было поганое. Яшка придвинул стул, сел напротив.

— Сейчас живу в Ростове, — заговорил он уже спокойнее. — Работаю десятником на стройке. Обеспечен. Квартира есть. Срок мне скостили, вкалывал за троих, Вот и освобо-
дился досрочно. Все время о тебе думал, все годы. Хочу, чтоб ты поехала со мной.

— Для чего?

— Как для чего? Разве ты живешь? Так, существуешь. Факт. Ты тоже виновата. Своими руками собственное счастье сломала.

— Счастье? Жить с тобой — счастье?

— Ладно. Дураком был. Теперь другим стал, увидишь!

Она отвечала машинально. А думала о том, как странно устроена жизнь. Осужденный на восемь лет Яшка через три года спокойно выходит из колоний, селится в Ростове, работает, имеет квартиру. Она вспомнила Акперова. Надо бы с ним посоветоваться. Может, этот Яшка снова что-то замышляет. Нет, Султан, в этом она уверена, никогда еще не говорил правды. Ни-ког-да!

— Давай а, Эрочка, выпьем за дружбу. Пусть эта сделка принесет нам обоим чистую прибыль, — он улыбнулся, подчеркивая шутку. — В конце концов человек человеку — друг. Я пришел не с камнем за пазухой. Я за мир. Факт.

«Ого, каких слов набрался. Что-то уж слишком мягки стелешь, дорогой Яшенька», — подумала она с тревогой.

— Ладно, мир так мир! — сказала она наконец, без особого, впрочем, энтузиазма. — Может, ты прав. Может, понял, какая это гадость... — ее передернуло. — То, что ты со мной.

— Спасибо, дорогая. От чистой души спасибо.

Эра держалась естественно. Такой он ее и помнил — наивной до обалдения. Это его и притягивало. Он немного успокоился. «Пока брошу тут якорь, а там видно будет», — неспешно размышлял он про себя.

Эра встала, подошла к шифоньеру, попросила его отвернуться. Он все сделал честно, даже зажмурил глаза! Она надела легкий халатик, накрыла на стол, они сели друг против друга. Яшка наполнил рюмки.

— За добрую встречу! — он поднял рюмку. — Пусть все у нас будет в ажуре. Поверь, прежних ошибок я не повторю. Перерос. Как-никак тридцать два стукнуло. Надоело бродяжничать. Бабка Ануш мне сказала, что особых перемен у тебя нет.

— Перемен нет, а неприятностей по горло.

— Что случилось?

— Три дня назад у нашего дома убили офицера милиции.

— Фу, черт! Кто же это? Вот сволочи! — выругался он. — Погоди, а ты тут при чем?

— Такой человек был... Махмудова помнишь?

— Н-нет. Кто это?

— Уполномоченный, который...

— Ах, вот кто! Тот, что меня тогда... Все равно, жаль человека. Ну, царство ему небесное, этому Махмудову, — он покачал головой и до последней капли выпил рюмку.

Эра пристально взглянула на Не поймешь;
всерьез жалеет, то ли паясничает.

Он налил снова.

— Выпьем, Эра?

— Что ж, выпьем. Будь здоров, Яша.

Он залпом осушил рюмку и сразу, видно для храбрости, налил новую. Эра чуть пригубила свою.

— Знаешь, когда шел к тебе, все искал слова, чтобы объяснить. Думал, зачем я тебе? Знаю, радости от меня мало. А вот пришел. Факт. Там... Ну, далеко... Всякое бывало. Как прижмет, все о тебе думаю. Вроде сдвинется что-то внутри. Может, попробуем вместе, а?

— Не знаю. Ну что мы будем делать вместе?

Яшка замолчал, насупился. Беспокойно двигались над столом руки. Эра смотрела на его лоб. Похоже там, под коротко стриженными волосами, тяжело, как жернова, ворочаются мысли.

Он выпил еще рюмку.

— Ладно. Поговорили, значит. Чего-то устал я, отдохнуть бы малость, а потом... Думаю, найдем общий язык.

— Конечно, ложись. — Эра старалась скрыть радость. Кажется, успокоился, ничего не подозревает. Он, этот Яшка, очень высокого мнения о себе. Уверен, что она все забыла; все простила... Она ему покажет «ажур»! Только бы добраться до Акперова.

Яшка скинул ботинки, удобно развалился на диване.

— Ты куда не ходи. Я чуток подремлю и двинем в киношку. Как раньше. Хорошо?

— Куда мне идти? Только со стола уберу.

Она составила посуду на поднос и вышла. Ногой прикрыла дверь. Раковина была рядом. Эра поставила поднос, открыла кран.

Ровно журчала вода — Эра занималась хозяйством. Яшка совсем успокоился, прикрыл глаза. Одолела дремота.

Как была — в халате и шлепанцах — Эра выскочила на улицу.

Заур уже собирался домой, когда дверь кабинета распахнулась. Прислонившись к стене, Эра держалась за сердце и глубоко дышала. Заур подбежал, осторожно взял ее под руку, довел до дивана.

— Что случилось?

— Простите... Он там, в моей комнате. Прошу вас, скорее.

Он спохватится, уйдет. — Эра говорила отрывисто, путая слова.

— Кто? В какой комнате?

— В моей. Яшка Султан.

— Да вы что? Яшка?!

— У меня! — она широко раскрыла глаза. — Понимаете, у меня! Быстрее! Умоляю вас... — Она судорожно сжала его руку.

Только теперь Заур понял. Значит, он не ошибся: Султан здесь! Майор рванулся к столу, схватил трубку. Спросил дежурного — на месте ли кто-нибудь из оперативников. Дежурный сказал, что в данный момент нет никого.

— Подготовьте мотоцикл. Быстро!

Дорога была каждая минута. Он достал из сейфа пистолет. Поставив на предохранитель, подумал. Положил в карман пиджака.

Они сбежали вниз. У подъезда трещал мотоцикл. Эра села в люльку. Акперов вскочил на «козлика», тронул за плечо старшину-водителя.

Мчались так, что Эру трясло от страха. Но к их двору подъехали на самой малой скорости, почти бесшумно. Заур, опережая Эру, кинулся к темному провалу ворот. И сразу сзади хлестнул крик старшины:

— Берегись, начальник!

Остальное произошло мгновенно. Заур оттолкнул Эру, выхватил пистолет и не раздумывая выстрелил в человека, скорчившегося за углом. Но пистолет дрогнул. На долю секунды противник опередил его. Заур по инерции пробежал несколько шагов. Нога занемела, налилась жгучей болью. Он тяжело прислонился к стене, крикнул подбежавшему старшине:

— Тревога! Султана брать живьем! Звони в райотдел...

В руках старшины вспыхнул фонарик. Заур заметил расширенные, полные ужаса зрачки Гончаровой.

— Боже, он ранил вас!

— Чепуха! Где ближайший телефон? Бегом.

Эра вбежала во двор. Заур пытался ладонью зажать рану. По ноге теплой струей стекала кровь.

Он стоял и вяло думал, что Байрамов прав: он слишком торопится. С противником надо считаться. Он недооценил Султана. Его сообразительность, быстроту реакции. Считал мальчишкой. Был мальчишка — да весь вышел. Годы прошли. Одно хорошо: Яшкино присутствие он угадал нюхом.

Только бы старшина
скрыться!

только бы не дать ему

Выстрелы привлекли внимание. К дому уже бежали любители сенсаций. Никакая опасность не могла их удержать.

12. ЛЮБЛЮ ТЕБЯ

За делами, за напряжением этих дней Заур совсем забыл Ковшовых. Но Ирина — человек на редкость упорный — сумела до него дозвониться, отчитала за долгое отсутствие и решительно потребовала, чтобы он явился на очередной воскресный обед.

— Заур обещал. Даже попросил Иру поискать свежей осетрины. Однако именно в это время события завернулись с головокружительной быстротой. Главное — убили Чингиза Махмудова. До визитов ли тут? Заур не позвонил, просто потерял счет времени. Ковшovy, прождавшие гостя весь вечер, конечно, обиделись.

Бежали дни — стремительные и тревожные. Положение становилось критическим — ни одно из трех преступлений не было раскрыто. Заура вызвали для объяснений в управление милиции, отчитывали по селектору. Неприятный разговор состоялся и в райкоме партии. Заур работал теперь и ночами, забыл обо всем — об отдыхе, доме, друзьях.

Как обычно, Ковшов заступил на дежурство в три часа дня. В приемной дремала усталая нянька. Маленькая курносая медсестра, что-то мурлыча себе под нос, звенела инструментами в перевязочной.

День пролетел незаметно. Широкие окна приемной потемнели, потом стали совсем черными. Сергей Николаевич завершил обычный вечерний обход. Слава богу, в палатках было спокойно. Он вернулся к себе, позвонил Ирине.

— Ну что, о Зауре ничего не слышно? — спросил он.

— Нет. И клянусь, больше я звонить не буду. Вчера пропала чудесная осетрина, сегодня — лопнуло мое терпение. Вообще, эти работники милиции — народ ненадежный. И главное, их не зацепишь — всегда найдут объяснение. Поди, проверь, так это или нет. Тайна. Хоть бы позвонил, черт...

— Ничего, Ирина, не волнуйся, — улыбнулся Сергей. — Мне кажется, в этот раз мы зря злимся. Позвони тете Пери.

Я уверен, что он и дома не появляется. У тебя осетрина пропала, а у него, наверное, что-нибудь поважнее.

— Ах, ты его всегда защищаешь. Мне надоело сидеть дома, пойду в кино.

— Конечно, сходи. Вернешься, позвони.

Ковшов удобно устроился на кушетке. Превкусная удовольствие, раскрыл журнал с новым детективом Сименона. И сразу у подъезда загудела машина, глухо заскрежетали тормоза. Ковшов мгновенно вскочил, оправляя на ходу халат, кинулся в приемную.

Носилки внесли санитары и работники милиции. Сергей, ждавший их в приемной, взглянул на лицо пострадавшего и побледнел. Почему-то особенно поразило то, что всего пять минут назад Ирина его ругала.

Врач «Скорой помощи» сообщил коротко:

— Слепое пулевое ранение бедренной части правой ноги. Поврежден артериальный сосуд. Большая потеря крови. Майор милиции...

— Валентина Ивановна, пострадавшего на столленно.

Заур чувствовал себя плохо, но сознания не потерял. Как в полутьме мелькало, то возникая, то проваливаясь, жесткое лицо Ковшова. Говорить не было сил, мысли скользили, путались. Очень нужен был сейчас, сию минуту Агавелов. Почему его нет? Нужно сказать ему, нужно, нужно... Страшно хочется спать...

Долго, слишком долго (операция длилась около часа) Заур слышал над собой непривычно резкий голос Ковшова. Но ни разу он не обратился к нему. Только, когда пуля была наконец извлечена из раны и звякнула о дно тазика, он сказал коротко:

— Вот так. Пожалуй, ты еще сможешь бегать за любезными твоему сердцу грабителями...

Сгоняя напряжение, Ковшов вышел на веранду, закурил. Розоватое сияние вокруг лунного диска предвещало хорошую погоду. По-ночному тихо и чуть таинственно шумели деревья в больничном саду. Он закрыл глаза.

Кто-то осторожно тронул его за плечо.

— Да? — Ковшов резко обернулся. Санитар виновато доложил, что надо идти. Внизу, в приемной, ждет врача новый больной: Предварительный диагноз — приступ острого аппендицита.

У дверей приемной Сергея Николаевича ждали двое. Од-

ного из них Ковшов знал — подполковник Асланов, начальник райотдела милиции. Асланов представил врачу спутника.

— Начальник уголовного розыска города.

Тот поклонился и сразу перешел к делу.

— Что вы нам скажете, доктор?

— Ранение глубокое. Большая потеря крови. А в общем, Акперову повезло — ничего страшного, поправится. Насколько быстро — зависит от организма.

— И от ухода, наверное, — Асланов улыбнулся. — Сергей Николаевич — близкий друг Акперова, товарищ полковник.

— Тогда я уверен, что Заур скоро встанет на ноги.

Ковшов сдержанно кивнул.

— А можно к нему? — несмело спросил Асланов.

— В принципе я не возражаю. Просьба типовая — не долго.

— Спасибо, доктор.

В эту ночь весь аппарат городского уголовного розыска, мотодивизион милиции обследовали город. Но Султан исчез бесследно.

Яшка выстрелил сгоряча. Но остыл он быстро — сразу, как заметил, что майор покачнулся. Петляя узкими переулками, он уже понимал, что прятаться надо надежно — искать его будут всерьез.

Ночь застала Яшку в домике на окраине поселка Нефтепереработчиков. Сцепив зубы, он полулежал на тахте. Пожилой человек в меховой безрукавке спокойно и ловко бинтовал ему локоть.

— Нехорошо, Яша, не-solidно. — Он потряс острой бородкой. — Не понимаю, зачём тебе понадобился этот шум? Очухался, заметил, что ее нет, и сгинь. Такая наша планита. В старину говорили: волка ноги кормят. А я добавлю: и сохраняют. Устраивать дуэль, рисковать не-за... Тьфу, — он сплюнул и затянул повязку: Яшка охнул, дернулся.

— Сам знаю — дурак последний! Зачем, спраши понесло? Потянуло к девке. Вот и влип.

— Тоже правда. Такими, как она, пруд пруди.

«Это, положим, ты загибаешь, — подумал Яшка. — Такие, как Эра, на каждом углу не встречаются. По крайней мере я не встречал. Ведь когда звал ее в Ростов, про будущую жизнь заливал, я и сам того... верил, по-сумасшедшему верил. А она не поверила. Все было бы иначе. Иначе, черт побери».

Яшка скрипнул зубами.

— В уголовку пошла, сука! — сказал он уже громко.

Пожилой рассмеялся прямо в лицо Яшке.

— Все забыл: кто ты, кто она. Из-за бабы выст вил свой портрет на обозрение. Да еще при полном параде, с оружием. Яшка сел, затравленно озираясь.

— Неужто я кокнул того мильтона? Натурально кокнул?

— Кокнул, — насмешливо подтвердил бородач. — Срочно надо исчезнуть. Ясно?

— Как? Весь город оцеплен. Куда же мне?

— Но-но! Без паники. Возьмешь такси и в Сумгайт. Портрет твой так изменим, родная мама не узнает. А из Сумгайта дуй дальше. Писать будешь на Главпочту, «До востребования». Понял?

— Понял. — Яшка покачал головой. — Спасибо за помощь. За мной не залежится.

— Ладно, верю. — Пожилой хлопнул его по плечу. — Давай собираться в дорогу...

Спустя час по дороге в Сумгайт стремительно мчалось такси. Пассажир в очках и соломенной шляпе, с короткой рыжеватой бородкой сидел рядом с шофером. За Баладжарами машину остановил милицейский патруль. Взглянули на пассажира, проверили документы и разрешили следовать дальше.

О том, что сын ранен, Пери-ханум узнала только утром. Сотрудник угрозыска, спокойно улыбаясь, уверял ее, что рана несерьезная, никакой опасности нет. Сергей Николаевич встретил ее у входа, проводил в палату. По коридору, из конца в конец, бегала взволнованная Эра. И на этот раз кровь пролилась из-за нее. Заур уговаривал ее идти домой, клялся, что она ни в чем не виновата. Но Эра не могла уйти. Она то начинала оправдываться, то убегала в коридор — плакать...

В палате было тихо. Низко наклонив голову, Пери-ханум беззвучно плакала. Узкие ее плечи, скрытые черным платком, зябко дрожали. Бесшумно вошла Ковшова, мягко обняла ее. Хотела что-то сказать, но Заур неожиданно приподнялся.

— Что, родной? — встрепелась мать.

— Плохо получилось, ана-джан. Но ничего, — сказал Заур тихо. — Не волнуйся. Надо смеяться, доктор говорит: помогает.

Сергей Николаевич взял его руку, пощупал пульс. Кивком отозвал в сторону Ирину.

— Всем придется выйти. Срочно нужно переливание. Под любым предлогом утащи мать.

В коридоре Пери-ханум уткнулась в плечо Ирины.

— Чувствовало мое сердце: что-то должно случиться. Это же не жизнь, каторга. Сколько можно? День и ночь, день и ночь. Дорогу домой совсем забыл. Выбрал себе дело! Каждую ночь плачу, все глаза выплакала. Говорит, совещание. Я понимаю, какие «совещания» ночью? А придет — улыбаюсь. Не любит, когда плачу, все смеется. Мой маленьки — мой сын...

— А он правду говорит: плакать не надо. Все будет хорошо. Вот увидите. — Ирина говорила медленно и веско. — Сергей гарантирует, что дня через три-четыре он встанет. Через неделю будет танцевать.

Пери-ханум слушала. Не слова, голос. Голос был ровный, уверенный. К тому же она многое знает: жена врача!

Самолет дополнительного рейса прибыл в Баку в четыре часа дня. Как только подали трап и открыли дверь, Эдуард и Марита сбегали вниз. Они дорожили каждой минутой. Получив чемодан, они кинулись к такси.

— Дорогой, срочно в город! — Агавелов заглянул в окошко «Волги».

— Сколько вас? — вяло спросил шофер.

— Двое.

— Не могу, машина маршрутная. Нужны четыре человека. Эдуард видел, как закусил губу Марита.

— Мы заплатим за четверых. Только, пожалуйста, жми вовсю!

Стрелка спидометра будто приклеилась к отметке 100. «Волга» мчалась, отбрасывая назад километры серого асфальта. Миновали Ени Сураханы, начался подъем к Московскому поселку. Марита забилась в угол, ее дихорадило. Ветер свистел в ушах, рвал спутанные пряди волос. Лезли в голову мысли — одна тревожнее другой. Она стиснула зубы, до боли в суставах сжала кулаки. Совсем не такой она представляла их первую встречу.

Агавелов держался спокойно, лишь временами торопил шофера: давай, давай!

— Заедем в райотдел, оставим чемоданы. Оттуда — в больницу. Так? — спросил он тихо.

Марита кивнула.

Дорога заняла меньше получаса. «Волга» остановилась у здания милиции. Марита осталась в машине, Эдуард вышел с

чемоданами, скрылся за дверью. В голове шумело, очень хотелось пить. Агавелов, наконец, вернулся, хлопнул дверцей.

— К больнице Семашко, дорогой. Прости, что задерживаю, такой случай... — Марите, шепотом: — Стрелял Яшка-Султан.

Марита до боли сжала его руку.

— Он жив?

— Конечно. Рана, в общем, пустяшная. Оперировал Ковшов. Помнишь его?

Марита ответила не сразу. Все, что случилось тогда, три года назад, стояло перед глазами.

— Я ничего не забыла, — тихо сказала она. — Ни-че-го.

Халаты им выдали сразу. Прямо в дверях палаты, словно ожидая ее, стояла Пери-ханум. Девушка бросилась к ней, осторожно взяла ее сухие дрожащие руки, прижала к лицу. Пери-ханум заплакала, потом засмеялась. Она, кажется, даже не удивилась тому, что вдруг появилась Марита. Наверно, так и должно было быть, раз Заур все время повторял ее имя в бреду.

— Бог милостив, дочка, бог милостив. Ты приехала... Значит, теперь все будет хорошо.

Агавелов взглянул на Заура и покачал головой: от царпины так не бледнеют. Конечно, съездил он не зря. И все-таки надо ж было так неудачно выбрать время...

Марита подошла, наклонилась над Зауром и спокойно поцеловала его жесткие, потрескавшиеся губы. Слово отгоняя наваждение, Заур слабо махнул рукой. Губы пробежали по лицу, коснулись век. Раненый открыл глаза. Он не вскрикнул, не улыбнулся. Просто попытался дотянуться до нее, приподнявшись на локтях.

— Ты здесь? Это правда? — спросил он шепотом.

— Милый... Как же тебя так? — Она осторожно придерживала его голову и опустила на подушку.

— Ты не уйдешь? Ты больше никогда не уйдешь. — Он поймал ее руку, мягко погладил. — Спасибо! Где Эдик?

Марита кивнула.

— Здесь, рядом.

Заур с трудом повернул голову.

— Видишь, Эдик, что получилось? Ранили — это ничего, в драке всякое бывает. А вот время... — Он застонал, какое время теряю! Хорошо, что ты вернулся. Султан не мог далеко уйти. Взять надо живым. Обязательно. С ним разговор долгий. Думаю, что и жемчуг, и Махмудов — его работа. А если

пет, тем более надо разобраться. Сделай, что можно. Свяжись с Фархадом, возьми на помощь Андрея. Обязательно!

— Хорошо, Заур. Все сделаю. Молчи.

— И спасибо тебе за Мариту. А теперь иди, дорогой. Надо работать. — Заур закрыл глаза, тяжело вздохнул. Потеря крови все еще сказывалась.

— Агавелов поклонился Пери-ханум, кивнул входящему в палату Ковшову и сбежал по лестнице. Ковшов, однако, его не заметил, он смотрел на Мариту.

— Слушайте, я никогда не страдал галлюцинациями. Насколько я помню...

— Все верно. Я только что прилетела.

— Отлично. Заур говорил... Вы, кажется, врач?

Она кивнула.

— Почти.

— Что, по мнению академика Павлова, в наибольшей степени способствует выздоровлению?

— Психотерапия, — слабо улыбнулась Марита. — Положительные эмоции.

— Вот-вот! Вы и есть те самые эмоции, в которых Заур особенно нуждается. Верно я говорю, Пери-ханум?

— Верно, ой верно, Сережа.

Сергей Николаевич взял руку Заура, удовлетворенно хмыкнул.

— Вот сердце! Молот! Захочешь — не остановишь. Столько крови потерял, а держится молодцом.

Акперов открыл глаза.

— Что ты все бормочешь, как шаман? Шепотом, шепотом...

— Говорю, что тебе повезло. Скоро встанешь на ноги. — Он усмехнулся. — И тогда к тебе опять не дозвонишься, по полгода не увидишь.

Ковшов тяжело опустился на стул. Снял очки, устало потер глаза — он так и не ушел домой после дежурства.

— Говорят, надо многое пережить, чтобы по-настоящему оценить жизнь и уметь ей радоваться. — Ковшов перевел взгляд с Заура на Мариту. — Пожалуй, я могу поехать отдохнуть. Теперь рядом с тобой врач, так сказать, особого назначения.

— Езжай, Сергей. А то все время маячишь перед глазами...

Ковшов с трудом поднялся и вышел. Заур, словно оправдываясь, взглянул на Мариту.

— Как ты приехала так быстро? Все брфсила...

— Бросать-то было почти нечего. А ты молчи, тебе нельзя так много говорить.

— Ладно. Только одно. Я тебя люблю. Слышишь?

— Марита отвела глаза и покраснела. Пери-ханум обняла ее, погладила по голове.

— Господи! Что вы так долго друг друга мучали? — Она тяжело вздохнула. — Скоро Заур встанет, тогда мы сделаем все как полагается. Не дам вам больше расстаться. Зауру давно пора иметь свой дом, мне пора нянчить внуков. Прямо перед подругами стыдно. Бог услышал мои молитвы, наконец.

— И мои, — шепнул, не открывая глаз, Заур.

13. СУЛТАН И ДОКТОР

Жанна Тер-Терова давно приглядывалась к участковому Кафарову и не зря одаривала его самыми ослепительными улыбками. Первое время Кафаров не поддавался, подчеркнуто соблюдая дистанцию, подсказанную его официальным положением. Но Жанна была не из тех женщин, которые легко отступают. Ее авансы становились все более явными. И Кафаров, человек простой и скромный, стал поддаваться — его тревожили, тянули зовущие глаза этой женщины, которая то казалась неприступной, то ехидно посмеивалась над его «целомудрием»...

Как-то Кафаров подошел к киоску Жанны. По календарю был май, но день выдался необычайно жаркий. Он расстегнул воротник кителя, попросил стакан чистой воды. Жанна быстро взглянула в зеркальце, поправила прическу. Спросила участливо:

— Устали?

— Душно, как в парной! Похолоднее бы...

— Для вас, что угодно. — Жанна лукаво прищурилась и сунула руку под стойку, где во льду была спрятана бутылка «Московской».

— Только для вас, — сказала она. — Да вы заходите. Здесь прохладно.

Участковый огляделся. Все-таки в форме. Не очень ловко. Но Жанна не оставила ему времени на размышление. Задержала занавеску на окне, повернула табличку «Перерыв», услужливо распахнула дверь.

— Входите, Кафар Агаевич!

— Потихе!

— Ну что вы? Никого нет.

Кафаров юркнул в будку, плотно прикрыл дверь.

Жанна была на седьмом небе. Наконец-то пришел ее день! Вот он, ее шанс, сидит на ящике из-под бутылок и сурово хмурится. Ничего, скоро привыкнет откликаться на ласковое «Кафик», а там, глядишь, станет совсем ручным. Она достала пару соленых огурцов, немного ветчины, блюдечко с хорошими конфетами. Все это быстро и красиво расставила на ящике.

— Что ты, Жанна? Нет! На службе не полагается... — запротестовал Кафаров, впрочем, не слишком уверенно, — Мне бы немного в тени передохнуть, стакан воды...

— Вай, аствац, рюмочку пропустите, подумаешь, беда! — Жанна как бы случайно прижалась к нему горячим плечом. — За мое здоровье, Кафар Агаевич. Я одинокая. Без мужа, сами знаете, трудно. Обидеть всякий может. А вы хороший человек...

— Я женатый, ханум... У меня дети. — Кафаров не ожидал, что разговор будет таким откровенным.

— Ну и что? — Жанна наивно взглянула на участкового. — Женатым я больше доверяю — солидный человек, обстоятельный.

— Ох, какая ты! — Кафаров не нашел подходящего слова и рассмеялся, чтобы скрыть смущение.

— Какая? Посмотрите на меня, вот я вся здесь. — Она встала, вытянулась. — Не нравится? — Жанна засмеялась, присела рядом на низкий ящик. — Зашли бы как-нибудь. Вечером я всегда одна, не с кем слова сказать.

Участковый отвернулся, жадно глотнул из рюмки.

— Я оставлю дверь в парадную открытой, там темно, — мягко ворковала Жанна. — Никто не увидит, не беспокойтесь. — Она прижалась к нему.

Кафаров вскочил, схватил ее за плечи, больно поцеловал в губы.

— Ох, Кафар, милый... — Она обвила его шею обнаженными руками.

В этот день табличка с надписью «Перерыв» исчезла не скоро.

— Придешь сегодня? — На прощанье Жанна улыбнулась.

— Приду, ханум. К тебе я всегда приду. — Кафаров смело распахнул дверь киоска. Он уже был под хмельком, и все, что произошло, его несколько не беспокоило. Сам себе он казался молодым, ловким, бесстрашным.

Ночью он уверенно вошел в парадную, тихо постучал в дверь Жанны...

С того дня Кафаров бывал у нее по вечерам. На участке оставались дружинники, да и что может случиться за час? Как-то, собравшись уходить, он задержался в передней, застегивая тугие крючки на воротнике кителя. Жанна подошла сзади, поцеловала, быстро сунула в карман две хрустящие бумажки.

— Что это? Ты с ума сошла? За кого меня принимаешь?

— Фу, мелочи. Такой видный, представительный мужчина. И вдруг нет денег на мелкие расходы. Несolidно.

— На преступление толкаешь? — Он швырнул на стол две десятки.

— Вот дурачок! Какое же это преступление? Я ведь тебя люблю. Мой покойный отец говорил: всегда дели хлеб с другом, сам без куска не останешься. Ну, пожалуйста, не обижай меня. Что за счеты между близкими людьми? Ну, пожалуйста!

Кафаров еще пытался что-то возразить, но Жанна закрыла ему рот поцелуем, сунула деньги в карман. Деньги были нужны, и он, махнув рукой, сдался.

Через несколько дней Кафаров, как обычно, подошел к ее киоску.

— Как дела?

— Слава богу, неплохо.

— Прибери киоск... — Он потоптался в нерешительности. — Могут заглянуть из БХС...

— Не дают спокойно работать, — всплеснула руками Жанна. — Спасибо тебе, дорогой. Все будет в полном порядке, не сомневайся.

Кафаров огляделся по сторонам.

— На совещании был разговор о твоём брате...

— Бежал? — ее глаза округлились. — Чтоб ему гореть ва том свете голубым пламенем!

— Пока речь шла об этом свете. Смотри, чтобы около тебя в духу его не было.

— Что ты, Кафик! Я же не враг себе...

Лейтенант был спокоен. О его связи с Жанной никто не знает. А Жанна не проговорится — ей это не выгодно.

Еще пару раз он предупреждал ее о возможных проверках. Понятно, в нужный момент все у нее было в ажуре. Конечно, участковый знал, что она торгует из-под полы водкой и коньяком, недоливает, обсчитывает. «Мелочи», — думал он. Были, правда, вещи и посерьезнее. Жанна скупала золото и драгоценности, прятала их на «черный день». Однако об этом

Кафаров не догадывался. Да и не очень думал: он привык, что в кармане всегда похрустывают деньги, а нужная дверь открыта для него в любое время суток...

С некоторых пор Жанна стала замечать, что к ее киоску зачастил тот самый доктор. Средних лет высокий мужчина, с острой бородкой, в темных роговых очках. Воду он пил неторопливо, маленькими глотками, платил щедро, отказываясь от сдачи. Но у киоска не задерживался: аккуратно ставил стакан и неторопливо уходил — всегда в сторону сквера.

Ничего опасного в нем как-будто не было; однако Жанна решила проверить.

— Сегодня вы пьете воду бесплатно, — заявила она.

— Почему?

— Вы никогда не берете сдачи. Поэтому сегодня я угощаю.

— Не беру? Право, не замечал.

— Ученый человек. Ученые, они всегда такие... рассеянные.

— Да, это верно, — пробормотал он. — Я, действительно, очень рассеянный, Жанна.

Жанна едва не уронила стакан.

— Откуда вы меня знаете?

— Мало ли... — Человек неопределенно пожал плечами. —

Ну, хотя бы через брата. Яша довольно долго жил у меня. Сейчас уехал. Очень хотел повидаться с вами перед отъездом. К сожалению, не получилось...

Жанна выглянула из окошка, вокруг никого не было. Спросила шепотом:

— Далеко?

— В Киев.

— Зачем?

— Вышло небольшое недоразумение с милицией. Из-за девчонки. Парень молодой, погорячился. Пришлось уехать. — Незнакомец помолчал. — Знаете пословицу: береженого бог бережет? Так вот лучше бы убрать все лишнее из дому. Нерожен час, сделают у вас обыск. А Яша — он человек щедрый — наверняка что-нибудь вам оставил. Понимаете?

— Обыск? У меня? — Жанна побледнела. — Вай, аствац! — Зря волнуетесь. Яша — парень толковый. Так повернулось. Что делать — судьба! Я, к примеру, был доктором, но пришлось сменить специальность. Жизнь не баловала...

— Вы в самом деле доктор? Значит, я не ошиблась?

— Да. Только бывший. Я оказал вам, Жанна, небольшую

услугу. Женщина ¹вы умная и практичная. Понимаете, в наше время ничто бесплатно не делается. Так сказать, долг платежом красен.

«Деньги»? — подумала она с презрением. — Пошел он к черту, ни копейки не дам.

— Что вам от меня нужно?

— Услуга небольшая. Брат вручил вам на время одну небольшую вещицу, а забрать не успел. Хочу отдать вам за нее деньги. Довольно много.

— О чем вы, я ничего у него не брала! — Она уже кричала. — Пусть этот брат провалится к чертовой матери. Я одинокая женщина, у меня ребенок. Не буду я ставить себя под удар...

— Жанна! — в тихом голосе незнакомца зазвенел металл. — Я не желаю вам зла. Но вы должны понимать, что кое-что мне известно. Например, что участковый уполномоченный спит с вами, или то, что вы любите драгоценности.

«Попалась, дура, — подумала она с тоской. — Нет, этот проклятый доктор не отстанет, ему все известно».

— Не надо бояться, — словно угадав ее мысли, сказал мужчина мягче: — Дело несложное. Днями к вам зайдет девушка и передаст деньги... Пять тысяч. А вы отдадите ей эту вещицу.

Жанна растерялась. С одной стороны, деньги соли с другой, — можно влипнуть. Нет, лучше отказаться.

— Ничего я от Яши не получала... Он вас просто обманул. Жулик известный. Простите, подходят клиенты.

Незнакомец молча кивнул и растворился в толпе. Жанна в растерянности перетерла стаканы, навела порядок. Так ничего и не решив, задернула занавеску, закрыла киоск и пошла домой.

Странная история! Что может быть общего у ее сумасбродного брата с этим солидным Доктором? Где его Яшка нашел и как тот узнал о «подарке»?

На самом деле все было наоборот. Когда Яшка прыгнул в трамвай, доктор последовал за ним — прыгать он умел не хуже. Наблюдать за Яшкой было нетрудно — он ни о чем не догадывался. Так, «в связке», они ходили до самого вечера.

Часов в девять Султан зашел в кафе «Жемчужина» — причудливый цветок из бетона, высаженный строителями на бульваре, у самого моря. Доктор сел за один столик с ним. Яшка поморщился, но промолчал.

Доктор старательно наливал себе бокал за бокалом, ста-

раясь не спугнуть соседа неосторожным взглядом. Вдруг официант, угодливо улыбнувшись, поставил перед Яшкой бутылку «Юбилейного».

— Я не заказывал, — сердито буркнул Султан.

— Не знаю, велели подать.

— Кто?

Официант развел руками. Яшка настороженно разглядывал посетителей.

— Коньяк просил подать я, — сказал сосед негромко.

— А кто вы такой? — Яшка медленно опустил руку в карман.

— Друг. Не надо горячиться, Султан.

— Гм! Откуда ты такой взялся?

— Свалился с Луны. Однако человек, бежавший из заключения, не должен задавать идиотских вопросов.

— Ты полегче!

Сосед снял очки и Яшка увидел его глаза — серые и острые буравчики. Он сразу сбавил тон.

— Что вам нужно?

— Вот это деловой разговор. Мне нужен ты.

— Зачем?

— Не спеши. Сначала оцени ситуацию. Деваться тебе, в общем, некуда. Сестра не примет — боится. Откуда ты родом, в колонии знают — в деле записано. Значит, рано или поздно сцапают.

Яшка посмотрел на Доктора исподлобья, усмехнулся.

— Ясно, — усмехнулся и Доктор. — Дорожку, по которой ты собираешься идти, я прошел взад и вперед много раз. Только время сейчас не то. Работать надо иначе, соображаешь? Милиция нынче другая. Это тебе не голоштанники-добровольцы тридцатых и отставные волки сороковых. У них теперь и опыт, и техника, и образование...

— Хватит читать мне мораль. — Яшка поднялся. — Место не самое подходящее.

Они вышли из ресторана, захватив бутылку коньяку. На бульваре былолюдно. Яшка прикинул: смыться легко. Но что-то его удерживало. Милицией тут явно не пахло. А незнакомец держался так спокойно и уверенно, будто знал нечто такое, о чем Яшка и не догадывался.

— Как звать тебя, папаша?

— Когда-то окрестили Доктором. Так и зови.

— Ладно. А куда двинемся?

— Посидим немного на голубой скамеечке.

- Не боишься? Я ведь уголовник.
- Трепло ты, а не уголовник, — сказал Доктор беззлобно. Яшка промолчал. Сели, закурили.
- Из мундштука куришь, Яшка? Плохо. Лишние следы.
- Друг в колонии подарил. Память!
- Хорошо, что ценишь тюремную дружбу. Ты, парень, мне нужен. Стар я становлюсь для некоторых дел. Только учти, скажу сразу: «мокрых» дел я не признаю. И грязных, со следами — тоже. Работа должна быть чистая и верная. Ясно?
- Вербуешь? — Зулус прищурился.
- Понимай, как знаешь. Наводка и хата за мной. Твое дело — работа. Что возьмешь — пополам. Подходит?
- Я тебя не знаю.
- А чего тебе знать? Будь я лягавым, продал бы тебя с потрохами, еще когда ты отдал сестре гроши. Цацкаться бы с тобой не стали — подумаешь, птица — карманщик.
- Верно, — Яшка польщенно улыбнулся. — Но одно дело мне надобно сотворить. Не по специальности.
- Свести счеты?
- Яшка резко выпрямился.
- Откуда знаешь?
- Догадываюсь. Большого ума тут не требуется. Договоримся: без моего согласия ни одного серьезного дела.
- Это ты брось, папаша. Не подомнешь. Не на того наравался.
- Не подходит? Твое дело. — Доктор поднялся. — Сиди спокойно, милицию звать не буду, сам погоришь. Мне своя шкура дороже, тем более другой нет. Так что бывай здоров!
- Ох, как не хотелось Яшке оставаться в одиночестве, как ёкнуло сердце от жестких и точных слов Доктора.
- Ну, если для безопасности, вопрос другой, — промямлил он. — В компании с корешами считаться надо.
- Договорились, — кивнул Доктор. — Пойдем.

Жанна прибежала домой в холодном поту. Собрала деньги и драгоценности, уложила в эмалированную кастрюлю и помчалась обратно. Без особого труда отодрала гнилые доски в полу. Старым кухонным ножом вырыла неглубокую ямку, зарыла кастрюлю. Посидела, отдышалась. Вынесла из будки коньяк и водку, спрятала у входа, в пустых ящиках. Немного подождала — может, придет Кафар, расскажет новости? Нет, что-то не видно.

Спала она плохо. Но прошла ночь, день, неделя. Ничего не произошло. Понемногу успокоилась, стала работать нормально — обсчитывать, недоливать. Знакомая табличка «Перерыв» снова стала появляться в окошке в самое разное время.

14. АГАВЕЛОВ.

Агавелов не мог понять, как такой опытный работник угро, как Акперов, умудрился подставить себя под пулю. «Был бы ты моим подчиненным...» — ворчал он. Но все было наоборот — подчиненным был он.

Появление Султана кое-что прояснило. Теперь было ясно, что Яшка сбежал из колонии и орудовал в городе не один день.

Но сведения, привезенные Ибрагимовым, снова все запутали. Какая связь между Степаном Горой и убийцей Чингиза Махмудова? И как обе фигуры связаны с черным жемчугом? Теперь в поле зрения оказались уже три личности: Султан, Степан Гора, Чума.

Потирая виски руками, Агавелов ходил по кабинету из угла в угол.

— Давай рассуждать спокойно, Андрей, — уговаривал он Огнева. — За такой короткий срок три серьезнейших преступления! Даже, собственно, не три, а четыре, пять. Ограбление Гасановых — раз. Убийство Махмудова и убийство Мелкумова. Ранение Заура. Убийство Горы...

— Это, положим, было давно, — спокойно заметил Огнев.

— Ладно. В двух случаях из четырех, нет, даже в трех прямо или косвенно замешана Гончарова. Случайность? А не кажется ли тебе, что эта Эра — личность куда более сложная, чем мы предполагаем? Что ты молчишь, Андрей? Включайся, тебя ведь направили нам в помощь.

— По-моему, это единственный, не вызывающий сомнений факт. Меня вызвал министр и сказал: «Ну-ка, мушкетер, отправляйся на помощь друзьям».

— Так и сказал? — изумился Агавелов.

— Именно. Ты же знаешь, что шутить он любит.

— Знаю... И вот мы горим без дыма. Пожалуй, таких историй у нас не было лет пятнадцать... Со времен «Зигмунда», помнишь?

— Зато отдохнул, — усмехнулся Огнев.

— Не говори. Всего пять дней не был, а вернулся — голова кругом.

— Не падай духом. Постепенно разберемся. Кстати, там тебя ждет дама, — Андрей подмигнул. — По-моему, как раз Эра Гончарова.

Агавелов нахмурился.

— Я как раз о ней думаю. Мне не вполне ясно, как Гончарова оказалась рядом с Махмудовым, а потом с Зауром. Оба раза — когда в них стреляли.

— Насколько я понимаю, все довольно просто. Чингиз расспрашивал ее о черном жемчуге, пытаюсь нащупать наводчика. Заур беседовал с ней об убийстве Махмудова и просил поддерживать с ним связь. Вот она к нему и прибежала, когда появился Яшка. Стечение обстоятельств.

— То есть все так или иначе связано с Султаном.

— Все ли — не знаю. Но кое-что — несомненно. Ладно, давай познакомимся с интересующей тебя личностью. Товарищ Гончарова, входите!

Эра боком протиснулась в дверь, робко присела на краешек стула.

— Вы как будто давно ждете? — спросил Агавелов, стараясь собраться с мыслями. Ему было трудно подавить неприязнь к этой женщине.

— Неважно. Скажите, как товарищ Акперов? Я хотела известить его, но меня не пустили.

— Вас так волнует его здоровье? — В голосе прозвучала плохо скрытая ирония.

Эра опустила голову.

— Мне очень плохо. Хотела, чтоб было лучше, а получилось...

— Зачем вам понадобился именно Акперов? Внизу был дежурный, он мог поехать с вами.

— Я хотела... Я думала, он арестует этого бандита.

— Разве только Акперов мог задержать его? Кто в него стрелял?

— Яков Тер-Теров. Я видела.

— А в Махмудова?

— Не знаю. Честное слово, не знаю.

— Да. Согласитесь, однако, что знакомство с вами дорого обходится работникам милиции. — Агавелов пристально посмотрел на нее.

Гончарова заплакала. Вскочила, резко вскинула голову.

— Лучше арестуйте меня! Все равно жизни нет. Не могу смотреть в глаза людям. Вот и вы думаете... Будто я не понимаю. Думаете, идиотка? Вы же подозреваете меня во всем. По-вашему, все это я подстроила, да? Никто мне не верит, никто!

Огнев быстро встал, подал ей стакан с водой. Сказал мягко:

— Вас никто и ни в чем не подозревает. А майор Акперов просто уверен в вашей непричастности. Но обстоятельства сложились так, что мы опасаемся за вашу жизнь. Вы были свидетелем двух преступлений. И Султан это знает, не может не знать. Знает он и другое: положение его безнадежно, чуть раньше или чуть позже... А вот почему это ваша жизнь искалечена? У вас есть работа, дом, будущее. Правда, мы вынуждены вас беспокоить, но это временно. Не обижайтесь. Так требует дело.

— Разве это беспокойство? Я готова быть здесь и днем, и ночью. Только бы скорее поймали этого бандита.

— Итак, вы утверждаете, что в майора Акперова стрелял Тер-Теров? — зачем-то снова спросил Агавелов.

— Да. Это я видела сама. Но стрелял он не в него, в меня. В этом я уверена. Зачем Акперов меня загородил? Зачем? Зачем?..

Агавелов пожал плечами.

— Вы хотели что-то добавить? — мягко спросил Андрей.

— Да. Тер-Теров мне рассказывал, что живет в Ростове, работает, там у него квартира. Может быть, он уехал туда? И второе. Товарищ Акперов спрашивал о моих знакомых. Подруг у меня нет, я ни с кем не вижусь. У большинства девчат в голове танцы да свидания, а мне не до того. Хочу кончить институт. Знаете что... Проверьте сестру Тер-Терова, Жанну. Я ее немного знаю. Она любит деньги, драгоценности. Чингиз говорил со мной о каком-то черном жемчуге, интересовался, у кого из моих знакомых он есть. Я об этом никогда не слышала. Разве что Жанна... Она, конечно, не воровка, но ведь Яшкина сестра...

— Что ж, спасибо. Учтем.

— Если я понадобится, пожалуйста, вызывайте, в любое время.

Гончарова встала, собираясь идти.

— А вы не бонтесь встречи с Тер-Теровым? — спросил Огнев.

— Нет. Если еще раз явится, разобью ему голову. Табуреткой, утюгом — что попадется.

— А вы отчаянная, как я посмотрю. — Андрей улыбнулся. — У вас квартира в уплотнении?

— Да. У бабки Ануш и у меня по комнате.

Эра повернулась к Агавелову, хотела попрощаться. Но Эдуард поднял руку — подождите, вызвал дежурного:

— Никольский, выставьте резервный пост у дома Гончаровой. А сейчас пусть ее проводят.

— Слушаюсь, товарищ майор.

— Можете идти, Гончарова. Если нужно, вызовем.

Проводив ее, они присели на диван, помолчали.

— Зря ты так.., — Огнев покачал головой. — Девчонка смелая и, по-моему, искренняя. И в ней, безусловно, что-то есть. Мог Султан потерять от нее голову? Я уверен: мог!

Агавелов нехотя кивнул.

На следующий день пришла телеграмма. Андрей и Эдуард прочли ее несколько раз: «Срочно тчк Яков Тер-Теров сидел колонии Матвеем Чуйковым зпт кличка «Чума» зпт мундштук принадлежит «Чуме» тчк проживает Одесса тчк Подробности почтой. Начальник ИТК полковник Званцев».

— Ну, как? — Агавелов едва не прыгал от радости.

— Дельное сообщение. Надо попросить немедленно выслать дело.

— Теперь этот подлец от нас не уйдет. Высшая мера ему обеспечена — это точно. Давай-ка вызовем участкового Кафарова.

Кафаров явился сразу.

— Лейтенант Кафаров по вашему приказанию...

— Садитесь, — прервал Агавелов. — Мы хотели бы с вами посоветоваться.

Кафаров сел, настороженно взглянул на майора.

— Дело в том, что мы хотим поручить вам одно серьезное дело...

— Слушаю, товарищ майор. Готов!

— Знаете Жанну Тер-Терову?

Участковый вздрогнул, но мгновенно взял себя в руки.

— Так точно. Работает на моем участке. Торгует водой. Как не знать.

— И проживает она, кажется, тоже у вас на участке?

Кафаров, не понимая, замялся.

— Я этого... Я проверю.

— Ну, проверять пока нечего. Слушайте. Нам известно,

что ее брат, рецидивист по кличке Султан, бежал из колонии и появился здесь. Постарайтесь выяснить, приходил ли он к сестре? И не знает ли она, где он в настоящее время скрывается? В общем, присмотритесь к квартире Тер-Теровой, к ее язам.

Исно. Слушаюсь.

— А как она на работе? Говорят, Тер-Терова ничем не брезгует? — спросил Огнев. — Не доливает, торгует водкой, спекулирует... Увлекается камушками. Может щедро угостить нужного человека...

— Не могу знать. Проверю и доложу.

По мокрой спине Кафарова бегали холодные мурашки.

— Хорошо. Только действуйте осторожно. Эта Жанна, а главное ее брат ничего не должны знать.

Бледный Кафаров вытянулся, шелкнул каблуками. Повернувшись по-уставному, через левое плечо, вышел из кабинета.

— Настоящий офицер, — одобрительно кивнул Огнев.

— Да, строевую службу знает. А в остальном — посмотрим...

Случайно Агавелов не сказал участковому, в чем подозревают Яшку Тер-Терова. Однако в дальнейшем развитии событий это незначительное вроде бы обстоятельство сыграло существенную роль.

В дверь постучали. Вошел подполковник Асланов.

— Рад снова видеть вместе старых друзей. Садитесь, садитесь. — Он замахал руками, подошел к столу. — Плохи дела, товарищи? Знаю, неприятностей много. Что-нибудь прояснилось?

— Ищем Султана; — ответил Агавелов.

— Поздно, его уже нет. Удрал Султан, как только почуял беду. Сведения достоверные.

— Есть основания полагать, что направился он в Ростов, — осторожно заметил Андрей. — Может быть, данные и не очень точны, проверить следует. И, по-моему, надо заняться мундштуком. Есть телеграмма.

— Знаю. На мундштуке нарезка «Чума». Кто он?

— Одессит, Хосров Амирович.

— Одессит? — Асланов потер лоб ладонью, пытаясь что-то вспомнить. — Да, недавно у меня был некий Степа Кишибекян, заведующий аптекой. Рассказал интересную историю. В городе появились два субъекта, предлагали морфий. Похоже, птячки залетные. Один из них вроде бы одессит. Цену называли очень низкую. Продают, разумеется, краденый — на улице

морфий не валяется. Видимо, обокрали где-то аптечный склад. Но не у нас. В Баку таких случаев не было.

— Вы думаете?.. — начал Эдуард.

— Пока ничего не думаю. Факт, однако, заслуживает внимания. И сам по себе, и в перспективе. «Клиенты» будут сегодня у Кишибекяна в два часа дня. Понятно?

Агавелов и Огнев переглянулись.

— Понятно. Хорошо бы свести их с надежным покупателем. Только так, чтобы не спугнуть. Возможно, они...

— Возможно. — Асланов кивнул. — Один из них, по словам Кишибекяна, упоминал Яшсу Тер-Терова. Улавливаете — так, кажется, говорит Акперов?

— Так, Хосров Амирович.

— Желаю вам успеха. А мне, наверно, полагается благодарность за сигнал? Так, мушкетеры?

Асланов вышел.

Помолчали.

— Армо! — воскликнул вдруг Агавелов. — Армо Арушанов.

— Что Армо? — не понял Андрей.

— Свести их надо с Армо. Парень битый, из бывших. Пять судимостей. Руки, грудь — все в татуировке. Залетные, безусловно, клонут. А человек он надежный. Давно «завязал», работает на макаронной фабрике, обзавелся семьей. Как тебе кандидатура, подходит?

— Думаю, что да. Знаешь, как его разыскать?

— Позвоню.

Кафаров с каждым днем становился все раздражительнее. Ему казалось, что он взят на «мушку», каждую минуту можно ждать выстрела.

Почему майор Агавелов разговаривал с ним не так, как раньше? Суше, официальнее. Вроде бы не очень доверяет. Неужели он что-то пронюхал? Эти мысли не давали Кафарову покоя. Ночью он просыпался от малейшего шороха. И весь день ходил как пришибленный.

Сегодня он чувствовал себя особенно плохо. Направляясь к знакомому киоску, он свернул вдруг в переулок, заскочил в закусочную, выпил залпом стакан водки.

Это подействовало. «А что я такого сделал? — уже спокойнее размышлял он. — Ну, полезла ко мне одинокая баба, приласкал. Что тут худого? Кто этим не грешен? Может, Ага-

велов? Известный бабник! И у Акперова, наверно, есть. Столько лет один. В общем, дело житейское. Лишь бы втихую».

Жанна встретила его холодно.

«Что ж, — подумал Кафаров с облегчением. — Оно и к лучшему. Все кончается, всему есть предел. Надо только, чтоб все было тихо и вежливо. И разошлись, как в море корабли...» Он заставил себя улыбнуться.

— Как живешь, дорогая?

— Ничего, Кафар. С божьей помощью. Что-то тебя давно не видно. Где пропадал?

— Занят был.

Жанна насмешливо покачала головой.

— Совсем заработался, бедный. Чем же ты бы интересно?

— Серьезными делами. — Он начал злиться. — Например, устанавливал за тобой наблюдение. Служба.

Жанна насторожилась.

— Что ты мелешь, Кафар?

— Что, что... Тайна! Разглашать не положено.

— Не положено? Ну-ка зайди сюда, не бойся. — Он вошел в киоск. — Не положено, говоришь? — Она вплотную подошла к нему, вцепилась в китель. — А спать со мной, пить коньяк, брать деньги — положено?

— Тс-с! — Он отвел ее руку, приложил палец к губам. — Ты что базар разводишь? — Присел на ящик, отер платком мокрый лоб. — Чего кричишь?

— Я не кричу. Вижу, хочешь бросить меня, смыться. Не выйдет.

Кафаров хмыкнул. По-хозяйски достал из-под стойки бутылку коньяку, плеснул в стакан, выпил.

— Хорошо, успокойся. Ничего тебе не скажу, злоке. Вот если станешь доброй и ласковой...

— Еще чего! Говори.

Он с силой притянул ее к себе, посадил на колени.

— В общем, твой Яшка бежал из колонии.

— Ха, удивил! Тоже мне сыщик.

Он со значением погрозил ей пальцем.

— Да, сыщик. И получил задание: как только брат явится к тебе, сообщить начальству.

— Вай, аствац! Ты что, будешь за мной шпионить?

— Буду, — он улыбнулся, — если не поцелуешь меня.

— Фу! Пьяница! — оттолкнула его Жанна. — А ещё лейтенант. Ты уже до меня где-то выпил?

— Попутно, дорогая, попутно. От волнения.

Он целовал ее плечи, тыкался в шею, пытаясь дотянуться до губ.

— Хватит, Кафар. И перестань пить. Вспомни нашего соседа. Он тоже начинал с маленькой, а совсем спился. Имей в виду, если не бросишь... Подожди, подожди. Вечером придешь? Меня не собираются проверять?

— Нет. Теперь тобой буду заниматься лично я.

— Молодец, Кафик. А сейчас иди. Ну, иди же...

15. ЗАУР И МАРИТА

Марита закрыла книжку, взглянула на Заура — почему он все время молчит, о чем думает? — подошла к распахнутому окну. В темном прямоугольнике сонно шелестел дождь, пахло землей — прохладной и влажной. Совсем как в Риге.

Рига... Почему вдруг вспомнилась Рига? Почему так грустно. Когда она узнала, что Заур ранен, она почти физически ощутила его боль. Весь полет ее знобило от мысли, что его жизнь в опасности. Никогда она так остро не ощущала, что значит для нее Заур. Человек, вернувший ей доверие к людям, любовь к жизни, желание быть счастливой? Само собой. Но и нечто неизмеримо большее.

И вот он, Заур, рядом. Ее Заур. Ей хорошо и спокойно с ним. Вспомнилось, как она лежала в больнице, он пришел, вложил в ладонь солнечные дольки мандарина. Тогда он и сказал впервые, что любит ее «несмотря ни на что»...

Наверно, для него это было не просто. Кем ее считали? Соучастницей преступления — и какого преступления! — убийства. И роль ее в этой истории была ужасна — что-то вроде подсадной утки... Его это не остановило, он ей верил. И после этого она могла усомниться в Зауре. Только потому, что он не ответил на письмо? Неужели и сейчас в ней сидит это недоверие? Не потому ли так грустно?

Она обернулась: Заур, улыбаясь, смотрел на нее.

— Ты что? — спросила Марита.

— Так... Знаю, о чем ты думаешь. Сказать?

— Скажи.

— Ты сейчас думала о Риге и еще обо мне. Встретила его на свою голову. Так?

Марита подбежала, прижалась к нему...

— Все угадал, мой волшебник, кроме одного. Думала я о том, за что мне дано такое счастье?

— Ну, это просто. Подвернулась под руку, вот и полюбила.

— Подвернулась? Ты шутишь, конечно?

— Шучу, милая, шучу, — он обнял ее.

Они долго молчали, боясь спугнуть нежность словами. Думали они об одном: о времени, которое их особенно сблизило.

В тот день, когда она прилетела, заболела Пери-ханум. Ее пришлось срочно отправить домой, уложить в постель. А за раненым нужен был постоянный уход, вставать ему врачи не разрешали. И Марита осталась.

Она следила за его режимом, отвлекала от дел и невеселых мыслей — разговаривала, читала вслух «Войну и мир», книгу, которую они оба любили...

Она на всю жизнь запомнила один вечер. Стемнело. Ветер вдохнул в палату запах влажной листвы и дыма. Марита зажгла ночник у кровати. Матовый плафон слабо высветил углы.

Заур потянул Мариту за руку.

— Посиди со мной.

Она присела на край койки. Чувствовала, Заур хочет ей что-то сказать. Он долго молчал, глядя в потолок. Сказал негромко.

— Я слушал Толстого и думал, почему люди — даже в общем-то добрые люди — часто жестоки как раз к тому, кого любят? Что это: чувство собственности, особая требовательность, страх, что именно близкий человек причинит тебе самую сильную боль?..

Толстой, наверно, тем и велик, что до конца жизни в нем открываешь для себя все новое и новое. Ведь это совсем не простая история — любовь Наташи Ростовой и Болконского. Ведь Наташа по-настоящему любила князя Андрея, правда?

— Конечно, — кивнула Марита.

— Почему же Анатолий Курагин так легко вскружил ей голову? Случайное увлечение? Да, нет. Соне она говорит, что любит Курагина чуть ли не сто лет, Пьеру объясняет, что недостойна его, а затем просит прощения у раненого Андрея... Кого же она все-таки любила и любила ли вообще? Ты думала об этом, Марита?

Только теперь она поняла.

— Я думаю, что Наташа любила только Андрея. Но она была совсем еще девочка, а в этом возрасте любви, — это не столько любовь к человеку, к Андрею Болконскому, сколько ожидание любви, страстное желание откликнуться, пойти навстречу большому чувству. Жалеть, страдать, ради кого-то жертвовать всем. Тут и появился Курагин. Не знаю... Помоему, так...

— Как все сложно, — тихо сказал Заур. — А нам ведь так нужна верность близких. За все приходится платить — за недоверие, за слишком большую доверчивость... Почему-то я вспомнил случай, о котором не рассказывал. Я однажды ошибся, очень ошибся. Стыдно рассказывать, давнее дело, еще фронтовое. Думал, никто не знает. Но один раз мне напомнили. Когда брали в уголовный розыск... Было это — не разговор, сама история — шестнадцать лет назад. Я служил тогда в армейской контрразведке...

Заур заволновался, привстал с койки. Марита мягко жала руку ему на плечо, заставила лечь.

— Пуля, которую вытащил из меня Сергей, не первая. Первую пустила в меня женщина. Женщина красивая и умная.

Марита невольно сжала руки.

— Я рассказчик неважный, но не в этом дело. Тогда я был на 3-м Украинском... В декабре сорок четвертого мы вышли к Дунаю, заняли город Естергом и, соединившись со 2-м Украинским, окружили Будапешт. Командование не хотело лишних жертв и предложило немцам начать переговоры. Фашисты убили наших парламентариев. Мы тяжело пережили гибель товарищей, ведь все их знали. И тут произошло другое событие, которое меня потрясло...

Наша армия, прорвав немецкую оборону на линии Одесса — Львов, двинулась к Карпатам. Фашисты бежали в панике. Я был в группе охраны тыла. Едем, вдруг вижу из перелеска на шоссе выбегает молодая женщина. Одежда на ней висит лохмотьями, босая, лицо в синяках. Прижимает к груди ребенка, завернутого в тряпки. Попросил шофера остановить машину, подошел к ней. Она пытается убежать. Я ее остановил. Спрашиваю: «Вы кто, откуда?» Молчит. Подошел мой товарищ, лейтенант Винокуров. Взглянул, пожал плечами. «Оставьте ее, старший лейтенант. Не видите, больная. Пусть идет своей дорогой. Нам надо спешить».

В общем-то он, конечно, был прав, мы торопились. Но и бросить несчастную женщину я не мог. Откинул тряпицу, посмотрел на ребенка и обмер: мертвый. «Слушайте, ведь ребен-

нок ваш умер! — сказал я. — Умер, понимаете?» Она рассеянно кивнула головой, пробормотала: «Мертв... Умер. А я? Разве я живая? Я тоже умерла. Умерла, слышите? — она вдруг закричала. Давно умерла! Неужели не понимаете! Оставьте меня! Что вам за дело?» Она зарыдала.

Винокуров махнул рукой, вскочил в кузов. Женщина повернулась, чтобы уйти. Я ее остановил, взял из рук тело ребенка. Похоронили мы его недалеко от дороги, женщину привезли с собой в часть. Она поела, отдохнула, немного пришла в себя. Стали мы ее осторожно расспрашивать. Оказалось — из Львова, работала фельдшером. Когда немцы отступали, заставили и ее уйти из города. Она была беременна. В пути ей удалось отстать от колонны, спрятаться. После долгих скитаний по лесу она, наконец, выбралась на дорогу. Но ребенок умер.

Я очень хотел чем-то ей помочь. Доложил обо всем начальнику особого отдела дивизии. Он разрешил устроить эту женщину в медсанбат. Звали ее Екатериной Голощаповой... Шли дни. Она постепенно отошла, привыкла, работала хорошо. Изредка я ее навещал. Гордая была, молчаливая. И... красавица. Наши офицеры зачастили в медсанбат. Не скрою, я тоже был к ней неравнодушен. Вроде бы и она относилась ко мне лучше, чем к другим. Может быть, больше доверяла... Может, из чувства благодарности...

И вот в декабре сорок четвертого года дивизионная радиостанция приняла срочную шифровку из штаба фронта. Радиogramму расшифровали. Мы поразились. Из Москвы сообщали, что в одной из дивизий нашего фронта действует немецкий агент. Женщина. Агентурная кличка «Магдалина», настоящее имя Луиза Летгер. Действует давно: в течение нескольких месяцев передает секретную информацию в абвер, армейскую разведку немцев. Словесный портрет разведчицы прилагается. Есть основания думать, что она попытается проникнуть в глубокий тыл советских войск.

Я прочел описание внешности агента раз, другой... Черт возьми, сходство поразительное. Но мало ли какие бывают совпадения? Я не решался ни с кем поговорить. А если правда? Значит, я сам пригрел шпиона. Помогал, заботился, устраивал.

Надо было немедленно доложить обо всем начальнику особого отдела. Конечно, о шифровке он знал... Но разве кому-нибудь придет в голову?

Нет, я хотел сначала убедиться сам. Вечером, как обычно, пошел в медсанбат. Он находился недалеко, в Естергеме. На всякий случай — мало ли что — взял с собой ординарца. Ни в медсанбате, ни дома ее не оказалось. Мы засели в кустах под окном ее квартиры. Ждем. Смотрю, в окне вспыхнул свет. Я подошел, осторожно заглянул. Вижу, Екатерина мечется по комнате, что-то сует в санитарную сумку. Хлопнула дверь. Вышла, огляделась. Идет, стараясь держаться в тени.

Мы за ней. Остановилась у небольшого дома, шмыгнула в калитку. Я подкрался к окну и ошалел. С ней Винокуров. Помнишь, тот самый, что отговаривал меня на дороге. Нелепо, но я обрадовался. В конце концов в любви она мне не клалась. И я, думаю, хорош: «напал на след» ее тайного свидания с лейтенантом!

Совсем было собрался тихо смыться, и тут вижу, что они заряжают пистолеты, в санитарную сумку вкладывают какие-то бумаги, маленький радиопередатчик.

Я совсем потерял голову. Полная чертовщина! Все-таки, значит, они меня тогда подловили. Раскис, дурак, чуть нюни не распустил на дороге. И теперь они собираются улизнуть...

Ординарец был не трус, опытный парень. Мы приготовили оружие, распахнули дверь. «Руки вверх!» — крикнул я. Грянул выстрел — она стреляла, не вынимая рук из кармана. Винокуров рванулся к лампе, но ординарец дал очередь из автомата. Я кинулся к Голощаповой, вывернул ей руки назад. Потом выяснилось, в воротнике гимнастерки у нее была зашита ампула с ядом. На выстрелы прибежали сразу, взвод охраны был недалеко.

Смотрю, вбегает полковник — начальник особого отдела. Я доложил о «Магдалине». Она молчала, но смотрела на меня так, что мне стало нехорошо. Потом я потерял сознание. Но это уже по другой причине: ранила она меня в бедро, довольно серьезно.

— Вот, пожалуй, и все, — Заур помолчал. — Да, случилось это в самый канун моего дня рождения. Двадцать второй пошел...

Марита спросила нетерпеливо:

— А потом, что было потом?

— Потом меня арестовали на двадцать суток... и положили в медсанбат. Оперировали, лечили. Досталось мне изрядно. Выяснилось, что Винокуров давно работал на немцев. Выход Луизы на шоссе, недовольство Винокурова — все это было заранее продумано и хорошо сыграно. В расчете на сантимен-

тального дурака. Я часто вспоминаю эту «Магдалину». Особенно, когда какая-нибудь стерва начинает плакать...

Заур быстро уснул — его утомил рассказ. Марита бесшумно прикрыла дверь палаты, вышла на открытую веранду. Ночь кончалась. Высоко над верхушками деревьев розовело небо. Предрассветный воздух был чист и прохладен. Она долго стояла у каменных перил, не замечая, как тает утренняя дымка, просыпаются птицы.

Мимо пронеслась вдруг веселая воробьиная стая, где-то далеко прозвенел трамвай. Она поежилась и побежала в палату. Тут было еще темно, но Заур не спал.

— Хорошо там?

— Хорошо... Но я только что встала, — пробормотала она растерянно.

— Не надо говорить неправду, — сказал он с упреком. — Что ты так долго?

Марита опустила голову.

— Просто стояла, думала.

— О чем?

— О том, какая я счастливая. Такая счастливая!

— Спасибо. — Он прижал ее ладонь к губам. — Знаешь, по-моему, я уже здоров. Утром хочу встать, съездить на работу. Ну, хоть на полчаса. Я же не болен. Подумаешь, пуля. Ее же нет, вытащили.

Марита решительно покачала головой.

— Ни в коем случае. Как хирург, я категорически возражаю. Ясно?

— Только как хирург? — Заур хитро улыбнулся.

— Почему? Не только...

— А как еще?

Она прижалась щекой к его лицу.

— Не могу, — сказал Заур. — Не могу больше без тебя...

— И я...

— Помоги мне подняться. Ну, пожалуйста.

— Нельзя. Потерпи хотя бы до утра. Снимут швы.

— Хорошо. Но только до утра.

Сергей Николаевич влетел в палату веселый, радостно возбужденный. Широко распахнул дверь.

— Как себя чувствует наш герой?

Заур пожаловался:

— Сережа, не пускает. А я здоров. Зачем мне томиться в заключении?

Ковшов рассмеялся.

— Что ж, посмотрим.

Марита помогла снять повязку. Они не заметили, как в палату тихо вошла Пери-ханум. Постояла, опустила на тумбочку плетеную корзину.

Сергей Николаевич мягким пальпированием проверил окружность раны. Заур поморщился.

— Смотрите, Марита, опухоль исчезла, но краснота еще есть. Швы снимать пока нельзя, а разрешить подняться можно.

— Сергей, — захныкал Акперов. — Я серьезно. Не могу больше лежать, тело деревянное.

— Только послушайте, Пери-ханум, как хнычет ваш сын. Главное для него — вырваться отсюда! Знаю, знаю, тянет на работу. Последние дни все шепчется с Агавеловым. Дудки, брат.

— Такой он, — покачала головой Пери-ханум. — Только вскочит с постели и побежит в свою милицию. Ох и характер...

— Сергей, Сережа, — просил Заур.

— Во-первых, сейчас я тебе не Сережа, а лечащий врач, следовательно, прямое твое начальство. Во-вторых, рана не зажила, резкие движения тебе противопоказаны.

— Да не буду я делать резких движений.

— Знаю. Дорогой мой, медицина — не оперативная работа, тут я лучше разбираюсь. Вы согласны со мной, Марита?

Она кивнула.

Заур махнул рукой и обиженно замолчал. Спорить дальше было бессмысленно.

— Как ты, мама? — Он вдруг спохватился.

— Все прошло. — Пери-ханум засмеялась. — От такой старой женщины даже микробы убегают.

— Вот и отлично, — бодро объявил Ковшов.

16. ЗРИТЕЛЬНАЯ ПАМЯТЬ

Они прошли мимо старой мечети, где свечой уходил в небо тонкий минарет. Было жарко; асфальт, как тесто, оседал под ногами. Они не привыкли к такому пеклу и шепотом проклинали этот чертов город. Тот, что повыше, рябой, остановился у входа в парк Советской Армии.

— Моня, я уже не могу. Может, спрячемся на часок деревьями?

Его спутник, оттопыривая нижнюю губу, лениво щелкал семечки.

— Как хочешь. Мне все едино...

— Тебе, конечно... Тебя хоть в печку засунь.

— Ну чего ты так поздно спохватился? Я же тебя предупреждал, что летний Баку из нас шашлык сделает.

— Ладно, кончай!

Они нырнули в заросли олеандров, нашли шланг для поливки, умылись.

Матвей Чуйков сел на скамейку, откинулся и задремал. Шлимович невозмутимо щелкал семечки. Ровно через час он толкнул приятеля в бок. Тот вскрикнул, вскочил.

— Не колония случайно приснилась? — усмехнулся Моня. — Пошли, время.

Чуйков провел рукой по лицу, отгоняя сон. Посмотрел на часы. Время было идти в аптеку.

Моня остался на углу, настороженно посматривая вокруг. Ждать пришлось недолго. Чуйков вышел, спокойно кивнул.

— Пошли?

— Что, порядок? — спросил Моня.

— Какой там порядок? Горим, как шведы... Аптекарь говорит, что не может найти Яшку. Шут его знает, этого Султана, может, его здесь и нет. А без него как же? Чужой город, завалимся...

— Это точно. Чужой город, как... — Моня не нашел подходящего сравнения. — В общем, зашибить может. Идем заправимся, а там надо хату искать. Говорят, у вокзала есть сходка.

И тут перед ними вырос парень — угрюмый, с блуждающими глазами. Его крепко пошатывало. Руки и грудь под распахнутой рубашкой были густо украшены татуировкой.

— Братик, — прохрипел парень, — огня не найдется?

Чуйков с интересом посмотрел на него. «Боже, спаси меня от друзей, с врагами я сам расправлюсь», — прочел он и улыбнулся. Свой парень.

Моня с готовностью выхватил из кармана зажигалку. Парень потянулся к огню, пьяно водя папирсом вокруг пламени, обжигая пальцы, чмокая губами. Наконец, прикурил. Ему не понравился взгляд Чуйкова.

— Чего уставился, керя?

Тот пожал плечами.

— Странная у тебя папироса.

— Не знаешь, что к чему? Тогда купи себе соску, аптека

рядом. — Парень повернулся, напевая, двинулся вразвалочку дальше. Фальшивил он страшно: «Где люди друг друга, как звери терзают...»

Чуйков догнал его, обошел, тронул за плечо.

— Подожди, объясни по-людски, что за трёп про папиросу?

Тот остановился.

— Чего, про планчик не слышал? Видать, не тутошний, да?

— Тамошние, — хихикнул Моня. — В гости пожаловали, чтоб мне так жить... Примете?

— А что? — парень хрипло хохотнул. — Это можно. Валяй ва мной.

Уже втроем они свернули за угол, зашли в подворотню. Знакомство шло по плану...

Агавелов и Андрей вернулись в отдел. Минут через десять вышел Асланов. Разговор не клеился. За окном сгущались сумерки, а Арушанова все не было. В голову лезло всякое. Наконец, в дверь постучали. Армо спокойно подошел к столу, присел на стул, закурил:

— Познакомились, — сказал он. — Парни действительно битые. Оба из Одессы... Приехали три дня назад. Говорят, в Киеве взяли аптечный склад — чемодан морфия при них. Часть толкнули, — Армо посмотрел на Асланова. — Денег куча. Остаток товара в камере хранения. Ищут Яшку Султана; кажется, вместе срок отбывали. Один Матвей, рябой, другой — Моня...

Агавелов возбужденно вскочил, собираясь что-то сказать, но Асланов неодобрительно взглянул на него.

— Продолжайте.

— Остановились они на вокзале.

— Где? В комнате отдыха?

— Да нет, на скамейках. В зале ожидания. Я им посоветовал ночевать в вагонах, что стоят в Черном городе, около завода Монтина. Так удобнее. Для всех.

— Они и здесь что-нибудь затевают?

— Нет. Просто приехали толкнуть морфия.

— М-да, — Асланов задумчиво потер щеку. — Спасибо вам большое, товарищ Арушанов. Знаете аптеку № 62?

— Знаю, конечно.

— Очень хорошо. Вы, наверно, нам еще понадобятся. А пока отдыхайте.

Армо встал, простился. Асланов посидел, обдумывая что-то, хмуро потер щеку. Кивнул: «Дела».

— Что собираешься делать, Андрей? — спросил Агавелов, когда они остались одни.

— Хочу побродить вокруг дома Гончаровой, познакомиться с соседями. А что?

— Ничего. Правильно. А я схожу к Гасановым.

— К Лейле-ханум? — улыбнулся Огнев.

Эдуард отвел глаза.

— Ты снова прав. К Лейле-ханум Гасановой. Что особенного?

— Все нормально. Я пошутил. Не злись.

— Я почему злюсь, Андрей, — начал Агавелов. — Понимаешь, надоело. И ты, и другие думают, будто я только и делаю, что волочусь за юбками. А ведь не так. Совсем не так. Боюсь я этого семейного счастья... Сколько раз наблюдал. Встретились люди, полюбили, рвутся друг к другу. Пока встречаются, все хорошо. Но поженились, и пошло... От любви остались одни воспоминания.

— И к Лейле у тебя пропадет любовь, если дело дойдет до загса?

— А она не пойдет со мной в загс. — Агавелов погрузился.

— Вообще стоящая девушка. Не похожа на других.

— Ого; — подмигнул Андрей. — Это уже нечто новое.

— Что тут нового? Как раз вы с Зауром во всем виноваты: не даете мне всерьез влюбиться. Только кто-то понравится, начинаются хохмы, подначки...

— Учтем, Эдуард. Предоставим тебе такую возможность. Кстати, утром я был у Заура. Поправляется. У него все время дежурит Марита. Вот девушка! Никогда не думал, что человек может так измениться. Дерзайте уверенно, с достоинством. Боншья при ней лишний раз пошутить.

— Любит она Заура по-настоящему, — Агавелов вздохнул.

— Завидуешь?

— А почему бы и нет? Есть чему позавидовать, не каждый день встречается. Но еще больше я радуюсь за них. Счастье пришло в дом — радоваться должны и соседи. Я же больше, чем сосед. Правильно?

— Правильно. Ну, ладно, привет. Мне пора.

— Как ты считаешь, — Агавелов взглянул на свое отражение в стекле книжного шкафа. — Бриться пора?

— Спрашиваешь? Я на твоём месте только и делал бы, что брился. Три раза в день — это как минимум!

Агавелов чертыхнулся и выбежал. По дороге зашел в парикмахерскую, заодно и постригся. Уже на улице, недалеко от ее дома, услышал звуки рояля. Взглянул, окно открыто. Хотя не зря шел.

Он поднялся, постоял у двери. Может, вернуться? Что за чушь! С усилием вскинул руку, позвонил. Шаги, стук каблучков оборвался. Но дверь не открыли.

— Кто там?

Голос Лейлы.

— Из милиции.

— Из милиции?

Она приоткрыла дверь, не снимая цепочки.

— Теперь вижу, что это вы. Здравствуйте!

Дверь распахнулась.

— Вот это бдительности! — Агавелов пожал протянутую девушкой руку.

— А я уже решила, что вы нас забыли.

— Это исключено. Просто был в командировке.

— Даже срочная командировка не может помешать человеку снять трубку и набрать номер. — Ее большие глаза насмешливо сверкнули.

— Виноват, исправлюсь.

Лейла провела его в комнату и убежала на кухню. Агавелов, страстный чаевник, определил по запаху: цейлонский. Вернувшись, она села напротив, подперла кулачками подбородок и принялась его рассматривать.

— Вы хорошо играете. Что это за вещь?

— Полонез Шопена.

— Стыдно признаться, но музыки я не знаю. Не было возможности учиться. Да и сейчас не тем голова занята.

— Чем же?

— Разным. Например, думаю: не зря же природа дала вам такие большие глаза!

Лейла смутилась. Убежала на кухню, вернулась красная. Поставила перед гостем чай.

— Пейте, пожалуйста.

— С удовольствием.

— А с чего это вы вдруг заговорили о моих глазах? Специально пришли, чтобы напомнить мне о них?

— Что вы, Лейла! Вы совсем не так меня поняли. Просто я уверен, что человек с такими большими глазами должен обладать хорошей зрительной памятью.

— Н-не знаю, — Лейла пожала плечами. — Мне кажется, глаза никак не связаны со зрительной памятью. Ваш Акперов показывал мне фотокарточки. Я посмотрела и никого не узнала. Потом вернулась домой и подумала... Нет, один из них все-таки чем-то напоминал того бандита.

Агавелов радостью кивнул. Конечно, чего-то в этом роде он ждал и на всякий случай захватил фотографии. Ловко, как фокусник, он развернул их веером.

— Вот, пожалуйста. Не торопитесь, время у нас есть. Любопытно, кто же из них показался вам знакомым?

Он ничего не сказал о том, насколько это важно. Но Лейла почувствовала, как он напряжен.

Торопиться в самом деле было некуда. Поэтому она снова просмотрела все карточки слева направо. И только потом вернулась к снимку, который узнала сразу. Она уверенно положила ладонь на среднюю фотографию, сказала твердо.

— Он! Конечно, он. Нос, губы, все-все. Как я пропустила этот подбородок? Наверно, очень волновалась. А у него ведь совсем неплохое лицо, у этого бандита. Взгляните сами! — Она отняла ладонь.

Агавелов с трудом подавил волнение.

— Вы даже не представляете, как это важно! Теперь я знаю, у кого искать ваш черный жемчуг. Считайте, Лейла-ханум, что главное сделано. Грабителя мы найдем.

Он торопливо собрал фотокарточки.

— Уверены, что найдете? — спросила Лейла. Ей не хотелось, чтобы он уходил. Сам же сказал, что не торопится.

— Безусловно. Вы рады?

— Конечно, я рада. Очень рада. А теперь давайте выпьем и послушаем музыку. Хорошо?

— Теперь с удовольствием, Лейла-ханум...

Все-таки он торопился. Быстро выпил чай, украдкой поглядывая на часы. Проводив его, она подошла к зеркалу. Глаза в самом деле больше, даже очень. Но при чем тут зрительная память?

17. ПОХИТИТЕЛИ МОРФИЯ В БАКУ

В середине дня в кабинет инспектора по кадрам управления Каспийского пароходства вошел мужчина в светлом чесучевом костюме и капроновой шляпе. Короткая, с проседью

бородка и роговые очки придавали ему интеллигентный вид. На вопрос инспектора, что ему угодно, человек с бородкой добродушно улыбнулся.

— Я шеф-повар... Хотел бы у вас трудоустроиться. Врачи рекомендовали морской воздух... Астма.

— Тогда вы не по адресу. Обратитесь в курортное бюро.

Человек с бородкой не обиделся. Сказал в тон инспектору:

— Я не на курорт прошусь, дорогой товарищ. Я работаю в военном госпитале. Но от кого-то из знакомых я слышал, что вам нужны повара. Вот я и хочу поплавать в море годок-другой, пока позволит здоровье. Конечно, я не рассчитываю на дальние рейсы, но что-нибудь тут, в каботаже...

— А нам как раз нужны повара на суда дальнего плавания.

— Нет-нет. Это слишком долго. Пока вы все проверите, оформите, плавать расхочется.

— Инспектор встал, внимательно взглянул на посетителя. Спросил строго:

— Документики при себе?

— А как же! — Человек снял шляпу и выложил на стол паспорт, орденские книжки, справки.

— Орденосец?

— Как видите. Кавалер трех орденов Славы, Красной Звезды. Старшина-гвардеец. Все прошел, кроме моря...

Инспектор снова сел, помолчал.

Посетитель собрал документы, положил в карман, встал:

— Извините за беспокойство... Я пойду.

Инспектор удивленно вскинул глаза.

— Подождите, гражданин. Вы действительно хотите работать или зашли отметить?

— Если вам нужен профессиональный повар, я пришел на работу.

— Хорошо. Пойдемте к начальнику. Поскольку вы фронтовик и орденосец, то оформим мы вас быстро. Как ваша фамилия?..

Агавелов и Андрей не слишком верили в сыскные способности Кафарова, но такого рапорта они все же не ожидали. «Гражданка Тер-Терова ведет скромный образ жизни... С со-

седами не общается. Работает честно. О побеге брата не знает», — писал участковый.

О побеге может и не знать — это допустимо. Но «скромный образ жизни»? Прямо не Жанна Тер-Терова, а ангел. Конечно, специально они ею не занимались, но кое-что слышали.

Либо участковый совсем уж наивный человек, либо сознательно «подретушировал» портрет. Огнев повертел рапорт в руках, нахмурился.

— Черт возьми! — Агавелов стукнул кулаком по столу. — Как мы не додумались раньше? Все-таки щенки мы с тобой, Андрей!

— Пожалуйста, чуть конкретнее.

— Я же олух! Олух!

— Самокритично, в этом тебе не откажешь.

— Нет, ты только подумай. Говорим без конца о Султане, подозреваем его, а такую простую вещь, как обыск в квартире его сестры, до сих пор не сделали.

— Простую? — Огнев медленно покачал головой. — Тут я с тобой решительно не согласен. Обыск — вещь очень серьезная, очень ответственная. Невинного человека он оскорбляет, компрометирует его перед соседями. Сестра преступника — не значит преступница. Обыск мы не проводили правильно — не было оснований.

— Пожалуй, ты прав. — Агавелов вздохнул. — Но теперь положение изменилось. Лейла опознала Султана по фотографии. Ибрагимов рассказал кое-что интересное о самой Жанне. Основания?

— Да, но основания эти появились совсем недавно. Пожалуйста, ставь вопрос.

Санкцию прокурор дал, хотя и не без труда. На обыск в дом Тер-Теровой поехали Огнев, Агавелов и два милиционера. Понятыми пригласили соседей.

Прочитав постановление, Жанна едва не потеряла сознание. Ее еле успокоили, усадили на стул, дали валерианку. Она притихла, отвела сына к соседям и наглухо замолчала, будто окаменела. Обыск в квартире не пугал ее, но она представила, что было бы, если бы не доктор. А вдруг они вздумают осмотреть книжки?.. Ей стало жарко. Однако ничего, обошлось.

Как только непрошеные гости ушли, Жанна побежала за сыном, привела его, стала лихорадочно целовать щеки, глаза, лоб. Мальчик испуганно вырывался, он не привык к ласкам.

— Спасибо, господа, — бормотала Жанна. — Бог спас и

от гибели. Теперь все будет хорошо, все наладится. Только бы мой дорогой братец держался подальше. Подальше, чтоб он сгорел!

На следующий день она встретила Кафарова потоком проклятий. Кричала, что он неблагодарная тварь, только и думает, как подвести ее под монастырь. Участковый, не знавший, что готовится обыск, всерьез расстроился. «Обошли, — тревожно думал он. — Значит, не доверяют. Неужели дознались?» Вид у него был такой, что Жанна кинулась его утешать. Кафаров был ей нужен.

— Что ты, Кафик? Черт с ними! Даже хорошо. Пришли, обыскали и остались с носом. Ты не знал? Тоже хорошо, меньше подозрений. Да что у меня есть, матаг? Крохи! Они решили, раз я сестра этого черта, то миллионерша. Ошиблись. Но все-таки ты сегодня не приходи. И завтра тоже, не надо. Пусть все успокоится, уладится, а там посмотрим. Кто нам помешает?

Кафаров слушал, кивал, хотя и не очень уверенно. Она достала коньяк. Он выпил, заметно повеселел. Ушел успокоенный.

Но Жанна теперь не очень ему доверяла. В тот же вечер — от греха подальше — она перенесла драгоценности домой. Второй раз искать у нее не будут — это ясно.

В принципе она была права. Однако существовали обстоятельства, которых Жанна не знала. Познакомившись с докладом капитана Ибрагимова, начальник милиции распорядился установить за домом наблюдение. Поручил он наблюдение капитану Ибрагимову. Тот легко нашел подходящее место — окна квартального комитета выходили прямо к дому Жанны.

Армо Арушанов еще раз встретился с одесситами. Манера держаться, отличное знание воровского жаргона и быта — все это произвело впечатление на залетных преступников. Они ему поверили.

Договорились о новой встрече. Захватив маленький чемоданчик, в котором лежало десять коробок морфия, Матвей и Моня пришли к садику Ильича точно в условленное время.

— Ну, Армо, двинем? — спросил Чуйков.

— Аптека шестьдесят вторая! Заведующий — свой парень, Тофик Алиев. Сговоримся и толкнем морфий за 200 дубов...

— Для начала неплохо... Хотя можно было взять больше.

К аптеке подъехали на такси. Алиев поздоровался с Армо,

как со старым приятелем. Пригласил в кабинет, внимательно выслушал. Согласился для начала взять восемь коробок. Матвей раскрыл чемоданчик, выложил товар на стол. Вору не знали, что за стеклянной дверью ассистентской скрыт объектив фотокамеры.

Компания покинула аптеку в самом веселом расположении духа. Армо, предложил обмыть удачу. Сказал, что знает одну шашлычную на проспекте Народов Востока, в подвальчике. Шашлычная, как на грех; была закрыта на перерыв.

— Не волнуйтесь, братцы, — успокоил Армо. — Сейчас уладим. Здесь все свои.

Действительно, узнав Арушанова, заведующий открыл дверь.

— Гурген, дорогой, я с гостями. Поддержи марку!

— Какой разговор! Проходи, для тебя все сделаем.

Сели за столик. В маленьком зале было пусто, прохладно, из кухни тянуло ароматным шашлычным дымом. Минут через десять в подвальчик спустилась пара — блондинка в узкой черной юбке и смуглый мужчина. Это были Эра Гончарова и Ибрагимов. Они заняли соседний столик.

Армо, не переставая, хвастался своими связями, друзьями, которые ради него кому хочешь голову оторвут. На столе появилась зелень, огурцы. Моня разлил по стаканам водку. В шашлычную вошли еще четверо: Агавелов, Огнев, два сотрудника — все в штатском. Выбрали столик, уселись, подождали Гургена:

— Пива, пожалуйста, — тихо сказал Агавелов.

Армо поднял стакан.

— За удачу, братва.

Выпили. Закусили. Снова выпили. Армо, чуть опьянев, обернулся к блондинке, подмигнул. Ее спутник заметил, насупил брови, подошел к нему.

— Чего пялишь глаза? — Ибрагимов побагровел, запрыгали желваки.

Армо вскочил. Матвей схватил его за локоть: поднимать шума. Но Армо явно шел на скандал.

— Заткнись, падло, сейчас так отполирую твой фасад. Тоже защитничек нашелся...

Матвей и Моня растерянно озирались.

— Держишься за свою куклу? — не унимался Арушанов. — Подумаешь...

— Потйше, ты, — сказал Ибрагимов угрожающе.

Армо размахнулся. Этого было достаточно, чтобы Агавелов и его соседи вскочили из-за стола.

Весь эпизод был разыгран, как по нотам...

Следователь Байрамов внимательно ознакомился с актом задержания нарушителей общественного порядка. Все было правильно.

При обыске у задержанных нашли восемьсот рублей, две коробки морфия, финский нож, два паспорта, квитанцию камеры хранения. Через полчаса оттуда доставили еще один чемодан. Чуйков посмотрел на него и потупился. Байрамов полистал паспорт.

— Чуйков Матвей? — спросил он.

— Точно, начальник.

— Недавно освободился?

— Недавно, — вздохнул Матвей, — искося взглянув на раскрытый чемодан, коробки с ампулами, финку. — От этого уже никуда не денешься. Только бы глубже не копнули.

— Зачем пожаловали в наш город?

— Погулять, гражданин следователь.

— Чемоданы с морфием привезли в качестве гостинца?

— Что вы! Какой там морфий...

— А деньги, понятно, отпускные?

— Не понимаю.

— Чего понимать-то? Откуда, спрашиваю, морфий деньги?

— Хотелось бы знать, на что можно рассчитывать в случае чистосердечного...

— Авансов не выдаем.

— Так-то оно так... Никогда не встречал столь обходительного следователя.

— Ближе к делу, Чуйков. Отвечайте по существу.

— Гражданин следователь, я уж не говорю о свободе. Влип, это ясно, но...

— И все-таки, откуда морфий и деньги?

— Эх, что делать, — сокрушенно махнул рукой Чуйков. — Мама приучила честно отвечать на вопросы.

— Если не ошибаюсь, ваша кличка — Чума? — спросил Байрамов.

Чуйков насторожился.

— Симпатичное имя, ничего не скажешь!

— Допустим, прозвали меня когда-то. Давно. По глупости.

— Хорошо. А вот эта штучка вам знакома? — Байрамов показал мундштук, найденный в машине убитого Мелкумова.

— Ну, мой мундштук... Сам его делал.

— В колонии?

— А что?

Байрамов встал и подошел к нему. Агавелов и Огнев молчали. В кабинете было очень тихо. Следователь говорил негромко и словно шутя. Но напряжение как-то незаметно растало.

— Что ж, могу объяснить. Несколько дней назад ваш мундштук нашли в машине, шофер которой убит ударом ножа в спину. Нож, мундштук и его хозяин теперь здесь. Понятно?

Чуйков побледнел.

— В-вы смеетесь!

— Нисколько. Мы не в комнате смеха.

— На пушку берете? Пустой номер, начальник! Этот мундштук уже год как без меня гуляет. В колонии подарил. А об убийстве я ничего не знаю. Не шей нахалку, начальник. Клянусь могилой отца! Чуйков ссутулился, плотнее запахнул пиджак — будто ему стало вдруг холодно. — Ей-богу, начальник, не убивал, это не по моей части.

— Верю, — сказал Байрамов. (Он действительно поверил). Именно поэтому я хочу, чтобы вы поняли ситуацию. С одной стороны, убийство, мундштук в машине, где обнаружено тело, ваш неожиданный приезд в Баку — это факты. С другой, — моя вера, которую к делу не подошьешь. Я не сомневаюсь, что это случайность, совпадение. Но все это мне придется проверить, доказывать вашу невиновность. На это уйдет время — месяц, два. Для меня это время потерянное, для вас — тоже, ведь вам придется сидеть и ждать. Это я к тому, чтобы вы спокойно подумали над моим вопросом. Конечно, вы можете не ответить, сказать, что не помните. Но тут уж я не поверю: собственный мундштук случайному знакомому не дарят. Итак, кому вы подарили этот мундштук?

Лишь мгновение, самую малую долю секунды Матвей колебался. Потом небрежно пожал плечами.

— А что это за секрет? Мундштук я отдал Яшке Тер-Терову, кличка Султан. Моня может подтвердить.

— Подтверждений не требуется, — сказал Байрамов. — Я думаю, что вы достаточно разумный и опытный человек, чтобы говорить правду. Где же этот Султан?

— Не знаю. Сами искали, ей-богу.

— Ей-богу, — проворчал Байрамов беззлобно, — а еще одессит. — Ладно, зачем искали?

— Чтоб помог толкнуть морфий.

— А морфий откуда?

— В Киеве зацепили аптечный склад. Ничего другого за нами нету.

Байрамов прошелся по кабинету. Чуйков следил за каждым его движением.

— Убийство за вами не водится? — сухо спросил Байрамов.

— Нет! На мокрое дело я никогда не шел. Я вор, вор, чтоб мне так жить...

— Хорошо. Вот бумага. Сам собственноручно опиши, к совершили кражу, как подарил мундштук Султану...

— Пожалуйста, гражданин следователь. Напишу все стно и благородно. Ей-богу.

Положение прояснилось. Теперь можно было не сомневаться, что Яшка замешан по крайней мере в двух преступлениях: в ограблении квартиры Гасановых и убийстве шофера Мелкумова.

Вечером прокурор дал санкцию на арест и розыск рецидивиста Якова Сейрановича Тер-Терова. А утром из Киева сообщили, что со склада ГАПУ действительно украдены медикаменты на большую сумму. Для допроса подозреваемых в Баку выехал следователь.

18. ШЕФ-ПОВАР

Агавелов был удовлетворен операцией. Правда, в глубине души он надеялся на большее. Чума и Полтинник имели к делу Султана лишь косвенное отношение и явно не могли помочь в его розыске.

Агавелова это не смущало. Всему свое время. Он по-прежнему был уверен, что Яшка имеет прямое отношение к убийству не только Мелкумова, но и Махмудова.

Дело не просто в сходстве внешних обстоятельств преступления. Гораздо важнее мотивы. Почему Султан решился напасть на Заура? Потому, что тот шел с Эрой. А когда был убит Махмудов? Когда провожал Эру. Связь очевидна.

Теперь о жемчуге. Сама по себе драгоценность Тер-Терову вряд ли нужна, что он будет с ней делать? Ясно, постарается сбыть. Но черный жемчуг на улице не продают. Необходим посредник. Этого посредника и нужно обнаружить. Тогда поимка Яшки станет делом техники.

Ночами, беспокойно ворочаясь в постели, Агавелов продумывал варианты, искал продолжение оборванных нитей, взвешивал каждую деталь. Вставал, ходил по комнате, сам с со-

бой рассуждая. Тот, кто согласится купить жемчуг, должен располагать большими деньгами. Но этого мало. Он должен быть уверен, что жемчуг не поддельный — кто же будет бросать такие деньги на ветер? Значит, необходима консультация. Кто может ее дать? Конечно, ювелир. И опять-таки не всякий. Есть смысл обратиться к Аслан-дан, который много лет занимается ювелирным делом, имеет солидную репутацию. Если прямо к нему и не обращались, он мог хоть что-то слышать о черном жемчуге. С него и надо начать. Со стариком мы знакомы давно, мне он не откажет. Итак, Аслан-дан...

Агавелов вышел из дому пораньше, сел в троллейбус и через полчаса вошел в образцовую ювелирную мастерскую, где работал Аслан-дан.

— Садись, сынок, — ювелир уважительно привстал — угощу тебя чаем. Настоящий мехмери¹.

— Спасибо, Аслан-дан. К сожалению, нельзя — сердце.

— Ерунда! Сколько ни береги, сердце все равно остановится. С чем пожаловал? Просто так ты ведь не заходишь.

Аслан-дан подтолкнул его в угол, где обычно ждали клиенты.

— Просто шел мимо и заглянул. Хочу немножко потолковать о том, о сем. Как житье-бытье?

— Хитришь что-то. Грех морочить голову в такую жару... Слышал я, что в Африке есть страна, где солнце висит над самой головой, печет до смерти. Хозяева плантаций, говорят, запрещают людям работать днем. Умное дело.

— А чего ты работаешь? Самое время уйти на пенсию.

— Что мне делать на пенсии? Кебаб жарить? Или стоять на углу и перебирать четки? Нет, сынок, надо работать. Я ювелир, а это дело самое стариковское. У молодых терпения не хватает, знаний, опыта.

— Верно говоришь, отец. Догадливый ты... Я и правда к тебе по делу. Выручай.

Аслан-дан довольно усмехнулся, отложил газету, которой обмахивался.

— Задумал еще одного миллионера поймать?

— Нет, ата, вора.

— Говори, слушаю.

— Скажи, Аслан-дан, приходилось тебе видеть черный жемчуг?

— Черный? Почему нет? Видел не один раз... Только в старое время. — Глаза ювелира засветились. — Бывало, при-

¹ Крепкий, особым образом заваренный чай (азерб.).

дет в город верблюжий караван из Ирана или Арабистана. Интересно! Купцы на базарах выставляли такие ожерелья — глаза слепли. Индийский жемчуг продавали нитками — белый, черный, розовый. Черный редко попадался. Однажды, я еще был молодым, один караванщик показал такую жемчужину, что дыхание захватило. Сказал, с берегов Красного моря. Веришь, смотрел и не мог оторваться. Ничего похожего потом не видел... И уж, наверно, не увижу.

Как сейчас помню. В ожерелье из десяти розовых нитей жемчуга, в золотой ажур, вправлена была большая черная жемчужина. Запросил он много — где мне! Тогда дело свое только начинал. Понимаешь, сынок, какая это была ценность? На вечные времена. Счастлив был тот, к кому она попала. Потом я часто думал, какую красавицу украсило это бесценное ожерелье? Один аллах ведает...

Слушая, Агавелов сравнивал. Конечно, Лейла в этих делах разбиралась мало, да и не очень этим интересовалась. Но семейная драгоценность Гасановых — даже в бледном ее описании — напоминала ожерелье, попавшее в Баку с берегов Красного моря.

— Это история давняя, наших дедов. А меня, понимаешь, волнует событие совсем свежее... — Агавелов старался говорить спокойно, даже слегка вяловато.

— Понимаю. Но сейчас такое ожерелье увидишь разве что в музее. Стой, а чего ты вдруг заговорил о жемчуге? У кого украли?

Широкий мясистый нос Аслана-даи порозовел от волнения.

— Если б ты знал, ата! Если б ты только знал! Старик покачал головой.

— Такие вещи встречаются редко. Мне за последние тридцать лет не попадалось... Не слышал и не видел.

— А если бы...

Аслан-даи не дал ему договорить.

— Если бы появилась, я знал бы. Все понимаю. Можешь на меня положиться. Услышу или увижу, позвоню тебе и скажу. Иди с богом.

— Спасибо, ата. Спасибо.

Агавелов попрощался. Он был не очень огорчен. На нет и суда нет. Тем более, что нет — тоже кое-что значит. Видимо, похищенный жемчуг пока придерживают. Хотя, может, и увезли. Если так, худо. Мало ведь найти грабителей, надо и вернуть похищенное.

Агавелов вышел на знакомый проспект. Вот и ее дом с глубокими лоджиями. Из раскрытого окна доносились звуки музыки. Найти предлог, конечно, нетрудно. Он постоял, подумал. И твердо решил, что перешагнет порог этого дома лишь с жемчугом в руках. Он верил — так будет...

Жанна быстро пришла в себя и даже успокоилась. Облск ничего не дал, а ей обеспечена надежная поддержка Кафарова. Она достаточно щедро оплачивает «своего человека» в милиции. И Жанна почти в открытую продолжала торговать коньяком и водкой.

Однако порой на нее наваливался страх. И тогда Жанна подозрительно всматривалась в каждого незнакомого. «Кто такой? Почему задержался у стойки? Что пьет так медленно, будто занимается дегустацией?» Нет, не очень веселой была жизнь у Жанны...

Федору Клокову по паспорту было шестьдесят, но выглядел он много моложе. Высокий, крепкий, широкие крутые брови почти закрывали серые глаза. От этого его крупное, почти без морщин лицо казалось угрюмым. Однако было в нем и что-то по-стариковски добродушное. И хотя ворчал он часто, на него не обижались.

Клоков заведовал пищеблоком военного госпиталя, был у начальства на хорошем счету. Но для него самого важнее был толстый, прошитый и пронумерованный журнал, куда больные записывали отзывы.

К приходу дежурных врачей Клоков вывешивал этот журнал в кухне, надевал безукоризненно отутюженный халат и ослепительно белый колпак. Важно прохаживаясь вдоль котлов, он солидным баском отдавал команды, отчитывал поваров, хвалил санитаров.

Закончив обход, Клоков, как обычно, вернулся в дежурное помещение кухни. Врачи — сегодня дежурили Сона Гасанова и Марина Белякова — снимали пробу. Федор Алексеевич любезно поклонился.

— Добро пожаловать, Марина Сергеевна, Сона Ильясовна. И прошу в мой кабинет... Сейчас я распоряжусь, принесут обед, две порции. Вы, Марина Сергеевна, если не ошибаюсь, предпочитаете борщок со сметанкой? Знаю, знаю...

Белякова и Гасанова вошли в кабинет заведующего. Над аккуратно прибранным столиком висел журнал. Тот самый, с отзывами, которыми так гордился Клоков. Белякова полистала, прочла вслух две записи.

— Толковый человек этот Клоков. Отзывы превосходные.

— Мне говорили. Очень порядочный. И поспевает всюду. Сам следит за приготовлением пищи, обязательно расспросит больных. Заботливый старик.

— Что вы говорите, Сона-ханум? Не дай бог, услышит, что его называют стариком, обидится, будет переживать неделю. Начальник госпиталя на пятиминутке как-то назвал его ветераном-хозяйственником. Видели бы вы его лицо...

Вошел Клоков. Часто дыша, подсел к столику. Устало улыбнулся.

— Уж не обессудьте, вас пригласил, а сам задержался. Целый день, что твоя белка в колесе. Не досмотришь, обязательно обнаружится непорядок... Я своим все объясняю, что участок у нас ответственнейший. Воин болен? Болен! Пища какая требуется? Усиленная. Другой раз молодые попетушались, а все же исполняют. Работники серьезные, не обижаюсь...

Толкнув дверь ногой, вошла повариха. Поставила на столик поднос с кастрюлей и тарелками. Клоков сам разлил борщ, расставил тарелки.

— Спасибо, душенька. Спасибо. Ступай. И меня извините, — повернулся он к врачам, — побегу в залу. Как говорится, чужой глаз — не свой. Надо приглядеть!

— Пожалуйста, Федор Алексеевич.

Клоков отошел, но что-то вспомнив, вернулся. Сказал, виновато улыбаясь:

— Чуть не забыл, Сона Ильясовна, простите, — Гасанова и Беякова удивились. — Слышал, у вас неприятности. Не прояснилось? Обещает что-нибудь милиция-то?

— Да-да, Федор Алексеевич, — Гасанова смущенно кивнула. — Обокрали меня. Военный.

— Военный? — широкие, кустистые брови Клокова поползли вверх. — Подумать! И кто же, известно?

— Нет. Милиция ищет.

— Во-во, на то она и милиция! Найдет. Никуда грабитель не денется. Да вы очень уж не расстраивайтесь. Жизнь, как поезд: несколько вагонов мягких, остальные жесткие...

Он нахмурился и, что-то бурча про себя, вышел.

Марина Сергеевна долго смотрела в тарелку с супом, все пыталась вспомнить что-то такое, очень важное, что забыла сказать тогда в кабинете следователя. Так и не вспомнила. Взглянула на Сону-ханум. Расстроена. Еще бы! Вопрос Клокова напомнил о краже. Сидит, машинально водит ложкой по тарелке, а к борщу так и не прикоснулась.

Федор Алексеевич продолжал заниматься бесконечными своими делами. Надо было еще повидать новеньких. Он считал своим долгом познакомиться с каждым; ласково, по-отечески расспросить, откуда прибыл, доволен ли завтраком.

Шеф-повар пока что не говорил, что собирается в море. Жаль уходить, столько лет проработал. А что делать, если морской воздух предписан врачами?..

19. ОШИБКА КАПИТАНА ИБРАГИМОВА

Через день Ковшов, как обещал, осмотрел Заура. Гематома и отечность исчезли. Теперь больной был вне опасности. Дело явно шло на поправку, и хирург снял швы.

Он разрешил, наконец, свободно вставать с постели. Заур обрадовался, как мальчишка, вырвавшийся на волю. Гуляя с Маритой по больничному двору, он с интересом смотрел на серое здание хирургического корпуса — место своего заточения, на сосновую рощу во дворе, паруса облаков, плывущих в высоте. Два облака шли рядом — рука об руку. Треснула под ногами сосновая шишка. Марита подняла, повертела в руке.

— Скоро осень. — Она заметно погрустнела. — Не знаю, как быть с институтом. Я ведь в деканате ничего толком и не объяснила.

Заур ласково обнял ее за плечи, подвел к скамейке.

— Не волнуйся. Институт я беру на себя.

— Снова перевод?

— Да. Только теперь это естественно и закономерно. Надеюсь мое слово тоже что-то значит?

— Конечно! Но учти, наш Тилтус страшен в гневе, он ни за что не согласится. Ты думаешь, кто я? Восходящее светило в области грудной хирургии! Проверь дневники после практики. Тилтус сказал, что возьмет меня ассистенткой к себе в клинику.

— Но ведь разговор состоялся, когда меня еще не было?

— Думаешь, переведут?

— Не сомневаюсь, — Заур улыбнулся.

На асфальтовой дорожке появился человек
форме. Марита заметила его первой.

— Ой, смотри, Заур! Андрей? И, кажется, с ним девушка.

Это действительно был Огнев. С ним шла Эра, которой, наконец, разрешили повидать Акперова. Она так охотно и

смело помогала оперативникам, что даже Агавелов поверил ей. В отделе ее считали своим человеком и не сомневались, что в решительный момент она не отступит, поможет справиться с Султаном.

На Эре было легкое желтое платье. Копна светлых волос собрана на затылке. Огнев издалека узнав Заура, свернул с дорожки. Эра бросилась вперед, подбежала к Акперову, заговорила горячо и порывисто:

— Простите, Заур-Алекперович! Это все из-за меня... Даже сказать спасибо не дали. А я вам так благодарна!

Заур неловко поднялся со скамьи.

— Что вы, Эра! Ну, пожалуйста, хватит...

Она почувствовала, что ему это неприятно, и сразу взяла себя в руки.

— Простите, нервы. Все время думала о вас. С выздоровлением!

— Спасибо.

— Вы совсем... совсем не сердитесь на меня?

— Разумеется. Вообще каждый из нас делал свое дело: я пытался задержать Султана, он защищался. Надо признать: лучше получилось у него. Агавелов привел бы подходящий к случаю афоризм. Скажем, «торопиться надо медленно». Ладно, учтем на будущее... Знакомьтесь, моя жена.

Эра с интересом смотрела на смутившуюся Мариту.

— Очень приятно.

Андрей обиженно покачал головой.

— Друг называется, не мог сказать раньше.

— Раньше было рано, дорогой. Сейчас самое время.

— Допустим. Но простым сообщением вы не отделяетесь. Такое событие, безусловно, следует... — Андрей подмигнул и щелкнул себя по горлу.

Заур знал: Огнев пьет мало и неохотно.—Один тон:

— За нами не пропадет. Правда, Марита?

— Правда.

— Тогда от души поздравляю! — Огнев обнял друга.

Через несколько дней Заура выписали. Марита, Агавелов и Андрей ждали его внизу. Сергей Николаевич, проводив их до машины, отозвал Агавелова в сторону.

— Надеюсь на вас. Больной, учтите, выписан досрочно. Работать ему пока не следует. А бегать тем более. Возможен разрыв артерии. Обещаете?

— Дум спиро, спэро¹, — заметил Агавелов туманно и добавил серьезно: — Не беспокойтесь, все будет в порядке.

— Ох, не очень-то я вам верю...

— Сережа, брось, — крикнул из машины Заур. — До встречи! Марита проследит. И давайте трогаться. А то этот инквизитор еще какой-нибудь анализ выдумает.

Акперов с трудом дотянул до вечера. После обеда он поднялся, покорно выслушал возмущенные крики Мариты Пери-ханум и вышел из дому.

В кабинете он появился внезапно. Даже друзья, знавшие характер Заура, так рано его не ждали.

— Ты? Но разве...

— Разве трехнедельного безделья мало? И хватит об этом. Сейчас меня интересует одно. — Он прошелся по комнате, сел в свое кресло. — Обыск производился только в квартире Тер-Теровой?

— Конечно. А что? — Не понял Агавелов.

— Так я и думал. Лопухи! А павильон? Ведь это же ее вторая квартира.

— Резонно! — признал Андрей. — Но ошибку мож править. Время еще есть.

— Поздно. Не думаю, что Жанна настолько наивна. Обыск должен был ее насторожить. Ладно, давайте новости! Все, о чем до сих пор умалчивали. Нюхом чувствую: случилось что-то интересное.

— Сегодня получили еще один материал на Султана. Из прокуратуры Белозерска, — сообщил Огнев. — У них Тер-Теров проходит как Михаил Балаев. В деле приведены отпечатки пальцев. По заключению эксперта они принадлежат Тер-Терову. Кроме того, Светлана Киреева, которую он обманул, описала его достаточно точно. Вряд ли могут быть сомнения, что Михаил Балаев и Яков Тер-Теров — одно лицо.

— Что ж, картина постепенно проясняется. Других новостей нет?

— Ибрагимов что-то обнаружил. Ждем его с минуты на минуту; — доложил Агавелов.

— Что-нибудь серьезное?

— Видимо.

— Да, ты же не знаешь, — спохватился Агавелов. — Есть заключение научно-технического отдела. Пистолет «ТТ», найденный на месте убийства Махмудова, был похищен в 1948

¹ Пока дышу, надеюсь (лат.).

году в районе Львова. Его владельца — участкового Степана Гору — убили. Убийцу, представь себе, тоже звали Степан Гора. Приспешник фашистов. Потом познакомишься. Ибрагимов раскопал много материалов, он у нас герой.

Как раз в этот момент вошел Ибрагимов. Увидев Заура, изумленно вскинул брови.

— Проходи, герой. Садись и рассказывай.

Ибрагимов вытащил из кармана небольшой белый блокнотик.

— Полагаю, смогу сообщить вам кое-что интересное. Как вы знаете, мне было поручено установить наблюдение за домом Жанны Тер-Теровой. Неделию назад общественники сообщили мне, что к дому Тер-Теровой подъехало такси АЗА 10-05. Из машины вышла интересная девушка и скрылась во дворе.

Сначала я не придавал этому факту особого значения — в этом доме живет еще пять семей. Однако дал указание наблюдения не ослаблять. На следующее утро эта особа вышла из квартиры Тер-Теровой, села в ожидавшее ее такси и уехала. Тут я уже насторожился. Значит, девушка провела у Тер-Теровой всю ночь. Решил дежурить сам. Просидел у окна весь день, но никто не появился. Конечно, я записал и номер второго такси — АЗА 30-96. Под вечер вернулась Жанна Тер-Терова, вошла со двора. Спустя полчаса — в первый момент я не поверил собственным глазам — к ней вошел, только не со двора, а с улицы участковый Кафаров. Вышел он от нее довольно поздно, в 22.00.

— А откуда он вышел?

— Со двора.

— Любопытно, — Заур покачал головой. — Продолжайте, капитан.

— Я сказал дружиннику, чтобы он продолжал наблюдение, а сам пошел за Кафаровым. Он направился прямо к себе в участковый пункт. Я погулял немного вокруг и как бы случайно заглянул к нему. Кафаров был навеселе. Я, естественно, сделал вид, что ничего не знаю, стал расспрашивать о делах.

Он пожаловался, что трудно. Много забот, да еще за участком нераскрытое убийство. Я сказал в тон, что и нам не легко. Пожаловались мы друг другу. Потом он рассказал, что ему поручили наблюдать за Тер-Теровой, а ему пока ничего не удалось узнать. Ох и хитрая баба, говорит.

Я спросил, а не пробовал ли он просто с ней поговорить? Оказывается, пробовал. Несколько раз заходил к ней в па-

вильон, беседовал, хотел зайти и домой, но не решился. Как бы не нарваться на провокацию. От нее всего можно ждать...

Ну, думаю, и ловок ты врать. Я бы, может, и поверил, если бы не видел сам. Ему я, понятно, ничего не сказал. Вернулся в пункт наблюдения, попросил, чтобы ребята отмечали в журнале все визиты в дом Тер-Теровой. Сам же я решил кое-что уточнить...

Сообщение в самом деле было интересное. Слушатели молчали, стараясь не упустить ни одной детали.

— У меня в блокноте были записаны оба номера машин, — продолжал капитан. — Узнать, к какому парку они приписаны, было нетрудно: первый и третий. Водителя такси АЗА 10-05 я нашел довольно легко. Он вспомнил, что к дому Тер-Теровой привез старика с бородкой, в роговых очках, и молодую женщину. Такси остановили на Московском проспекте, у лампового завода. Девушка вышла перед домом, а старик вернулся в поселок Нефтепереработчиков и сошел на Клубной улице, у остановки автобуса...

— Гм! Не хотел, чтобы шофер знал его адрес — это, в первых, — сказал Заур. — Во-вторых, это место нам знакомо. Очевидно, в этом районе должна быть их квартира.

— Совершенно верно, товарищ майор. Второго шофера найти было труднее. Ребята перепутали серию номерного знака. Не АЗА, как они записали, а АЗТ. Шофер рассказал, что он действительно взял девушку у дома Тер-Теровой и отвез ее в тот же поселок, на самую окраину, к горе Степана Разина. Она зашла в небольшой каменный домик, быстро вернулась и попросила отвезти ее в аэропорт. Самолет киевский.

— Киевский?

— Да. Было это дней пять или шесть назад. Шофер проделал весь маршрут, показал мне дом на окраине поселка. Мы хотели уже ехать назад, но тут я заметил, что из этого дома вышел пожилой человек в соломенной шляпе. Думаю, тот старик или нет? Субъекту, который меня заинтересовал, полагалось быть в очках и иметь бородку. Тут ничего похожего. Все же я решил проследить.

Старик сел в автобус, доехал до сада 9 Января. Вошел в Управление пароходства. Я прождал в машине полчаса. Никто не появился. Шофер стал ныть, что не выполнит план. Я его отпустил, зашел в здание пароходства. Обегал этажи, заглянул во все кабинеты... Старик исчез.

— Ясное дело, — усмехнулся Заур. — Пока ты лазил по

этажам, он вышел, даже не подозревая, что оставил тебя с носом.

— Вы правы, товарищ майор. В первый момент я огорчился, что его упустил. Но потом решил, что это не страшно. Дом знаю, лицо запомнил. Остальное, как говорят, дело техники.

Три дня подряд с шести утра я дежурил у дома. За это время никто не появился, на дверях висел замок. Думал, что сегодня в последний раз попытаюсь. Увижу старика — хорошо, нет — сделаю недельную паузу. Попросил товарища, чтобы он отвез меня в поселок на своей «Победе». На сей раз повезло. Старик вошел в дом, вышел. Остановил такси, поехал в город. Представьте себе, как я удивился, когда такси остановилось у ворот военного госпиталя...

Заур напрягся, придвинулся ближе к Ибрагимову.

— Ну, ну!

— Тут я, кажется, совершил ошибку. Старик вышел из такси, двинулся к воротам госпиталя. Я выскочил из «Победы» и за ним. Забегаю во двор. Длинная аллея, по обе стороны густые лиственные деревья. Спросил сторожа, проходил ли мимо него пожилой человек и так далее. Отвечает, что направлялся к передаточной. Я — туда. Вхожу: одни женщины, моего субъекта нет.

— Опять упустил? — спросил Заур спокойно.

— Если бы так. Слушайте, что было дальше. Возвращаюсь к своей машине. Ее нет на месте. Угнали? Подбегаю к сторожу, спрашиваю. Сторож таращит глаза и уверяет, что никакой машины не видел. Можете себе представить мое положение? Я обыскал все вокруг, облазил окрестности, забрел в поселок Строителей. Смотрю, моя «Победа» стоит за клубом. Подошел, сел за руль и проехал метров десять. Задняя правая крышка спустила.

Ибрагимов смущенно взглянул на Акперова и умолк. Заур покачал головой.

— Эх, капитан, капитан... Старик обвел тебя, как мальчишку, вокруг пальца. Но это еще полбеды. Главное — ты себя расшифровал, теперь он, конечно, насторожится. А птица эта, судя по всему, крупная.

Он помолчал.

— Товарищи, прошу внимания. Надо немедленно выяснить, кто этот старик и проверить, какое он имеет отношение к госпиталю. Срок — до завтра. Дальше. Следует произвести у Тер-Теровой повторный обыск. Естественно, и дома, и в киоске. Только, пожалуйста, без накладок. Я думаю, мы получили хо-

роший урок. Если ока́жется, что старик замешан в преступлениях, его придется задержать. Подготовить группу захвата к завтрашнему вечеру... Теперь обсудим детали. Подготовиться надо основательно.

Заур снял трубку и позвонил Байрамову.

20. ВСЕ О ДОКТОРЕ

Вечерняя заря отпылала. Сухая, изрезанная трещинами земля с редкими заплатами зелени тянулась до самой горы Разина. В наступившей темноте таинственно и мрачно зиял вход в пещеру.

Чуть в стороне, в небольшом домике почти на самой окраине поселка, тускло светилось одинокое окно. Федор Клоков не любил яркого света, даже настольную лампу обычно прикрывал газетой. У себя, в полупустой мрачной комнате он был мало похож на добродушного заведующего пищеблоком, над которым за спиной посмеивались поварахи. Поглаживая подбородок, он хмуро смотре́л на сидящего напротив Яшку. За эти немногие дни Султан заметно осунулся, взгляд стал тяжелым, давящим.

— Все в темноте сидим, — проворчал Яшка, не глядя на Клокова. — Надоела темень... Света хочу. Понимаешь, света.

— Может, решил завязать? — спокойно спросил Клоков.

— Что вы! Мне завязать не легче, чем заново родиться. Если собирался, надо было думать раньше. Сейчас поздно. — Яшка вздохнул. — По дурости растоптал и искалечил собственную жизнь.

Внимательные глаза Клокова ощупали Яшку. Потом он отвел взгляд, растянул губы в улыбке.

— Значит, погулял. Не устала кобыла, что до Киева ходила?

— Кобыла? Не знаю. А я, как пес бездомный, избегался.

Яшка жадно потянулся к бутылке водки, налил, опрокинул стакан, смачно хрустнул огурцом.

— Сдох, бобик, батя! Когда поезд к Баку подходил, мне вдруг втемяшилось в голову, что ждут меня на вокзале. Сошел в Кишлах, прогулялся пешочком. Встретил постовых. Не за моей ли, думаю, душой? — Он криво усмехнулся. — А что, здорово меня искали?

— А ты думал! Пришлось мне грехи твои латать. Ну, да

это ничего. С поклонов, говорят, голова не болит. К сестрице твоей заходили с обыском. Однако ты не дрейфь. Порядок, я ее вовремя предупредил. Так что фраернулись фараоны.

— А мне что? — Яшка махнул рукой. — Она, как кошк всегда вывернется и на ноги встанет.

— Это хорошо, что нервы не гуляют. Есть одна мысль, Яша.

Тер-Теров тяжело опустил стакан на стол.

— Опять дело? Избавь, батя. Износился.

— Ты пей, Яша, пей. О деле потом потолкуем.

Замолчали. Было слышно только, как чавкает Яшка, как постукивает по стакану край бутылки.

— Не о том думаешь, — продолжил разговор Клоков. — Мокрых дел больше не будет. По-новому начнем работать, интеллигентно. Валюта... Ну, еще кое-что. Иметь дело будем с иностранцами. Полагаю, тебе подойдет, Яша? Не мешало бы только забрать у сестрички игрушку. Все-таки штука серьезная. Как бы ни влипнуть. Для такой игры женщины не годятся. И мозги не те, и твердости маловато. В случае чего, всё выложит.

Яков медленно покачал головой. Хмельные его глаза смотрели куда-то в пустоту, мимо Клокова. Что они там видели? Дороги, вокзалы, чужие углы? Угар бесшабашных разгулов, жесткие лица конвоя, таежные глухие топи с зудящим комариным звоном? Или мальчонку, что всю дорогу до Баку просидел у Яшки на коленях? От его белобрысой макушки исходил запах пригретого солнцем сена. «Дите, оно доброго человека признает», — не уставала повторять бабка, ехавшая с внуком к сыну. Когда прощались, пацан все кричал Яшке: «Дяденька-а-а, обещал ты... к на-а-ам. Остров Артема называется. Смотри-и, обеща-а-ал...»

Вдруг захотелось дико, до невозможности — податься к теплым апшеронским пляжам. На ясок. Походить вдосталь под солнцем. И чтоб пацан этот рядом... У-у....

Он скрипнул зубами, усмехнулся. Влезет же дурь в голову! Небось портреты размножили, смотрят в каждую морду. Тихо надо сидеть, мирно. А этому старому черту не сидится. Что-то опять задумал. Зря он тогда с ним связался, попал на крючок.

— Так как же, Яша? — тяжелая рука легла на Яшкино плечо. — Деньги большие, валюта... Рискнем, а?

— Какая валюта, старик? — Яшка вывернул плечо из-под чужой руки. — Другая у меня профессия. Вор я, слышишь?

Уголовник. Чихал я на твоих иностранцев. Не желаю. Еще шпионаж пришьют. Не мое это дело, государ-ственное... И вообще не желаю.

Клоков встал. Глаза налились кровью.

— А стрелять в работников милиции, это что не государственное дело? Иди, докажи теперь, что ты не в него метил; Яша. В девку свою, подлюгу. И меня чуть не заporол. Сегодня, для примера, я едва унес ноги. Чуешь?

Султан с силой сжал пустую бутылку.

— Слушай, старик, ее не трожь. Даже словом не касайся. Я могу по-всякому. А больше никто. Не трожь!

— Вот ты как разговаривать научился, Яшенька? — Клоков с искренним интересом посмотрел на собеседника.

— И не попрекай меня, — упорно продолжал Яшка. — Сам тогда предложил подмогу, спрятал. На том спасибо. И точка. На новое дело не тяни.

— Я не тяну. Сам пойдешь, — сказал Клоков жестко. — Другой дороги у тебя нет. Или со мной, Султан, или...

— Или?

Яков резко обернулся к двери и вздрогнул. Губы его беззвучно зашевелились...

Заур вернулся домой во втором часу ночи. Пери-ханум дремала на диване, Марита сидела за столом и листала книгу. Она подбежала к Зауру, помогла снять пиджак.

— Чего не спишь, Мари? — спросил он.

— Еще не привыкла. — Она вскинула на Заура сияющие глаза.

— Так, дорогая, дело не пойдет. Жена оперативного работника должна быть спокойна и выдержанна, как хирург. Запомни!

— Но ты еще не совсем здоров, милый.

— Я здоров, как бык. И не надо обо мне беспокоиться. Помни, со мной никогда ничего не случится, это я знаю точно. Скоро вот поедем в Москву, отдохнем. — Заур поцеловал ее в щеку. — А теперь спать. — Мама! — позвал он.

Пери-ханум вздрогнула и поднялась.

— Вернулся? Ладно, завтра же все расскажу Сергею Николаевичу. И Хосрову Амировичу пожелаюсь.

Заур сел, стул жалобно скрипнул под тяжестью.

— Мама; неужели ты можешь так поступить? Признайся честно, ты пошутила.

— Какие могут быть шутки! Женатый человек, у тебя семья. Хватит...

Они лежали рядом. Рука Мариты осторожно гладила жесткие волосы мужа. Не спалось. Заур легко коснулся губами щеки Мариты. -

— Сколько я искал тебя... Никогда не думал, что эта н будет стоять нам так дорого.

Марита уткнулась лицом в его плечо. Он дотянулся губами до ее лба, вдохнул запах волос. Марита приподнялась, долго смотрела на него.

— Знаешь, все эти годы я жила в вечном страхе. Не верила, что мы встретимся и когда-нибудь будем вместе. Все так внезапно! Я твоя жена... Может быть, мне это только приснилось?

Рано утром Заур был на работе и сразу же занялся подготовкой к операции. В очередной раз, выскочив из кабинета, он натолкнулся на Ковшовых. Сергей укоризненно качал головой. Ирина беззвучно смеялась.

— Что, попался с поличным?

— Каюсь, Сережа, виноват, — Акперов покорно опустил голову. — Готов понести наказание. Заходите ко мне. Прошу, однако, учесть, что все люди разные. Одних вылечивает отдых, других — работа.

Сергей Николаевич тяжело вздохнул.

— Пойми, Сергей. Именно сейчас я никак не могу лежать, просто не имею права. Дел по горло. И чувствую я себя отлично. Здоров, как олимпийский чемпион.

— Что с тобой говорить! Не думай, что я верю в твое идеальное здоровье. Просто нет сил спорить. Чертовски устал. И жара. Ирина таскала меня по всему городу, по магазинам. А потом предложила зайти к тебе. Смеется: уверена, что он на работе. И, увы, не ошиблась.

— Ирина молодец. Самый надежный компас...

— Конечно, конечно. Лести ей. Но скажи лучше, друг, каким компасом руководишься ты? Не кораном ли? Посадил молодую жену, так сказать, в КПЗ, а сам сбежал на работу. Как это называется? В выходной день надо отдыхать... Сходил бы с ней в кино, в филармонию. Сегодня, кстати, интересный концерт. Турецкая певица. Или милиция далека от искусства?

— Ну, это ты загибаешь. У всех бывают такие моменты, у работников угро просто чаще, чем у других. Ты же, наверно,

не оставишь больного на операционном столе, чтобы послушать певичку. Даже турецкую... —

— Э, брось. У тебя не жизнь, а сплошные моменты.

— И Мариту я не прячу. Сейчас она, вероятно, в саду. Полливает цветы и ждет гостей.

— Это кого же? — спросила Ирина с интересом.

— Неких Ковшовых. Я собирался позвонить вам часа в три, звать на шашлык: Из Карабаха как раз привезли чудную свежую баранину. Вчера вечером сам приготовил бастурму. Сам собирался и делать шашлык. Видите, каков диапазон способностей сотрудников уголовного розыска! Естественно, получили приглашение и Эдик, и семья Огневых. В общем, вся наша компания. Повод подходящий — женился я или нет?

— Именно! — оживился Ковшов. — Шашлык — это хорошо, прямо-таки отлично. Надо ехать. И немедленно. Чего мы ждем?

Заур замаялся.

— Сегодня не можем. Ни я, ни все остальные. Через два часа операция. Все подняты по тревоге, понимаешь? Но вас я прошу... Возьмите такси и айда ко мне. Отдохните, отведайте черешню прямо с веток, вишню... И Марите будет веселее. Шашлык, Сережа, ты сделаешь сам. А завтра все повторим, только уже в полном составе. Выручай, друг. Век тебе буду благодарен!

— Встали, — сказала Ирина.

— Видит бог, против шашлы не могу устоять, — развел руками Ковшов.

Через полчаса в кабинете Заура собрались сотрудники. К этому времени уже было известно, что в поселке Нефтепереработчиков проживает Федор Алексеевич Клоков. Жанна, доложил Ибрагимов, закрыла сегодня кноск задолго до перерыва и ушла домой.

— Стало быть, все в порядке. — Заур незаметно потер бедро, раненое место, — иногда побаливало. Сегодня нужно действовать особенно внимательно, предусмотреть все возможные варианты. Либо нам удастся раскрыть многое, либо мы крупно проиграем. Обстановка ясна? Андрей, ты возьмешь на себя Кафарова, действуй, как договорились. Эдуард подготавливает обыск. Вопросов нет? Ибрагимов направится прямо к пункту сбора...

Жанна вернулась домой в хорошем настроении, очень усталая.. Почти все утро она торчала в музы

школе, но своего добила — устроила сына в группу по классу кларнета. Правда, особых талантов у мальчика не обнаружили. Однако Жанну это не смутило: был у нее свой человек в школе, удалось найти и ход к директору. Талант — дело второе. И без него кларнетисты прекрасно зарабатывают на похоронах и свадьбах. Жанна мечтательно улыбнулась, легла удобнее, укрылась пледом.

Лёгкий стук в дверь прогнал сон. Она вскочила, проклиная непрошенных гостей, выбежала в прихожую. На пороге стоял Кафаров. Жанна обрадовалась, не сразу заметив, что он не в себе: лицо бледное, глаза затравленно бегают.

— Вай, Кафар! Ты всегда как снег на голову!.. — И мгновению осеклась.

Из-за спины Кафарова выдвинулись люди: трое в форме сотрудников милиции, соседи... Понятые, сообразила она. Жанна рванулась в комнату, остановилась. Спросила жестко:

— Кафар, что это?

Он не ответил. Заговорил майор.

— Добрый вечер, Жанна Сейрановна. Мы вынуждены снова вас побеспокоить. В прошлый раз обыск проводился без лейтенанта Кафарова, вашего участкового. Он был этим весьма недоволен и выразил желание лично участвовать... Товарищ Агавелов, предъявите постановление с санкцией прокурора.

Жанна схватилась за спинку стула. От напряжения заболели костяшки пальцев.

— Ты? Сам захотел... — Глаза у нее расширились, потемнели от злости. Кафаров угрюмо смотрел в сторону, его красивое лицо покрылось пятнами: уши, лоб, скулы...

Заур кивнул Агавелову.

— Гражданка Тер-Терова, — спокойно и чуточку торжественно произнес Агавелов. — Вот постановление. Вам предлагается добровольно сдать органам милиции все имеющиеся у вас драгоценности, деньги и другие, незаконно приобретенные вами предметы. Вы получили их...

— Вай, аствац! О чем он говорит? — завопила Жанна. — Вы же только обыскивали! Я несчастная, одинокая женщина, откуда у меня ценности? С братом, — чтоб он сгорел! — я не вижусь. Вай, он один и виноват во всех моих несчастьях! — Она металась по комнате, рвала на себе волосы, не замечая выразительного взгляда Кафарова.

— Прекратите истерику, Тер-Терова! — сказал Акперов резко. — Чего же нервничать, если у вас нет ничего?

— Откуда? — Жанна всплеснула руками. — Не верите, ищете!

Она сказала это так естественно, что на мгновение Заур усомнился. А вдруг правда? Но теперь уж ничего не изменишь. Заур придвинул стул к окну, попросил ее присесть. Кафаров встрепнулся. Он вдруг начал верить в чудо. Если обыск ничего не даст, они ответят за все — за оскорбления, за то, что отобрали у него оружие. Допустим, они знают об их отношениях. И что? Где сказано, что женатый человек не может любить другую...

Агавелов прошелся по комнате. Остановился у печи, открыл дверцу...

— Ничего.

Глаза Жанны блеснули. В темноватой комнате ее лицо на фоне окна выделялось особенно четко.

— Товарищ Агавелов, — сказал Заур спокойно. — Пожалуйста, вторично проверьте печь и дымоход.

И Жанна не выдержала. Она вскочила с места, рванулась.

— Почему? Кто вам дал право издеваться!.. Я буду жаловаться! Буду, буду!

Агавелов снял китель, бросил на тахту. Сунул руку глубоко, стал ощупывать дымоход. По тому, как сузились его глаза, Заур понял: что-то нашел.

— Здесь что-то есть, Заур Алекперович.

— Не сомневаюсь.

Жанна упала на стул, закрыла лицо руками. Плечи ее тряслись. Агавелов достал из печи небольшой сверток, развязал.

— Ого! Вот она, пещера Али-Бабы!

Кафаров подошел, глянул.

— У-у, тварь!

Заур усмехнулся.

— Без оскорблений, Кафаров. Скажите лучше, как быть с вашим рапортом? Там она у вас святая, здесь — дрянь. Не хорошо. И что вы защищали, Кафаров? Награбленное? Ради этого... Уходите! Немедленно...

Жанна, заливаясь слезами, упала на колени, обхватила сапог Заура.

Агавелов грубовато взял ее за плечи, усадил на стул. Разложил драгоценности.

— М-да, — протянул Огнев. — Действительно, Али-Баба и сорок... Нет, без разбойников тут не обошлось. Диктуй, Заур Алекперович, надо составить протокол.

Агавелов вышел на кухню умыться. Но и здесь был отчетливо слышен ровный голос Акперова.

— Золотые империалы — пятнадцать штук. Червонцы — сорок, николаевские. Кольца золотые с бриллиантами — пять. Браслеты золотые — три. Медальоны. Раз, два, три. Золотые сережки с алмазами — три пары. И, наконец, то, что нас особенно интересует!

Эдуард, не выдержав, заглянул в комнату и увидел, что Заур бережно поднял со стола ожерелье с черной жемчужинной в ажурной оправе. Долго смотрел на него, сказал Жанне:

— Вы хоть понимаете, Тер-Терова, что весь этот блеск, это золото стоило людям жизни? Своей жадностью вы погубили Кафарова — неплохой ведь был парень. Вы укрывали брата, помогая ему готовить новые убийства. Когда он передал вам черный жемчуг? Где он сейчас?

В тихом голосе Акперова была ненависть. Жанну трясло, она не замечала, как падают на пол шпильки из ее высокой прически.

— Все... Все скажу! Я не виновата. Я мать, у меня сын. Пожалейте, ради бога. — Заур нервно ходил по комнате. — Меня погубили... — Она вспыхнула. — Разве это люди? Зверь! Этот Яшка и его...

— Где Яков?

— У Доктора. Доктор его прятал, а не я. Вай, аствац, что со мной будет?

— Доктор? — переспросил Акперов.

— Не знаю. Откуда мне знать? Такой высокий, с бородкой, в очках, хотел забрать у меня ожерелье.

Заур взглянул на Агавелова. Эдуард кивнул: ошибку Ибрагимова может обойтись дорого.

— Немедленно отправляйтесь к Ибрагимову, — распорядился Заур.

— Слушаюсь! — Андрей вышел.

Заур наклонился к Жанне. Она была близка к обмороку.

— Хотите что-нибудь сказать?

— Да, матаг, да...

— Где деньги?

— Деньги? Там, в репродукторе, в другой комнате. Брата деньги. И мои. По копейке собирала. Все берите! Все! Дайте только умереть спокойно... — Она рванула ворот блузки.

— Перестаньте! Если вы дадите чистосердечные показания, Жанна Сейраповна, вы сможете спокойно жить, работать,

воспитывать своего сына. Личные вещи и деньги, разумеется, будут вам возвращены.

Жанна снова кинулась ему в ноги. Заур с трудом уговорил ее подняться.

— Ой, золотой мой. Погибла я! Чтоб этот Яшка сгорел! Искалечил и свою жизнь, и мою...

Заур отошел к окну. Стоял и смотрел на усыпанное звездами небо. Он почти не слушал, что бормотала Жанна. Сколько он встречал на своем пути таких женщин, запутавшихся, искалечивших свою судьбу, растерявших простые человеческие чувства...

Мысли незаметно вернулись к делу. Теперь многое становится ясным. Он перебрал в памяти показания Гончаровой, обстоятельства трагической гибели Махмудова... И все же, что это за Доктор? Для чего он оберегает Яшку и прячет его у себя? Теперь есть все основания их арестовать. И Султана, и этого загадочного Доктора.

Разрезая темноту прожекторами фар, машины мчались к поселку Нефтепереработчиков. С оперативной группой поехал Байрамов, Агавелов остался в райотделе для связи.

Машина въехала в поселок, свернула на улицу Узбекистана и, сбавив скорость, двинулась в сторону окраины. Не доезжая угла, машина остановилась. Впереди темнел силуэт одинокого домика. Подобрались бесшумно, прислушались. Тихо, пустынно. Заур говорил шепотом.

— Окружить дом. Оружие использовать лишь в самом крайнем случае. Брать живыми. Ибрагимов и участковый Храмов обойдут дом с тыла; Байрамов, Огнев и я идем прямо к двери. Собака наготове. Если кто-то из них прорвется, пусть овчарку. На сей раз Султана надо взять непременно.

Тихо... Серые тени бесшумно двинулись в сторону и растворились в мглистом тумане. Хрустнул под ногами сухой лист, и снова тишина. Заур подошел к двери. Протянул руку и натолкнулся на тяжелый замок. Положил пистолет в карман пиджака, обернулся к спутникам.

— Все! Доктор и Султан нам кланялись. Андрей, загляни в окно. Только осторожно. Осмотрите двор.

— Есть!

Огнев завернул за угол, осторожно подобрался к окну. Из-за дома выглянула луна, слабый ее свет коснулся стекла. Огнев прижался лицом к холодному стеклу. Отскочил, кинулся к Акперову.

— Опоздали!

— Что-о-о? — Заур сразу понял: что-то случилось.

Байрамов положил руку ему на плечо. — Спокойно спросил Огнева:

— В чем дело, Андрей?

— Ломайте дверь. Боюсь, что его убили.

Заур ударил ногой в дверь. Остальные навалились. Дощатая дверь треснула, сорвалась с петель. Они вошли в сени, потом в комнату.

Тер-Теров лежал на боку, неловко подломив под себя руку. Из темных глазных впадин в потолок смотрели мутные, подернутые ужасом глаза.

— В самом деле опоздали, — сказал Заур глухо. — Но кто его убил? И почему?

Байрамов присел на корточки, осмотрел мертвого, грустно покачал головой...

— Убрали еще одного свидетеля. Снова убийство. Меня не утешает, что убит плохой человек. Ладно, оставим философию на потом. Срочно вызовите врача и эксперта. А убил, очевидно, Доктор, больше некому. Не понимаю, как он сумел скрыться...

Никита Филимонович не ожидал, что ему так повезет. Взяли его на работу легко. Извинились, что первое время придется походить в каботаже. Затем, если все будет в порядке, переведут на линию Баку — Пехлеви. Пехлеви он, разумеется, знал. Иран, заграница...

Никита Филимонович как-то зашел по делу в бухгалтерию. Кассир считал деньги — плотные, тугие пачки червонцев. Побольше бы таких пачек и можно будет остаток дней прожить широко. А главное — иметь то, чего душа твоя пожелает. Никита Филимонович впервые позволил себе помечтать, взглянуть не на день, на год вперед.

Сразу осадил себя: «Стоп!» Жить надо одним днем.

И жил. Получал продукты, суетился, рассказывал анекдоты. Нужно как можно скорее стать «своим» в экипаже.

Пусть смеются, пусть острят над дядей Никитой, которого привело на флот предписание врачей. Даже хорошо. Свое дело он знает, в этом они убедятся в первом же рейсе. Только скорее бы, скорее. До чего же хорошо, если удастся пересечь границу на законном основании. А пока... Пока теплоходу «Ильдырым» предстоит короткий рейс — в Красноводск,

Агавелов предложил Жанне сесть, полистал протокол допроса. Жанна ничего не скрыла. Ни того, как внезапно возник перед ней Яшка, ни того, как он угрожал Гончаровой. Теперь, пожалуй, не осталось сомнений в том, что именно он ограбил квартиру Гасановых, застрелил Махмудова. Убийство Мелкумова, видимо, тоже на его совести...

— Скажите, меня посадят? — тихо спросила Жанна, униженно глядя на майора.

— Не знаю, Тер-Терова. Я не судья, — сказал, Агавелов сухова то и встал, показывая, что допрос окончен.

— Но ведь я ничего не грабила, не убивала, и у меня ребенок.

— Вы во многом виноваты. Думаю, однако, не настолько, чтобы вас лишили свободы.

— Господи, хоть бы так, хоть бы так...

Вошел конвоир, Жанна встала. Теперь это была совсем не та Жанна, которая еще недавно покоряла мужчин несколько вульгарной, но броской внешностью. Из кабинета вышла немолодая, усталая женщина, которая, может быть, впервые начала что-то понимать...

Заур вернулся с операции злой как черт. Напрасно Байрамов пытался его успокоить, Акперов не хотел слушать. Ищешь след, мучаешься, принимаешь самые жесткие меры предосторожности. Кажется, успех обеспечен. И вдруг все летит в тар-тарары — убит Яшка Султан, все нити оборваны, и надо опять браться за дело с самого начала.

— Кто такой этот Доктор? Скажи, где его искать? — Заур крупно шагнул по кабинету. Его-то мы обязаны взять живым! Байрамов уже сердито опустил руку на плечо Акперова.

— Зачем пороть горячку, Заур Алекперович? Я уверен, что Доктора удастся найти и арестовать. Для этого достаточно спокойно проанализировать все, что мы знаем. А знаем мы многое. Тер-Теров убит в доме Федора Клокова. Кто такой Клоков? Заведующий пищеблоком госпиталя, где работают и Гасанова, и Марина Белякова. Связь Султана с Клоковым очевидна. Это объясняет всю цепь событий, связанных с исчезновением жемчуга. Раз ожерелье у Тер-Теровой, остальное добро, видимо, у Клокова.

— Попробуем представить себе дальнейшее, — продолжал Байрамов. — Наведя Яшку на квартиру Гасановых, Клоков решил окончательно прибрать его к рукам. Он, конечно, знал, что Султан всерьез любит Гончарову. Знал, очевидно, и то, что с ней бывает Махмудов. Полагаю, он постарался раз-

жечь ревность, чтобы толкнуть Султана на убийство Махмудова. Заодно — от свидетеля ведь надо избавиться — убирают и Мелкумова.

Байрамов помолчал, устало потер лоб.

— Должно быть, потом между ними произошла размолвка, кончившаяся дракой. Результат ее известен. Вряд ли Клоков рискнул бежать из города — он, конечно, предвидел, что мы перекроем выходы. Где же его искать?

Байрамов взял сигарету, закурил, глубоко затянулся.

— Дальше мы вступаем в твою область, в зыбкую область предположений. Однако один ориентир у нас есть: Ибрагимов встретил его в пароходстве. Что он там делал? Вспомним, что он повар, иначе кок. Значит, вполне вероятно, что именно в этом качестве он ушел в море. Это, кстати, единственное место, где мы не будем его искать...

— Пока мне не ясно только одно: кто такой Доктор? Может, Клоков и Доктор — одно лицо? И еще... Какая связь между ними и убийцей Степана Горы? — Байрамов пожевал толстыми губами, сел за стол, закрыв папку.

— Клокова надо брать, — сказал он твердо. — По этому случаю не грех побеспокоить начальника отдела кадров пароходства. Прямо сейчас, не дожидаясь утра. — Слушай, перестань ты бегать!

Заур покорно остановился у стола. Несмотря на усталость, нервотрепку, разочарования, Байрамов сохранил и выдержку, и ясность ума. Вот тебе и старик... Вот тебе и консерватор...

— Ну, — усмехнулся Байрамов. — Кто тут самый смелый? Звоните начальнику отдела кадров пароходства:

Они встретились в отделе кадров в два часа ночи — работники отдела кадров и сотрудники милиции. В отделе кадров, конечно, поняли сразу, что ночной звонок имеет серьезные причины. Просмотрели приказы, подписанные за последний месяц. Нужной фамилии не нашли. Заур чувствовал себя виноватым — вместе с ними приехал полковник, начальник уголовного розыска республиканского управления милиции.

— Что-то тут не так. Не мог же этот человек исчезнуть? В госпитале нам сообщили, что Клоков уволился в связи с переходом на другую работу. У нас есть основания полагать, что устроился он к вам.

— Стойте, — вдруг спохватился инспектор. — Ко мне обращался один шеф-повар... Высокий мужчина, пожилой, в очках.

Кавалер орденов. Вы же помните, Николай Семенович? — Инспектор вспоминал подробности необычного визита. — Как не помните? Он еще говорил, что врачи рекомендовали ему морской воздух... Астма.

— Позвольте, — возразил отдел. — Но это совсем другой человек.

— Вспомните! — почти взмолился Заур. — Описание совпадает. Шеф-повар, пожилой человек, в очках.

— Но вас интересует Клоков. А на работу мы приняли Старкова Никиту Филимоновича. Вот его личное дело. Взгляните.

Николай Семенович придвинул папку. На фотографии был изображен незнакомый Зауру пожилой мужчина. Ни очков, ни бородки.

Оставалась последняя надежда. Заур послал машину за Ибрагимовым. Тот взглянул на фотографию и вскрикнул:

— Он! Лицо его!

Начальник отдела кадров пожал плечами.

— Этот человек плавает на теплоходе «Ильдры Ночью вышли в Красноводск.

— Ясно, — Заур встал. — Спасибо и извините. Разумеется, о нашем разговоре...

Ночью специальный вертолет вылетел в Красноводск. Когда «Ильдром» вошел в канал, работники милиции уже ждали на пирсе. Все было подготовлено для ареста подозреваемого.

Группа оперативников во главе с Зауром поднялась на теплоход. Капитан выслушал и пожал плечами. Он провел их в каюту кока. Старков взял постановление, небрежно повертел, бросил на стол.

— Чушь какая-то! Я не Клоков, а Старков, вот документы. За такие вещи могут погоны снять.

— О наших погонах вы не беспокойтесь, — спокойно сказал Заур.

В каюте произвели обыск. Оружия не нашли, но под койкой, в стене, обнаружили мастерски вмонтированную эбонитовую коробку. В ней лежали дамские и мужские золотые часы, три золотых цепочки, дюжина золотых колец с бриллиантами, медальоны, пачка денег сторублевыми купюрами — десять тысяч рублей.

Этот необычный клад извлек капитан Ибрагимов из-под койки. Все были поражены, только не Старков. Он усмехнулся и весело побросал:

— Вот это здорово! Интересно, кто же это у меня в каюте организовал ювелирный магазин?

Заур промолчал: в присутствии духа этому типу не откажешь. Матросы неодобрительно качали головами, видя, как уводят нового кока, чудаковатого и доброго дядю Никиту.

Утром Старкову предъявили материалы. Фотографию Тер-Терова, нож с проявленными отпечатками пальцев, личное дело повара военного госпиталя. Наконец, его фотографию, где он был с бородкой и в очках.

Старков отнесся ко всему этому весьма спокойно. Ни первый, ни второй допрос ничего не дали. Пришлось прибегнуть к опознанию. Все было сделано по правилам. В группе людей примерно одного возраста и повариха, и хирург Марина Белякова без труда узнали Клокова.

Старков, однако, продолжал молчать.

На следующий день Байрамов и работники угро собрались, чтобы обсудить положение.

Ибрагимов сразу предложил вылететь во Львов за женой человека, который называл себя Степаном Горой. Предложение одобрили. Через три дня он вернулся вместе с седой хмурой женщиной.

Наступил самый ответственный момент следствия. Все зависело от того, что скажет гостья.

В кабинете Заура она пристально и долго всматривалась в арестованного. Губы ее тряслись, всю ее бил озноб. Наконец, она шагнула вперед, протянула руки к Старкову.

— Степан... Степушка. Батюшка мой... Как же ты изменился, господи... — Она перекрестилась и вдруг обрушила на него поток проклятий. Потом так же внезапно умолкла и попятилась к двери. Агавелов мягко коснулся ее плеча.

— Простите... Вы узнаете этого человека?

— Степана-то? Конечно. — Она подошла ближе. — Степан Гора. Он и убил, проклятый, того, другого Степана.

Ввели Тер-Терову. Жанна не колебалась. Бросила быстрый взгляд на Старкова, сказала уверенно:

— Это Доктор! Он хотел купить у меня ожерелье с черным жемчугом. Он же предупредил меня о предстоящем обыске.

Байрамов распорядился увести арестованного.

— В общем ясно, — Фархад захлопнул папку. — Однако надо постараться...

— Что еще?

— Чтобы обвиняемый признал свою вину. Это важно и для дела, и для нас с тобой, Заур. Ведь речь идет о тяжчайших преступлениях.

Шли дни. Следствие было почти закончено. Однако Старков упорно молчал. И тогда Заур решился...

Старкова вызвали на допрос вечером, в необычное время. Но он держался спокойно — сел за приставной столик, положив перед собой крупные руки. Взял предложенную Зауром папиросу, медленно, с наслаждением курил, всем своим видом показывая, что происходящее его мало интересует.

Акперов наблюдал за ним с любопытством.

— Как вы себя чувствуете, Клоков?

— Я Старков, гражданин майор, а не Клоков. Извините, по все это дело вы затеяли зря. Оскорбляете фронтовика, старого и больного человека. Чью вину вы пытаетесь на меня взвалить?

Он неторопливо притушил папиросу. Как раз в это время Заур включил вмонтированный в стол магнитофон.

— Зря, говорите?

— Конечно. Не могу я признаться в том, чего не делал. Понимаю, вам этого хочется. Стараюсь, выискиваете подставных свидетелей. Не выйдет. Я свою жизнь дешево не отдам.

— Хочу вам сообщить, что Старков, чьим именем вы прикрылись, чьи документы похитили, жив. Мы его нашли в Киеве, и завтра он будет в Баку.

Впервые в глазах Старкова промелькнуло растерянное выражение.

— Зря вы так, начальник. Никого я не убивал, напрасно вы меня пугаете. Невиновен я. Никакого Султана не знаю. Человек я простой, обыкновенный.

— Да, я знаю. И тайник в каюте оборудовал вам чужой дядя. А вызвал я вас для того, чтобы дать вам еще одну возможность честно рассказать обо всем.

Брови Старкова дрогнули.

— Не понимаю вас, начальник. О чем я должен говорить? Вошел дежурный инспектор Никольский, положил на стол отпечатанные страницы и рядом пистолет «ТТ».

— Товарищ майор, вот пистолет, из которого был убит Махмудов. В обойме три патрона.

— Хорошо, оставьте... Кто из отдела здесь?

— Только начальник. Остальные выехали. Если понадобится, я внизу.

— Ладно, Никольский.

Снова они остались вдвоем.

— Зря запираетесь, Клоков, — сказал Заур мягко. — Следствие располагает достаточными доказательствами. Есть свидетели, есть вещественные доказательства. Как только прибудет Старков, мы предъявим вам обвинительное заключение и передадим дело в суд.

Арестованный машинально кивал, незаметно погляды на пистолет.

— Ну, Клоков, будете говорить? Время позднее. Нам обоим пора отдохнуть.

— А я не устал. Зря меня обижают. Я уверен, что меня освободят, да еще извинятся за ошибку.

— Жаль, Клоков, но...

Затрещал телефон. Заур повернулся к стене, снял трубку.

— Слушаю, товарищ полковник! Да. Один, конечно. Беседую с Доктором. Нет, всё спокойно. Ждем вестей... Что? Что вы говорите? Значит, Старков прилетел? Отлично! Очную ставку проведем завтра же. Пусть встретятся, потолкуют.

Старков решил. Метнулся, схватил со стола пистолет.

— Спасибо, товарищ полковник. До свидания. — Заур положил трубку и обернулся. Старков держал в руках пистолет.

— Что вы! — вскрикнул Заур. — Положите пистолет. Немедленно!

Старков встал.

— Вы еще слишком молоды, чтобы уложить на лопатки Доктора. Поиграли и хватит. До сих пор вам просто везло. Ну!

Заур беспокойно ерзал на стуле.

— Что вы хотите? — спросил он резко.

— Выведите меня на улицу. И будем квиты, майор. Бью я без промаха.

Бесшумно крутилась лента магнитофона, нога Заура нащупала кнопку звонка.

— Скорей, не тяни, начальник. Пошли.

Заур медленно поднялся. В этот момент дверь распахнулась, в кабинет вошел Байрамов. За ним — Агавелов, Ибрагимов, Никольский. Обалдело глядя на них, Клоков прохрипел:

— Вот тебе, начальник, Доктора. — Он нажал спусковой крючок.

Что-то щелкнуло. Клоков рванул пистолет, снова спуск. И сразу бросил оружие — он уже понял.

Вошел Асланов. Вместе с ним появился невысокий человек в форме полковника госбезопасности.

— Пришли... И госбезопасность? — прошипел Клоков.

— Совершенно точно, господин Степан Гора, — ответил полковник.

Клоков выпрямился, устало улыбнулся, потер переносицу. Сел, уставившись в одну точку. Множество глаз следило за каждым его движением. Ждали. Он вскинул голову, рванул ворот рубашки.

— Я Клоков? Ха-ха-ха! Я — Гора! — широко раскрытые глаза уперлись в хмурого полковника. — Я — Гора?.. Ошибаетесь! Я не Гора. Я Степка Кучерявый.

Шатаясь, он подошел к раскрытому окну. У окна, загораживая ему дорогу, стоял Огнев. Он взглянул на него и рассмеялся громким лающим смехом.

— Я скажу, все скажу. Только не надо господину Якобсу. Я не хотел Султана и того... Я скажу. Пишите. Сжег все. Всел Нет, нет, не я, господин Якобс, не я. А где Старков? Его Яшка, сукин сын, господин Якобс... Огоны! Я забыл потушить. В голове жжет. Больно! О-о-о, больно... — он упал на диван, обхватил руками голову.

Полковник тихо сказал Асланову:

— Срочно вызовите психиатра.

Голос Агавелова Лейла узнала не сразу.

— Алло! Что вы молчите? Не узнаете?

— Слушаю вас, товарищ Агавелов. —

— Я хотел бы, Лейла-ханум, зайти к вам в удобное для вас время.

— Я и мама будем рады, приезжайте... Хоть сейчас...

Проспект, дом с большими окнами. Дверь открыли сразу.

— Заходите, заходите! Мама, товарищ майор пришел! — Лейла схватила Агавелова за руку и потащила в гостиную.

Сона-ханум поднялась навстречу.

— Садитесь! — Она взглянула и тут же отвела глаза. Майор как будто был не совсем трезв: шинель не застегнута, фуражка надвинута на лоб.

— Стакан крепкого чаю? — весело сказала хозяйка. — Очень полезно. И берите яблоки, пожалуйста. Отличные. Из

деревни... Лейла, доченька, что там у нас есть вкусного? Чем собираешься угощать гостей?

Лейла надула губы.

— Ничем! Он не хочет раздеваться. Ни одного яблока я не дам этому непонятному человеку.

Эдуард спохватился. Как это получилось? Извинившись, он поспешил в переднюю, снял шинель. Когда вернулся, Лейла уже ставила на стол огромную вазу с румяными яблоками.

— Нет-нет, спасибо, — загадочно возразил Агавелов. — Лучше я вас угощу.

— Вы? Нас? — Лейла удивилась. — В самом деле, какой-то вы сегодня странный, товарищ Агавелов. Чем же вы нас угостите? — Она недоверчиво усмехнулась. — Вы чародей? Ну, тогда достаньте из вашей папочки мое любимое миндальное пирожное...

— А если достану? Да-да, ваше любимое... Агавелов улыбнулся.

— Нет, ты посмотри, мама, что он сегодня делает, — изумилась она.

Но Эдуард спокойно раскрыл свою папку, и на темной полированной поверхности стола мягко засветилось жемчужное ожерелье.

Сона-ханум навалилась на стол.

— Ожерелье... Мое ожерелье! Черный жемчуг! Неужели!

— А вот и остальное. — Агавелов аккуратно положил рядом другие драгоценности. Мать и дочь долго смотрели, как зачарованные на найденные украшения.

Агавелов ждал Лейлу у окна. За стеклом медленно и плавно кружились снежинки. Она подкралась сзади, благодарно шепнула в самое ухо:

— Спасибо вам! Эдуард, милый.

Он не отвечал и с грустью смотрел на далекие огни, думая о том, что видит ее в последний раз... Теперь нельзя будет прийти, позвонить, увидеть застывшие над клавишами руки. И словно угадав его мысли, Лейла тихо спросила:

— Вы больше к нам не придете?

— А разве вы нуждаетесь в помощи милиции?

Вдруг он увидел очень близко ее большеглазое, чуть скуластое лицо. Услышал смущенный голос:

— Можно я вас поцелую? — Ее неловкие губы ткнулись в его подбородок...

Выпал большой снег, и город изменился до неузнаваемости. Сугробы, санки, свистящие в воздухе снежки. Визг, смех, сердитые крики прохожих. Не часто бакинским детям выпадает такая радость.

Заур вихрем пронесся по коридору, чуть не сбив с ног белого от снега Байрамова. Только через два квартала удалось поймать старенькую «Победу».

— Скорей, дорогой! — сказал он шоферу. — К больни Семашко... Побейстрой, если можно.

Шофер узнал его, спросил осторожно:

— Беда какая-нибудь, начальник?

— А? Нет. Жену надо встретить с занятий. Стоит, наверно, у ворот, мерзнет. Боюсь, чтоб не забросали снежками.

Марита выскочила из хирургической клиники, на ходу запахивая шубку. Добежала до ворот. Где же Заур? Она постояла минут десять на холодном ветру и медленно пошла к перекрестку. Неужели опять что-то? За эти месяцы она уже привыкла к опозданиям. Не зря же он повторял постоянно, что жена оперативного работника должна быть хладнокровной, как хирург. Но насколько лет хватит ей этого самого «хладнокровия»?

Заура она узнала издали. Он бежал по сугробам, размахивая руками, раскрасневшийся, немного смущенный. Она помахала ему варежкой.

— Смеешься, что я бегу, как мальчишка? А что? Возьмешь и снова пропадешь, потеряешься.

— Так боишься, что каждый раз опаздываешь. Думала и сегодня не придешь.

— Не приду? Если даже город завалит снегом, все равно приду. Прорублю туннель.

— Фантазер ты, — сказала Марита. — Что-нибудь случилось?

— Нет. Все спокойно. Да! Чуть не забыл, есть письмо из Сибири. От Эры Гончаровой. Помнишь?

— А-а-а, поэтому ты такой веселый? Дамы ему пишут письма, а несчастная жена стоит на ветру...

Она запустила в него снежок и умчалась вперед. Он догнал ее, крепко схватил за плечи.

— Сумасшедшая! Тебе же нельзя. — Заур оглянулся — никого — и поцеловал ее в холодный побелевший нос. Взял под руку, бережно повел по заснеженной улице.

— Сколько же минут своего драгоценного времени вы смо-

жете сегодня уделить жене, подполковник Акперов? — спросила Марита, сунув руку в карман его шинели.

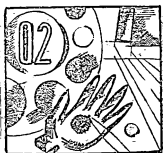
Заур взглянул на часы. Позвякивая цепями, их догнала машина. Хлопнула дверца, выскочил Ибрагимов.

— Товарищ подполковник, Байрамов сказал, что вы здесь. Пронсшествие... Квартирная кража.

Заур виновато посмотрел на Мариту. Она кивнула.

— Иди, родной. Я понимаю. Только имей в виду, я жду... Ничего, ничего. Я сама. Не беспокойся, я осторожно. Вот и троллейбус.

Она помахала вслед машине зеленой варежкой и, вздохнув, медленно пошла к остановке.

НИЧТО НЕ ПРОХОДИТ
БЕССЛЕДНО

1. СЛЕДОВАТЕЛЬ

...Снова ночь и создана она будто для того, чтобы распутывать узелки памяти. После дневных тревог, взбаламутивших душу, — тишина, мирный свет лампы. Пусть эта ночь так и пройдет — в тишине.

Поэт сказал: в тишине рождается талант. Не берусь спорить. Я не поэт, следователь. Если меня спросят, что такое следователь... Нет, я и тут не решусь ответить определенно: уж очень по-разному трактуют свою профессию даже сами следователи. Людям же, далеким от нашей специальности, кажется, что работа следователя — сплошная романтика. Следы, погони, засады, постоянное напряжение ума. Да, напряжения хватает: необходимость мгновенно оценивать обстоятельства, с которыми сталкиваешься, предвидеть ближние и дальние последствия чужих и собственных поступков держит тебя в постоянном напряжении. Говорят, состязание умов. Я сказал бы истязание ума; в пятьдесят лет у очень многих следователей ощущаются первые признаки склероза.

Конечно, следователь — человек, и ничто человеческое ему не чуждо. Но пока длится расследование, перед ним — в самое неожиданное время и в самом неподходящем месте — всплывают и гаснут вопросы: кто, где, когда, как, почему. И искать ответы на эти вопросы приходится обычно не в романтической обстановке старинной английской усадьбы, а на улицах большого города или в тонкостях технологии неведомого тебе производства. И от того, насколько верно ты проник

в суть вещей и обстоятельств, нередко зависит судьба человека, судьба многих людей. И всегда ли ты способен постичь чужую жизнь — сложное переплетение черт характера, влияний, обстоятельств и понять, что толкнуло человека на убийство, взлом, насилие, сделало его преступником...

Может быть, это прописные истины. Однако и прописные истины играют не последнюю роль в работе следователя.

Сколько раз за десять лет Яшару Агаевичу приходилось сталкиваться с прописными истинами, признавать их силу или опровергать. От этого странного занятия в двадцать пять лет поседели виски, в тридцать пять — вся голова. Смуглое лицо, черные густые брови, карие улыбчивые глаза и — совершенно неожиданно — почти сплошь седые волосы.

Разумеется, это ровно ничего не значит. Хорошие следователи не обязательно рано седеют. И вообще седина — вовсе не признак большого ума и глубокой натуры. Ведь так много седых дураков на свете...

Опыт есть опыт. Но всякий раз, когда следователь или, положим, инспектор угрозыска принимает к производству новое дело, ему приходится все начинать заново. Сколько людей — столько характеров, поступков, причин. Одинаковых обстоятельств, строго говоря, не существует. Опытный следователь с особой осторожностью относится именно к аналогиям. Порой только интуиция и тончайший анализ позволяют за внешним сходством уловить отличие, глубочайшее отличие.

Ведь что такое преднамеренное преступление? Это преступление, к которому человек готовится заранее, тщательно обдумывая не только свои действия, но и будущие действия следователя. И потому он намеренно путает карты: уничтожает естественные следы и создает искусственные, маскирует одни обстоятельства и подчеркивает другие, имитирует чужой стиль, манеру, почерк...

Ночь. Редко случается на дежурстве такая тихая ночь. Наверно, специально для того, чтобы распутывать узелки памяти. Но после отпуска Яшару не сидится в кабинете. Тесно, тишина давит. Он встал и вышел в коридор.

На втором и третьем этажах тихо и пусто. Ночь разогнала по домам самых заядлых. Эх, снова бы на Черное море! Темные самшитовые аллеи, горькая соль ветра и шум прибоя. Такое счастье — редкие звезды над морем, огни судов на рейде. Изумительное ощущение! Он попытался вернуть это чувство. Но оно ушло. Гулко стучат собственные шаги в пустом

коридоре. И ожидание беды: каждую минуту могут позвонить по «02». Беда! Какое горькое слово...

Яшар поднялся на четвертый этаж. Уголовный розыск. «Потолок» милиции. Узкая полоска света выбивается из-под двери кабинета старшего инспектора Акперова. Засиделся старик. Все как обычно.

— Да обессмертит имя твое аллах и угрозыск, великий сын сыска! — распахивая дверь, объявил Гезалов. — Привет от светлой морской волны, дрессированных дельфинов и пляжных красоток! Что тебя больше влечет?

Акперов откинулся на спинку стула и, казалось, дремал. Шум, поднятый Яшаром, не произвел на него особого впечатления. Он лишь приоткрыл глаза и слегка улыбнулся.

— С приездом, седой!

Яшар сел напротив, достал сигареты.

— Погряз в текучке или разгадываешь очередной трудный кроссворд? Эх, Акперов, нравишься ты мне. Как писали в старых романах: тонкость чувства в этом человеке сочеталась с бесстрашием, фанатическая любовь к своей профессии с...

Акперов выпустил тонкую струйку дыма, проследил, как она растекалась под потолком, превращаясь в облако, сказал негромко:

— А я сижу и гадаю, чего мне не хватает? Оказывается, сигареты. Спасибо, Яшар Агаевич. Ты, как истинный друг, всегда приходишь вовремя.

Гезалов и в самом деле любил Акперова и знал так хорошо, что почти безошибочно угадывал его настроение. Шутки, которыми они порой перебрасывались, как мячиками, не имели значения.

— Старик, я догадываюсь, почему ты в очередной раз ночуешь в кабинете. Исповедуйся, может, пригожусь.

— Не надо, Яшар. Хочу додумать сам.

— Пожалуйста, додумывай. Но тогда почему ты расстроен? Сохранять спокойствие и беречь нервы — это что, рецепт для других, Заур Алекперович? А полагать, что об этом никто в управлении не знает — по меньшей мере наивно.

— Ну чего ты пристал? — спросил Акперов устало. — Имею я право сам разобраться в деле?

Гезалов встал, прошелся по кабинету, тельно:

— Тантятся нехорошо, мой друг. Это новая грань в твоём характере. И не самая лучшая. Скажу по секрету: я был уверен, что ты здесь. В управлении строят догадки о том, что

случилось, а он скрыл информацию даже от близкого друга.

Заур вдавил окуроч в пепельницу и поморщился.

— Сгораешь от любопытства? — усмехнулся Акперов.

— Ничего подобного. Просто я отзывчивый человек.

Они как будто помещались ролями. Яшар сидел, небрежно откинувшись в кресле, а Акперов курил и быстро ходил по кабинету. Рассказывать ему не хотелось — только сегодня все началось и еще не улеглось.

С утра он собирался ехать в Насиминский отдел милиции. Встал, оделся. И тут позвонили из приемной: «Заур Алекперович? Вас просит зайти Юсиф Гейдарович. Срочно». Вызов был не совсем обычен. Как правило, его, старшего инспектора угрозыска, приглашал к себе либо начальник отдела, либо заместитель начальника управления. Вызов прямо к начальнику управления мог означать что угодно, в том числе и неприятности.

Чтобы успокоиться, Акперов достал расческу, неторопливо причесался, поправил галстук и лишь потом, захватив папку-блокнот, быстро спустился на второй этаж.

В приемной было тихо. Докладчица кивнула ему и глазами показала на полированную дверь. Он привычно толкнул одну дверь, другую и оказался в просторном, светлом кабинете. За столом, спиной к высокому темно-бордовому стеллажу с книгами, сидел полковник Керимбеков. Он склонился над бумагами так низко, что Акперов видел только его густые иссиня-черные волосы. Заур перевел взгляд на блестящий селекторный стол — с него обычно все начиналось.

Полковник оторвал глаза от бумаг, снял очки и кивнул и кресло.

Акперов сел. Это была первая встреча с новым начальником управления в его кабинете. Года два назад, когда Юсифа Гейдаровича назначили начальником отдела политико-воспитательной работы МВД республики, они случайно познакомились в Москве, в гостинице «Россия». Конечно, никто из них тогда не знал, что им придется работать вместе. Собственно, вместе они еще не работали: слишком велика была дистанция между старшим инспектором одного из отделов и начальником управления. Что же побудило полковника махнуть рукой на субординацию?

Полковник потер переносицу, совсем по-домашнему расправил пальцами морщины на лбу. Темные глаза без очков

смотрели мягко и чутью даже беспомощно. Но Акперов и прыгся, чувствуя, что разговор предстоит серьезный.

Однако, вопреки ожиданиям, Юсиф Гейдарович заговорил вовсе не о деле.

— Как вам работается?

— Обыкновенно, товарищ полковник.

— Слышал. Знаю, что трудно. Что поделаешь, такая у нас обыкновенная трудная работа... Так вот, я вас пригласил, Заур Алекперович...

Такое обращение — не по званию и не по фамилии, а по имени и отчеству — означало, что никаких провинностей за ним нет. А с другой стороны, от него, Заура, требуется нечто важное...

— Полчаса назад министр передал мне этот материал, поступивший из госарбитража. Хотелось бы, чтобы вы занялись им лично, хотя такого рода дела как будто не по вашему профилю. — Он пододвинул тонкую папку — десятка два страниц.

— Вы же знаете, что ЦК КП Азербайджана взял курс на борьбу с негативными явлениями. Особенно с хищением народного добра. Ну, а мы несем личную ответственность за искоренение антиподов... Не скрою, мы вас считаем одним из лучших сотрудников...

Акперов внимательно просмотрел письмо.

— Попробую, Юсиф Гейдарович. Сталкиваться с подобного рода делами мне действительно раньше не приходилось. Но я попытаюсь...

Полковник взял ручку и написал на титульном листе резолюцию. Протянул папку, сказал как бы между прочим:

— В Москве, когда мы с вами познакомились, я не предполагал... Искренне рад. Мне приятно, что буду работать с вами. Желаю успехов.

Акперов наклонил голову, попрощался и вышел. Юсиф Гейдарович медленно надел очки, повернулся к селекторному аппарату и нажал кнопку.

— Я слушаю, Юсиф Гейдарович.

— Юрий Александрович, сейчас у меня был Акперов. Я поручил ему разобраться в одном деле. Предупредите, чтобы в отделе ему создали все условия для выполнения задания.

— Слушаюсь.

— Благодарю...

Заур долго ходил по кабинету, наконец сел рядом с Гезаловым.

— Ты, Яшар, любишь повторять, что Цезарь советовал бить солдат Помпея прямо в лицо... Это, бесспорно, звучит.

Гезалов усмехнулся.

— Ясно. Сейчас я услышу нечто необычайное. А потом это необычайное окажется настолько простым, что...

— Увы, ты не пророк, Гезалов, и то, что я сейчас скажу действительно просто, очевидно и вместе с тем невероятно... Итак, предисловие. 23 апреля сего года некий Меджид Дашдамиров явился на кондитерскую фабрику, представился экспедитором Худатского райпотребсоюза, выложил гарантийное письмо, доверенность и получил шоколадных конфет и сумму пять тысяч рублей. Запомнил? В тот же день он побывал на заводе Винтреста и получил по таким же документам вин и коньяку на шесть тысяч. Через пять дней, перед самыми Первомайскими праздниками, он, а возможно и не он, приезжает на центральную базу «Промсовета» и забирает там товара на десять тысяч рублей. Наконец, пятого мая удачливый дядя ошастливил своим визитом чаеразвесочную фабрику. Оттуда он увез чая на две тысячи четыреста. Итого, как ты, очевидно, подсчитал, — двадцать три тысячи четыреста рублей. Все, как ты и предсказывал, легко и просто. Сложности возникли потом, когда предприятия, на основе гарантийных писем, выставили счета на инкассо, и в Худатском райпотребсоюзе поднялась тревога. Экспедитора Дашдамирова там и знать не знают!

— Афера тире грабеж! — не удержался Яшар. — Вполне обычно, просто крупная ставка. А какие зацепки?

— Это все, Яшар. Известна только одна деталь. Крошечная... Их было двое — Дашдамиров и Саламов. А предъявлен один паспорт XVI-ЛС № 741824. Понимаешь?

— Н-да... — Гезалов встал, подошел к раскрытому окну, взглянул, потянул носом. — Собирается гроза. Как вдруг затянулось небо. Какой день трижды дождь, трижды солнце. Прямо Сочи.

— О чем ты?

— О погоде. Не вдаваясь в подробности, замечу, что и Дашдамиров, ни Саламов паспортов, очевидно, не предъявляли.

— Гипотеза?

— Нет. Двух паспортов под одним номером не бывает.

— Логично.

— Еще замечу, что хозяйственные дела, Заур Алекперович, хотя они внешне и сходны с мошенничеством, лучше начинать

с анализа документов. Документы немые, пока в них не влезешь. А влезешь, поймешь их язык, заговорят не хуже любого свидетеля: точно, без выдумок и лжи.

— Заговорят, — Акперов медленно повторил слово.

— Ну, что ж...

Понятно, история эта не произвела на Гезалова ошеломляющего впечатления. Рядовой случай активного мошенничества при поразительном ротодействе некоторых должностных лиц. Фокус мгновенно теряет интерес, когда он раскрыт. Это аксиома. А вот нераскрытый фокус — ловкость рук и, как говорится, никакого мошенничества.

Гезалов сочувственно посмотрел на товарища: «Для него фокус пока не раскрыт», а опыта в этой специфической области у Акперова мало. Отсюда, конечно, и неуверенность. Может быть, стоило отказаться? «А ты отказался бы?» — спросил он себя. — «Тогда не осуждай других». Самолюбие? Пожалуй, нет. Тут что-то другое, хотя бы желание испытать свои силы... И тут он поймал взгляд Акперова. «Ну, что ты, — говорил этот взгляд. — Уверен, что бумаги заговорят? Хорошо, попробуем». Заур так и сказал:

— На сей раз не стану спорить. То, что ты говоришь, разумно. Предложение принято.

— Завидую твоей реакции, — рассмеялся Яшар.

И тут же вскочил. Дверь отворилась без стука, вошел сержант из оперативной дежурной части.

— Товарищ капитан, вас просит дежурный по управлению. В больницу имени Семашко доставлена девушка с тяжелым отравлением. Она без сознания. Предполагается покушение на самоубийство.

— Начинается ночь! — Гезалов присвистнул. — Но позвольте, мы-то при чем? Где следователь прокуратуры? Это их стихия. Я лично ужас как не люблю малодушных...

— Следователь заболел. Случай неотложный, просят помочь.

— Что ж... Тогда в путь. Гезалов! И как все-таки безжалостна любовь.

— С чего ты взял? — усмехнулся Акперов.

— С того, что юное создание не зря порывает счеты с жизнью... Ей-богу, прав старик из фильма... Не помню названия — человек всегда недоволен: родится — скулит, живет — ворчит, умирает — хрипит... Печально...

За десять лет Гезалов ни разу не сталкивался со случаем самоубийства. Только в университете, на лекциях. «Проходи-

ли самоубийство», — звучит дико. А как сказать? Диплом он защищал как раз на эту тему — расследование убийств и самоубийств. А с тех пор — так обычно и бывает — работаешь в одной сфере, остальное забывается. Единственное, что осталось в памяти, — слова знаменитого Кони. Да и то помнится смутно.

В приемном покое его ждали с нетерпением. Пожилая женщина — терапевт помогла ему накинуть халат и проводила по узкому коридору мимо боксов с белыми матовыми стеклами.

— Я не опоздал? — спросил Гезалов.

— К сожалению. Ничего не удалось сделать, товарищ следователь. Доза смертельная — бутылка эссенции.

На скамейке около одного из боксов сидела худая, бледная женщина. Плечи ее мелко-мелко дрожали, но плакала она беззвучно.

— Мать? — спросил Яшар шепотом.

Врач молча кивнула.

Они вошли в бокс. Сквозь прутья кровати косо торчали ступни ног — Гезалов почему-то увидел их первыми. Он сжался, почувствовал, как натянулась до боли кожа на лбу. Врач приподняла простыню у изголовья. Кусая губы, Гезалов смотрел на восковое лицо, выпуклые, неплотно прикрытые веки.

— Господи, какой ужас! — приглушенный голос врача отдавался в ушах. — Растут дети и сердце сжимается. Не знаешь, чего ждать... Такое творится, уму непостижимо. Одержимые какие-то. Ни школа, ни родители...

Яшар молча кивал. Нет, он не мог с этим согласиться. У него было на этот счет свое твердое и определенное мнение: слишком часто забота родителей сводится к тому, чтобы потакать капризам и всем желаниям детей. Не хватает решимости вовремя сказать «нет». Нет, это нельзя, это невозможно, это плохо, нечестно, стыдно. Линия наименьшего сопротивления. Потакая ребенку во всем, мы, родители, сами воспытаем маленького семейного тирана, деспота, который своим детским умом уже понимает, что он пуп семьи. Сначала — семья, потом земли. Как это не любить превыше всех себя — единственного, неповторимого? Мир, окружающие люди его таковым не считают. Тем хуже для них. И взрослое дитя, столкнувшись с ограничениями, твердо знает — его «законные» права ущемляются. Он возмущен, он начинает презирать всех — учителей, друзей, родителей. Может, он и сознает, что сам не без вины. Но трудно себя переделывать, когда нет воли, нет ха-

рактера. При чем тут школа? Понятно, говорить «нет», направлять и удерживать — занятие невеселое, но необходимое. Этим — в конечном счете и измеряется любовь к ребенку.

Всего этого он, конечно, не сказал. Пробормотал про себя:

— Девушки — народ ранимый, с ними надо обращаться осторожно. М-да... Сколько ей?

— Шестнадцать, — голос врача донесся откуда-то издали, будто из иного мира.

— Почему?

— Неизвестно. На глазах у матери... Эту эссенцию.

На глазах у матери... У матери. А она что, мумия? Где же сила материнская? Почему не вырвала, не вышибла из рук эту страшную трехгранку...

Он пытался что-то писать. Но пальцы подрагивали, буквы прыгали. Почему не вырвала, не разбила, не вылила? Он не знал, что, увидев у дочери эссенцию, мать страшно закричала и лишилась сознания... Мать!

В управление Гезалов вернулся подавленным. Непостижимо. В самом деле, что она, эта девочка, видела в жизни, что испытала? Конечно, жизнь складывается по-разному. Бывает так, что она бьет человека наотмашь раз за разом, разбивая надежды, подтачивая силы. Человека, которому выпала такая судьба, еще можно понять. Ну, хотя бы Анну Каренину. А что здесь? Нервный срыв, просто каприз? Жаль ее, но еще больше — мать. Девочка ушла, ничего не объяснив, оставив матери и всем остальным гадать...

Ужасно. Но преступления тут нет. Разве что кто-то довел ее до самоубийства. Но кто? И зачем?

Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать... Да, и в страдании жизнь сохраняет смысл. По крайней мере для человека, который умеет страдать, которого боль не доводит до иступления. Тяжелая ночь. Не думал он, что такой будет первая его ночь после отпуска.

Бесконечно долгой была эта короткая летняя ночь и для Акперова. Марита и сын не слышали его осторожных шагов — самый крепкий сон на рассвете. Только Бес, как всегда, ждал хозяина. Года три назад в Калининграде Заур встретил моряка, который нес в авоське трех неуклюжих щенят. С трудом удалось одного выпросить. Целый месяц потом Заур выносил упреки жены: Тофик — дитя, а в доме собака. Отец-де не думает об опасности, о возможных болезнях. Но постепенно к нему привыкли, щенок остался. Косолапый, смешной, он неожиданно вымахал в огромного черного дога.

Теперь он стоял у двери и царапал ее когтями, жалобно, совсем по-щенячьи скуля. Мокрый (накрапывал дождь), поеживаясь от предрассветного холода, Заур долго искал ключ. Наконец он открыл дверь. Бес сразу отошел и сел у вешалки.

На широкой тахте спала Марита. Дверь, ведущая на веранду, осталась открытой. Оттуда, с улицы доносилось робкое шуршание дождя. Заур разделся, осторожно лег с краю, расслабился. «Спать», — приказал себе. Легко, невесомо его закачало, и все вдруг стало странным и загадочным: сидящий в углу огромный нес, нарастающий гул дождя, шорох листьев... И тут его будто что-то подбросило, сон отлетел. Тахта заскрипела — проснулась Марита.

— Не спишь? Поменьше бы думал о работе.

Она привыкла. Привыкла ложиться и вставать одна. Он часто возвращается так — глубокой ночью или на рассвете, а потом не может уснуть.

Заур все думал о злосчастном письме из арбитража.

Что же произошло? Больше двадцати тысяч за несколько дней. Но дело не только в деньгах, поразительна уверенность, с которой это сделано. Нет, даже не уверенность, спокойная наглость. Один и тот же прием использован четырежды. Как будто человек этот знал заранее, что легко сумеет обвести вокруг пальца десятки людей, которым по службе положена бдительность и осторожность. Ротозен. Или хуже — равнодушные, которых все это не интересует, потому что добро не свое, государственное. Государство у нас богатое, не обеднеет. Он скрипнул зубами. Именно потому, что добро наше общее, народное, его надо беречь особенно.

Сквозь дремоту он услышал вдруг насмешливый голос Гезалова. Ах, этот Гезалов... Не будь он другом, человеком, который готов отдать товарищу все, Заур давно бы с ним рассорился. Но Яшар — друг, каких поискать, настоящий трудяга. Правда, эта его бездумная болтовня раздражает. Хихоньки с поводом и без повода. И сейчас; ворвавшись в чужой сон, он хихикает. Положим, Жюль Мегрэ плод фантазии Сименона. Но вы, товарищ Акперов, существуете в натуре. Говорят даже, что вы — сыщик по призванию, сыщик божьей милостью. Что же вас смущает в этой простой задаче? О чем тут вообще думать? Бери быка за рога и действуй, слышишь, действуй... Акперов закашлялся и открыл глаза. Светало.

Неужели приснилось? Он встал и, набросив пижаму, вышел на веранду. Влажно поблескивала листва, верхушки

деревья шевелил ветер. День будет прохладным. На западе бледно чиркнула молния, прокатился далекий гром. Ветки чинары, раскачиваясь, гулко выстукивали по железной крыше. Дерево посадил отец в честь рождения его, Заура. Теперь оно постоянно напоминает о себе — шумит в непогоду... «Гроза — не к добру». Усмехнувшись, он вспомнил любимую присказку одной бабки из предгорного селения. Примета? Случалось, что она сбывалась, как и всякая примета. Но бывало, что и ясное небо к беде.

— Бес! — тихо позвал он. Процокав когтями по полу, дог вышел на балкон и прижался головой к его голым коленям. — Хороший ты пес, умница! Все понимаешь. Правда?

Бес шевельнул хвостом и с интересом наблюдал, как хозяйин укладывается на стары деревянные ящик из-под овощей.

Проклятая бессонница, тут уж ничего не поделать. Мысли толкутся, как на базаре. И, как глухая стена, сомнения. «Рано или поздно найдем!» — смеялся Яшар. Заур, прищурясь, смотрел в светлую даль неба. Расчет на случай. Нет, в этом деле все не так просто. Голыми руками их не взять. Если шли на такой риск, значит, были уверены, следы заметены надежно. Дашдамиров, Саламов... Личности... Хитрецы... Отец всегда говорил: «Помни, сынок, на свете десять благ, и все десять — правда!»

Последние слова он пробормотал вслух. Марита проснулась и, накинув халат, вышла на веранду. Муж, устроившись на ящике, мирно посапывал. Рядом сторожем сидел Бес. Она коснулась плеча Заура.

— Который час? — он сразу вскочил.

— Лучше бы ты залез на чинару, спать там удобнее. Уже восемь, мой милый.

— Всякое бывает, Маритка, извини. Я мигом побреюсь, а ты организуй чашечку кофе с бутербродом. Бежать надо, миллион дел.

— Можно подумать, что вчера их бы свалился на ящик и спит, — ворчала жена.

Он слушал рассеянно. Спать на ящике, действительно, глупо. Как это свалился и вдруг уснул? Возраст, что ли? Обычное дело, успокаивал он себя. Но чувствовал — нет, не совсем обычное это дело.

— Ничего, Мари, скоро на пенсию. А там погуляем, — Голос был чужой, какой-то заискивающий.

— Терпеть не могу старичков-пенсионеров. Тоску нагоня-

ют. Лучше уж так... Только, пожалуйста, не спи на ящиках. Со мной ведь тебе неплохо, а? — Марита провела рукой по его небритой щеке. Он, улыбнувшись, обнял ее.

— Сейчас некогда, а вечером я тебе непременно расскажу одну милицейскую сказку, тогда поймешь, почему так хорошо спится на ящиках.

2. НЕОЖИДАННОСТЬ

Словно чувствуя, что день ему предстоит нелегкий, он шел в управление пешком — времени было достаточно. Еще раз обдумав все, он утвердился в намерении подробно побеседовать с «немыми свидетелями». Откладывать нет смысла, тут Гезалов прав. Надо будет уточнить, откуда и как изъять документы, чтобы они постоянно были под рукой. Пожалуй, стоит просить начальника управления создать группу, обязательно включив в нее сотрудника ОБХСС.

Когда-то он был уже начальником и отвечал за все отделение. Это стоило ему слишком многих нервов. Взять хотя бы эти истории с неугомонным Артистом и Яшкой — Султаном... Тогда-то он и добился перевода на скромную должность старшего инспектора угрозыска. Сначала обрадовался: за себя одного отвечать легче, можно спокойно взвесить, подумать. Но все оказалось не так просто: ему поручали сложные дела. Но и дела, с виду простые, нередко разветвлялись, вовлекая в свой оборот десятки и десятки людей.

Он на всю жизнь запомнил предупреждение министра: «Хотите работать у нас? Пожалуйста. Только отдыха не ждите. Угрозыск — это передовая, фронт». Сам он, однако, таких слов избегал. Угрозыск есть угрозыск.

Группа... А кого он туда предложит? Людей, с которыми он привык работать, давно нет. Нет Огнева — тихо умер от инфаркта. Вдруг переехал в Москву Эдик Агавелов. Что ж МУР — это, конечно... Его ровесники уходят, все больше новых. Процесс грустный, но естественный. Так с чего начать?

Начнем с того, что распишем день по возможности точно. Пункт первый — чаеразвесочная фабрика. Те двое побывали там сравнительно недавно, клиентура фабрики, очевидно, не велика. Здесь больше всего шансов, что внешность мошенников кто-то запомнил и при случае сможет их опознать. Важно с самого начала ощутить под ногами твердую почву.

Казенного вида комната. Под потолком на запыленном шнуре голая пузатая лампочка. Тусклые синие стены. Неуютно, сумрачно. В узенькое окошко приглушенно сочится день. От стены к стене, разделяя комнату пополам, деревянный барьер в рост человека.

Двое мужчин ожидают приема. Один дремлет, привалившись к стене, другой не мигая, равнодушно смотрит перед собой. Оба небриты. За столом с затейливыми резными ножками, невесть как попавшим сюда, щелкает костяшками счетов седая женщина. На кончике носа чудом держится старинное пенсне...

Акперов вздохнул. Обычная конторская скука. Он подошел к небольшому окошку в барьере, заглянул. И поразился: прямо на него смотрели очень знакомые, с лукавинкой девичьи глаза. Где он их видел? Большие, карие, что называется с поволокой. Добродушная усмешка в зрачках. Он не мог ошибиться — девушку он встречал. Но когда, где? И как ее зовут?

Ему явно повезло: знакомый человек в таком деле находка, если, конечно, сам не замешан...

— Документы! — Голос тоже знакомый. Значит, наверняка, встречались. Он вложил в протянутую ладонь удостоверение, рука скрылась. И сразу же в окошке появилось смеющееся лицо:

— Ой, это вы?

Он снял шляпу, шутливо поклонился.

— По всей видимости я. Здравствуйте!

Познакомились они два года назад, при обстоятельствах довольно странных. Акперова вызвал начальник отдела и протянул ему телеграмму.

— Только что получил из Ташкента. Узбекские товарищи сообщают, что транзитным рейсом к нам вылетела некая Топуридзе — Скворцова Ирина Алексеевна. Словесный портрет достаточно четок. В Ташкенте ее упустили. Везет драгоценности.

— Встретить «гостью» и доставить сюда? Так?

— Поспешите, Заур Акперович. В вашем распоряжении всего полтора часа. Помощь нужна?

— Думаю, обойдусь.

Начальник укоризненно покачал головой:

— Самоуверенность — не лучшая черта. Я бы на вашем месте взял с собой человека. Есть у меня на примете отличный парень Гейдар Султанов. Да вы его, кажется, знаете. Коман-

дир-институтской народной дружины. Конечно, строго придерживайтесь закона.

— Не беспокойтесь. Надеюсь, Ирина Алексеевна на нас не обидится, разве что ей не понравится приглашение в милицию. Можно действовать?

— Желаю успеха.

В коридоре Заура ждал Гейдар Султанов. Предусмотрительный полковник вызвал его заранее.

— Есть шансы отличиться, — Акперов обнял парня за плечи. — Пойдем ко мне, поговорим.

Через полчаса они уже мчались по Московскому проспекту в голубенькой «Волге» с шашечками таксомотора. За рулем сидел Акперов. На заднем сидении — студенты четвертого курса института народного хозяйства Гейдар Султанов и Лейла Гасаналиева. Поразмыслив, они решили привлечь к операции и Лейлу. Вариант простой и естественный: прилетела в Баку, наняла такси и ждет попутчиков в город — так дешево.

Заур лихо подкатил к зданию аэровокзала. Резко тормознул, машину тряхнуло. Постовой милиционер подошел отчитать нарушителя, но, узнав шофера, только коротко улыбнулся.

Заур глянул на часы.

— В запасе несколько минут. Лейла, вы идите со мной, Гейдар останется в машине за водителя. Ясно?

Девушка едва поспевала за Акперовым. Он шагал широко, уверенно. Ей не все было ясно, она хотела спросить и не решалась.

Серебристый ИЛ-18 подрулил к стоянке. Подали трап. Заур молчал, будто забыл о спутнице. И вдруг, взяв ее за локоть, сказал негромко:

— Высокая, светловолосая, с белой сумочкой. Видите? Это она. Та самая «золотая рыбка». Приготовьтесь, Лейла.

Приезжая окинула встречавших небрежным, вроде бы рассеянным взглядом. Однако глаза смотрели цепко, настороженно. Хорошо, что он взял с собой Лейлу. Кажется, на них она не обратила внимания. Прошла в зал, купила в киоске сигарет. У выхода ждало такси. Резким движением она распахнула дверцу.

— Свободны?

Опыта у нее, конечно, никакого. Первое же такси...

— К вашим услугам, — Гейдар улыбнулся и вроде бы

только тут заметил Заура с Лейлой. — Не возражаете — прихватим с собой влюбленную пару? Вам в город, товарищи?

— Да.

Лейла села рядом с Ириной Алексеевной. Заур неуклюже плюхнулся впереди, зацепив рукой смотровое зеркало. Лейла это отметила, но не придавала значения — просто неловкость. Гейдар включил счетчик и дал газ.

Ехали молча. Каждый думал о своем. Заура беспокоило одно: удастся ли незаметно свернуть к управлению? Долгие объяснения с Топуридзе-Скворцовой не входили в его намерения: хотелось доиграть «спектакль» до конца чисто.

— Простите, — обернулся Гейдар к незнакомке. — Вы так не сказали, куда везти?

— Улица Гуси Гаджиева, угол Мирза Ага Алиева...

— Сделаем, в наших силах! — И Гейдар прибавил скорость.

Простота и обыденность всей этой акции Лейлу удивили. На минуту показалось, что это шутка — так не задерживают преступников. Никогда не поверила бы... Она вздрогнула, услышав над ухом шепот женщины:

— Вы тоже из Ташкента?

Лейла растерялась.

— Н-нет... То есть... Мы встречали друга. Но он почему-то не прилетел...

Слова эти были сказаны так неуверенно, что соседка насторожилась. Чувствуя, как стремительно, неудержимо краснеет, Лейла совсем растерялась, опустила глаза. Она не знала, что делать, и тут под ноги ей упал спичечный коробок. Дама выронила, доставая из сумочки платок. Сказать об этом, поднять? Но Заур Алекперович запретил «всякую самостоятельность», он так и сказал: «И вообще, никаких разговоров в машине, рот на замке. Смотрите себе в окно...» Но коробок! Ведь это, быть может, важно... Как предупредить Акперова? Шепнуть? Вдруг услышит? Странно, почему эта женщина держится так спокойно? Может, Гейдар меня просто разыгрывает.

— Водитель, — пассажирка коснулась плеча Гейдара. — Если можно, сначала подвезите этих граждан. Мне машина еще понадобится... Товарищи, думаю, не будут возражать?

— Как хотите, — Гейдар равнодушно кивнул.

Снова молчание. Но теперь женщина явно нервничала.

Машина промчалась по Кеcховели и круто свернула к зданию УВД. Топуридзе-Скворцова попыталась вскочить.

— Остановитесь, шофер! Я пойду пешком.

— Ну зачем же пешком? Мы приехали, — обернулся Заур. Не давая ей опомниться, он быстро выскочил на тротуар, обошел «Волгу» и подчеркнуто вежливо распахнул дверцу. — Прошу, гражданка Топуридзе-Скворцова!

— Вы что-то путаете, — она пыталась возразить, — я... — Акперов галантно поклонился.

— Нет, Ирина Алексеевна, не путаю. Разве я стал бы встречать совершенно незнакомого человека? И еще — одна небольшая просьба: поднимите, пожалуйста, коробок, который вы случайно выронили.

Лейла широко раскрыла глаза: к он мог заметить? Это невозможно!

— Какой коробок? — Топуридзе-Скворцова возмущилась. — Вы просто шантажист!

— Как вам не стыдно, гражданка! — вмешалась Лейла. — Я своими глазами видела, как вы уронили...

Спичечный коробок оказался тяжелым. На стол в кабинете начальника легли два золотых кольца с крупными бриллиантами и еще восемь отдельных камушков разной величины. Высыпались и спички, с десятков.

— Солидная маскировка! — хмыкнул Акперов. — Теперь давайте побеседуем, Ирина Алексеевна. Ведь коробок чрезвычайно дорогой...

Топуридзе поднесла к глазам кружевной платочек: о чем не подозревала, просто должна была передать.

— Это муж! Георгий... Он просил отдать коробок не открывая. Господи, если бы я знала!

Лейле стало жаль эту женщину: совсем убита случившимся. Какая подлость со стороны Георгия... Что ее теперь ждет? На глаза набежали слезы, она выскочила из кабинета...

Как же Заур мог забыть это имя! Такое веселое, легкое — Лейла. А еще мнит себя сыщиком.

— Я приняла вас за экспедитора, — она смутилась.

— Представьте себе, вы недалеко от истины, Лейла-ханум. Я ведь пришел за грузом.

Она расхохоталась, потом спросила:

— И что же вы на этот раз придумали?

— Мы ничего не придумываем. Это делают другие.

— А я, откровенно говоря, жалела, что не записала ваш телефон. Почему-то вы больше не приглашаете на...

— Не хотелось отрывать вас от дел, Лейла-ханум. А теперь, видно, придется.

— Что-нибудь случилось?

— От вас у меня нет секретов. Вы старый, проверенный друг, — улыбнулся Заур. Нет, как же он мог забыть, черт возьми? Такая девушка! Смешно, но и в машине, и когда они шли под руку, он почти не видел ее лица. И имени не запомнил. «Старею, — подумал он с усмешкой». — Правда, Лейла, я вам вполне доверяю. И рассчитываю на взаимность. Вы согласны быть со мной откровенной?

— О! Это становится любопытным. Не ошибитесь. Я ведь капризная и довольно взбалмошная личность. — Заур молчал. — Так чем могу быть вам полезной, товарищ подполковник?

— Видите ли, Лейла... С месяц назад некий Эльхан Саламов из Худатского райпотребсоюза получил у вас партию чая на две тысячи четыреста рублей. Саламов был не один. Их было двое. Припоминаете?

— У нас ежедневно бы экспедиторов.

— Не торопитесь. Это случай особый. Постарайтесь вспомнить. Пятого мая...

— Постойте, постойте, — Лейла обернулась к старушке в пенсне. — Анна Ефимовна, дайте, пожалуйста, папку за пятое мая. Кажется, что-то припоминаю...

— «Что-то» мало. Вы их должны вспомнить. Это важно.

— Смутно, очень смутно помню.

— Плохо. Мы их разыскиваем.

Лейла всплеснула руками.

— Надо же! Никогда бы не подумала! Дайте припомнить. У одного, пожилого, прямой нос, но, кажется, с горбинкой... У другого — тонкие в ниточку усики. Конечно... Молодой даже приглашал меня прокатиться на собственной машине на Гёк-Гель... Такой, даже на деревенского не похож...

— Ну и как, согласились? — пошутил Заур.

— Еще чего! — Она рассердилась. — Загородные прогулки с первым встречным. Только этого мне не хватало!

— Ну, а кто получал товар? — уже серьезно спросил Акперов.

— Молодой. Старик, кажется, называл его Аликом.

— А паспорт он предъявил?

— Гм! По-моему, да. Точно не помню... А вот свой бакинский адрес он мне дал. Если разыщу, позвоню вам. Оставьте свой телефон?

— Хорошо. — Он записал номер на бумажке. — Позвони-

те в любом случае. Только никакой самодеятельности, Лейла. Прошу вас, никакой самодеятельности. Это очень серьезно.

Акперов составил протокол об изъятии документов, распрощался с девушкой. В бюро пропусков без труда выяснил, какие машины пятого мая побывали на фабрике. Он был готов к тому, что поездка на фабрику мало что даст. Встреча с Лейлой — уже кое-что. Пожалуй, план розысков стоит пересмотреть. Документов — гора, не вмещаются в папку: письма, счета, доверенности, накладные... Над ними надо сидеть и сидеть. На это уйдет несколько дней, а время дорого. А может быть, сразу взять под «прицел» машины, вывозившие чай? Да, пожалуй, лучше начать с них. Выяснить, какому автохозяйству они принадлежат, — дело не хитрое. Картотека ГАИ. Потом поговорить с шоферами. Конечно, и здесь легко попасть в тупик. Где гарантия, что шофер не соучастник? Когда начинаешь распутывать клубок, всегда есть опасность взяться не за ту ниточку. Однако это самый прямой путь: если бы удалось выяснить, куда увезли ворованный чай...

Заур вернулся к себе и позвонил в ГАИ, майору Риза Зейналову. Минут за десять майор проверил картотеку и сообщил, что три из четырех машин принадлежат Министерству торговли, четвертая — ОТК Нефтехимпрома. Это уже было интересно. Какое в самом деле отношение имеет нефтяная и химическая промышленность к чаю? Похоже, шофер «слевачил».

Может быть. Но не надо спешить. Все-таки, пусть бегло, посмотрим бумаги. Ага, кое-что любопытно. Кажется, игра не без козырей. Только не торопись, делай ходы наверняка. Гезалов прав: бумаги не врут, даже когда они фальшивые...

Так. Во-первых, очевидно, что все гарантийные письма отпечатаны на одной машинке, угловой штамп и печать тоже не меняли. Логично, организация ведь одна. Шаппы и печать не очень четкие. Ничего, экспертиза разберется. Надо бы установить, сколько людей участвуют в деле. Двое, трое или больше? Если двое — Дашдамиров и Саламов, то их подписи на документах чистая фикция. Работники райпотребсоюза... Кто же заполнял доверенности? Почерк аккуратный, четкий. Чья рука — мужчины, женщины? И на этот вопрос ответит экспертиза. Номера доверенностей? По всей видимости, взяты с потолка. В подписях экспедиторов довольно ясно просматриваются две буквы — «а» и «п». Как их расшифровать?

Время летит. Обещал вернуться не позже семи, правда Марита рассмеялась: «Эти сказки мы уже слышали!» Терпе-

ливая она, Мари... Знает, что время сотрудника милиции ему не принадлежит. Мало ли что может случиться.

Его уже захватил азарт. Закурив сигарету, он присел на подоконник. Тишина, ночь в огнях. Хорошо жить бездумно и просто. Июньская ночь, одиночество, в душе чисто и прибрано. Кончим работу, пообедаем где-нибудь в кафе и пойдем вечером бродить по улицам, влившись в людскую реку. Побродить по набережной, а то смотаться на стадион.

Стадион... Акперов вздохнул. Но вспомнил он не превосходный матч с голландцами, а речь министра на активе. Правда, министр, как завзятый болельщик, начал с разбора игры «Спартак» и ЦСКА. Армейская защита долго казалась непробиваемой, но стоило «Спартаку» забить гол и защита дрогнула, рассыпалась. Задача, стало быть, в том, продолжал министр; чтобы найти ключ к обороне противника. Тут-то и проявляется талант инспектора угрозыска. Нет преступников, которые не совершали бы ошибок. Значит, наблюдательность и анализ. Из множества версий выбрать одну, абсолютно точную, подтвержденную всей системой доказательств. Только не тянуть доказательства за уши. Истина — вершина пирамиды, которая опирается на монблан фактов.

Часы на стене пробили полночь. Медленно — мыслями он все еще был там, в деле — Акперов собрал бумаги, туго стянул тесемки на папке и спрятал ее в сейф. Теперь домой, прямо домой. С утра поехать в гараж Нефтехимпрома, отыскать водителя машины. Дело несложное, главный инженер автохозяйства старый знакомый, поможет. Но это завтра, завтра. Акперов с наслаждением повернул ключ в дверном замке — раз и два.

На первом этаже слышались голоса, он заглянул в дежурку.

— Происшествий нет? — спросил по привычке.

— Ножевое ранение, — ответил дежурный.

— Хулиганство?

— Причина пока не установлена, Заур Алекперович. Тяжело ранена девушка. Доставлена в больницу, до сих пор без сознания. Следователь из райотдела ничего не добился. Врачи не разрешают. Предполагается месть.

— Месье? В наше-то время! А кто потерпевшая?

— Сейчас, товарищ подполковник, — дежурный прошел к пульту и склонился над журналом. — Гасаналиева Лейла Исмаиловна.

Акперов, моргая, смотрел на загорелую, аккуратно под-

бритую шею дежурного. Просто не мог оторвать глаз. Спросил тихо:

— Машина есть?

— Так точно, товарищ подполковник. Вам домой?

— В больницу. Дело имеет прямое отношение ко мне...

«Месть?» — билось в сознании. Как это могло случиться, Лейла Исмайловна? Как?

3. 52-48 АЗИ

Начальник управления на службу приезжал и вечером: в спокойных условиях просмотреть почту, подготовиться к «се- лектору».

Как правило, в девять — начале десятого на столе дежур- ного верещал телефон.

— Пожалуйста, машину, — слышался в трубке негромкий тенор полковника. И управление облетело: «Едет!».

Оперативные группы и сотрудники, пришедшие на «вечер- ку» подождать дела, невольно подтягивались. Керимбеков не терпел разболтанности и бессмысленного «трепа». Полковник считал, что у сотрудника угрозыска, раз уж он пришел на ра- боту, всегда найдется занятие: еще раз продумать материалы производства, снова и снова пересмотреть ранее намеченные планы, проверить состояние службы в городе. Словом, без дела может сидеть только бездельник.

Но в этот вечер Керимбеков не приехал и не звонил. Де- журный не отходил от телефона, посматривая в окно. Белая «Волга» 02-00 АВМ по-прежнему стояла у подъезда.

Удивило дежурного и поведение подполковника Акперова. Почему рядовое происшествие так его взволновало? Ранение зарегистрировано, следовательно райотдела возбудил уголовное дело. Расследуют, выяснят факты. Майор Никольский пожал плечами — собственно, какое ему дело? Он все еще ждал на- чальника. Но Керимбеков так и не позвонил.

Никольский не знал, что в конце дня состоялось внеочеред- ное заседание коллегии Министерства внутренних дел. Что на это заседание срочно вызвали Керимбекова. Что министр резко критиковал работу УВД, и полковнику было о чем по- думать...

Нет, это не был разнос. При всей резкости слов чувствова- лось, что министр с уважением относится к работникам уп-

равления, высоко ценит их самоотверженность (он так и сказал). Но с профилактикой, предупреждением преступности еще худо. Задача милиции, сказал он, состоит не только в раскрытии уже совершенных преступлений. С ними надо бороться, предупреждать их на самых дальних подступах.

Возражать генералу было трудно. Керимбеков слушал, опустив на руки тяжелую голову. Преступность в городе снижалась действительно «зигзагами». Особенно волновало то, что среди воров, грабителей, хулиганов попадались несовершеннолетние.

Заехав домой и наскоро перекусив, Керимбеков решил пойти в управление пешком. Хотелось по дороге обдумать положение спокойно, без спешки и нервов. Именно в этом он сейчас нуждался — в спокойствии. Неожиданно дорога оказалась очень долгой. Часа три он бродил по затихшим улицам, заходил в павильон с водой, останавливался у палаток, прислушивался к разговорам. Женщина с сумкой вышла из магазина и укоризненно ворчала, поглядывая на двух дюжих парней, пристроившихся с пивными кружками у палатки и быстро разливавших водку.

— Поди запрети им! Как же... Небось продавщица сама заинтересована: сто бутылок — четыреста рублей. А милиция спит...

Полковник сделал пометку в записной книжке. Много пометок он сделал в этот день. Утром на селекторном совещании разговор будет долгий.

«Мчишься на машине, — думал он, — и не замечаешь, что делается вокруг. Мимо жизни проносишься. Надо бы чаще вот так, пешочком!»

Был уже первый час ночи, когда Керимбеков вошел в управление. Майор Никольский удивленно поднял глаза, вскочил — ладонь к козырьку.

— Как же так, товарищ полковник, не позвонили? Я беспокоился.

— Ничего, докладывайте.

— По городу, кроме известного вам ложевого ранения, других происшествий не зарегистрировано.

— Раскрыто?

— Никак нет, товарищ полковник.

— Почему? Кто из отдела этим занялся?

— В больницу выехал подполковник Акперов.

— Акперов? Он тут при чем?

— Сказал, имеет прямое отношение к нему...

Керимбеков хотел что-то сказать, но раздумал и, нахмурившись, вышел из дежурки.

Все сразу улетело — и усталось, и то приятное бездумное состояние, когда можно было спокойно помечтать о тихой и легкой жизни. Машина мчалась по безлюдным ночным улицам. В опущенные стекла врывался ветер. Тревога не проходила. Не нужно быть пророком, чтобы предсказать: ранение Лейлы — не случайность. Тут не пьяный хулиган занес нож. Четкая линия. Именно сегодня, после его поездки на фабрику, после разговора... Значит, с кого-то из них — с нее или с него — они не спускали глаз. Тоже размышляли, старались предвидеть...

— Знакомая? — спросил шофер, чуть повернув голову. В глазах у него было сочувствие.

— Если бы. Хуже.

— Родственница, — вздохнул шофер.

— Вот что дорогой, не отвлекайся, а то и мы угодим в больницу.

— Слушаюсь, начальник!

Халат Акперову выдали сразу. Дежурный хирург Марк Рошаль — человек средних лет с добрыми серыми глазами — сам повел его в палату. В коридоре сказал:

— Был тут один шустрый лейтенант. Требовал, чтобы допустили к больной. Извините, я не мог позволить. — Он развел руками. — Тяжелый случай. К сожалению, не все понимают элементарные правила. Я и вам, товарищ подполковник, не рекомендовал бы беспокоить пострадавшую.

— Нет-нет... Я ваших правил не нарушу. Что с ней?

— Проникающее ранение живота. Но опасность как будто миновала.

— Скажите, в истории болезни ранение описано подробно? Бывает, знаете, спешат, и не очень стараются...

— Я понимаю. Кстати, пока не забыл. До операции больная бредила, упоминала ваше имя... Еще называла какой-то номер.

— Запомнили?

— Конечно. Она все время повторяла: Алик, Акперов... Я сначала даже решил, что она спутала ваше имя. Безотчетное состояние скорее всего.

— А номер, номер?

— 52-48 АЗИ.

— Как вы сказали? — Акперов уставился на врача. «Все ясно, покушение. Ах, Гезалов, Гезалов, оптимист!» — Пострадавшая в состоянии ответить хотя бы на несколько вопросов?

— Она спит. И будить ее не стоит.

— А вы уверены, что номер она назвала 52-48 АЗИ? Не ослышались?

— Нет-нет. Именно этот номер. И имя — Алик.

— Спасибо. Вы мне в общем-то уже помогли. Если позволите, я только взгляну на девушку, доктор.

— Что ж, взгляните.

Они вошли в небольшую палату. Здесь было тихо и прохладно: плотные шторы задернуты. На тумбочке у кровати — крохотный ночник. На стуле у изголовья больной дремала пожилая женщина.

Услышав шаги, женщина встряхнула головой и попыталась встать. Врач жестом остановил ее. И в этот момент Лейла застонала и открыла глаза. Глаза эти устремились на него, и такой в них был ужас, что Акперов отшатнулся.

Врач стиснул его руку. Сказал одними губами:

— Вам надо уйти. Немедленно. Иначе может наступить шок.

В коридоре Заур остановился, пытаясь разобраться. Откуда этот дикий, животный страх? Она испугалась именно его, тут не может быть сомнений. Но почему? Что произошло? Откуда взялся этот номер? Она вообще не знает, есть ли у него машина. А уж тем более ее номер. Наваждение какое-то! Алик... Акперов... Не спешите, Заур, подумай спокойно...

Рошаль догнал его в конце коридора.

— Вы говорили мне, что она звала меня? — спросил Акперов.

— Да, конечно.

— Откуда же этот дикий ужас?

Хирург с минуту подумал.

— Видите ли, товарищ Акперов, она все еще находится под действием наркоза. И ужас, который вы заметили, не обязательно связан с вашим появлением. Может быть, случайное совпадение. Так бывает.

— Да-да... А номер машины? Это же моя машина!

— Ну и что же?

— Тогда при чем тут Алик?

— Извините, но я...

— Что вы сказали? Да, конечно... Это уж моя забота. Всего хорошего, доктор.

В машине он бросил отрывисто: «Поехали» — и всю дорогу молчал. Шофер понял, что дело плохо — ездил он не к родственнице.

Сумасшедшая ночь. С того момента, как он услышал: «Гасаналиева Лейла Исмаиловна», все пошло кувырком. Машина, палата, ужас в глазах. Нелепое сочетание: «Алик, Акперов, номер». Прикрыв веки, он потер лоб. Но эти три слова не исчезали, они крутились в голове, вспыхивали и гасли. Голова разламывалась, стучало в висках.

Он с усилием открыл глаза, крутанул ручку приемника. Грозный и торжественный гул органа заполнил кабину. Мощно грянул и понесся в небо последний ликующий аккорд. Стало почему-то очень тихо. «Бах», — освобожденно вздохнул Акперов.

Дежурный встретил его у лестницы.

— Шеф приехал, — тихо сказал он. — Спрашивал вас.

— Иду.

Честно говоря, не очень-то ему хотелось сейчас идти к полковнику. То немного, что он узнал, только запутало события. Сплошной туман, в котором плавают расплывчатые островки фактов. Но его эмоции никого не интересуют. Начальство требует, надо идти.

По лицу Акперова полковник сразу понял, что хорошего мало. Сказал коротко:

— Ладно, Заур Алекперович, отложим. Отдохните.

Акперов благодарно кивнул. Он поднялся к себе, зажег лампу и снова ощутил эту дикую боль в затылке, стук молоточков в висках. Открыл нижний ящик стола, достал большую продолговатую коробку с шутливой надписью: «На всякий случай». На всякий случай там хранились йод, валидол, тройчатка, эуноктин... Он проглотил сразу две таблетки тройчатки и несколько минут сидел с закрытыми глазами. Точно уловил момент, когда боль стала медленно отступать. В голове было пусто и гулко. Он снова увидел длинный коридор, белые стены палаты, ночник, спокойное лицо хирурга. Услышал его глуховатый голос: «Так бывает».

Алик — это ясно — один из мошенников. С усиками. Нападение на Лейлу, очевидно, его работа. При чем тут, однако, мой номер? Ошибка исключается, хирургу мой номер тоже неизвестен. Значит? Ничего это пока не значит. Загадка номер один.

Заур встал, прошелся по кабинету, снова сел к столу. Придвинул бумагу, написал «52-48 АЗИ», отвел от надписи две стрелки и четко вывел: «Ранение». Какие-то предположения у него были. Но он слишком устал, чтобы оценить их объективно. Хорошо бы сейчас побеседовать с человеком со стороны — спокойным, выспавшимся, со свежей головой. Один вопрос он хотел бы задать начальнику ГАИ Гардашеву. Куда там, поздно. И Гезалову звонить поздно. Тоже, наверно, устал, работы у всех хватает. Основная зацепка, конечно, номер машины. В принципе прием известный, особенно удивляться тут нечему. Если можно подделать документы, то подделать номерной знак проще простого. Но зачем? Что это им даст?

За окном брезжит рассвет, а на столе тускло горит лампа. Акперов протер глаза, встал, сделал несколько глубоких вдохов-выдохов. Что-то ему померещилось во сне. А что — забыл. Почему-то вспомнилась давняя история, почти забытая. Кража у Умнисы-ханум, профессора. Сколько было шума, волнений, хотя произошла самая обыкновенная карманная кража. Шум был потому, что совершили ее в своем роде знаменитые Марго и Наргиз. Тогда Зауру многое удалось. А ведь было нелегко. Наргиз, пока не поймана с поличным, как рыба в воде. Косвенные доказательства на нее не действуют. Марго умнее, она вовремя поняла что к чему. Клип — клином. Победил «принцип» Марго: они признались. Вообще карманников можно понять, у них есть логика. С мошенниками сложнее. Они способны рыдать, когда им смешно, и, наоборот, хохочут, когда хочется плакать. Такова «профессия»: уметь влезать в душу, вставить нужное словцо, усыпить внимание. Что же удивительного, если они сумели обмануть Лейлу. С Лейлой обязательно надо разобраться. Да и с номером машины. Ничего не складывается картина: мошенники — Лейла — машина...

Заур умылся в туалете. Затылок слегка поламывало. Из тусклого зеркала под умывальником на него смотрели красные глаза с набрякшими веками. Но чувствовал он себя лучше — холодная вода действовала.

Теперь уже можно звонить начальнику ГАИ, шесть часов утра.

— Фикрет Амирович? Доброе утро: Акперов. Да... да, приходится, ты уж извини... Слушай меня внимательно. Ты знаешь мою машину 52-48 АЗИ. Произошла, понимаешь, странная история. Я хотел бы посоветоваться...

4. ЛЕЙЛА ВЫВОДИТ НА СЛЕД

С самого начала он чувствовал, что дело серьезное. Теперь он убедился, что интуиция его не обманула: спорное арбитражное дело, где можно было предполагать мошенничество, слишком быстро окрасилось человеческой кровью. Конечно, он вправе продолжать доследственную проверку. Но разумно ли это? Если не сегодня, то завтра придется совершать действия, которые требуют официальных санкций. Иначе попадешь в такую трясиину, что не вылезешь. Инспектор угрозыска, как и всякий человек, может ошибиться. Но нарушать закон он не может. Ни при каких обстоятельствах.

Значит, надо решительно отказаться от доследственной проверки и бить тревогу.

Акперов сел к столу и, разложив бумаги, взялся за справку начальнику управления. Пора, утверждал он, начать официальное следствие. Основания? Осуществив изъятие государственного добра в столь крупных масштабах, преступники, очевидно, рассчитывают реализовать похищенное через торговую сеть. Он считает, далее, что мошеннические операции не могли быть осуществлены без злоупотребления теми или иными должностными лицами своим служебным положением. В частности, следует допросить работников райпотребсоюза. Об общественной опасности преступников свидетельствует и факт ранения гражданки Гасаналиевой Л. И. Исходя из всего этого, он предлагает возбудить уголовное дело и создать оперативно-следственную группу, включив в нее следователя Гезалова и старшего инспектора ОБХСС Майла Мухтар-заде.

Позднее, когда развернулись основные события, стало ясно, насколько Акперов был прав. Но, конечно, всего и он не мог предвидеть.

Дежурный сержант принес в термосе чай. Заур даже растерялся.

— Какой ты хороший парень. Спасибо за заботу.

Чай оказался свежим и душистым. Заур пил его маленькими глотками, вприкуску, и чувствовал, как к нему возвращаются силы.

В восемь часов он позвонил в больницу. К телефону подошел доктор Рошаль. Он был немногословен.

— Всю ночь не спала. Температура поднималась до сорока. Сейчас 37,5. Опасность, надо надеяться, миновала.

— Благодарю вас. А нельзя ли задать хоть несколько вопросов, доктор?

— Можно, пожалуй, — врач замаялся. — Только очень недолго.

Полковник прочел докладную, внимательно выслушал соображения. «Пожалуй, действительно пора», — сказал он задумчиво. Одобрил он и действия Акперова. С утра ему звонил Гардашев. Начальник госавтоинспекции отдал приказ всем постам ГАИ и инспекторам дорнадзора задержать машину с номерным знаком 52-48 АЗИ. Желто-синие «Волги», «Жигули», «Москвичи» и мотоциклы на улицах города искали машину с этим номерным знаком. Искали тщательно и осторожно, памятуя, что в ней может находиться опасный преступник.

Теперь, когда самые неотложные дела были сделаны, Акперов смог позвонить домой. Марита уже ушла. Ответил сын.

— Папочка, ты еще на лаботе?

— Что поделаешь, сынок, надо.

— Мама сказала, что в воскресенье ты покатаешь меня на палаходе. Плавда?

— Обязательно, сын.

— И еще она сказала, это будет в осень лет челез восемь...

— Ай, да мама! Но ты не шали, сынок, пароход будет. Все будет. Скоро придет бабушка и повезет тебя на пляж...

Сын, его маленький сын, ответил с мужской солидностью:

— Договорились. — И дал отбой.

Гезалов, как всегда веселый и насмешливый, появился в кабинете Акперова внезапно. Хозяин не обернулся: стоял у раскрытого окна, закинув руки за спину, и смотрел куда-то вдаль. Гезалов грохнул басом: «И так, однажды, разозлясь, что в страхе все поблекло, в упор я крикнул солнцу: «Слазь, довольно шляться в пекло!».

Акперов нехотя повернулся, сказал вяло:

— Старо. Сейчас ты станешь уверять, что именно ты, а не Маяковский бросил упрек солнцу: «Дармоед, занежен в облака ты, а тут — не знай ни зим, ни лет, сиди, рисуй плакаты!»

Гезалов усмехнулся.

— Ошибаешься, дорогой Заур. Дальше я собирался поговорить о тебе. Дескать, едва начав дело, сыщик выдохся и потребовал буксир.

— Это не я потребовал, это Уголовно-процессуальный кодекс. А ты уже испугался?

— Да нет, — миролюбиво ответил Яшар. — С тобой всегда работаю охотно.

— Не будем загадывать, я человек суеверный. Еще неизвестно, кто с кем будет работать и кто кого тащить на буксире. Маила Мирзоевича ты видел, с материалом он познакомился?

— Мухтар-заде занят, увы, на обувной фабрике, пересчитывает левые модели, а твой солидный аналитический отчет прочел. Ясно, что пока ничего не ясно. Для следователя домыслы сыска мало что значат, мы питаемся фактами. — Гезалов сел, положил на стол зеленую папку, набитую бумагами. Прихлопнул ее ладонью. — А история, пожалуй, непростая, сложнее, чем я тогда предполагал. В интуиции тебе не откажешь...

— Ну, и слава богу, — Акперов присел рядом. — Значит, нам будет легко работать: у тебя логика, у меня интуиция. Вопрос лишь в том, с чего начать?

— С чего? С классической системы вопросов: Что? Где? Когда? Зачем? Как? Чем?... Ну, и конечно: — Кто?

— Слушай, убеленный сединами мудрец, не валяй дурака. Для нас главное — кто! Кто! Ясно? Давай ответим на этот вопрос; а потом уже будешь заниматься классикой и перечитывать учебники.

С лица Гезалова будто смахнули улыбку. Он закурил и сказал сухо:

— Не понимаю, Заур Алекперович, почему ты до сих пор не запросил адресное бюро. Есть ли эти мошенники в натуре или фамилии выдуманы?

— Ты прав, — сразу же согласился Акперов. — Любой ответ интересен. Эта история с Гасаналиевой выбила меня из колеи, я сейчас же...

— Подожди, это успеется. Дальше. Шофера из гаража Нефтехимпрома следует немедленно вытащить сюда. Это же верный след.

— А если...

— Не надо «если». В худшем случае мы исключим этот вариант.

— Согласен.

Гезалов встал, сунул руки в карманы.

— Не дает мне покоя история с номером твоей «Волги». Кстати, где она?

— Внизу, у управления. Я ею не пользуюсь вторые сутки. Пусть постоит здесь. Инспекторам легче искать. Вообще ты не

думай, что я тут хлопал ушами. Я многое знаю. Только вот не знаю, когда и как умру...

— Это как раз самое простое. Помрешь ты от инфаркта или — на худой конец — от чрезмерной любви к своей профессии. ГАИ — само собой. Надо бы установить, какие машины числятся в городе и в республике угнанными. Это, конечно, не отпечаток пальцев, но может понадобиться.

— Согласен. Что еще?

— Что? Надо торопиться. По ряду причин. В том числе и для того, чтобы уложиться в установленный законом двухмесячный срок следствия. А то начнутся разговоры с прокурором, упреки на совещаниях. Все это как-то стесняет свободу творчества.

Телефонный звонок прервал разговор. Акперов только слушал, но брови его все круче сходились к переносице. Наконец бросил трубку, сказал мрачно:

— «Волгу» АЗИ 52-48, дорогой Гезалов, не придется искать. Обнаружена. Она не белая, а синяя и теперь без номерных знаков. Заметил ее инспектор Рамиз Асадов у больницы Шаумяна. Подошел, но водитель сорвал машину с места...

— Вот как?

— Не волнуйся, Асадов поймал ее за колхозным рынком, на поселке Монтиня. Стоит одна, без водителя. Знаков тоже нет. Ясно? Между прочим, шофер был не один, в машине сидела какая-то блондинка. Так-то, Гезалов.

— Пикантная история. Я же говорил, что с тобой не соскучишься.. Подожди. Без номерных знаков. А может, все же не та?

— Та. Асадов ее хорошо запомнил.

— Стало быть, едем?

— Да. Выезд. Собирайся и вниз. Я все организую. Дорожи временем.

Уже в дороге Акперов ворчал, шурясь на огонек сигареты:

— Все у нас как-то не до конца получается. Будто в кино: нарочно придумали, чтоб побольше пленки. Почему, например, машина стояла у больницы? Не связано ли это с Гасаналиевой? Опять беспокоюсь. Слушай, Яшар, может, ты поехал бы в больницу, а я произведу осмотр?

— Нельзя. Давай соблюдать правила. Машина — первоисточник. Если «Волга» та, что нас интересует, не исключено, что преступники в спешке оставили «визитки». Если не та... Значит — 52-48 АЗИ ходит по городу — жди новых фокусов.

— Будем надеяться, что после осмотра ж немного легче.

— Перекрасили?

— А что за проблема, нитрокраска сохнет быстро.

— Ты прав, если перекрасили. Все-таки знали, что нет номерного знака. Для гарантии.

Оперативная машина УВД с включенной сиреной промчалась по городу и въехала на поселок Монтиня. Поперек дороги, перед самым кюветом стояла синяя «Волга». Вокруг, естественно, толпа любопытных. Ждут приезда милиции. Акперов, насупясь, пробурчал:

— Наблюдателей хоть отбавляй. А ну-ка, шофер, включи свой жуткий сигнал.

Но завывание сирены на зевак не подействовало. Только когда из УАЗа выпрыгнул длинноухий Карат, толпа отхлынула, растеклась по тротуарам. Белые оскаленные клыки Карата внушали уважение. Рамиз — смуглый, кареглазый с острыми глазами — бросил ладонь к белому шлему — хотел доложить. И осекся, подполковник поднял руку, повел глазами вокруг. Спросил тихо:

— Крашенная?

— Свеженькая, Заур Алекперович.

— Понятно. Слышал, Гезалов? После осмотра свяжись с директором центрального профилактория Джебраилом Ганифаевым и вызови специалистов. Пусть, кстати, и сам займется — надо немедленно установить, где и кем покрашена машина. Джебраил — человек толковый, он все сделает как надо. Теперь, Рамиз, кто был в машине... Только тихо.

— Машину я заметил у больницы, рядом с садиком. За рулем сидел смуглый парень в кепке. Рядом — светловолосая женщина.

— Скучно. Еще приметы?

— Молодой. Бакенбарды. Расстояние было метров десять-двенадцать. Тут он рванул, двигатель был включен. Я не ожидал. Потому он и оторвался.

— Ясно. Он! — бросил Акперов.

— Кто? — не понял Гезалов.

— Алик. Так его описала Гасаналиева... Пожалуйста, продолжайте.

— Так вот, когда я догнал машину, в ней уже никого не было, и номерные знаки исчезли. Не понимаю, когда он успел сняться.

— Разберемся. А что говорят люди?

— Не расспрашивал. Не было времени. Сразу сообщил по радиотелефону в ГАИ и занялся охраной — боялся, что тронут. Особенно мальчишки.

— Ясно. Спасибо, Рамиз. Свое дело ты сделал. Побудь с Гезаловым. Где участковый, черт возьми...

Со стороны колхозного рынка, наконец, появился участковый.

— Что ж, Гезалов, приступай. Твоя власть, тебе и начинать.

Гезалов кивнул эксперту научно-технического отдела. Многоопытный, сотни раз бывавший на выездах эксперт не нуждался в указаниях. Внешне неторопливый, даже медлительный, он вышел из служебной машины и успел уже сфотографировать задержанную «Волгу» с разных сторон.

— Начнем? — спросил Гезалов официальным тоном.

— Начнем.

Гезалов обернулся к поредевшей толпе.

— Граждане; кто желает помочь нам в осмотре машины?

Люди мялись. Что-то никто не рвался в понятие. Действовала старая боязнь: затаскают по судам да по следствиям...

Гезалов сказал насмешливо:

— Между прочим, сторонний наблюдатель, попросту — зевака — звание не слишком почетное. Нам нужна помощь. Почему бы вам, например, молодой человек, и вам, девушка, не подойти поближе? Смелей... Старшина, уберите собаку!

Девушка подошла первой. Копна густых светлых волос, курносенькая, в глазах интерес и ожидание.

— Как ваша фамилия?

— Бородина. Валентина.

— А ваша?

— Александр Бородин.

— Вот и отлично. Вы будете присутствовать при осмотре этой «Волги». Согласны? Благодарю вас. Товарищи, приступаем... — Он обернулся к эксперту: — Николай Григорьевич, будь ласков... Мы рядом. А ты, Заур Алекперович, с Каратом что ли... по горячим... Может, не успели они уйти далеко.

Пустили Карата. Тот обнюхал сиденье водителя и, с ходу взяв след, повел в сторону «армянских» Кишлов. Акперов и участковый инспектор двинулись за собакой...

Никто из них не догадывался, что идти никуда не надо. Блондинка, о которой докладывал инспектор ГАИ, сидела напротив, в дамской парикмахерской и через окно наблюдала за милицией; суeta ее забавляла. Когда Карат сбежал под

гору, незнакомка вышла из парикмахерской и не спеша направилась к Московскому проспекту. Там она остановила такси.

Миновав узенькую улочку, Карат задержался у калитки тесного грязного дворика. Акперов вынул пистолет, предупредил старшину-проводника и участкового об опасности.

Карат покрутился у веранды и рванулся к ограде — за ней была соседняя улочка. В этом старом, кое-как застроенном поселке не так-то легко развернуться. Самостройки из бута, досок, ржавого железа. Взять бы да снести это старье... Но сначала надо переселить людей. А жилье — пока проблема.

Проводник натянул поводок и взглянул на Акперова.

— Давай!

Карат рвался вперед. Казалось, преступник совсем близко, и овчарка вот-вот его настигнет. Заур и участковый уже бежали. Было жарко, солнце слепило глаза. Горло пересохло, рубаха прилипла к спине. Неожиданно выплыло полотно железной дороги. С грохотом вырвался из-за поворота пассажирский поезд. Из вагона кто-то швырнул кусок бублика. Карат зарычал.

— Тубо! — приказал проводник.

Пронесся поезд, и овчарка рванулась через полотно, миновала холм и стремительно скатилась к шоссе.

Здесь, у подножия холма, помещалась шашлычная. Карат двинулся к ней, и Акперов подумал, что беглецы там. Но потом вдруг свернул влево, выбежал к оврагу, снова повернул к шоссе... Понятно: след потерян. Преступники, видимо, сели в машину.

Место пустынное — ни домов, ни людей. Проводник понукал Карата. Акперов махнул рукой.

— Не мучь пса, старшина. Он уже не поможет. Опоздали.

Обратная дорога показалась бесконечной. Напряжение спало, ноги стали ватными. Заур знал это состояние: не так-то легко пробежать километров пять за взявшей след собакой. Особенно, если возвращаешься ни с чем...

Возле синей «Волги» все еще неторопливо похаживал эксперт — махал кистью, желтым порошком обмазывал места, где обнаружили отпечатки, что-то разглядывал в большую лупу. Гезалов, Асадов и понятые стояли рядом.

— Ну как, Яшар? — мрачно спросил Акперов.

— Такое, понимаешь, впечатление, — сказал Гезалов тихо, — будто не преступники угнали машину, а озорники. Следов полно! Взгляни, сколько тут понаверчено.

— Торопились, потому и наследили. Ничего удивительного.

Проводник усадил Карата в кузов УАЗа и, пристроившись поудобнее, взялся писать не очень приятный акт. Бородин с интересом наблюдал за работой эксперта. А девушка — он уже знал, что зовут ее Валентиной, — подошла к Зауру.

— Не поймали? — спросила она.

— Уже сдали в багаж, — отшутился Акперов. — Эх, дорогая девушка, скоро только сказка сказывается. Не беспокойтесь, найдем. И пригласим вас убедиться.

— Опасная публика...

— Пока не пойманы. Да и вообще преступник не так страшен, как его малюют. Помните мультфильмы «Ну, погоди!»?

— Шутите... А я, может быть, скоро приду к вам работать. Учусь на четвертом курсе юрфака.

— Что ж, считайте, что ваша практика началась. Не легко, правда?

Подошел Гезалов.

— Заур Алекперович, с вас магарыч. В малом багажнике нашли технический паспорт машины. Можешь познакомиться, — он протянул документ.

— Ого! Это находка ценная... Серия БЭ 274190. Номер типографский, его не подделаешь. Дальше. Модель ГАЗ-21 «Р», выпуск 1967 года, двигатель 808614, кузов 165323... Ты понимаешь, Гезалов, что это такое...

— Не радуйся, Заур. Номера — это заботы, экспертиза, время. Главное — время. Преступник этого и добивается — выиграть время. Фамилия владельца, естественно, вытравлена.

— Естественно. Но это не страшно — химики разберутся быстро. Техника... Смотрите, Валентина, и запомните, пригодится. Гезалов, кончай с протоколом. Пора ехать в больницу.

У больницы Шаумяна Гезалов вышел. Прощаясь, спросил:

— Какие будут напутствия и пожелания?

— Меня очень интересует, почему мое вчерашнее появление вызвало у Лейлы страх. Постарайся узнать. Только поосторожнее. Тут, по-моему, что-то нечисто.

— Будет сделано. Где встретимся?

— Я сначала к экспертам... Созвонимся.

Гезалов, конечно, понимал, что «игра», в которую преступники втянули работников милиции велась тонко и умело. Однако «Волга», обнаруженная у больницы, явно связана с ранением Лейлы, а это уже промах. Из разговора с ней мо-

жет выясниться цель покушения — здесь, вероятно
всему этому замочку с секретом.

Лейла встретила Гезалова дружелюбно, даже улыбнулась.

— Здравствуйте! Давайте познакомимся. Я — следователь.
Можем мы с вами немного побеседовать?

Она помолчала.

— А почему не товарищ Акперов? — В голосе явственно
звучало сожаление. — Он рассердился? Я перед ним так ви-
новата...

— Что вы, Лейла Исмаиловна. Он, конечно, еще придет.
Просто сегодня много дел, и мы поделили обязанности. А по-
чему вы так напугались прошлой ночью, когда Акперов зашел
в палату?

Девушка изумленно взглянула на него.

— Он сюда приходил? Не помню. Ничего не помню...

— Узнав о том, что случилось, он сразу приехал. Впрочем,
оно, пожалуй, и к лучшему. Ночью вы чувствовали себя не-
важно.

— Поразительно! — сказала она медленно. — Навешают,
заботятся... Но я же сама во всем виновата! У меня ни к кому
нет претензий. Дура я, просто дура, понимаете? Уверю вас,
из-за меня не стоит затевать дело.

Гезалов отметил про себя, что девушка хорошо владеет
собой. То непонятное, странное состояние, что так напугало
ночью Акперова, как будто прошло. Теперь она сумеет многое
вспомнить, рассказать детали. Он беззаботно улыбнулся и
сказал небрежно:

— Милиция, дорогая Лейла-ханум, помогает гражданам,
не ожидая их жалоб.

— Даже в случае, когда граждане сами виноваты?

— Разумеется. Вы, наверное, понимаете, что нападать на
людей не полагается, даже если они в чем-то виноваты. Дру-
гой вопрос, степень вины... Но мы забегаем вперед. Покуше-
ние на жизнь человека всегда наказуемо. Даже если у пост-
радавшей нет претензий.

— Вы просто меня оправдываете.

— Да нет, — Гезалов чуть поморщился: —

Лучше скажите, как вы себя чувствуете?

— Пока лежу смирно и лед на ране, терпимо. Но стоит
шевелиться, темнеет в глазах. Правда, доктор говорит, что
мне еще повезло.

— А как это случилось? — все так же беззаботно спросил
Гезалов. — Если вам, конечно, не трудно.

— Он хотел второй раз ударить ножом. Но женщина, блондинка, кажется, ее зовут Оля, та, что сидела в машине...

— Впереди, — подсказал Гезалов.

— Да, за рулем... Выскочила из машины и оттащила его.

«Инспектор ГАИ не ошибся, — отметил Гезалов. — Все так. Значит, машиной управляла Оля. Странно».

— У него было такое страшное лицо! И глаза... На всю жизнь запомню этот взгляд. Он сказал: «Я тебе покажу, как связываться с Акперовым».

— Ах, ревность! — Гезалов простодушно покачал головой.

— Что вы! У нас ничего общего...

Она отвернулась, закусила губу и смолкла. Молчал и Гезалов. Явно он взял не ту ноту — какая уж тут ревность...

— А Оля, должно быть, смелая, — сказал он, как бы размышляя о чем-то своем. — И не лишена благородства.

Лейла ничего не ответила. Тогда он заметил, словно бы невзначай:

— Чуть не забыл. Машина АЗИ 52-48 задержана.

— Да? — у Лейлы расширились глаза.

— Ее обнаружили здесь, у больницы.

— Я так и думала! — прошептала Лейла.

— Почему? — Гезалов насторожился.

— Достаньте, пожалуйста, из-под подушки письмо. Утром иня принесла. Предлагают перемирие. Вы только подумайте! Это был четверо сложенный тетрадный листок. Не письмо, записка, несколько торопливых слов. Яшар прочел вслух:

«Извини, Лейла. Погорячился. Но ты молчи, прошу... Каюсь».

Лейла вздохнула и закрыла глаза. Гезалов чуть было не вскрикнул, тот же почерк, что на доверенностях. И тут же одернул себя. Скажем, похож. Очень похож... Но это еще не основание для молниеносных заключений.

— Я боюсь, — сказала девушка. — Не за себя, за Заура Алекперовича. Он угрожал...

— Кому?

— Мне и Акперову.

— Гм! Лейла-ханум, верьте моему опыту. Когда преступники угрожают, это значит, что они боятся. Расчет на слабохарактерных. В данном случае — на вас. Потому что Акперов на своем веку перевидал сотни таких, как этот Алик.

Лейла пристально взглянула на следователя.

— Скажите, только честно. Можно ли после этого верить людям?

— Не знаю, кого вы имеете в виду, Лейла-ханум. Но одно могу сказать твердо: людям надо верить. Без этого нельзя жить.

Разговор все дальше уходил от темы. В окошечке «бокса» возникла голова медсестры — пора было кончать. И Гезалов, наконец, решился.

— Простите, Лейла Исмаиловна произошло?

— Понимаете, вскоре после того, как ушел Акперов, у нас, в комнате экспедиции, появился Алик... Прошло, ну может быть, полчаса. Я обещала предупредить Заура Алекперовича и подумала, что сейчас это сделаю. Алик предъявил доверенность. В первый раз я, кажется, не спросила паспорт и теперь потребовала документы. А он взглянул на меня и спокойно говорит: «Школа Акперова». Я вскочила... Теперь я понимаю, что все было неправильно. Надо было выписать накладную, послать его в склад и сразу позвонить Зауру Алекперовичу.

— Конечно, — кивнул Гезалов. Про себя он подумал, что это вряд ли помогло бы: Алик совсем не так глуп.

— Что поделаешь? Не сообразила. Алик забрал доверенность и сказал, что придет завтра с паспортом. Я поняла, что он собирается улизнуть и выбежала за ним. На улице стояла белая «Волга». За рулем сидела блондинка, на заднем сидении — толстяк. Ну, тот самый. У него золотые зубы... Я крикнула Алику, что он трус и негодяй. Глупо, конечно. И тут все произошло... Он кинулся ко мне, дальше... я уже говорила. Блондинка выскочила из машины, схватила его за руку, ударить второй раз он не успел. Боли я не почувствовала никакой. Стояла и смотрела, как машина тронулась, набирая скорость. Даже номер запомнила — не знаю почему. 52-48 АЗИ. Потом... Дальше не помню. Очнулась здесь. Вот и все.

— Благодарю вас, Лейла-ханум.

— Пожалуйста. Я знаю, вам надо все это записать. Я, Гасаналиева Лейла Исмаиловна, сорок седьмого года рождения, азербайджанка... Да. Не замужем. Комсомолка. Окончила торгово-экономический факультет...

Гезалов записал всё быстро и точно. Поигрывая ручкой, спросил:

— А во внешности Алика вы не заметили никаких особенностей? Ну, в манере говорить, в походке, в лице?

— Заметила. Он чуточку прихрамывает, как бы тянет правую ногу. И еще у него редкие зубы. Пожелтевшие. Наверное от табака. Носит бакенбарды. А усы сбрил. Без шапки. Стиль,

ный галстук. Оранжевый. Очень чисто говорит по-русски. Вот и все, пожалуй.

— Это существенно. Значит Алик — Эльхан Саламов. А блондинка?

— Слишком светлые волосы. Крашенные, конечно.

— Вы сможете узнать этих людей, если...

— О да, конечно.

Беседа продолжалась еще минут десять. В палату вошла высокая седая женщина, вежливо кивнула Гезалову. Лейла улыбулась.

— Моя мама! Знакомьтесь.

Звали ее Софьей Артемовной. Теперь Гезалов понял, от кого унаследовала Лейла светлые, выразительные глаза, ни — мать и дочь — были очень похожи. Говорят, если дочь похожа на мать, быть ей несчастной. Гезалов в приметы не верил.

Он попрощался и вышел.

— Ты обратила внимание, — Лейла взяла руку матери, — как он держится? По-моему, очень милый и воспитанный человек.

— Да, в этом ему не откажешь.

— Это следовательно.

— Понятно, доченька, — Софья Артемовна вздохнула.

— Между прочим, он сказал одну интересную вещь. В общем как раз по поводу того, о чем мы с тобой говорили. Зверь опасен, когда его боятся, от него убегают. Инстинкт преследования. Я о том бандите. Рано или поздно мне предстоит очная ставка.

— Зачем тебе это, доченька? Откажись! И в кого только ты такая?

— Вся в тебя, мама.

— В меня? Нет, я ничем таким не занималась.

— Просто не представился случай. Ты всегда говорила, что главное в человеке — честность.

— Честность и безрассудство — вещи разные. Разве следовательно тебе это не объяснил?

— Объяснил. Но я и сама знаю, что сделала ошибку. Тактически. А в главном все правильно: человек должен вести себя по-человечески.

— Правильно. Только зачем бросаться в пекло?

— Я не бросалась. Но бежать, если уж так вышло... Нет, мама, трусливой я никогда не была. Мне трудно говорить... Дай мне, пожалуйста, соку.

Яшару Лейла понравилась. Впрочем, слово это мало что значило — многие девушки ему нравились. Но тут было что-то другое — незнакомое и волнующее. Он с удивлением обнаружил, что думает совсем не о том, что она говорила, а о том, как говорила — вспоминает ее улыбку, пристальный взгляд зеленых глаз, руку, которая поправила одеяло...

Со своей обычной склонностью к анализу он попытался как-то сформулировать впечатления. Но получился набор стертых слов: мужество и красота, твердость и нежность. Она обещала помочь Зауру и постаралась помочь — даже слишком решительно. Неосторожность — это, конечно, от недостатка опыта. А вот решительность... Нет, она и теперь, не задумываясь, показала ему записку. Показала, хотя и понимает, что могла бы выйти из игры, и игра не шуточная...

Понятно, ни о чем таком он с коллегами говорить не собирался, даже с Зауром. Его симпатии и антипатии — дело личное. Следовательно в таких случаях надо быть особенно осторожным — при всей своей внешней беззаботности Яшар успел многое пережить. В том числе и ошибки. Говорят, первое впечатление самое верное. Да, не считая тех случаев, когда оно ошибочно.

Гезалов вернулся к себе, еще раз перечитал показания Гасаналиевой. Намеченный заранее план расследования пришлось слегка подкорректировать. Он позвонил в адресное бюро.

— Меня интересуют Дашдамиров Меджид Баба оглы и Саламов Эльхан Мусаевич. Есть ли такие? Где живут?

Девушка попросила подождать минутку. Вернулась быстро.

— Вы слушаете? Саламов Эльхан Мусаевич у нас не значится. А вот Дашдамиров Меджид Баба оглы есть...

«Повезло! Хоть один есть».

— Записывайте. Дашдамиров родился в 1914 году в Кубинском районе.

— Возможно.

— Но разыскиваете вы его напрасно. Он умер...

Гезалов подумал, что ослышался.

— Как?

— Очень просто, как умирают все люди.

— Умер?

5. БЕС

Сообщение адресного бюро в первый момент огорошило Гезалова. Все-таки ситуация не совсем обычная. Человек умер, его похоронили. А он, как ни в чем не бывало, ходит по улицам, является на базы, получает товары, пьет, ест, разъезжает на машине.

Конечно, следователя трудно удивить. Но даже в преступном мире не так уж часто воскрешают покойников. Наглец, подумал он. А почему бы и нет, когда вокруг ротозей: ведь никто не спросил документов у этого представителя потустороннего мира. Непостижимо.

Об этом Акперов сказал ему в первом же разговоре. Однако тогда это его не очень удивило.

Ладно, пока оставим ротозеев в покое. Сейчас важно другое. Как умудрились преступники использовать имя Дашдамирва? Почему именно его, а не кого-то другого? Как мошенники добыли паспорт покойного? Есть во всем этом смысл или чистое совпадение, случайность?

Число вопросов росло, каждый новый — вызывал следующие. Гезалов, привыкший к четкой системе вопрос — ответ, начал нервничать. Дело подбрасывало сплошные вопросы, мало заботясь об ответах. Фактов множество, и почти ничего достоверного. Если у мошенников не спрашивали паспорт, и они это предвидели, то... То что из этого следует? Зачем им понадобился реальный человек — пусть покойный — этот самый Дашдамирва Меджид Баба оглы? И откуда они его взяли? Родственник? Знакомый? Случайно увиденная надпись на могильном камне?

Он поднялся в библиотеку, попросил торопливо:

— Женья, дорогая, подшивку «Вышки» и «Баку» за нынешний и прошлый год.

Он стремительно листал подшивки. Четвертая страница, справа в нижнем углу. Мелкий шрифт. Мелькали фамилии, имена, отчества. Мелькали часы — конец дня. Версия лопнула, как мыльный пузырь.

Гезалов, запустив руку в волосы, ходил из угла в угол, мучительно пытаясь понять смысл того, что произошло. Мысли скакали. Надо было отвлечься. Он заставил себя думать о чем-то другом — скажем, о море. Вышел на улицу и сразу попал в шумную людскую суету, был час пик. Толчея в магазинах, на автобусных остановках — трудовой день окончен,

скорее домой, вечер свободен. В городе много мест, где можно хорошо провести время даже в такую жару. Отличные летние рестораны «Встреча», «Наргиз», «Жемчужина», Приморский парк с эстакадой — узкой полукилометровой полосой, уходящей в глубь бухты. А «Венеция» в лабиринте каналов, с горбатыми мостиками... Муслим Магомаев назвал ее настоящей, а слова его много значат: он был в Италии...

Но именно потому тысячи людей спокойно сидят в ресторанах, гуляют по городу в любое время, что другие — в том числе и он, Гезалов — работают, тоже в любое время. Он — следовательно, у него нераскрытое дело, и он просто не может себе позволить бездумно отдыхать среди всего этого вечернего великолепия. Он должен думать, чтобы скорее раскрыть преступление, ибо каждое нераскрытое преступление — это бомба, которая в любой момент может взорваться.

Он позволил себе отдохнуть ровно пятнадцать минут. Когда точных сведений нет, надо исходить из теории вероятностей. Наиболее вероятны две версии: либо паспорт украден, либо кто-то из мошенников — родственник Дашдамирова.

Гезалов поднялся к себе и заказал срочный разговор с Кубинским отделом внутренних дел. Через десять минут его соединили с заместителем начальника отдела. Гезалов коротко изложил подполковнику Алышеву суть и попросил срочно выслать свидетельство о смерти Дашдамирова, выписку из журнала актов гражданского состояния, копию акта о вскрытии, установить, где находится его паспорт, а если паспорта нет, выслать формуляр с фотографией.

— И еще, товарищ подполковник, пожалуйста, допросите жену покойного или их близких родственников. Нас интересуют причины смерти Дашдамирова, его связи, образ жизни, не было ли в числе его знакомых неких Эльхана Мусаевича Саламова или Ольги... Разумеется, запрос я немедленно продублирую телеграфом. Благодарю, жду... До свидания.

Положив трубку, Гезалов глубоко вздохнул, будто скинул с плеч тяжелый камень. Но пока дело не раскрыто, камней этих без счета. Перед следователем вечно стоит вопрос, все ли ты сделал сейчас, что мог, или можно сделать еще что-то. И почти всегда ответ неутешителен. Обстоятельства преступления сложны. Преступник, как паук, тянет нити ко множеству людей. Но и сам он становится преступником в силу целого ряда условий.

В деле замешана женщина. Кто она? Какую роль играет во всей этой истории? Человеку свойственно увлекаться, по-

этому никто не застрахован от ошибок. Плохо, если ошибки ведут к тому, что человек преступает черту. Закон суров, и это — закон...

Он спохватился, что так и не позвонил Акперову. Пришлось изрядно покрутить телефонный диск. Акперов обнаружился в научно-техническом отделе — обрабатывал с экспертом дактопленки, изъятые при осмотре «Волги».

— Ну что, приличные отпечатки есть? — спросил Гезалов.

— Добрая дюжина! С трудом рассортировали. Четыре пальцевых отпечатка на месте водителя, остальные справа от него. Хотим с Артишиным порыться в архиве. Техпаспорт на машину эксперты обещали раскрутить с утра. Подготовь, пожалуйста, постановления об экспертизах, чтобы не было задержки. «Волгу» пока поставили на штрафную. Кстати, номерной знак подвешивали хитро, на специальных намагниченных крючках... Ты связался с Джебраилом Ганифаевым?

— Не успел. Надо бы нам с тобой поговорить. Когда встретимся?

— Давай часиков в девять у нового фонтана, на бульваре. Устраивает?

Обычный летний вечер. Легкий ветерок с моря пахнет водой и нефтью. Зыбь качает отражения судовых огней. На набережной полно гуляющих. Акперов ходил вдоль бассейна и смотрел на море, опоясанное по горизонту слабым мерцанием. Негромко шипели подсвеченные фонтаны. Гезалов опаздывал.

Беса Заур держал на поводке. Шум, фонтаны, беготня детей нервировали собаку. Но Заур назидательно грозил пальцем, и послушный дог опускал уши, благодушно и снисходительно поглядывая вокруг.

Гезалов наконец показался. Шел он не с той стороны, откуда Заур его ждал, и укоризненно поглядывал на часы — не любил опаздывать. К присутствию Беса он отнесся неодобрительно — дог привлекал внимание.

— Мог бы и без этой пантеры, — бурчал он. — Не даст толком поговорить.

— Он тебя стесняет? Напрасно. Бес — добряк и отлично воспитан. Правильно я говорю, собака? — Дог покрутил хвостом и отступил за спину хозяина. — Между прочим, ты не девица, чтобы заставлять себя ждать.

— Извини, сына отправлял в Бузовны. Ты же знаешь — мать больна, а одному мне с малышом не управиться. Четыре года пацану. Приехал брат, я уговорил взять на пару дней.

Какое-то время они шли рядом и молчали, замкнувшись в себе. У каждого из них за день накопилось что-то такое, о чем хотелось сказать.

— Был я в больнице, — прервал молчание Гезалов.

— Ну и как?

— Это, конечно, не элегантная гостиная со сверкающим хрусталем, а палата на одну кровать.

— Скажи, пожалуйста, какой сибарит, — откликнулся Акперов. — Подавай ему люкс. А как Лейла?

— Она, конечно, не царица души моей, но...

— Но красивая.

— Да-да, Заур Алекперович, очень. И бог ты глаз!

— Ну, давай почитаем стихи. Несерьезный ты все-таки человек, Яшар. Жениться пора. Бобылем век не проживешь. Сколько гармошек уже на лице...

Гезалов сердито помотал головой.

— А что, серьезный человек должен быть всегда серьезным? Знал я одного человека. Фронтовик, весь искалеченный. Он любил повторять, что больше всего ценит в людях сдержанность и юмор. Собственно, это почти синонимы, объяснял он, ибо юмор не дает человеку расплескивать себя, лезть к другим со своими чувствами. Для него такие слова, как любовь или лирика, были запретны. Он и Пушкина, и Толстого считал несерьезными людьми. Слишком все у них нараспашку...

— Ну, с Пушкиным он что-то явно напутал. Самый, по моему, сдержанный писатель. Ох, если бы ты, Гезалов, был такой несерьезный...

— Ладно, — кивнул Яшар. — В общем, ты уже знаешь, что я не против женщин. Только женщин много, а жена должна быть одна.

— В этом ты прав. По-настоящему близкие люди встречаются редко.

— Да, как сказал поэт: «Порой в избытке ощущений, когда кипит и стынет кровь...» Хватит, давай о деле. С Лейлой я говорил. О том, что ты был у нее, она не помнит.

— Вот как? Значит, Рошаль был все-таки прав.

Гезалов во всех подробностях пересказал разговор. Это заняло много времени. Они миновали новый бульвар, углубились в темные аллеи старого парка. —

— А как ты представляешь такого, как Алик? — спросил Гезалов неожиданно.

Акперов долго молчал. Сказал смущенно:

— Знаешь, плохо представляю. В своей практике я с мошенниками не сталкивался. С грабителями, с убийцами — сколько угодно. Пожалуй, зацепил ты меня крепко. Пытаюсь, и не могу представить. Будто глаза завязаны марлей. Жаль, что не я был на месте инспектора ГАИ.

Гезалов улыбнулся. Вспомнил, как Заур, преследуя Яшку — Султана, получил пулю из-за угла. По управлению тогда ходило немало анекдотов.

— Что ж, Акперов, и на старуху бывает проруха.

— Так то на старуху, — Акперов повеселел. — Ничего. Поживем — научимся. У нас есть показания, технический паспорт, отпечатки пальцев. Улик хоть отбавляй...

— Это меня и беспокоит. Когда улик слишком много, человек теряется. Не знает, в какую сторону кидаться.

— Утром поедem в гараж Нефтехимпрома, поговорим с шофером. Может быть, это окончательно прояснит обстановку.

— Кстати, пока не забыл. Дашдамиров Меджид Балта оглы в августе прошлого года некоторым образом помер...

Акперов остановился и машинально сжал в руке поводок. Чертовщина какая-то!

— Я говорил с замначальника Кубинского райотдела подполковником Алышевым. Очень симпатичный человек. А главное, — обещал незамедлительно все выяснить и сообщить.

На горбатом мостике «Венеции» они замедлили шаги. Ярko светила луна. Из шашлычной тянуло аппетитным запахом кебаба. За разговором они не заметили, как из-за столика, спрятавшегося в тени деревьев, поднялись двое, коротко кивнули друг другу и разошлись.

— До завтра. — Яшар пожал Акперову руку и спустился по скрипучему мостику к Азнефти. Здесь была конечная остановка автобуса, который шел в его микрорайон.

И почти сразу вечернюю тишину разорвал гулкий звук выстрела. Гезалов резко обернулся и привычным ухом определил, что стреляли там, где несколько минут назад он простился с Акперовым. Не раздумывая, он нырнул в густую темноту кустарников и деревьев. Торопясь, он не очень разбирал дорогу, уверенный, что общее направление он выдерживает точно. Так он очутился около «Венеции», на боковой аллее, которая вела прямо к старому «Интуристу». Здесь уже собрались люди, стоял милицейский мотоцикл с зажженной фарой.

На асфальте что-то темнело. В висках стучало: «Неужели Заур?»

Протиснувшись сквозь толпу, он увидел Заура. Акперов сидел на корточках, наклонившись над скулящим Бесом. Гезалов облегченно вздохнул, вытер мокрый от пота лоб. Присел рядом.

— Ты в порядке?

Акперов поднял голову, сощурился от резкого света фар въехавшей прямо на аллею машины ПМГ и сказал мрачно:

— Видишь, что с Бесом... Ведь он меня спас... Стреляли из-за деревьев. Понимаешь?

— Понимаю, Заур. Чего-то в этом роде я ждал.

Акперов встал, огляделся.

— Мы шли, и вдруг Бес рывкнул, сорвался с поводка и прыгнул к деревьям. Я услышал крик, выстрел. Ранили его в бедро... Моя пуля.

— Надо думать, Алнк?

— Вероятно. Не пойму только, почему он так люто меня ненавидит. В его положении это явная слабость. На ней я постараюсь его поймать. Похоже, однако, что история затянется. Он поразительно нахален, но, видимо, не глуп.

— Это верно. Надо осмотреть место... — задумчиво произнес Гезалов.

Акперов покосился на Гезалова и тихо сказал:

— Нет, друг мой, сначала спасем Беса. Ведь это — тот самый долг, что платежом красен. А осмотром места пусть займутся из ПМГ. Пусть вызовут своих, из района, а мы, так сказать, в данный момент, если хочешь, потерпевшие...

Инспектор и два сержанта уже вышли из машины и нетерпеливо ждали, пока подполковник кончит. Акперов сказал несколько слов лейтенанту. Тот кивнул.

По пояс в воде он простоял под мостиком «Освода» до изнеможения. Это спасло его от ареста. Домой он притащился в четвертому часу утра — замерзший и злой. Но в окно постучал спокойно — два коротких хлопка с интервалом в полминуты, так условились. Тихий женский голос спросил:

— Кто там?

— Открой, дура! — он уже не мог сдерживаться. Бормоча проклятия, прихрамывая (каждый шаг отдавался в ноге острой болью), он прошел затемненной галереей вслед за женщиной. Она отворила дверь в комнату.

— Переодеться. Бинт. Промок до костей, — он тыкался, ища в темноте стул. — Шевелись. Чертова псина прокусила эту проклятую ногу. Еле дотащился. Скорее.

— Сейчас, милый, сейчас...

Минут десять ушло на то, чтобы переодеться, перевязать кровавую рану на ноге.

— Убери барахло. Чтоб следа от него не осталось.

Он встал и, по-прежнему хромая, проковылял в другую комнату.

У незашторенного окна, выходящего на улицу, сидел навесившийся пожилой мужчина. Молча, не поворачивая головы, он смотрел в одну точку.

— Псина спутала все карты, — сказал вошедший как бы оправдываясь. — Еще немного — и мне хана...

— Один умный сумасшедший... царство ему небесное, бедняга вкалывал со мной на Колыме лет десять назад, любил повторять: пусть люди смеются надо мной, зато я сам себе аплодирую. — Было бы в самый раз, если бы пес отгрыз тебе голову. Чердак у тебя пустой. Говоришь, я грубиян, темнота, а ты образованный, интеллигент... Хорошо, унес ноги, а если бы взяли? — Пожилой тяжело поднялся, подошел вплотную. — Думаешь, у Акперова ты бы не заговорил? Как миленький. Он тебя одним взглядом задавил бы. Выдал бы и меня, герой. За такие шутки морду бьют, осел. Чего тебе не сидится?

— А что делать, старик, когда он мне на пятки наступает. Надо сидеть и молчать?

— Ага, знаешь сказку про воробья? Попал в г., не чирикай.

— Дело дрянь. Погорячился. — Вошла женщина и безмолвно опустилась на стул. — Я бы не стрелял, если б не этот чертов пес. Загрыз бы...

— А чего полез? Хотел спросить у Акперова, как он поживает? Русские говорят: у любопытной Варвары нос оторвали.

— И ты хорош, папаша. Сбежал.

— Знал, что по дуруости ты на «мокрое» пойдешь. Я пока не спятил. Стрелять в милицию может только тот, кого из машинистской больницы по ошибке выпустили. За такие вещи к стенке ставят, сопляк интеллигентный.

— Ты мне молитву не читай. Свои грехи забыл?

Пожилой вскинул глаза, сжал тяжелые кулаки; чтобы успокоиться, прошелся по комнате. Никого не осталось, приходится иметь дело с этим психом.

— Выродок проклятый! Что ты обо мне знаешь? Мне шестьдесят, из них тридцать я сидел. Ты себя со мной не равняй. У меня с этой властью свои счета. Моего отца расстреляли полвека назад. Знаменитый был кочи. Но хотя я из бандитской семьи, на людей руку не накладывал. Больно она у меня тяжелая. Ты мальчишка, а сколько уже крови на твоей совести... Впрочем, какая у тебя совесть... Ничего святого не осталось. Заруби на носу: свой век я хочу дожить тихо. Поумнел.

— Поумнел? Чего ж ты полез в это грязное дело? И меня впутал.

— Дурак, — сказал старик беззлобно. — Самое чистое дело. Что, грабить и убивать лучше?

— Хватит вам, петухи! — вмешалась женщина. — Чего сцепились?

— Цыц! — рявкнул пожилой. — Лучше скажи, как это ты паспорт в машине оставила? Экспертиза наколет твоего забубенного, а он ни тебе, ни моему фраеру не простит фокуса... Циркачи.

— Не шуми, старик. С паспортом они еще покрутятся. А вообще-то ты прав, — сказал молодой миролюбиво. — Исчезать надо. Охота еще пожить. Ты вот что, Ольк, собирайся — сматываемся... С папашей не спорь. Он прав.

Женщина провела руками по волосам, поправила сережки. Молча вышла. Старик проводил ее взглядом.

— Теперь уже Акперов зацепит. Это как дважды два. — Молодой сокрушенно покачал головой. — Ты, папаша, тоже учти. Рви когти сам по себе.

— А ее берешь с собой? — спросил старик вяло.

— Придется. Зацапают, расколется и все выложит. Надо будет — избавлюсь.

— Избавишься? — пожилой встал. — Опять мокрое?

— Дело житейское. Не обязательно.

— Подлюга же ты! Увел, а теперь бросишь?

— Ты меня, старая лиса, не сволочи. Твою науку прошел.

— Я что, учил тебя красть чужих жен и впутывать их в аферы? Я имел благие намерения, дружок, сделать из тебя денежного интеллигента. А тебя на другое тянет. — От его давящего взгляда молодой поежился. — Запомни, сопляк, если хоть один волос упадет с ее головы, заказывай себе гроб.

— Там видно будет.

— А пока гони пистолет, — старик раскрыл внушительную ладонь.

— На, подавись. Найду другой.

— Ищи, на улице валяются. — Он спрятал оружие в карман и отошел к окну. — Не забывай, что ты прочно хромаешь у обрыва. Сорвешься. Афера ценится в пять лет, и идти в «кичу», даже не обидно... А твоя работа — стенка! Понимаешь — стенка. А теперь чеши отсюда. Были вместе, да не сработались. А мою слепоту аллах мне простит...

Днем вблизи аэропорта обнаружили «Запорожец». Случай обычный: угнали и бросили. Среди других машин он простоял несколько часов, пока инспектор ГАИ не обратил на него внимание.

6. КАК ДОГНАТЬ ВЕТЕР?

О ранении Лейлы старый ее товарищ по институту Гейдар Султанов узнал на следующий день. Хотя он уже давно был не студентом, а преподавателем, с дружиной он не расстался. Более того, его группа выросла, превратилась в комсомольский оперативный отряд горкома комсомола и активно участвовала во многих операциях милиции.

Узнав от Акперова подробности, Гейдар долго не мог прийти в себя. Он ненавидел мерзавцев, которые способны поднять руку на человека, а на женщину — особенно. И сразу же предложил помощь — свою и отряда.

Солнце выбралось из сизого облачного оперения, стало жарко. Трудно было поверить, что день только начинается — шесть утра.

У подъезда высотного дома остановился запыленный «Москвич». Выходить не хотелось. Откинувшись на сиденье, Заур угрюмо смотрел на блестящий от солнца асфальт. Было горько и тревожно.

После вчерашнего происшествия у него был долгий и неприятный разговор с Гезаловым. Против обыкновения, Яшар говорил серьезно, без обычных своих шуток и подначек. Начал он с того, что обвинил Заура в догматизме.

— А как насчет метафизики? — поинтересовался Акперов.

Однако Яшар лишь поморщился, отклоняя шуточный тон. — Во всяком преступлении, — сказал он, — присутствует своя индивидуальная система причинно-следственных связей, которую оперативный работник должен постичь, чтобы не тянуться в хвосте событий, а уметь их предвидеть. Иначе он ничего не добьется.

Выстрел на бульваре не случайность, а закономерное звено в цепи преступных действий мошенников. И значит, Акперов должен был это действие предвидеть, а следовательно, и предотвратить.

Акперов разозлился. С ним это вообще случалось редко, а Гезалов видел его таким впервые.

— Что, по-твоему, догма, а что — новаторство? О том, что для всякого преступления характерен конкретный причинно-следственный код знал еще Шерлок Холмс. Столь же понятно, что даже начинающий следователь пытается расшифровать этот код, предвидеть очередной ход преступника. Но это, увы, не всегда удается. Поведение Алика отнюдь не типично, ты это понимаешь. Мошенник, как правило, не стреляет в работника милиции. Впечатление такое, что он либо сумасшедший, либо у него со мной личные счеты. Но откуда? Насколько я могу судить по описаниям, никаких дел я с ним раньше не имел. Вместо того, чтобы заниматься теорией, ты бы лучше подумал, что мы будем докладывать полковнику.

— Вот еще одна из типичных догм. О чем мы должны думать: о расследовании или о докладах? По-моему, не мешало бы предоставить сотрудникам большую свободу действий. Эти постоянные доклады только сковывают инициативу и мешают сосредоточиться.

Акперов усмехнулся. Зачем валить с больной головы на здоровую? Керимбеков вовсе не сковывает, не подавляет... Даже не торопит. Конечно, докладывать о покушении не очень хочется. Однако полковник умен и не станет, как Яшар, упрекать его в том, что он чего-то не предвидел.

Другой вопрос, что при расследовании догматизм противопоказан. Тут нет рецептов. В самом, казалось бы, очевидном деле возможны неожиданности. На его взгляд, действия этого полоумного Алика бессмысленны. Но, может быть, Алик знает нечто такое, чего не знают они. Например, что расследование все ближе подходит к истине (как в детской игре: «тепло», «горячо», «очень горячо»), и Алик, чувствуя, что его загнали в тупик, готов на все. Акперов знал по опыту, что доведенный до отчаяния преступник особенно опасен. Что ж, впредь он будет осторожнее. Но — в разумных пределах. Чрезмерную осторожность в их деле называют иначе, и считают первым признаком профессиональной непригодности.

Разумеется, он тоже был бы рад изобрести такой необыкновенный метод — быстрый и безопасный. Но его нет. Гезалов хочет догнать ветер. А как? В одном он прав: надо сосре-

доточить усилия на личности Алика, расшифровать его как можно скорее. Стоит, пожалуй, еще раз порыться в памяти. Бывает, что какая-нибудь мелочь вдруг приведет в движение забытый участок памяти...

А все-таки Алик глуп. Итальянцы правы: месть — кушанье, которое надо есть холодным. А он слишком горяч. Рано или поздно он на этом споткнется...

Сидя в машине, он с нетерпением ждал Гезалова. Хотелось поговорить. Однако Яшар коротко поздоровался и устоялся в окно. Машина тронулась. «Пусть вспоминает, — думал Яшар. Слишком многое указывает на то, что он и Алик — старые приятели». И может быть, искать нужно не столько вокруг, сколько, в себе?» Именно сейчас он особенно верил в успех. Чем сложнее картина, тем ближе развязка. Ясность почему-то всегда приходит стремительно и внезапно.

После нападения на Лейлу преступник понял, что Акперов «сел ему на хвост». С этого момента он начал лихорадочно метаться, допуская один промах за другим. Выстрел — свидетельство того, что он близок к отчаянию. Интересно, о чем думает сейчас Заур?

«Москвич» выбрался из-под монтинского моста и свернул к Нефтегазу. Яшар достал сигареты, протянул пачку Акперову. Спросил словно бы между прочим:

— Как Бес?

— Хорошо собакам, живучи. Вот приличного ветеринара нашел с трудом. Пулю извлекли. Ясно, что стреляли из «ТТ». Надо передать районному следователю и направить на баллистическую экспертизу. — Заур достал из кармана маленький конвертик и протянул Гезалову. — Возможно, заключение пригодится... Впрочем, дело лучше из района изъять. Вряд ли они сами справятся.

— Выстрел, разумеется, не случайный?

— Бес удивительно чувствует врагов. Видимо, кто-то следил за нами из кустов. Вполне допускаю, что Алик. Надо как можно скорее установить его личность. Ошалев от злобы, он способен такое натворить! Терять-то ему нечего... По всему чувствуется, что этот Алик не новичок... — Акперов глубоко затянулся, сказал с невеселой улыбкой: — Марита устроила мне настоящий разнос. Такого еще не бывало. Делами, мол, надо заниматься не на бульваре, а в служебном кабинете. Словом, забот хватает.

Гейдар, всю дорогу сидящий молча, спросил неожиданно:
— А мне можно зайти к Лейле?

— Даже нужно, — кивнул Гезалов. — Это ее отвлечет. Девушка, кстати, отличная.

Уже в коридоре они услышали крик. Гезалов поморщился. Распекая подчиненных, главный инженер в выражениях не стеснялся. Характер у Гургена Леоновича Акопова был, видимо, не из легких.

— Под суд пойдешь, сукин сын! — неслось из-за двери. — Тормоза... так-растак!.. положено проверять. Твое счастье, что обошлось без жертв. Пустое место ты, а не механик!

Казалось, разносу не будет конца. Но в дверь постучали, и Акопов сразу умолк.

— Войдите, — он улыбнулся посетителям и поднялся из-за стола во весь свой огромный рост. — А ты убирайся, — сказал он механику тихо. — Запомни: машина — не детская коляска, с ней опасно шутить.

— Порядок наводишь, Гурген-даи? — спросил Акперов. — Знакомься, наш следователь.

— Милости прошу.

— Говорят, Гурген-даи, ты свой «Москвич» отоделал на свалку? — пошутил Акперов.

— Зачем, дорогой? Старый «Москвич» служит мне верой и правдой.

Заур смотрел и поражался, как это такая машина помещается в стареньком «Москвиче». Любопытно, куда он девает ноги?

Через пять минут Яшар убедился, насколько первое его впечатление было далеко от истины. Гурген-Леонович потому и любил пошуметь, что был человеком необычайно мягким и добрым. Шоферы в нем души не чаяли, но иной раз этим пользовались. Правда, обмануть его удавалось редко. Вся жизнь Гургена была связана с гаражом: он работал здесь со дня основания, больше тридцати лет. В городе так и говорили: «акоповский гараж».

Гурген Леонович засуетился.

— Сейчас подадут чай. Рань такая. Не завтракали, наверно?

— Не беспокойся. Мы к тебе по делу.

— Знаю. Без дела в такое время не приезжают. Но дело не убежит, а чай...

— Представь себе, это как раз тот редкий случай,

может убежать. Вызови нам, пожалуйста, шофера автомашины помер...

Акопов нажал кнопку звонка. Вошла секретарша.

— Хорена Парсаданова немедленно. И принесите гостям крепкого чаю.

Через минуту звонкий голос диспетчера-информатора объявил:

— Водителю Парсаданову срочно явиться...

Он был худощав, горбонос. В кабинет вошел как-то нерешительно, помявшись у порога. Пощипывая мочку уха, Акопов взглянул на путевой лист за пятое мая, и лицо его пошло красными пятнами.

— Ахмах¹, сукий сын! Сколько раз говорил — не халтуры! Говорил?

Парсаданов все еще стоял у двери. Кажется, он не понял, чего волнуется начальник. Он морщил лоб и смотрел на него круглыми глазами.

— Ну-ка подойди поближе! — гаркнул Акопов. — Объясни, чего это ты пятого мая ездил на чаеразвесочную фабрику? Что-нибудь забыл? Только не ври, хуже будет. Имей в виду: посадят — не заступлюсь.

Парсаданов растерянно молчал.

— Ты понял меня, Хорен?

— Понял, Гурген Леонович.

— Халтурил?

— Было, Гурген Леонович.

— Что возил, куда возил — помнишь?

— Помню, Гурген Леонович.

— Дай-ка сюда права... Ишь как истрепал документ. Нехорошо! Ступай, вызови начальника отдела кадров.

Когда дверь закрылась, Акопов, посмеиваясь, потер ладони.

— Сам все напишет! Честный парень, грамотный. Пять классов окончил. Работага. — Вздохнул. — Куча детей: шестеро. Болеет часто, нуждается. Ну, я его ругаю, конечно...

Вернулся Хорен с начальником отдела кадров, пожилой безулыбчивой женщиной. Она строго посмотрела на шофера, перевела вопросительный взгляд на Акопова.

— Дайте ему бумагу, пусть сядет и напишет объяснение горотдел. Он знает, что к чему.

Пока Парсаданов писал объяснение, Заур и Яшар выпили

¹ Глупец (азерб.).

по стакану чая. — Гурген Леонович хвастался не зря: чай у него был отменный.

Явился Парсаданов, принес объяснение. Гурген Леонович торжественно водрузил на кончик носа очки и заворчал:

— Смотри, как пишет, сукин сын! Даже я ни одного слова не разбираю. А еще пять классов кончил! Полюбуйтесь! — и протянул бумагу Акперову.

— Мы его заберем с собой, — сказал Заур.

— И правильно, — грохнул Акопов. — Пусть пишет разборчиво.

В управлении Парсаданов дал развернутые показания.

«Пятого мая я, Хорен Парсаданов, проезжал мимо чаёразвесочной фабрики. На дороге меня остановил среднего роста пожилой мужчина с золотыми зубами. По национальности, видимо, азербайджанец. Он был в серой шляпе и коричневом костюме. Мужчина объяснил, что является начальником Кусарского торгога, и ему необходимо вывезти с фабрики шесть ящиков чая. Я спросил, сколько заплатят. Он обещал двадцать рублей. Так как у меня шестеро детей, я согласился и завернул на фабрику. Во дворе у склада я заметил молодого парня лет тридцати, тоже азербайджанца, симпатичный такой, хорошо говорит по-русски. Мужчина с золотыми зубами называл его Аликом. Они погрузили в машину шесть ящиков, и мы поехали. Они сели ко мне в кабину вдвоем и сказали, чтобы я ехал на швейную фабрику, напротив шашлычной «Яйлаг». Я подал машину к воротам дома. Из ворот вышла русская женщина. Фигуристая такая. Алик выгрузил ящики. Я слышал, что женщина называла пожилого мужчину Мишей. Этот Миша дал мне две десятки. Пригласил в гости, сказав, что в Кусарах его все знают. И еще попросил, чтобы о чае я никому не рассказывал. Я обещал, так как не думал, что это темное дело. Уехал и позабыл».

Плечи шофера дрожали. Казалось, вот-вот он заплачет. Он достал из кармана большой грязноватый платок и вытер глаза.

— Перестаньте, Парсаданов! — Гезалов поморщился. — Взрослый человек, а ведете себя, как ребенок.

Шофер поднял голову. Глаза красные, веки опухшие.

— У меня куча детей... Начальник, я с теми людьми никакого дела не имею.

Акперов предложил ему выйти и подождать в коридоре.

— Ну? — он остановился против Яшара. — Что скажешь?

— По-моему, говорит правду. Просто слевачил.

— Похоже. Проступок, наказуемый в административном порядке. Пусть этот вопрос решают на месте. — Гезалов позвонил Акопову: — Гурген Леонович, водитель через час вернется. Претензий у нас к нему нет. Для нас он свидетель.

Спустя четверть часа, взяв с собой Парсаданова и фотографа, они выехали. У швейной фабрики машина притормозила, шофер показал ворота, куда вносили ящики с чаем. Фотограф на ходу сделал несколько снимков, и машина вернулась обратно в управление.

— Если буду нужен, — сказал после Хорен, — вызывайте. Я им все скажу в лицо! Все. Я не боюсь.

— Ладно, Парсаданов. Поезжайте на работу. Мы звон Гургену Леоновичу. Думаем, все будет в порядке.

Акперов повеселел, мрачность как рукой сняло. Шофер существенно помог следствию. День начинался удачно. Забылось все: и бессонная ночь, и сомнения...

— Вот кончим дело, — сказал Заур с глубоким вздохом, — пойду к Керимбекову и подам рапорт об отставке. Не могу, нет больше сил.

Гезалов усмехнулся.

— В одной очень интересной книге я читал, что такие же гениальные мысли случались у Байрона и Бетховена, Жорж Санд и Льва Толстого. Упадок сил. И, как следствие, мысли о самоубийстве. Потом мысли уходили, и они работали дальше. Так что с полным основанием берусь утверждать, что и ты останешься в живых...

— Я, кажется, говорил об отставке?

— Вот именно. Для тебя отставка и есть самоубийство.

Полковник Керимбеков, судя по всему, их ждал и с укором посмотрел на Акперова.

— Что так поздно? — он поднялся, что-то обдумывая, подошел к карте города. — Вы, как всегда, в центре событий. Не очень веселых. Упустили того, кто стрелял. Как же вы, опытный работник, могли передоверить расследование ПМГ? Преступник мог быть совсем рядом...

Акперов молчал. Юсиф Гейдарович ругал его справедливо. Конечно, следовало вместе с Гезаловым осмотреть место происшествия. Не исключено, что преступника удалось бы задержать.

— Покушение со счета не сбрасывать. Разобраться. Проанализировать, — коротко резюмировал полковник. — Надо

полагать, что это не случайное совпадение и непосредственно связано как с делом, так и лично с вами, Заур Алекперович...

Акперов кивнул. И он, и Гезалов были в этом убеждены. Обстоятельно доложив ход расследования, Гезалов высказал их общее мнение:

— Мы считаем, Юсиф Гейдарович, что дом, указанный водителем Парсадановым, — перевалочная база преступников. Назрела необходимость срочно подключить в нашу группу Маила Мухтар-заде.

— Почему срочно?

— По двум причинам. Во-первых, мы паверняка столкнемся с должностным преступлением, которое способствовало хищению — это уже область деятельности ОБХСС. Во-вторых, такой опытный сотрудник, как Мухтар-заде, поможет устранить неясности, которые несомненно есть в деле, ускорить расследование.

Полковник подошел к коммутатору и нажал кнопку. Невидимый голос сказал негромко: «Я вас слушаю, Юсиф Гейдарович».

— Освободите от всех дел старшего инспектора Мухтар-заде, пусть он сейчас же подключится в группу Гезалова — Акперова.

— Слушаюсь.

Полковник сел к столу, подумал.

— Все указывает, что вы, пожалуй, на правильном пути. Вас трое. Опытные сотрудники. Теперь решает время. Чем скорее вы распутаете этот клубок, тем меньше вероятность эксцессов. Что же вы, Акперов, так и не выяснили, кто этот Алик?

Судя по всему, в прошлом мы уже встречались. Надеюсь, встреча повторится. Но вспомнить не могу. Нужно что-то такое, что всколыхнет память...

— Как вы считаете, они не успели скрыться?

— Вполне возможно, — ответил Гезалов. — Страна у нас велика. В конце концов — тыщем, не иголки. Но мы сделаем все, чтобы им помешать.

— Что ж, попытайтесь. Ваши ближайшие планы?

— Сосредоточить усилия на перевалочной базе, — ответил Акперов. — Но действовать будем осторожно: прежде чем наносить визит, присмотримся, понаблюдаем. Используем помощь общественников, технику.

— Желаю успеха.

Гезалов и старший инспектор ОБХСС Маил Мухтар-заде три дня сидели в Худате и Кубе — разбирались в документах, говорили с людьми. Три дня — срок большой, многое могло случиться. Последние часы в поезде тянулись бесконечно. Им не терпелось скорее увидеть Акперова, услышать новости. Им тоже было, что показать — портфель разбух.

Они выскочили из машины, быстро миновали бесконечные лестницы управления. К счастью, Акперов был у себя. Сидел за столом, сосредоточенно листая дело. Страница блокнота была покрыта замысловатыми закорючками.

Коллег он встретил с явной радостью. Вскочил, пожал руки, улыбнулся.

— С приездом, путешественники!

— Видишь, Маил, — усмехнулся Гезалов. — Настрение у Акперова мажорное. Наверно, он уже все знает. Мы опоздали?

— Нет-нет, не опоздали. Просто я рад, что вы, наконец, вернулись.

— Три мушкетера снова в сборе. Надо отметить, — пробасил Яшар. Он положил на стол портфель, придвинул стул. — Давайте, друзья, по случаю встречи выкурим сигарету, а потом займемся новостями.

Маил — высокий, чуть сутуловатый брюнет, с гладкими, зачесанными на пробор волосами и пышными усами — предупредительно протянул коробку «Руно».

— Товарищи, угощаю я.

Закурили.

— Хотели привезти тебе мешок зеленых яблок, — начал Яшар, — но передумали: а вдруг тебе нельзя.

— А если серьезно? — спросил Акперов.

— О серьезных вещах доложит Маил Мирзоевич.

Мухтар-заде открыл портфель и достал упакованные в целлофан сплетенные на палочках темно-красные ягоды.

— Кубинская вишня, Заур Алекперович, — пояснил Маил. — Чудесная. Пробуйте.

— Спасибо за заботу. Я их оставляю сыну, — он взял палочки и осторожно положил на крышку сейфа. — Ладно, начну я. Без вас, честно говоря, чувствовал себя одиноко. Дома беспокойно, Марита никак не придет в себя... Так вот, пригласил я участкового инспектора Ашума Бахтиярова — есть такой шустрый лейтенант. Пропесочил его за то, что проглядел на своем участке целую перевалочную базу преступников. Но это что, игрушки... А от Юсифа Гейдаровича ему влетело всерьез. Никогда не видел, чтобы шеф так сердился. Лекция

о значении профилактики — это само собой. Но потом прямо сказал о неспособности. Парень растерялся — молодой, опыта мало.

Я его немного успокоил — поможем. Включили в группу молодежь: Кямиля Абдуллаева и Элеонору. Да еще Гейдар Султанов дал нам восемь ребят из оперотряда института. Дом, который указал Парсаданов, под постоянным наблюдением. Ждем результатов. Мне приказано на время исчезнуть. Домой не хожу, ночую здесь. Пусть Алик гадает, в чем дело: то ли я испугался, то ли в командировке. Вчера меня вызывал Юсиф Гейдарович. Захожу и вижу — Баба Чингизов. Улыбается... Спрашивает, не помогу ли я, пока Гезалова нет, следовательно прокуратуры Амалии Джангировне. Расследование самоубийства.

— Это какого? — не понял Гезалов.

— Ну той девушки. По делу которой ты ездил.

— Дело все-таки возбуждено?

— Конечно. Сомнительное самоубийство. Мотивы туманные. Говорят, она встречалась с одним субъектом и...

— Ну вот! — протянул Гезалов недовольно. Обернулся к Маилу. — Помяни мое слово: заберут у нас Акперова, и мы останемся с носом.

— Не волнуйся, я отказался. Отказ приняли спокойно, хотя начальству не весело. Возникло еще одно шумное дело об убийстве молодого ученого. Центральный Комитет Коммунистической партии Азербайджана взял дело под контроль. Подключили Насруллу-киши, моего начальника.

— Вот именно, — сказал Маил задумчиво. — Начальник — это плохо. Если прокуратуре станет туго, хлоп письмо, и ты отчалил.

— Пока с Аликом не кончу, ни шагу в сторону!

— Это серьезный довод, — согласился Гезалов. — Так что с «гнездом»? Когда будем брать?

Акперов встал, прошелся по кабинету. Лицо стало жестким.

— Лбом таранить броню — значит разбить лоб, ребята. Думаю, что еще не наступил, как говорится по-латыни, «диес ира, диес илла» — день гнева, тот день. Если мы начнем операцию против «гнезда», может случиться, что ударим не по коню, а по оглобле. Будем терпеливо ждать сведений, и уж тогда — решительный ход. — Он сжал зубы и испытующе взглянул на них.

— Ладно. Теперь мы расскажем о наших делах, — сказал Маил. — Начинать, Гезалов.

— Итак, приезжаем в райпотребсоюз. Председатель встречает нас, конечно же, с распростертыми объятиями, само радушие. Впечатление такое, что мы привезли ему в портфеле все двадцать тысяч потерянных рублей. Засыпал нас вопросами. Мы уже перестали понимать, кто ведет следствие. Мы или он...

— Короче, Яшар, без трепы, — сказал Майл.

— Короче, мы ему напомнили относительно некоторых недочетов в их работе, которыми как раз и воспользовались мошенники. И знаешь, он даже обиделся! Может быть, говорит, вы и меня считаете мошенником? Мы деликатно промолчали. Словом, изъяли оттиски штампов, печатей, подписи на экспертизу. Выходим из конторы, а навстречу нам — кто бы ты думал? — Дашдамиров собственной персоной!

Заур изумленно вскинул брови.

— Ты что, бредишь?

— Ничуть. Ты только послушай: лысый, круглолицый, глазенки карие, золото в зубах, животик. Точь-в-точь, как описала Лейла. Признаться, меня подмывало подойти к нему и спросить. Несмотря на возражения Майла, я подошел и как бы между прочим осведомился, как его зовут. Он ответил: Меджид. Меня чуть не подбросило вверх. А он, помедлив, продолжил: Кафар-заде.

— Значит, Меджид...

— Двойник, черт возьми. Шестеро детей, работает более десяти лет, коммунист и... душа-человек. На всякий случай я прихватил его фотографию из личного дела. Предъявим очевидцам... Затем мы заезжали в Кубу. Разумеется, паспорта покойного, увы, нет! Жена объяснила, что выкрали в Баку, вместе с деньгами. Посмотрели мы его фотографию, висящую на стене: худощав и, судя по несколько растерянному взгляду, близорук. Привезли свидетельство патологоанатома. Причина смерти — инфаркт миокарда. Кстати, паспорт у него был № 741824, серия XIV-ЛС. Изъяли из паспортного стола формуляр.

— Значит, украден? Тем хуже для преступников.

— Если, конечно, мы их найдем, — горько покачал головой Яшар.

— Не сомневаюсь.

— Ого! В наше отсутствие, Майл, уверенности у нашего Мегрэ прибавилось. Это уже хорошо.

— И я верю, — бросил Майл.

— Ох, ребята, — задумчиво протянул Гезалов, — если бы одной только веры было достаточно.

В постоянном напряжении, в радостных и все же, наверно, нелепых надеждах жил эти дни следователь Гезалов. Вокруг шла обычная жизнь, но что-то в нем самом менялось. Ему все труднее было сдерживать себя и не поехать в больницу. Он представлял, как идет по коридорам в белом халате, а все — сестры, врачи — уже давно догадались: нет, не только служебные дела привели сюда этого седого следователя. Вот ведь что получилось. Однажды увидел эту Лейлу — и конечно, на всю жизнь. Он понимал это теперь отчетливо. Когда в тот злополучный вечер на бульваре Заур заговорил о женитьбе, Яшар вдруг подумал о ней. Нет, не как о жене — это было бы нелепо — лишь один раз они виделись, а просто о добрых человеческих отношениях. Ну, иногда увидиться, побродить по бульвару, сходить в кино...

У палаты, где лежала Лейла, Гезалов увидел знакомого милиционера. Тот поздоровался и доложил, что дежурит здесь по приказу начальника управления. Гезалов кивнул: в этом, пожалуй, есть резон; не получив ответа, Алик мог пойти на любую крайность.

Лейла по-прежнему лежала в палате одна. Выглядела она в этот раз гораздо лучше: бледность почти исчезла, на губах улыбка. Однако, увидев Гезалова, она сразу же заворчала:

— Вы с Акперовым, наверно, испытываете мое терпение? Лежу тут в полном одиночестве. Понятия не имею о том, что происходит за окнами моей клетушки.

Яшар развел руками:

— Помилуйте, Лейла-ханум! Никак не могли прийти. Я был в командировке, а Заур Алекперович... охотится.

— Охотится? — удивилась Лейла. — А он охотник?

— В некотором роде, дорогая Лейла, — Яшар усмехнулся. — Ну, ищет преступников. Догоняет ветер...

«Дорогая» выговорилось невольно. Но раз уж слово было сказано, Яшар — будь что будет! — открыто посмотрел ей в глаза. Ведь не могла она не почувствовать, как он произнес это слово. Но Лейла как будто ничего не заметила, спросила с любопытством:

— Ну, и что? Догнали... ветер?

Что мог ответить Гезалов? Промолчал. Она по-своему распенила его молчание.

— Я вам еще нужна? — спросила она обиженно.

— Вы умница, Лейла!

— Тогда спрашивайте, — сказала она сухо. Гезалов понял: настроение у нее капризное.

— Вы обещали, что постараетесь вспомнить адрес, по которому Алик хотел с вами встретиться.

— Да, обещала, но...

— Ничего, обойдемся. Я хочу показать вам четыре фотографии. Если среди них кого-нибудь опознаете, это очень поможет следствию. Извините, я только приглашу сестру и санитарку.

В присутствии понятых Лейла долго и внимательно рассматривала снимки.

— Нет, я их не знаю. Правда, вот этот, — она показала на Кафар-заде, — чем-то напоминает того толстяка. Но это не он, нет-нет, товарищ следователь. — Она возвратила листок с фотографиями и вдруг тихо добавила: — А меня скоро выпишут, Яшар Агаевич. Как только снимут швы. Когда я буду дома, приходите к нам. Мама у меня приветливая...

— Спасибо. Раз приглашаете, непременно приду.

— Не забудьте! — Она смутилась.

И тут Яшар, чувствуя, как стучит сердце и сам не понимая, что на него нашло, заговорил о том чудесном времени, когда Лейла окончательно поправится, выйдет из больницы и он, с ее позволения, расскажет ей любопытную сказку про одного, гм... одинокого человека. А в общем-то он обязательно придет и еще раз благодарит за приглашение. Лейла сдержанно улыбнулась: с удовольствием послушает.

— Люблю сказки, особенно те, что хорошо кончаются.

Чтобы успокоиться, Гезалов заполнил протокол.

— Я должен идти, Лейла-ханум. Я вас скоро навещу еще раз. А пока...

— Знаете, у меня раньше было совсем другое представление о следователях, — напоследок она почему-то разоткровенничалась. — Суровое лицо, острый взгляд... Ну такой, как бы вам объяснить...

— Сверлящий! И вообще провидец, холодный ум, бесстрастное сердце. Пустой сундук, окованный блестящей жестью! — Гезалов весело и свободно рассмеялся. — Между прочим, когда-то я и сам так думал. Странное мнение о своей будущей профессии!

Акперову казалось, что день тянется бесконечно. Перед ним лежали три телеграммы: из Москвы, из Горького, из

Киева. Три телеграммы по одному делу направляли его мысли в разные концы страны. Акперов нервно ходил по кабинету. Ожидание бесило его. Только через два часа позвонил Кямал Абдуллаев — инспектор угрозыска.

По пути из больницы Гезалов — впервые за эти дни — не думал о деле. Ему хотелось побыть в одиночестве, еще раз спокойно разобраться в том, что произошло сейчас. Все в нем ликовало. Вслушиваясь в этот гром фанфар, он вдруг испугался: а если это игра, легкий и невинный флирт? С чего бы это она... Да и что, собственно, случилось: согласилась послушать сказку?..

Он вернулся к себе и решительно сел к столу. Подшил к делу протокол фотоопознания. Подумал: посмеется теперь Акперов над его затеей с фотографией Меджида Кафар-заде. Скажет, что сыщик он никудышный, да и следовательно скверный. Спутал верблюда с жирафом.

Гезалов ошибался. Акперову было не до шуток. Это Яшар сразу почувствовал по голосу.

— Гезалов, ты уже вернулся? Будь добр, поднимись к нам.

— Есть новости?

— Очень много. Так много, что могут тебя придавить.

Яшар взял дело, захлопнул дверь и поднялся в угрозыск. В кабинете Акперова сидели Мухтар-заде и Абдуллаев. Лица у всех хмурые. Видимо, произошло что-то серьезное. Но ему было трудно сразу расстаться со своим настроением.

— Прибыл по вашему вызову, товарищ подполковник, — он попытался продлить это состояние.

— Превосходно. Сядем, товарищи, и обменяемся соображениями. Начинай. Маил.

Мухтар-заде взял в руки бланки телеграмм и бесстрастно доложил:

— Телеграмма первая из Москвы: технический паспорт серии БЭ номер 274190 числе других отправлен Ставропольскому УВД... Телеграмма по заданию Москвы из Ставрополя: техпаспорт БЭ 274190 20 мая 1969 года выдан Павлову Николаю Николаевичу, мотоцикл «Урал» СТУ 22-42... И третья телеграмма из ОБХСС при горьковском автозаводе: сообщаю, что модель ГАЗ-21-Р, выпуск 1967 года, двигатель 808614, кузов 165323 во второй половине года отпущен адресу львовской оптовой базы... Пока все.

— Так, угрюмо подытожил Акперов. — Гезалов, слушаем заключение графической экспертизы.

— В заключении сказано, что в техпаспорте настоящая фамилия владельца вытравлена. Первоначальная запись — Павлов Николай Николаевич...

— Резюме? — сухо бросил Акперов.

— Алик нам оставил техпаспорт от мотоцикла, — спокойно объяснил Гезалов.

— Предложения?

— Мне кажется, надо связаться с львовскими товарищами и установить настоящего владельца «Волги» с лженомерным знаком 52-48 АЗИ, — сказал Маил.

— Абсолютно верно, — поддержал Гезалов. — Когда мы убедимся, что номера, выбитые на двигателе и кузове, заводские...

— Тогда?

— Еще одна экспертиза...

— Согласен, — кивнул Акперов. — С этим решено, хотя веревка вновь закручивается. Теперь послушаем нашего молодого друга. Кямал, как мне кажется, кое-что успел.

Абдуллаев раскрыл папку, вытащил три листка, исписанных мельчайшим почерком.

— Нашей группе было поручено собрать данные по объекту, указанному шофером Парсадановым. Дом, который интересует следствие, одноэтажный, расположен на Новоапшеронской, 46. Вход с улицы через калитку, выкрашенную зеленой краской. Внутри — дворик, в углу сарай, крытый тесом. В квартиру вход через галерею. Комнаты не смежные, их две... До 1938 года дом принадлежал Кадыру Санани, который перед отъездом в Иран продал его Вадиму Семеновичу Королеву, приехавшему из Воронежа вместе с женой. Королев погиб на фронте. Жена его, Анастасия Дмитриевна, скончалась в 1961 году. В доме осталась дочь Флора, двадцати одного года. Вскоре она сошлась с неким Мишей из Маштагов. В 1964 году оба они были арестованы и осуждены за мошенничество. По делу проходили — Сафаров Мустафа Микаил оглы и Флора Вадимовна Королева. Сафаров был осужден на пять лет, Королева получила два года. После освобождения Флора Вадимовна несколько месяцев работала на заводе «Вторчермет-3» бухгалтером. Бросив работу, жила на нетрудовые доходы от спекуляции. В 1969 году Сафаров был освобожден...

Яшар прервал:

— Дорожка у Мустафы, видать, длинная. Возможно, он и

есть тот самый Миша, который нас интересует. Извини, Кямал, продолжай.

— Года два-три назад к Королевой из Львова приехали двое: светловолосая женщина и офицер — военный летчик. Жили у нее около двух месяцев. Потом уехали. Женщину, как установлено, звали Татьяной...

— Еще одно имя! — заметил Маил.

— Спустя год Татьяна вернулась, но уже одна. Флора сказала соседке, что муж Тани переведен на Дальний Восток. Приблизительно в то же время во дворе у Флоры появилась белая «Волга», на которой ездил молодой человек по имени Алик...

— Ну как, Акперов? — воскликнул Яшар.

— Как в романах Агаты Кристи, — Акперов невесело махнул рукой.

— Алик и упомянутая выше Татьяна, — продолжал Абдуллаев, — летом прошлого года уехали из Баку и вернулись уже троим, с Мишей. Сведения по датам требуют уточнения. Далее... Неделю назад Флора куда-то уезжала, вернулась только вчера. Она сфотографирована нами в пяти эпизодах: в своем дворе; в шашлычной «Яйлаг», что напротив ее дома, там она работает посудомойкой; на автовокзале; на почтамте и около Октябрьского райотдела внутренних дел. Кого-то ищет. Кроме нее, в доме сейчас никого. Сегодня в десять часов утра Королева села в машину заведующего шашлычной «Москвич» АЗИ 04-12 и отправилась на почтамт. В окошке «До востребования» Королева предъявила паспорт и, ничего не получив, на том же «Москвиче» вернулась обратно. Из дому пока не выходит. Наблюдение за домом продолжаем. Шашлычной заведует Дашдамиров Рустам Кязим оглы.

— Пожалуйста, снова Дашдамиров! — Гезалов сузил глаза. — Сколько же этих «камнежелезных»? Фотография его есть?

— Да, товарищ капитан. Все лица, которые проходят по нашей проверке, сфотографированы. — Абдуллаев выложил на стол пачку снимков. — Вот дом Королевой в трех видах, это пять снимков, о которых я говорил... А это Дашдамиров и его шашлычная. Пожалуйста, вот документы о судимости Королевой и Сафарова. Паспортная форма на Сафарова в фотолаборатории на размножении. Копию приговора получим завтра.

— Так, — задумчиво произнес Гезалов. — А что, может, Абдуллаева и Элеонору стоит заменить? Приметят их...

— Не примётят, Яшар Агаевич, — ответил Абдуллаев. — Во-первых, мы используем «дальнозоркую» технику и «тюльпаны», во-вторых, в моей группе уже десять ребят и девушек из оперотряда института с Гейдаром во главе и три разных машины. Работа, так сказать, массовая и в то же время совершенно незаметная.

— О-о, — кивнул Гезалов, — школа Акперова!

Да, сведения, полученные в этот день, заставляли задуматься. Какое-то продвижение, несомненно, наметилось. Но до развязки далёко. Алик успел скрыться, а личность его все еще остается непроясненной. Более того, появился-целый ряд новых имен: летчик, Павлов, Татьяна, Рустам Дашдамиров...

Разумеется, это прогресс. Но ситуация меняется, как в слаломе: надо быть хорошим лыжником, чтобы не потерять направление и не уйти в сторону, мимо ворот. Во-первых, кто такой этот Павлов из Ставрополя, почему его мотоциклетный технический паспорт оказался поддельным и очутился в «Волге», прописанной в Львовской области? Чья же все-таки машина? Во-вторых, что это за личности: военный лётчик, Татьяна, Рустам Дашдамиров? Как возникло это преступное гнездо?.. Сразу на все эти многочисленные вопросы не ответишь, а время идет, золотое время...

С чего же теперь начать? Снова с плана. Пункты должны идти в таком порядке, чтобы один клин выбивался другим. Версии и данные... Данные и версии... Главное — выбрать наиболее верную версию, самые точные данные, чтобы действовать быстро и безошибочно. Они долго спорили, прежде чем удалось найти первый ход — самый эффективный, надежный, не терпящий отлагательства...

7. СКОЛЬКО СТОИТ ЯРОСТЬ?

Лифт не работал. Всегда так: когда спешешь — что-нибудь обязательно задержит. По лестницам Гезалов почти бежал. Дом был старинный: толстостенный, с длиннющими лестничными маршами. Три его этажа — по нынешним меркам — все шесть. На площадке он чуть приостановился, чтобы отдышаться, и только потом толкнул массивную дубовую дверь. Прошел знакомым темноватым коридором и еще раз остановился: черная, обшитая дерматином дверь всегда вызывала в

нем сложные чувства. Обычно все обходилось благополучно. Но случилось...

Он взглянул на часы. Время предельное. Вполне могла уйти. И точно: за столом никого, ушла. А именно сейчас прокурор ему просто необходим. Санкция нужна, как воздух. Да, закон позволяет производить обыск без санкции. Однако лишь в исключительных случаях, когда это диктуется необходимостью, особыми обстоятельствами. А у них был целый день. Иди объясни, что это решение возникло совсем недавно, в результате анализа всех обстоятельств дела.

Гезалов стоял и думал, где он потерял эти несколько минут. Если бы шофер служебной машины не отошел, если бы они успели проскочить на желтый... Он услышал скрип, оглянулся и вздохнул с облегчением: с балкона в кабинет входила хозяйка — старший советник юстиции Вера Михайловна Андреева, заместитель прокурора.

Следственное дело всегда напоминает лабиринт. Среди множества ходов следователь должен выбрать один — истинный, понимая, что все остальные ложные. Этот истинный ход маскируют преступники, от него нередко уводят случайные обстоятельства. Как бы опытен и осторожен ни был следователь, он какое-то время неизбежно бродит впотьмах, строит догадки и ошибается.

Разумеется, ошибки бывают разные. Есть такие, что волнуют только следователя. Но есть и другие, от которых зависит жизнь ни в чем не повинных людей. Чтобы исключить или хотя бы свести их к минимуму, за действиями следователя надзирает прокурор. Конечно, «надзирать» — не значит контролировать каждый шаг. Следователь облечен доверием и достаточно широкими полномочиями. Но наиболее ответственные его решения, затрагивающие судьбы людей, — обыск, арест — требуют согласия прокурора, санкции.

Любое такое действие должно быть обосновано объективными обстоятельствами дела. Но что такое «обосновано»? В последние годы юристы пытаются выразить привычные для них понятия на языке теории вероятностей. Так вот, при каком проценте шансов обыск или арест обоснован: при шести, десяти, восьмидесяти, девяноста девяти?

Вера Михайловна не любила таких разговоров. При любой степени вероятности ошибку нельзя исключить полностью. И, следовательно, давая санкцию, прокурор рискует причинить вред невинному. Но и отказывая в санкции, он рискует, ставя под угрозу интересы общества.

Как-то на совещании, посвященном новым методам в криминалистике, Вера Михайловна сказала коротко: «Критерий, по-моему, есть: закон и совесть. А конкретно... конкретно не могу сказать... В каждом случае должна быть внутренняя убежденность и чувство ответственности. На чем основана убежденность? Вероятно, на опыте. И еще, не будем бояться этого слова, на интуиции».

Увидев топтавшегося у дверей Гезалова, Вера Михайловна не удивилась. Лишь покачала головой.

— Как всегда, милиция является за пять минут до конца работы.

— За пятнадцать, Вера Михайловна.

— Ах, какая блистательная точность.

Яшар Агаевич знал: Вера Михайловна любит поворчать. В конце концов она тоже живой человек: у нее дом, семья, дети... Однако в серьезных случаях она не будет смотреть на часы. Спокойно выслушает, вникнет во все подробности, но санкцию даст, лишь если это совершенно необходимо, если иного выхода нет. С сомнительными делами к ней не ходили, это бесполезно.

— Ладно, Гезалов, садитесь, — сказала она. — Что там у вас стряслось?

Он не стал терять времени. Коротко, но четко изложил обстоятельства и сам ход расследования, те долгие размышления, которые убедили их в необходимости следующего шага. Вера Михайловна молча выслушала. Долго думала, подперев щеку ладонью.

Гезалов вынул из папки бумагу.

— Вот постановление.

Прокурор прочла эти несколько строк дважды и трижды.

Спросила ворчливо:

— Почему хотите проводить операцию ночью? Нет терпения подождать утра?

— Вера Михайловна, — горячо заговорил Гезалов, — вы же видите, насколько основательны наши подозрения. Вчера было еще рано. Но завтра может быть уже поздно. Появление Королевой на почтамте и у райотдела милиции, конечно, не случайно. Она в смятении, явно чем-то взволнована. Не исключена возможность уничтожения улики. Сегодня ночью мы застанем ее врасплох. Откладывать опасно.

— Пожалуй, — Вера Михайловна кивнула. — Будем считать, что вы, Гезалов, меня убедили. Но при одном условии — утром жду доклада.

Гезалов вернулся к себе. Снял фуражку, вытер мокрый лоб. И сразу же, будто за ним наблюдали, появились Акперов и Мухтар-заде.

— По твоей довольной физиономии видно, что санкция получена, — улынулся Заур.

— Мне б твою проникаемость, мосье Мегрэ! — парировал Яшар, доставая сигареты.

— Нас тоже стоит поздравить, — вмешался Маил. — План операции утвержден без изменений.

— А вдруг «фигуристая Флора», как выразился Парсадапов, окажется хитрее нас, — с деланным простодушием заметил Гезалов.

— Для этого необходимы два условия, — как бы размышляя вслух сказал Акперов. — Во-первых, если на всех нас напала умственная слепота. Во-вторых, если Королева превзойдет себя — такую, как мы ее представляем.

Гезалов рассмеялся.

— Акперов уверен в себе, как тот поэт, что сказал: я подбрасываю мои фразы в воздух, как кошек, и уверен, что они упадут на ноги... Только вообрази, Маил: Заур входит в сумрачную обитель и голосом Отелло вопрошает: «Молилась ли ты на ночь, Королева?»

Они еще поболтали в том же роде. Решение провести операцию именно сегодня далось им нелегко. От этого зависело многое: опасно было медлить, но излишняя торопливость могла повредить делу. Вместо того, чтобы поймать преступников, это их только вспугнет. Данные, которыми они располагали, как будто гарантировали успех. Не раз случалось, однако, что именно такие — «верные» — операции оборачивались неожиданностями...

Помня об этом, Акперов предложил еще раз тщательно продумать детали намеченной операции. Потом Гезалов связался с адресным бюро.

— Так-так... Пишу. Прописка с 1942 года. Сафаров Мустафа Микаилович... Был прописан в Маштагах... Выбыл в связи с арестом... Спасибо, — он положил трубку. — Вот вам и справка о золотозубом «иксе». Однако...

— Никаких однако, — прервал Акперов. — Маштаги пусть тебя не волнуют. Все уже сделано.

— Ясно. Тогда в двадцать один тридцать, как условлено. У нас есть целых полтора часа. Не знаю, как вы, а я бы заранее выставил там пикет.

— И это сделано, — отмахнулся Маил.

— В таком случае, друзья, я немедленно ложусь спать. Полтора часа — это роскошный отдых.

Коллеги разошлись. Акперов, поднимаясь к себе, неторопливо размышлял. Разумеется, Гезалов неизлечим. Но за сегодняшней нацеленной шутливостью Яшара легко угадывалось волнение. Сам он, пожалуй, тоже не вполне спокоен. Что-то все идет слишком гладко, совпадения подозрительно удачны. Ох, как он не любил такую легкость. Она ослепляет, создает обманчивое ощущение простоты. А поиски истины редко бывают просты.

И Королева вовсе не так глупа. Несколько слов, сказанных ему с глазу на глаз Кямалом Абдуллаевым, убедили его в том, что эта Флора — вовсе не истеричная дура, которая вмиг теряет волю и рассудок. Чем же объяснить ее суету, растерянность? Тем, что ее вдруг бросили одну?

Но если все так, она, конечно, примет меры предосторожности. А если уже приняла? Какие? Наконец, нельзя сбрасывать со счетов и такой вариант: все это инсценировка...

Он сел за стол, взял двойной лист белой бумаги и тщательно вычертил схему дома и двора Королевой. Затем мысленно проделал весь путь по дому, анализируя каждый свой шаг...

Когда Королева открыла им ворота — долго стучать не пришлось — впустила во двор и сказала: «Милости прошу, заходите», — Акперов вздрогнул. Или у этой женщины чертовское самообладание или... Или она успела замести следы. Впрочем, возможно и совсем другое: ложь беззастенчивая, наглая, даже беззаветная — если во лжи единственное спасение. К сожалению, он слишком мало о ней знает, чтобы делать выводы. Преступники — они ведь тоже все разные...

Но именно потому, что начало оказалось трудным, Акперов успокоился. Это его свойство знали и ценили в угрозыске. Он оглянулся: все ли на месте, вместе с ним шли Гезалов, участковый инспектор Ашумов и четверо из оперотряда Гейдара Султанова. У Мухтар-заде была другая задача. Пока Гезалов вежливо разъяснял Королевой цель их визита, Акперов успел бегло осмотреть двор — все углы и пристройки, разобравшись, как устроен засов на воротах, и шепнул одному из дружинников, чтобы тот не отходил от ворот и смотрел в оба.

Кажется, до Королевой только теперь дошло: обыск. У нее будут делать обыск! Помилуйте, чего это вдруг? Она никого не ограбила, никого не убивала. Она даже рассмеялась.

— Прямо целое отделение милиции, — она всплеснула

руками. — Я понимаю, такая у вас работа... Но так неожиданно...

«Вот именно», — подумал Акперов, — неожиданно. — «А лицо-то у вас вытянулось, Флора Вадимовна. Не грабила, не убивала... Укрывать же грабителей и награбленное, видимо, можно? Позиция, согласитесь, наивная. Это при вашем-то опыте...»

Впрочем, это еще не самое худшее — незнание законов. Хуже, когда притворяются, обманывая то ли себя, то ли других. Ведь она должна понимать, что с обыском просто так не приходят. И не уходят, досконально не осмотрев все. На что же она рассчитывает?

Размышления Акперова прервал гудящий бас Гезалова. Заур поморщился: от его внимательных глаз не укрылись некоторые особенности укладки пола в галерее.

— Гражданка Королева, — громко и назидательно говорил Гезалов, — вам должно быть известно, что существует такое преступное деяние, как соучастие. Например, заранее обещанное укрывательство краденого. Ведь вам, если не ошибаюсь, дали два года, чтобы вы обдумали свою прошлую жизнь.

— Ошибаетесь, товарищ следователь.

— Что ж, возможно, — следователь сухо кивнул. — А почему вы говорите об убийстве? Разве обязательно брать в руки топор или нож, можно помочь советом, создать условия. Вообще многое можно.

Флора Вадимовна закусил губу, но промолчала. Акперову показалось, что в этот момент что-то в ней тронулось. Следователь явно что-то о ней знает, так что вряд ли это просто недоразумение. Но позиция была уже выбрана — сплошное отрицание.

Она открыла дверь и вошла в комнату, окно которой смотрело на улицу. Акперов это заметил. Логичнее было начать со спальни, это ближе. Он, однако, не спешил. Тем более, что сейчас его больше всего интересовал пол галерей.

Гезалов попросил хозяйку сесть к столу и ознакомиться с постановлением.

— Прочтите, пожалуйста, Флора Вадимовна, и распишитесь. И не нужно волноваться, а то поставите кляску. А это документ!

— Волноваться? — она вскинула брови. — Чего мне волноваться, если я не виновата...

— Верно... Еще король Лир говорил: «Нет в мире виноватых!»

— На что вы намекаете? — Она обернулась к вошедшему Акперову. — Какие-то короли... Издеваетесь над одинокой женщиной.

Акперов незаметно покачал головой.

— Флора Вадимовна, — Гезалов понял, что пора переходить к делу, — как ясно из постановления, мы ведем расследование дела о мошенничестве. Нам известно, что по крайней мере с двумя членами этой группы, неким Мишей, или иначе — Сафаровым Мустафой Михайловичем, и неким Аликом вы состоите в близком знакомстве. Не исключено поэтому, что вы хранили в доме краденое государственное имущество... Признаете?

— Это ложь! Соседи наболтали, рассказывают обо мне всякие небылицы.

— Неужели? Кто же именно вас оговаривает? Назовите имена.

Королева пожала плечами.

— Сами их ищите и спрашивайте. Товарищ участковый давно меня знает. Законов я не нарушала. — Она покосилась на Ашумова, он первым постучал в окно: «Открывай, Флора-ханум! В доме одна? Уголовный розыск!» Сейчас он держался холодно и официально.

— Ладно, не будем спорить — сказал Гезалов миролюбиво. — Давайте лучше договоримся по-хорошему: вы добровольно предъявляете следствию все письма, телеграммы, ценности, деньги, имеющиеся в вашем доме. Мы все это заносим в протокол, отмечаем, что сданы они добровольно. В любом случае это принесет вам пользу. Договорились?

— А чего договариваться? У меня ничего нет. Ищите...

Потом, вспоминая этот разговор, Гезалов недоумевающе качал головой, на что она надеялась? На их наивность? Не похоже. Усталые глаза, равнодушное пожатие плечами, презрительная усмешка — они, видите ли, сомневаются в ее честности. Много позже он стал догадываться: Королева ждала этой «операции» и верила, что в таких случаях решают нервы.

Гезалов взглянул на Акперова: начнем? Но Заур молчал и медленно, заложив руки за спину, прохаживался по комнате.

— Скажите, Королева, — спросил он неожиданно. — Вы очень любите крепленые вина?

Она резко обернулась.

— Это вы о тех бутылках, что стоят в серванте? На Женский день покупала. На Восьмое марта. Гостей ждала.

— Восьмого марта?

— Да, а что? — она насторожилась.

— Ничего, — Акперов не спеша поставил на стол три бутылки «Шемахи», потом бутылку «Актафы». Достал из нижнего отделения серванта еще три бутылки коньяка. — А вы запасливая. На всякий случай, что ли? Или все с того же Восьмого марта?

— Что я, самогон варю? Купила, вот и стоят.

— Я не о том. Штампы на этикетках не совпадают. Взгляните, — Заур протянул хозяйке лупу: — Вина и коньяки апрельского розлива.

Понятые переглянулись. Интересно. «Забавно, — подумал в Гезалов. — Как говорится, и на старуху бывает проруха». Заур взял с дивана черный ридикюль.

— Ваша сумочка?

— Моя. Ничего интересного для милиции. Обычные женские мелочи.

— Не сомневаюсь. Но, знаете, порядок... — Акперов развел руками и осторожно выложил на стол паспорт, пудреницу, носовой платок, маленький флакончик духов. Перевернул сумку, встряхнул. Из нее выпала скомканная бумажка. Акперов аккуратнейшим образом разгладил ее на ладони, прочитал и, показав понятым, передал Гезалову для включения в протокол обыска.

— Закурить разрешите? — неожиданно спросила хозяйка.

— Сделайте одолжение, — Гезалов протянул ей пачку «Столичных». — Подумайте еще раз. Может быть, лучше принять наши предложения?

Королева зло усмехнулась.

— Послушайте! Обращайтесь со своими предложениями к кому-нибудь другому. Зачем-то копаются в женских вещах, читают чужие записки... Не ожидала от милиции! Этой записке добрых пять лет, завалилась в сумочке.

— Флора Вадимовна! — Акперов улыбнулся. — Могу вас заверить, что записка имеет самое прямое отношение к делу. Но об этом после... А сейчас разрешите осмотреть спальню.

— Пожалуйста! Но прежде, позвольте, я приберу.

— Ничего, Флора Вадимовна. Мы ведь не в гости на чашку чая... Вы, как хозяйка, проходите первой.

— И вам не стыдно обижать одинокую женщину? — сказала она вдруг тихо и укоризненно. Он поймал ее взгляд и от-

вел глаза. «Самое подходящее время для интимной беседы». Он сделал вид, что ничего не заметил.

Широкая деревянная кровать, тумбочка, шифоньер... Акперов прошелся глазами по темно-бордовому коврику, который лежал у кровати. На мягком ворсе несколько характерных пылинкок.

— Простите, Флора Вадимовна, вы меняли сегодня постель?

— Я меняю постель каждые три дня.

— Похвально! Извините, я должен ее осмотреть.

Королева направилась к кровати, но Акперов остановил ее взглядом.

— Присядьте, не беспокойтесь. Я все сделаю сам. Только, разрешите, приглашу понятых. Вы же знаете, порядок.

В их присутствии он быстро, но тщательно осмотрел постель и вспорол подушку. Вместе с горстью пуха, тут же разлетевшегося по комнате, он извлек желтый, похожий на кисет, мешочек.

Акперов подкинул его на ладони, и все услышали звон металла — тяжелый, глухой.

Королева хмыкнула.

— Фокусы показываете? Думаете, я не заметила, как вы подсунули его в подушку? Этот номер вам не пройдет. Я буду жаловаться прокурору.

Понятые развязали мешочек. В нем было двадцать две золотых орленых десятки и довольно увесистый слиток желтого металла.

Один из понятых удивленно выпятил губу.

— Сколько? — спросил Акперов.

— Пожалуй, с килограмм потянет, товарищ подполковник.

— М-да, солидно. Откуда у вас золото, Королева? — сухо спросил Заур Алекперович.

— Не было у меня никакого золота, — ответила она. — Сами подсунули, себя и спрашивайте.

— Вот как? Товарищ Ашумов, принесите из машины мик, проволоку и фонарь.

Королева вскочила.

— Вы хотите ломать стены? Нет у меня ничего! Ничего нет.

— Зачем ломать стены? Их мы не тронем. — Акперов как будто беседовал сам с собой. — Хотя, прошу учесть, Флора Вадимовна, что я на это мы имеем право. Поверьте, мы дей-

ствуем. строго в пределах данных нам полномочий. А теперь прошу вас следовать за нами.

— Зарядили про свои полномочия... Нет у меня ничего! Куда еще идти?

— Пожалуйста, не споткнитесь. У входа в галерею высокий порог.

Просвечивая фонариком, он медленно прошел по галерее, присел на корточки. Доски пола были старые и прилегали друг к другу плотно. Однако один из стыков был поразительно чистым — ни пыли, ни соринки. Точно только что протерлись веником. Акперов с трудом сунул в щель тонкую проволоку. И сразу конец во что-то уперся.

Акперов встал, стряхнул пыль с рукавов.

— Что у вас там? — спросил он.

— Не знаю... Ничего я не знаю.

— Королева, поймите, что это бессмысленно. — Он подошел, глядя в ее сумрачное лицо. — Не хотите говорить? Жаль. Тогда попросим понятых. Ломайте здесь. А я отойду в сторону. А то, чего доброго, Королева сделает из меня Кио!

Он и в самом деле отошел в дальний угол и видел, как понятые ловко и быстро подняли доски, прыгнули вниз. Участковый Ашумов с каменным лицом светил фонариком.

— Тут, товарищ подполковник, настоящий склад. Мешки, корзины, ящики...

— Что же, Королева, и кладовую я вам подсунул? — спросил Акперов.

Гезалов отозвал его в сторону.

— А вот номерного знака не вижу. Надеюсь, Флора Вадимовна теперь сама все расскажет.

— Сомневаюсь. Серьезная женщина, ее так просто не взять. Помяни мое слово, с ней придется поработать.

— Чутье у тебя...

— Ах, брось. Я вот думаю о том, какие неожиданности таит в себе это золото. Золото Королевой.

8. ОРЛЕННЫЕ ДЕСЯТИРУБЛЕВКИ

Результаты обыска действительно осложнили дело. Когда страсти поутихли и напряжение спало, оба они — и Акперов, и Гезалов — подумали одновременно: этому следствию, кажется, не будет конца. Угнетало обилие вещественных дока-

зательств, которые никак не увязывались с делом. Главное из них — золото.

Честно говоря, они рассчитывали обнаружить чай и еще, скажем, поддельный номерной знак АЗИ 52-48. Это вполне укладывалось бы в простую и ясную логику следствия. А тут — вино, бутылки с коньяком, неизвестно откуда взявшийся товар на тысячи рублей, золото. Вообще-то, конечно, успех. Но успех лишь увеличил неразбериху. Вопрос № 1 — «Алик — Миша — Ольга» грозил затеряться в звоне орленых десятирублевок.

Если Королева замкнется (а на это похоже), что они будут делать с этим ворохом доказательств? Разумеется, со временем... Но как раз времени им не хватает. У них нет возможности одновременно идти по разным линиям. Линиям, между которыми нет видимой связи.

В который раз они осматривали ящики с шоколадом, мешки, набитые дамскими туфлями французского производства, сапожками, связками платьев и костюмов... «Барахла» по подсчетам было тысяч на десять, не больше. Но, похоже, многое мошенники успели сбыть.

— А на какую полочку положим золото? — спросил Акперов. — Килограммовый самородок! В магазинах они не продаются. Такие я только в кино видел.

— Отправим пока на экспертизу, — предложил Гезалов.

— Снова ждать? Предоставим Королевой передышку, чтобы она успокоилась и продумала план защиты? Нельзя. Надо сразу же допросить. Понимаю, что это трудно, мы сами бродим впотьмах. Но стоит попробовать. У тебя это получается.

— Попробую, Заур, — сказал Гезалов серьезно.

Вернувшись к себе, он долго сидел, задумчиво постукивая пальцами по краю стола. Потом позвонил дежурному и распорядился доставить задержанную. Оставшиеся несколько минут он отдыхал, стараясь расслабиться и ни о чем не думать.

Путь к истине извилист. На этом пути допрос обвиняемого — самое, может быть, сложное. Порой один удачный ход решает все, а один неудачный — все портит. Конечно, существуют методика и психология, есть опыт. Но всякий раз приступая к допросу, он волнуется. Можно сразу достичь того, на что в обычных условиях требуются недели и месяцы, но можно и проиграть — и тогда обвиняемый замкнется и будет молчать упорно и глупо, даже тогда, когда это потеряет всякий смысл.

В одном Акперов прав: откладывать нельзя, нельзя дать Королевой адаптироваться. Расчет на внезапность, на женскую впечатлительность? Ох, что-то сомнительно — не тот случай. Правда, она ведь не знает, как мало им известно...

Он поморщился: договорились ведь не думать. Странно, что ее толкнуло на этот путь? Живет она как будто неплохо: свой дом, работа. Одиночество, озлобленность, внутренняя пустота?

В дверь постучали. Милиционер ввел Королеву.

— Садитесь, пожалуйста, — сказал Гезалов. — Как себя чувствуете? О настроении не спрашиваю — ясно.

Королева молчала, глядя в пол.

— Знаете, — сказал он негромко, — ничего особенного мы от вас не хотим. Вовсе не стремимся к тому, чтобы вы на себя наговаривали. Все проще. Расскажите правду. Пусть она не очень приятна. Но я знаю, что вы были тогда правы: вы не грабили и не убивали. А это значит, что ваша судьба, Флора Вадимовна, в ваших же руках.

Королева подняла голову.

— Хотите, чтобы я сама себя посадила? Удивляюсь, как вы этого не понимаете.

— Понимаю. Но вы видели коньяк и все прочее. Не совсем обычные игрушки, правда?

— Ну, правда.

— Вы сами все это купили?

— Конечно, нет.

— Вам их принесли друзья? В подарок, так сказать?

— Ну...

Она пыталась угадать следующий вопрос. Понимала, следовательно хитрит, отвлекая ее внимание, простыми вопросами подводит к главному.

Вопрос за вопросом. Элементарно. Точно с ребенком.

— Вы знали, что поступаете плохо, и вас могут привлечь к ответственности?

— Да.

— На что же вы надеялись? И продолжаете надеяться? На чудо? Или на что-то более реальное?

— Не понимаю.

— Охотно объясню. Допустим на минуту, что вашим сообщникам удастся скрыться. Разве это избавит вас от наказания? Вещи, обнаруженные у вас при обыске, неопровержимо доказывают, что вы участвовали в целой серии преступлений. Может быть, даже преувеличивают вашу вину. И знаем

мы о вас, поверьте, не так уж мало. О вашем прошлом, близких отношениях с Мустафой Сафаровым, Ольгой и Аликом. Познакомьтесь с копией приговора по вашему делу. Вы вправе, конечно, говорить неправду, вообще отказаться от дачи показаний. Поверьте, однако, Флора Вадимовна, вы этим ничего не выиграете. Только чистосердечное...

— Знаю, гражданин следователь, — зло перебила Королева. — Слава богу, научена. Известно, к чему приводит это ваше чистосердечное. Дадут на год меньше. Остальное добавят свои, в колонии. Они это умеют.

— Вы, оказывается, просто боитесь? Главные члены шайки сбежали, а вас с ворованными вещами бросили на произвол судьбы. Что им до вас! Раз вы знаете эту среду, то знаете, что и закон у них волчий: каждый спасает свою шкуру. «Ты умри сегодня, а я завтра».

— Чего вы от меня хотите?

— То, что обнаружено у вас, лишь малая часть похищенного. Но главное, мы хотели бы знать, где Мустафа и вся его компания?

— Не знаю. Меня тогда не было дома.

— Допустим. Ну, а с Дашдамировым?

— Какой еще Дашдамиров?

— Вы его не знаете?

— Если вы о моем заведующем...

— Совершенно верно. О том самом, что возил вас на почтамт. Цель этой прогулки, Флора Вадимовна? И потом — чье это золото, чьи орленые десятки?

Молчание. Напряженное, злое. Щеки ее пылали, сузились.

— Напомню содержание записки. «Дорогая Лора. Я уезжаю с ним. Ничего не могу. Куда, пока не знаю. Если в течение трех дней от меня не будет телеграммы на почтамте, ищи. Твоя Бабочка». Вот ведь, Королева, записке не пять лет, как вы уверяли. Думаю, именно поэтому вы оказались у райотдела милиции.

— Следили? — выдавила она.

— Кто такая «Бабочка»? Ольга?

— Ну да, как же! Таня она, Таня.

— Знаем, знаем. Кого же она боится?

— Мужа.

— Летчика или Алика? Как его настоящее имя? Где вы были, когда смылась компания? Отвечайте!

— В Шуше была...

— Хорошо, я вам верю. А теперь спокойно подумайте. Я вас не тороплю.

— Чего мне думать, ничего я не знаю!

— Флора Вадимовна, это бессмысленно. Вы же понимаете, что мы и без вашей помощи их найдем.

Королева всхлипнула и закрыла лицо платком.

— Боюсь, Флора Вадимовна, что вы плохо представляете себе, насколько серьезно дело. Ваш приятель Алик не только расхищал государственное добро, но и совершил два покушения: тяжело ранил девушку, стрелял из-за угла в подполковника Акперова. А уж это нечто такое, чего «вору в законе» делать не полагается. Зачем вам себя связывать с этой личностью?

— Да и баба, баба я! Понимаете вы — баба! — закричала она, словно бросаясь с моста в воду. — Чего вам от меня надо? Сажайте и все. Хватит.

Слезы, рыдания. Гезалов вздохнул: он к этому привык. Еще одна профессиональная вредность. Привык? А кончалось всегда одинаково: он отворачивался, его трясло. Понимал, что чаще всего это прием, типично женское оружие самозащиты. Сколько раз замечал: слезы, истерика, а глаза смотрят остро и внимательно, хищные глаза. Знает, все знает, а пересилить себя не удастся. Не может он спокойно и равнодушно видеть женские слезы...

Он дал Королевой выплакаться. Набросал чисто формальный протокол, где ничего не было. Предложил подписать. Она даже не взглянула. Что ж, Гезалов этого ждал и не настаивал.

— Достаточно, Королева! Допрос окончен. Когда ваши приятели сядут за решетку, вам нечего будет бояться. А пока вы следствию не нужны. Кое-что вы рассказали. Собственно, все, что нам требовалось.

— Я ничего не говорила!

— Ошибаетесь.

— Не говорила я. Ложь!

Гезалов поморщился.

— Значит, нет? Хорошо. Могли сказать больше — и скрыли. Печально. Печально для вас. Теперь в камеру. — Гезалов снял трубку телефона. — Пришлите конвоира.

— В какую еще камеру? Я не хочу, не хочу!

— Сожалею, но другого места я предложить не могу. Вы его выбрали сами.

9. НЕИЗВЕСТНАЯ

Утро началось энергично. Позвонил Маил, у которого в ночной операции была особая задача — опломбировать шашлычную «Яйлаг» и взять ее под охрану.

Трубку взял Акперов, выслушал, хмуро взглянул на Гезалова.

— Ты что, ревизию назначил? — спросил недовольно.

— Какую ревизию? — удивился Гезалов.

— Понятно, — Акперов сжал зубы. Подумал, спросил в трубку: — Скажи, Маил, ревизор с приказом? Так, так... И Дашдамиров с ним?

— Естественно. Об обыске у Королевой он тоже знает.

— Ты прав: естественно. Конечно. Значит, и в своем доме он успел провести обыск. Учти, Маил, спешка эта не случайна. Смотри в оба. Мы сейчас приедем.

Заур положил трубку, прошелся из угла в угол, усмехнулся.

— Видал, какой спринтер. Уже есть и приказ треста, и ревизор на месте. Чувствуешь, Гезалов?

— Теперь я уже ничему не удивлюсь. Поедем, постараемся помочь ревизору в его спешном визите.

Рустам Дашдамиров встретил гостей такой обворожительной улыбкой, будто приехали не работники милиции, а сами ангелы-хранители. Невысокий, с брюшком, заметно выступающим над узким ремнем, он оказался неожиданно проворным. Кинулся навстречу, гостеприимно развел руками: дескать, давно ждем, милости просим... Кофейные глаза так и играли, рот полыхал золотом.

Золота было так много, что Заур невольно подумал: не его ли эти «орлята» и слиток? Но сразу же выбросил мысль из головы — предвзятость: нельзя ставить телегу впереди лошади. Мудрость нетороплива. Выводы будем делать потом, когда появятся доказательства.

А вообще-то этот Дашдамиров довольно любопытный тип. Гезалов, похоже, собирается высказаться. Ни в коем случае, надо молчать и слушать. Заур сжал локоть товарища. Дашдамиров затянул:

— Ай начальник, что вы ищете в моей кебабной? Аллах свидетель, каждый день приходится за бессовестных клиентов докладывать в кассу из своего кармана. Народ знает какой пошел... Кила-ха-боры¹.

¹ Крохоборы (искаж.).

— А в кармане откуда берется? — холодно спросил Акперов.

— Аллах милостив...

— Начнем, — коротко сказал Гезалов и двинулся вперед.

Группа получилась внушительная — их троё, ревизор, двое парней из дружины. Едва начали осмотр помещения, как обнаружили десять ящиков бесфактурного коньяка. Заведующий только руками развел: откуда бы? Заур машинально отметил: коньяк апрельского розлива.

— Подарок? — спросил Гезалов. — Кто же этот добрый дядя? Уж не сам ли аллах?

Дашдамиров схватился за голову.

— Глазам своим не верю! Какой такой коньяк? Стоит на час отлучиться и — пожалуйста! Ай, нелегко быть директором. Одни неприятности... Подвели сукины дети, ах как подвели!

— У кого ключ от кладовой? — вмешался Мухтар-заде. Ему, инспектору ОБХСС, все это было знакомо.

— У меня, начальник, у меня. Но замок-то какой? Гвоздем откроешь, сами посмотрите, Маил-муаллим...

Суется и поминутно призывая аллаха, Дашдамиров подзвал к кладовой повара, двух официантов, буфетчика: вот они, «сукины дети», которые подвели человека, который так им доверял. Свинью подложили...

— Это что же, понимаете, творится? — визжал он. — Я выясню, я дознаюсь, кто из вас сделал! В бога не веруете... Дознаюсь! Это преступление... Бесфактурный товар! Ай-яй-яй. Видите, начальники?

Сотрудники милиции отводили смеющиеся глаза. Этот Дашдамиров явно не лишен чувства юмора. Они не вмешивались — пусть накричится. Дашдамирова они видели впервые, и было интересно наблюдать, как он насккивает на оторопевших людей. Притворялся он довольно убедительно.

— Что, Яшар Агаевич, заберем артиста вместе с его коньяком? — тихо спросил Акперов.

— Разумеется, Маил Мирзоевич, займитесь составлением акта ревизии. Вместе с ревизором. И ему будет легче. И понятным найдется дело.

— А ведь с ним будет непросто, — сказал Акперов задумчиво.

Акт уже был составлен, и они собирались ехать.

— Да, — кивнул Гезалов, — он упорно изображает обма-

нутаго. Ход, конечно, типовой. Но доказать вину непросто: статьи уголовного кодекса они знают наизусть, в теории доказательств тоже разбираются неплохо...

— А коньяк-то завез ему Мустафа, — сказал подошедший Маил.

— Не аллах же! — кивнул Акперов.

«Орешек» и в самом деле оказался крепким. Многочасовой перекрестный допрос ничего не дал. Дашдамиров бурно вздыхал, воздевая руки, клял свою несчастную судьбу. Опровергнуть его доводы было трудно, обвинить в неуважении к следствию — еще труднее. На все вопросы он отвечал взахлеб, с такой готовностью, словно он озабочен случившимся не меньше работников милиции. Честнейший человек, трудяга! Перед следствием как на духу — весь тут... И при этом не выпустил из рук ни одного козыря. Было ясно: перед ними опытный и расчетливый противник.

— Вы судились? — спросил Гезалов.

— Боже сохрани!

— Как же так? А в 1956 году? — вмешался Мухтар-заде, успевший навести кое-какие справки.

— А-а, вы об этом... Так та судимость, начальник, давно снята. По амнистии. Еще в 1957 году.

— И человеку, судимому за хищение, доверили такую должность... Кто вам помог? Только не ссылайтесь на аллаха, — сказал Гезалов холодно.

Дашдамирова передернуло. И Маил спросил напрямик:

— «Дядя» или рушвет?¹

— Простите, на такие вопросы даже отвечать неудобно.

— Отчего же? Ведь мне вы предложили пятьсот рублей за помощь, — резко бросил Маил.

Дашдамиров изумленно взглянул на него. Подобного оборота, кажется, он не ждал. Акперов рассмеялся.

— А что ему оставалось делать? Идти в тюрьму не хочется. Решил рискнуть. И попал же по адресу.

Дашдамиров обиженно покачал головой, обида звучала в его голосе.

— Солидные люди, начальники, а шутите...

— Хорошо. Будем говорить серьезно. Объясните, как вам удалось в столь спешном порядке вызвать ревизора? — спросил Гезалов.

¹ Взятка (азерб.).

— Естественно, пошли навстречу, товарищ следователь... Я же материально-ответственное лицо.

— Хватит, Дашдамиров, шутить. Мы просто зря тратим время. Кто вам завез двести бутылок коньяка? — решительно спросил Гезалов.

Задержанный задумался. Первоначальная версия, видимо, и его не устраивала — слишком наивно. Наконец сказал тихо, с сожалением:

— Грешно скрывать. Купил. По трешке за бутылку. Аллах свидетели!

— Беда в том, что по религиозным соображениям мы не вправе допросить названного вами свидетеля, — серьезно сказал Акперов. — А сколько ящиков он привез?

— Кто? О ком вы говорите?

— Неважно. Так сколько?

— Десять, товарищ Акперов.

— И вы не успели продать? — спросил Гезалов.

— Конечно, нет.

— Ну, а кто же он, этот поставщик? — уточнял Маил.

— Привез один человек на грузовике, назвался экспедитором из Ханлара. Я с ним не знаком... Вижу по дешевке, почти даром — черт дернул, не удержался. Сами понимаете, начальники, жить-то надо — шестеро детей...

— Номер машины? — оборвал Акперов.

— Не интересовался, что правда, то правда.

Гезалов прошелся по кабинету, растрепал и снова пригладил седые волосы. Сказал назидательно:

— Эх, Дашдамиров, Дашдамиров! Кто же вам, мудрецу, поверит, будто вы купили десять ящиков коньяка у первого встречного? Рассуждаете о коммерции, а ведете себя как настоящий простак.

— Ваша воля — верить или не верить.

— Ничего, Дашдамиров. Этого экспедитора мы знаем, — сказал Акперов спокойно. — Скоро вы с ним увидите.

— Буду рад, начальники.

— Не думаю, — усмехнулся Мухтар-заде. — Вряд ли встреча с вашим компаньоном Мустафой Сафаровым доставит вам удовольствие.

— Значит, признаете, что купили краденый товар? — спросил Гезалов.

— Что делать? Виноват. Судите. А... А... Мус... Мус... Мустафа кто такой?.. Не знаю, начальник.

Продолжать дальше допрос было бессмысленно. Пока

Алик и Мустафа на свободе, ни Королеву, ни Дашдамирова «прижать» не удастся. Они это прекрасно понимают, оттого и держатся независимо, надеясь на благоприятный исход. Конечно, предъявить обвинение им можно и сейчас, преступления налицо, но Гезалов решил не торопиться. Он лишь объявил Дашдамирову:

— Понимаю, дети... Но от дачи правдивых показаний следствию вы уклоняетесь, ссылаясь на аллаха. Не знаю, как аллах, но мы устали от вас, Дашдамиров. Да и вы, надо полагать, устали — трудно говорить неправду. Отдохните в одиночестве, посоветуйтесь с совестью, может, она даст вам добрый совет... Вы задержаны.

Дашдамиров поднялся, лицо его резко изменилось.

— Напрасно пугаете, начальник. Я все сказал. И не забывайте, что выше верблюда есть слон!

— Вы задержаны на законном основании, — хладнокровно парировал Гезалов. — А свои познания в области животного мира будете демонстрировать на суде. Всел!

Дашдамиров поплелся за Майлом Мирзоевичем — руки за спиной. Похоже, здешние порядки он помнил. Вместе с ними вышел и участковый инспектор Ашумов: в допросе он не участвовал, молча сидел в углу.

Когда они остались вдвоем, Гезалов устало потер лоб и спросил, есть ли смысл делать обыск на квартире задержанного. Акперов ответил коротко: есть.

— Согласен. Но сначала хочу еще раз поговорить с Королевой. Может, она чем-то поможет. Прежде всего с Аликом, в нем ключ ко всему. Ты, конечно, не вспомнил?

— Ничего не получается, Яшар. Не хватает зацепки. Да и голова забита: свалилась на нас эта груда вещественных доказательств. Трудно поверить, что вся эта кутерьма началась с простого письма из арбитража. Тут ведь что странно: вещественные доказательства связаны с разными преступлениями, совершенными в разное время. Сколько их? Сам дьявол ногу сломит: машина, техпаспорт, товары, записка этой «Бабочки». Все новые имена... Ты говоришь — Алик. Но Алик ли он? Думаю, это кличка. Иначе бы я вспомнил. Кто стал бы себя называть этим «модным» в наше время именем? Алик... Али... Алекпер... Алигусейн... Акрам... Целая галерея. Нет, не угадаешь. Нужна какая-то подсказка, толчок...

В начале одиннадцатого приехал прокурор по надзору, советник юстиции Бахрам Юсупов: средних лет, крупная голо-

ва с залысинами. Дело он знал прекрасно и легко сориентировался в обстановке. Они устроились в кабинете Гезалова. Юсупов молча выслушал доклад о ночной операции, как будто совсем не удивился ее неожиданным результатам. Сказал, что сообщит обо всем Вере Михайловне. Они уже заканчивали, когда в кабинет быстро вошел Акперов. Он был явно расстроен, рассеянно кивнул прокурору и сел сбоку.

— Что случилось? — встревожился Яшар.

— Помнишь студентку, которая была поцяткой при осмотре «Волги»?

— Да-да. Припоминаю. А что?

— Только что звонила. Недалеко от станции производственно-товарной конторы, у шоссе обнаружен труп женщины. В мазутной канаве. Понимаешь, что это значит?

Бахрам Юсупов, осматривавший вещи, изъятые у Королевой, резко обернулся.

— Заур Алекперович, звоните в проходную. Иначе Амали Джангировна уедет.

— Она здесь?

— Да, сменяется с дежурства.

Акперов сразу же позвонил вахтеру. Постоял у окна, сказал угрюмо:

— Я поеду. Мне надо обязательно быть там. Еще один акт драмы.

Он вышел, Юсупов сел к столу, придвинул к себе дело, покачал головой.

— Такова жизнь: тревоги, опасности, борьба.

— Какая же это борьба? Черт знает что! Только подумайте, тело женщины в мазутной яме... Это не просто жестокость, гнусность. — Он умолк.

— Я понимаю вас, Гезалов, — сказал прокурор мягко. — Но надо сдерживаться. Лучше отложить догадки до того, как будет закончен осмотр и хоть что-то прояснится. Может быть, это преступление не связано с вашим делом.

— Вы правы, конечно. Но я понимаю Акперова. Этот случай встревожил его не случайно. Обратите внимание на вот эту записку «Бабочки».

— М-да... — прокурор надел очки. — М-да...

Прошел час. Гезалов с трудом сдерживал нетерпение. Наконец раздался звонок. Он бросился к аппарату. Однако голос в трубке ему был незнаком,

— Следователь Гезалов?

— Да.

— Извините за беспокойство. Это знакомый Мустафы Сафарова. — Он говорил по-русски, но с сильным акцентом.

— Кто, кто? — Гезалов подумал, что ослышался.

— Знакомый того, кого вы ищете.

Ясно: разыгрывают, кто-то из сотрудников. Гезалов вспыл:

— Бросьте дурачить!

— Зачем так, начальник? Я не дурачу.

В самом деле, Яшар был уверен, что слышит этот голос впервые.

— Откуда вы говорите?

В трубке помолчали.

— Гражданин начальник, зря вы арестовали Королеву. Она не виновата. Это все Мустафа, а он уехал... Сам видел.

— А как вы узнали, что я веду ее дело?

Гезалов умышленно тянул разговор, надеясь, что кто-нибудь зайдет в кабинет, и тогда по другому аппарату можно будет установить, откуда звонят.

Неизвестный рассмеялся.

— Пришел к ней, вижу замок. Соседка сказала, Флору увезли в горотдел. Я хотел сделать передачу. Говорят, надо разрешение следователя Гезалова. Дали телефон, вот я и позвонил.

Он умышленно коверкал русские слова.

— Между прочим, я азербайджанец, — сказал Гезалов. — Мы вполне можем продолжать разговор по-азербайджански.

— Хочу исказит, начальник, — голос продолжал коверкать язык. — Товар заставил прятать Флора дома Мустафа. Нехороший он. Она не хотела — заставил. Дашдамиров тоже не виноват, начальник.

— Это какой же Дашдамиров? Не Меджид ли? — Снова молчание в трубке. А затем...

— Нет. Меджид на том свете. —

Гезалов растерялся. Кем бы ни был звонивший, он знал имя Меджида Дашдамирова. Значит, он вообще многое знал.

— Если вы такой смелый и знаете, что Королева и Рустам Дашдамиров не виноваты, приходите, помогите нам разобраться.

— Я не дурак, начальник, — уже чисто по-русски сказал незнакомец и присвистнул в трубку. — Мне жизнь еще не надоела.

— Тогда до встречи. Думаю, мы встретимся, добροжелатель.

Оставив трубку на столе, Гезалов быстро вбежал в соседний кабинет и связался с телефонной станцией. Ждать пришлось недолго. Техник сообщил, что звонили из телефона-автомата, установленного в центре поселка Ахмедлы. Гезалов вздрогнул. Именно там, в районе поселка и был найден труп женщины...

Машина миновала гагаринский мост, широкий проспект, уходивший вдаль, к серебристым нефтеперегонным установкам. «Латвия» свернула на Ахмедлинское шоссе. Проскочили железнодорожный переезд. Маневровый тепловоз, кряхтя и посвистывая, тащил длинный состав — бурые, желтые, черные цистерны тяжело переваливались на стыках.

Впереди, у обочины шоссе, стояли «Волга» и самосвал, между ними сустились люди.

Студентка, позвонившая со станции ПТК, очень волновалась, губы прыгали.

— Приехали, слава богу. Здравствуйте, товарищ Акперов.

— Приехали, приехали, товарищ будущий юрист, — Акперов улыбнулся. — Познакомьтесь со следователем прокуратуры и, если не трудно, расскажите Амалин-ханум обо всем, что здесь произошло.

Следователь прокуратуры Амалия Джангировна, врач, эксперт, лейтенант Абдуллаев и проводник с овчаркой остались у машины, Акперов пошел взглянуть на убитую.

Она лежала лицом вниз, длинные, рассыпавшиеся по плечам волосы перепачканы вязким мазутом. Руки и ноги связаны. Сомнений не было: убийство, явно преднамеренное, совершенное с крайней жестокостью.

Следователь прокуратуры распорядилась начать осмотр. Первым приступил к делу эксперт с фотокамерой.

Работа выездной группы была в разгаре, когда к месту происшествия подъехал на красном «Москвиче» участковый инспектор лейтенант милиции Сулейманов: невысокого роста, худощавый, с бледноватым лицом.

— В ваше распоряжение, Заур Алекперович. Извините, опоздал немного.

— «Немного»! — нахмурился Акперов. — Невеселые дела у вас на участке.

— Товарищ подполковник, Гезалов просил сообщить, что час назад из автомата в нашем поселке звонил знакомый Мустафы Сафарова.

— Что? — Акперов взял его за локоть и отвел в сторону.

«Развеселая жизнь» повторилась: одиночная камера, деревянный топчан, слепая лампочка над головой и решетка в окне с клочками неба.

Ночь Флора проплакала. Настроение резко менялось: то она последними словами ругала себя — «Дура проклятая», то поднималась такая злость, что руки дрожали. Бросили ведь, бросили ее как собаку, а сами гуляют! Вспомнила обыск. В два счета докопались. Нюх у этого Акперова! Думала, хоть постель не тронут, просто была уверена. А он — сразу... И этот допрос в кабинете седого красавчика. Молчала, вроде ничего он от нее не добился: Только они и так все знают. Весельчак, шутинок. Ладно, камера не навеки. Не расколешься, как гнилой орешек, подержат и выпустят... Не скули, дура! Пожила всласть, теперь терпи. Подумаешь... Бояться тебе особенно нечего: слава богу, не грабила, не убивала.

И сразу накатили сомнения.

А вещи, а золото! Они ведь дознаются. Припомнят, молчала на следствии, значит, расплачивайся сполна. А попробуй, Флора, выложи правду... Слова грубого от Мустафы не слышала, все ее капризы исполнял. Но если что, собственными руками удавит и не охнет. Уродливая получилась жизнь. Одна да одна. И тоска... Появился Мустафа, и годы замелькали, как в золотом тумане. Все смешалось. Угодила под суд. А за что? Между прочим, судить ее тогда было не за что. А вот осудили. Не поверили, что не виновата: дескать, с кем поведешься, от того и наберешься. А Рустам? Ведь одел, обул, приласкал, проклятый... Все они хороши, когда спят. Только Бабочку жалко. Несчастная, вроде меня...

За дверью камеры послышались крики, бабья визгливая ругань.

— А еще погоны одел! За что это меня? Два галстука продала... Да у меня трое сирот. Пусти, говорю, не трожь!

Строгий милицкий голос:

— Не шумите, гражданка! Не нарушайте! Начальство с течением времени разберется...

В камеру втолкнули женщину средних лет; она упиралась, трясла рыжей растрепанной головой.

Лязгнул засов, женщина бросилась на топчан и завывала. Королева с тоской смотрела на ее дрожащую спину. Женщина, однако, быстро пришла в себя. Села, вытерла платком зареванное лицо.

— За что сидишь? — спросила она бесцеремонно. — За спекуляцию небось? — Голос был неприятный, хриплый.

— Нет, у меня другое.

— За другие делишки? А шут с тобой, можешь не рассказывать. Меня-то все равно завтра выпустят, — объявила она. — Я мелкая. Долго не продержат. Ну, может, оштрафуют. Не шутка: трое детей. Кто им дал право? Чего молчишь, скажи.

— А чего говорить?

— Чего хочешь! Хоть про ухажеров своих расскажи, про разные шуры-муры... Ты бабонька интересная, все при тебе, гляжу... Смотри, тихо-то как стало. Боюсь тишины. За что ж такую красотулю упрятали?

— Было за что! — с брезгливой яростью Королева отвернулась к окну.

— Сулейманов, ты ничего не напутал?

— Нет, товарищ подполковник.

— Может, это провокация?

— Не знаю... Но вряд ли, Заур Алекперович.

— Если так, то убийство женщины... Впрочем, вот что! Он подозревал Абдуллаева: — Кямал, я останусь здесь, а ты поезжай в Ахмедлы. Возможно, этот «знакомый» Сафарова — он сам или Алик. Надо принять все меры к задержанию.

Понимаешь, пока мы сюда ехали, кто-то звонил Гезалову. Уразумел? Будь осторожен. Ну, это ясно. Езжай с Сулеймановым. Если мои подозрения основательны, я себе не завижусь.

— Хорошо, Заур Алекперович.

— Действуй в соответствии с обстановкой. Подключите товарищей из местного отделения, активистов поселка. — Алекперов умолк и отошел, опустив голову.

Он говорил, двигался, даже улыбался, но перед глазами стояло лицо женщины, волосы в мазутной жиже. Значит, что-то мы не учли, если допустили убийство. Стучало в висках — было такое чувство, будто тоненькие молоточки отстукивают секунды.

10. МОЛЛАЕВ ДАЕТ ПОКАЗАНИЯ

Дела принято делить на простые и сложные. Но тот, кто долго работал следователем или инспектором угрозыска, вряд ли согласится с этой классификацией. Простых дел нет, все они сложны по-своему. Кажется, что проще, чем типовой обмер или обвес покупателя? Можно составить акт, провести быстрое расследование, передать дело в суд... И при этом упустить главное: мотивы, обстановку, обстоятельства, благоприятствующие преступлению. А нередко — оставить незамеченной всю цепочку, в восторге от того, что тебе удалось обнаружить одно — второстепенное — звено.

Когда Акперов прочел письмо из арбитража, дело показалось ему предельно простым. Именно это обстоятельство его и озадачило: таких — самоочевидных — дел ему обычно не поручали. Поначалу оно и было простым, улик было много, они как бы сами лезли в руки. Но Акперова уже тогда интересовали не только явные, лежащие на поверхности уроки этого дела, но и уроки скрытые, вся сложная цепь причин и следствий, которые сделали возможным преступление.

Пункт первый. Если бы должностные лица, отпускаявшие товары, не проявили паразитического равнодушия и ротозейства, преступление было бы остановлено в самом начале.

Пункт второй. Если бы кража паспорта у покойного Меджида Дашдамирова расследовалась своевременно и добросовестно, вряд ли этот паспорт попал бы в руки Мустафы Сафарова и мог быть использован для совершения преступления.

Пункт третий. Если бы установленный законом профилактический надзор за лицами, вернувшимися из заключения, осуществлялся достаточно строго...

В общем он мог бы перечислить множество таких «если». Все они, в совокупности, и образуют столь сложное и емкое понятие, как «профилактика». С недостаточной профилактики все и началось. И конечно, профилактика — дело не одних только сотрудников милиции. Ею должны заниматься все: и дворник, и рабочий, и начальник ЖЭКа, и участковый инспектор, и педагог, и врач, и работники учреждений и общественных организаций. Все.

Следствие продолжалось, развиваясь по своим законам, путая карты, ломая намеченные планы. Две телеграммы, полученные оперативно-следственной группой, заставили Манла Мухтар-заде и Риза Зейналова срочно отправиться в путь.

В окне вагона зеленые поля сменились холмами. Потом на горизонте возникли горы, увенчанные в сине-голубой туманной дали заснеженными вершинами. Туманны были и их планы. Нужно было отыскать жителя Кисловодска Павлова Николая Николаевича, установить, каким образом техпаспорт БЭ № 274190 на мотоцикл «Урал» оказался в маленьком отделении задержанной «Волги».

Дальше придется, видимо, лететь во Львов, найти владельца «ГАЗ-21 Р». (К этому времени экспертиза уже установила подлинность номеров двигателя и кузова). Ему придется ответить на многие до сих пор не ясные вопросы...

В общем командировка, судя по всему, предстоит нелегкая и ответственная. Они знали: результатов будут ждать в Баку с нетерпением.

Оба они были достаточно опытные. И как раз поэтому не питали иллюзий. Все может быть: не удастся отыскать Павлова, давно уехал из Львова владелец «Волги». Но сотрудники милиции не имели права вернуться с пустыми руками. Какие-то данные, которые могут помочь продолжать расследование, они найдут обязательно.

Скорый поезд прошел Георгиевск. Впереди были знаменитые Минеральные Воды — первый пункт их командировки...

Ни телефонный звонок из Ахмедов, ни развязное поведение «знакомых» Мустафы Сафарова и его осведомленность не удивили Акперова. В этом деле можно ждать любых неожиданностей. Другой вопрос, что он не мог постичь странную логику поведения этого человека. Кто он: сам Мустафа или его «пикет»? Записка, обнаруженная в ридикюле Королевой, теперь приобретала особое значение. А тут еще убийство.

Факт этот шел вразрез со всем его опытом. Обычно от мошенников можно ждать всего, но только не убийства. По крайней мере, если им не грозит немедленный арест. Судя по всему, такой опасности в данном случае не было. Убийство было совершено не в момент самозащиты, а спокойно и обдуманно. Значит... Мысль прошла по кругу и вернулась к исходной точке. Значит, Мустафа и этот Алик — не просто мошенники, а бандиты. Это уже иной угол зрения. Надо перебрать в памяти всех такого рода мерзавцев, с которыми и ему приходилось сталкиваться за последние десять лет.

Легко сказать — десять лет. Сколько их было — подобных типов? Десять, сто? Пожалуй, побольше. И все-таки обстоятельства требовали, чтобы он занялся именно этим тяжелым и неприятным делом. Покушение на него еще могло быть слу-

чайным совпадением, в этом убийстве уже прослежи почерк бандитов.

У следователя прокуратуры Амалии Гаджибековой это дело за последние дни было третьим. Странное самоубийство шестнадцатилетней Надежды Мироновой, загадочная гибель молодого ученого, а теперь еще одна смерть. Совпадение или система? И то, и другое одинаково плохо. Придется вести расследование в двух планах. Анализировать каждое дело в отдельности и искать связи. Пока истина не установлена ни одну из этих возможностей нельзя полностью исключить.

У Амалии Джангировны почти взрослая дочь, уже по одному этому она не может быть равнодушной к своей профессии. Но ох как трудно выкраивать время. Работу следователя не уложишь в строго определенные часы. И заботы матери — не уложишь... Она с благодарностью взглянула на Акперова. В самые трудные минуты он придет на помощь, ему можно доверять абсолютно. Это так важно — доверять...

Осмотр произведен быстро и тщательно. Все неотложные следственные действия выполнены безукоризненно. Прощаясь, Амалия Джангировна крепко пожала ему руку.

Целый день Заур носился по городу — то на машине, то на мотоцикле. Трудно объяснить, чем, собственно, он занимался. Но, видимо, вещами достаточно важными. Во всяком случае сам Керимбеков, сидя у селектора, следил за миганием лампочек, слушал, отдавал распоряжения, корректировал действия своих заместителей, оперативных работников и аппарата ГАИ.

Только к вечеру Акперов появился в управлении. В кабинете Гезалова сидела Гаджибекова. Заур так устал, что зацепился за спинку стула и чуть не грохнулся.

— Мы здесь волнуемся, — сказал Гезалов возбужденно, — бог знает, что передумали с Амалией, а он носится по городу. Хотя бы позвонил.

— Все понимаю, товарищи. Но, поверьте, было не до звонков. Голова до того забита, что я не в состоянии толково рассказать. Подождите немного. Кое-что сейчас прояснится.

Он закурил и прикрыл глаза. В кабинете было тихо. Гезалов подвинулся к краю стола и наблюдал, как Гаджибекова за другим столом раскладывала документы по папкам. Ее мягкое, немного скуластое лицо было удивительно выразительным. Глаза светлели — она машинально кивала, потом брови сходились к переносице, глаза суживались — Яшар уже знал: что-то не так.

Закончив, она подошла к Гезалову и, кивнув на Заура, шепнула:

— Выйдем на полчаса. Пусть поспит. Ты же видишь?

— Не надо. Обидится. Он не спит...

И словно подтверждая догадку Гезалова, Акперов открыл глаза.

— Пожалуй, Яшар, ты был во многом прав. Мы, действительно, действовали несколько однолинейно. Сейчас уже очевидно: мы имеем дело с хорошо организованной преступной группой, которая, чувствуя безвыходность своего положения, бросается из крайности в крайность. Теперь все зависит от того, хватит ли у нас ума и терпения. У меня нет доказательств, что это последнее убийство имеет прямое отношение к нашему делу, но работать нам следует вместе с Амалией. Вместе.

— Отличная мысль, дорогой Заур, — воскликнула Гаджибекова.

— Не спеши радоваться. Я вовсе не утверждаю, что наши мошенники — твои убийцы. Но думаю, что нашу группу следует возглавить тебе, ибо, судя по тому, что мы знаем, дело рано или поздно все равно попадет к тебе. Во-первых, покушение на меня... Во-вторых, смерть женщины, телефонный звонок из Ахмедлов, Мустафа Сафаров, записка у Королевой. Уже эти легко просматривающиеся связи говорят о том, что дело явно выходит за пределы рядового мошенничества.

— Я согласна.

— И я, — кивнул Гезалов.

— В таком случае я иду к Юсифу Гейдаровичу. Скажу, что наше общее мнение — расширить группу. Кстати, сейчас у него Вера Михайловна и инструктор горкома партии. Вопрос стоит остро. Мы должны свернуть шею этой гидре, иначе мы ничего не стоим.

Когда он вышел, Гезалов сказал задумчиво:

— Помянешь мои слова, Амалия. Акперов подготовил нам сюрприз. Не зря же он целый день мотался по городу.

На вид Газанфару было лет тридцать. Худощавый, с крючковатым носом и темными испуганными глазами, он вызывал невольную улыбку.

Его уже подвергли экспертизе и обнаружили легкое опьянение. После этого он не сомневался, что его везут в ГАИ.

Однако машина остановилась у здания управления внутренних дел. Дом этот Газанфар знал и, конечно, встревожился. Но сопровождавший его Абдуллаев ничего объяснить не стал. Так, в молчании, они и вошли в кабинет следователя.

Моллаев быстро взглянул на Гезалова, Акперова и Гаджибекову и сразу оценил обстановку. Однако на всякий случай он стал привычно оправдываться.

— Начальник, — брови его страдальчески дергались, — клянусь, от жажды пропустил кружечку пива. Только одну кружечку. Скажи, зачем меня сюда — в горотдел?

Акперов сощурил глаза.

— Газанфар, ну-ка погляди на меня. Только ви по. Узнаешь?

Моллаев пробормотал вяло:

— Н-нет, начальник.

— Жаль. А шестую исправительную трудколонию помнишь? Там ты кое-что передал заключенному Бахлулу Ризаеву, а?

Моллаев пробормотал вяло:

— О-о! Теперь вспомнил... Тогда вы мне здорово помогли. Полтора года добавили, начальник.

Акперов улыбнулся.

— Не я, а суд. Значит, с памятью у тебя в порядке. Такие случаи не следует забывать. Это не по-мужски.

— Да что я сделал, начальник? — заныл шофер. — У меня жена, сын. Работаю, как проклятый... Он бросал умоляющие взгляды то на Гезалова, то на Гаджибекову. Но они молчали.

— Ну вот, завел шарманку, — Акперов придвинул стул и сел прямо напротив Моллаева. Долго и внимательно смотрел на него. — Так вот, Газанфар, будем говорить в открытую?

Гезалов сел за машинку и вложил в нее бланк протокола допроса.

— Ой, начальник, вы что-то темните. Не надо меня трогать, я человек мирный. Всякие такие дела не по мне.

— Давно живете в Маштагах?

— Вы же знаете. С рождения, начальник. Прошу вас... Из меня плохой свидетель.

— А ты не спеш. С чего ты взял, что ты свидетель? Может, ты вообще обвиняемый? Да-да. Не так ли, Амалия-ханум?

Она кивнула.

— Шутите? — Моллаев вскочил.

— Нет. Присядь и, будь любезен, расскажи, зачем ты целый день катал на государственной машине Мустафу Сафаро-

ва? Только прямо, без фокусов, — спокойно сказал Акперов. — Вот два следователя интересуются...

Вопрос поразил Моллаева. Он захопал глазами, раскрыл рот и буквально плюхнулся на стул.

— Откуда вы знаете?

— Мы многое знаем. А вы думали, что вас просто так сюда пригласили, на чашку чая?

— Ай, начальник, откуда я мог знать, что он... — губы Газанфара дрожали. — Он клиент. Он ага, я слуга. Ага велит в гору — я в гору. Ага велит в овраг — я в овраг. Я же извозчик.

— Хватит прикидываться, слуга! Две судимости, а ведете себя как мальчишка. Сколько Мустафа вам заплатил?

Газанфар опустил голову. Затем решительно сунул руку в карман брюк и выложил на стол две мятые сотни.

— Понимаю, в горотделе в кошки-мышки играть не стоит. Молчать не собираюсь. Что знаю, то скажу. Только, начальник, отпустите меня, прошу вас.

— Не будем торговаться, Моллаев. Послушаем и оценим по достоинству ваши показания. Подумаем. Товарищ Гезалов, прошу...

Акперов встал и отошел к окну, глазами поманив за собой Амалию. Газанфар печально посмотрел на Яшара.

— Это вы, товарищ Гезалов?

— Я самый, — улыбнулся Яшар.

Глаза Моллаева погасли. Было видно, что он взволнован и чего-то явно боится.

— С-слышал о вас. Он ведь с вами говорил по телефону. Какой мерзавец!

Гаджибекова взяла Заура под руку и шепнула на ухо:

— Дал бы он правдивые показания, дело сразу сдвинулось бы с места. Только даст ли?

— Посмотрим.

Гезалов начал печатать.

— Начальник, — попросил Моллаев, — а нельзя без этого?

Акперов быстро подошел к нему.

— Моллаев, вы не забыли, где находитесь?

Решительный тон инспектора, видимо, подействовал. Моллаев опустил плечи и весь как-то сник.

— Первый раз я был судим... э... э... за изнасилование. Молодость, дурость. Второй — вы знаете... Семь лет отсудил,

теперь веду честную жизнь. Работаю. Ничего плохого не делаю. На кусок хлеба зарабатываю, содержу семью.

— Слышали, товарищ Гезалов? — сказал Заур серьезно. — Товарищ Моллаев работает, ведет честную жизнь. Значит, мы вправе рассчитывать на его честность, на правдивые и ясные показания.

— Конечно. Я тоже не сомневаюсь, что Моллаев скажет правду, — поддержала Гаджибекова.

Моллаев опустил глаза. Рассеянно достал из кармана пачку «Авроры», повертел в руках.

— Пожалуйста, курите, — разрешил Акперов.

Свидетель затаился, взглянул в окно и вдруг спросил:

— Сколько сейчас времени?

— Половина десятого, — Акперов взглянул на часы. — А что такое?

— Все равно вы его теперь не достанете, — как бы рассуждая сам с собой, сказал Моллаев. — Он в самолете. Летит в Москву. Скоро будет там, а Москва — город большой...

Гезалов посмотрел на Акперова, но тот отвел глаза и спокойно заметил:

— Ничего, Моллаев. Ваше дело — рассказать, а там уж мы позаботимся.

— Что ж, вам виднее. От своих слов я не отказываюсь. Что будет, то будет.

Он глубоко затаился и заговорил. Гезалов быстро печатал протокол, стараясь быть предельно точным: «...После того, как Мустафа из Ахмедлов поговорил по телефону, он сел в машину и приказал везти себя в поселок Восьмой километр. Там мы остановились у почты. Мустафа вышел из машины, бросил какой-то конверт в почтовый ящик и решил ехать в Маштаги. Сказал, что сегодня улетает в Москву и очень спешит.

Спустя минут двадцать—тридцать я привез его в Маштаги. Остановились у парикмахерской. Он зашел в парикмахерскую, пробыл там четверть часа и вышел бритым. Потом я повез его к дому, где он предложил подождать его за углом. Вскоре к моей машине подъехал автоинспектор и спросил у меня — был ли я в Ахмедлах? Я ответил, что уже месяц, как там не был. Тогда автоинспектор записал что-то в путевке и уехал. Я спрятал документы, закурил и, обернувшись, увидел на заднем сидении человека в синем костюме, в кепке такой серой, в темных очках. Я было запротестовал, выкатываясь, говорю

ему вежливо, занятый я, у меня клиент! Не шуми, отвечает, все делаешь путево, и за это спасибо будет. Дуй, говорит, Газанфар, в аэропорт! В аэропорту, правда, мы выпили по коньячку...

С чем он был? Ну... портфель желтый, больше ничего такого. За столиком он и расплатился, дал мне две сотенки и сказал, чтобы завтра с утра я зашел к его жене и передал, что, мол, Мустафа улетел в Москву. А она мне за это дополнительно подкинет, то есть отблагодарит... Ну, он встал в очередь на регистрацию билетов. Я держал портфель. Легкий, между прочим. Я думал, там вещи какие.. Место было у него, помню «12 В».

Все сделали, пошли выпить еще по стаканчику сухого. Потом он говорит: ты тут побудь, мне в туалет надо. Ну, я подождал. Появился он за несколько минут до отлета, забрал свой портфель и говорит, завтра зайди к Зейналу в парикмахерскую и передай слово в слово: «Ее арестовали, надо взять адвоката...» Ну, и все, начальники. Он побежал к самолету, а я двинул к машине само собой. Все как было, клянусь аллахом!»

Рассказ Моллаева многое прояснил, помог иначе оценить некоторые события. Дослушав, Акперов незаметно вышел из кабинета и почти бегом направился к себе. Там ждал его со своей группой Кямал Абдуллаев — молодой и энергичный инспектор угрозыска, который после университета проходил стажировку у Заура.

Акперов сел за стол и попросил сотрудников и дружинников слушать внимательно.

— Друзья, кое-что начинает проясняться. Первое. В Маштагах, в парикмахерской у базара работает некий Зейнал. Мы должны, Кямал, знать о нем все. Особое внимание надо обратить на связи, которые существуют между ним и Мустафой Сафаровым. Глаз с него не сводить.

— Ясно.

— Далее. Сейчас мы закончим допрос и отпустим Газанфара. Но каждый его шаг должен быть в поле вашего зрения. Если даже придется не спать двое-трое суток. Это очень важно. У вас машины и десять человек. Распределите работу так, чтобы не надрываться. Понятно?

— Не беспокойтесь. Заур Алекперович. Мы сделаем все, что намечено.

— Отлично. Действуйте, не теряя времени.

Оперативники ушли. Оставшись один, Акперов бездумно постоял у окна. Вернулся к столу, нашел в блокноте давний номер.

С того момента, как Моллаев назвал рейс, Заур обдумывал ситуацию. Все было не так просто: Мустафа мог словчить, т. е. сделать вид, что летит, и в последний момент остаться. Но, конечно, упускать возможность не следовало. Времени было достаточно, это он рассчитал заранее. И тогда же решил связаться с Агавеловым. В Эдике он уверен, сколько лет работали вместе, делили хлеб-соль.

Акперов взял трубку, набрал московский код и номер. Зазвучали длинные гудки, потом что-то щелкнуло, он услышал знакомый голос.

— Подполковник Агавелов!

— Здравствуй, Эдик... Заур. — Ровно минута ушла на восторженные восклицания, вопросы, справки о состоянии здоровья. И сразу Акперов перешел к делу: — Дорогой, требуется твоя помощь. Слушай, что у нас произошло...

Долгих объяснений не потребовалось. Эдуард мгновенно понял и сказал, что он сейчас же вылетит на вертолете в Домодедово.

— Вы, Моллаев, подробнее расскажите о том, что Мустафа говорил об убийстве женщины... об Алике, блондинке... Был такой разговор? — спрашивала Гаджибекова.

— Что вы! Никакого разговора не было. Ничего об этом не знаю. Он или молчал, или посмеивался.

Акперов вернулся и спокойно сел у открытого окна.

— Что ж, Газанфар, будем считать, что ваши показания искренни и вы сообщили все, что знаете, — подытожил Гезалов. — Это, поверьте, в ваших же собственных интересах...

— Вам-то хорошо, — потемнел Моллаев, — а вот узнают его дружки...

— Какие у него дружки? — спросил Гезалов.

— Откуда я знаю — какие. Пока узнаю, поздно будет.

— Чепуха, — Акперов поднялся. — Ничего они вам не сделают. Завтра, как он вам поручил, зайдите к жене Сафарова, потом к Зейналу. Передайте слово в слово, что он сказал.

— Нет-нет, не пойду... — Моллаев испуганно вскинул руки.

— А вдруг Мустафа тебя проверяет? — улыбнулся Акпе-

ров. — Может быть, он таким образом хочет узнать, друг ты или враг?

Моллаев задумался.

— Как прикажете... Если надо...

— Еще один вопрос, — вмешалась Гаджибекова. — Вы сказали, что ездили на почту. Но на «Восьмом» несколько почтовых отделений. К какому вы подъезжали?

— Возле Дворца культуры. На углу.

Получив санкцию прокуратуры, Акперов сразу же поехал на сортировочную, куда попадала вся корреспонденция. Пришлось потратить больше двух часов, прежде чем нашли почту с Восьмого километра.

Мешок вскрыли. Но никакого письма, отправленного Мустафой Сафаровым или кем-нибудь из лиц, проходящих по делу, не оказалось. Нашли лишь конверт, адресованный Гезалову. В конверте лежал какой-то листок. Акперов оформил с участием начальника смены и сортировщицы протокол изъятия и осторожно упаковал найденный конверт, чтобы направить его на экспертизу.

Акперову хотелось кричать от злости. Ему никак не удавалось понять смысл замысловатых ходов преступника. Он уже не сомневался, что письмо — очередной фокус, которым этот Мустафа пытается в очередной раз сбить следствие с толку. Столь же очевидно, что в Газанфаре он отнюдь не уверен. Видимо, он понимал, что если Газанфара задержат, то он — среди прочего — скажет и о почте. Расчет ясен: выиграть время.

Соображения Акперова были правильны. Это выяснилось уже на следующий день.

А пока он поехал обратно в управление. Гезалов и Гаджибекова ждали, хотя было начало первого. Когда он вошел в кабинет Гезалова, рассказал о письме и положил его на стол, все трое грустно переглянулись. Новости не предвещали ничего хорошего.

— Издевается мерзавец, — прогудел Гезалов.

— Ничего, Яшар, ничего. Осталось уже немного. Донграется. Я звонил Агавелову.

— У меня тоже есть небольшая новость, — сказала Амалия Джангировна. — Королеву не случайно видели у Октябрьского райотдела милиции. Она обратилась с заявлением об исчезновении некой Татьяны Соловьевой...

— Понятно. Значит... — вздохнул Акперов.

— Значит, Заур, пока ты ездил, Юсиф Гейдарович предложил предъявить Королевой для опознания труп женщины.

— Смысл? Сначала надо кончить с Сафаровым, — вяло возразил Акперов.

— Одно другому не мешает, — сказала Гаджибекова. — Завтра я ее допрошу, а потом покажем ей тело.

— Ты следовательно, тебе и решать.

— Решили так. Только опознание проведем по всем правилам, с использованием необходимых средств. Надо сделать все, чтобы избежать последующей эксгумации. — Она зябко повела плечами, — Ужасно не люблю... Просто не выношу этот процесс.

Самолет ИЛ-18 подготовился к посадке. Однако диспетчер медлил с разрешением. Пилоту пришлось сделать второй заход «по коробочке».

Наконец в наушниках прозвучал голос дежурного диспетчера:

— Вниманию командира экипажа самолета, следующего рейсом 832...

Еще не подали трап, моторы еще работали, когда по бортовому радио пассажиров попросили не покидать мест и не отстегивать ремней, так как высадка будет производиться лишь после ревизорской проверки билетов. Сотрудники транспортного отдела московской милиции во главе с подполковником Агавеловым как раз приземлились в аэропорту, когда бакинский самолет пошел на посадку. Эдуарда интересовал пассажир, который летел из Баку в кресле «12 В».

В сопровождении одного из работников он вошел в самолет и, проверяя билеты, приблизился к креслу «12 В». Кресло оказалось пустым.

11. ЛЕЙЛА, РЕВНОСТЬ И ПАМЯТЬ

Неудача «московской операции» довольно убедительно продемонстрировала, что Мустафа Сафаров не лишен остроумия. Правда, остроумия тут было все-таки больше, чем ума. Для преступника, когда ведется его активный розыск, лучше не высываться. А он явно высывался: кружил по городу, звонил, писал... Может быть, он куражился, понимая

безнадежность положен чувствуя, что у него висят хвосте? Не похоже.

Но если он рассчитывал, что эта веселая игра никому не дает преимуществ, это было ошибкой. Акперов постепенно осваивал его «ходы», рано или поздно он сумеет их предвидеть. Да и не таким уж бесцельным было это катание в такси. Отбрасывая ложные следы, Заур сужал круг поисков, последовательно перекрывая пути отступления. Самое большее, на что Сафаров мог рассчитывать, — несколько затянуть развязку.

К тому же он явно отстал от жизни. Техника, которой располагала группа Кямала Абдуллаева, ему и не снилась.

— Вопрос времени? — Гезалов нервно ходил по кабинету. — Слышали, слышали...

— И терпения, — спокойно поправил Заур.

— Чепуха, — вскинулся Гезалов. — Надо не ждать, действовать! — В этот момент в кабинете появилась Гаджибекова.

— Что с вами, больны? — спросила она невинно. Глаза смеялись, хотя выглядела она уставшей — веки припухли, морщины на лбу были видны отчетливо. «Похоже, не спала», — подумал Акперов.

— Сыщик называется, — сказал Яшар раздраженно. — Не может вспомнить этого Алика.

— Безобразие, конечно, — Гаджибекова подмигнула Зауру. — Кстати, Гезалов, помнишь, ты мне рассказывал о чудодевушке, стюардессе, с которой ты познакомился в Ленинграде?

— Какая еще стюардесса? — Гезалов недовольно выпятил губу. — О чем ты, Амалия?

— Не помнишь? Странно. А ведь ты уверял, что никогда ее не забудешь. И было это совсем недавно. Акперов же видел этого Алика — если видел — может быть, лет десять назад. И вряд ли он произвел на него такое сильное впечатление. Ладно, хватит об этом. Звонили из судмедэкспертизы. Для опознания все подготовлено. Берите Королеву и едем. Кстати, где протокол ее последнего допроса?

«Латвия» въехала прямо на территорию больницы и остановилась у морга. Цементные ступеньки вели в бельэтаж к распахнутым дверям. Королева очутилась в просторном помещении, необычайно прохладном. В такую жару это было бы даже приятно, если бы не специфический запах и непонятная аппаратура.

Флора Вадимовна попятилась назад — запах мертвецкой, голые стены, прожектора, жужжание кинокамеры...

— Зачем? Зачем меня сюда привезли?

Ей никто не ответил.

— Что-нибудь случилось? — она по-детски всхлипнула. — Господи боже мой!

— Минуту терпения и вы все поймете, — сказала Гаджибекова строго. — Успокойтесь, Королева.

В середине холодной темноватой комнаты стояли три железных стола. На каждом — под откинутой простыней — тело женщины. Все было сделано, как полагалось. Погибшая внешне ничем не отличалась от других — мазут смыли, волосы расчесали.

Королева подошла к паталого-анатомическим столам, остановилась и зажмурилась. Стоявшему в стороне Акперову было отчетливо видно ее лицо — в помещении зажгли все лампы. Кинооператор фиксировал на пленку весь процесс опознания.

— Королева, — сказала Амалия Джангировна, — присмотритесь внимательно. Кого-нибудь из этих покойниц вы знаете?

Арестованная взглянула, закрыла лицо руками и бросилась к двери — туда, где стояли Гезалов и понятые.

— Та-аня! Девочка! Уби-или, звери! — Она зарыдала.

Смотритель быстро накиннул простыни. Гаджибекова подошла к Акперову, спросила тихо:

— Что скажешь теперь, товарищ угрозыск? Полагаю, ты со мной согласишься?

Гезалов стоял неподвижно. Мысль, что мошенники решились на убийство, ужаснула его. Акперов напротив был совершенно спокоен. Он потер подбородок, взглянул на Яшара, на Гаджибекову. Усмехнулся.

— Неплохая актриса.

— Помилуй, Заур Алекперович, — Гаджибекова вспыхнула. — Так тоже нельзя. Нельзя подозревать всех.

— Вы, Амалия Джангировна, следовательно и вправе, конечно, иметь свое мнение, — он помолчал, наблюдая, как конвоиры выводят Королеву. — Но у меня тоже есть мнение. Так вот я убежден — это игра. Сольный номер, к которому она готовилась заранее. Этому опознанию я не верю. Еще раз прочтите ее показания, данные перед выездом. Спросите ее, по каким таким признакам она сразу опознала погибшую. Уверен, вы сразу обнаружите фальшь.

— Ох, Акперов, вы и упрямый!

— Увы, Амалия-ханум, вы ошибаетесь: я готов в любой момент признать ошибку. Боюсь, однако, что я прав, и ваша доверчивость может вам дорого обойтись. Тем более, что доказательств у меня нет. Есть только шестое чувство.

Через несколько часов в небольшом фойе фотолaborатории УВД Керимбеков, Юсупов, Гаджибекова, Акперов и Гезалов просмотрели цветные кадры опознания. Просмотр кончился ожесточенным спором. К общему мнению не пришли, но даже Гаджибекова должна была признать, что у нее нет полной уверенности в правдивости Королевой.

Все торопились. Однако Акперов остался еще раз спокойно просмотреть кадры, подумать, проанализировать действия Королевой.

Время шло. Десятки людей, привлеченные к делу, работали с полным напряжением сил. Сколько раз казалось, что еще шаг, стоит лишь протянуть руку — и все прояснится, станет понятной связь между такими разными вещами, как упорное молчание Королевой (после опознания она не ответила ни на один вопрос) и пустое кресло самолета. Дело о хищении замерло. Обстановка стала походить на игру в пятнашки с завязанными глазами.

Но Акперов упорно продолжал искать. Поехал в аэропорт... и возникла новая версия. Оказалось, что Сафаров взял билет на самолет, летевший транзитным рейсом в Адлер.

Акперов насторожился. Такой поворот, конечно, возможен; не менее вероятно и то, что это очередной ложный ход. Немедленно связались с адлерской и сочинской милицией, передали по фототелеграфу портрет Мустафы. Если он там, надо во что бы то ни стало закрыть пути бегства. С курорта исчезнуть проще всего: сотни тысяч людей, десятки рейсов в самых различных направлениях.

Акперов курил, прикуривая сигарету от сигареты. Гезалов часами ходил по кабинету — из одного угла в другой. Амалия Джангировна распахнула окна, включила вентилятор.

— Не удивлюсь, если Заура Алекперовича отправят на выставку. Потрясающий экспонат: инспектор угрозыска, превратившийся в копченую скумбрию. На табачном дыму.

— Превратиться в скумбрию не страшно, — пробурчал Гезалов. — У рыб инфаркта не бывает. А у меня уже ощущаются первые признаки.

— Брось, Гезалов. Тебя никакой инфаркт не возьмет.

— Понимаешь, Амалия, — заговорил Акперов, — все перебираю в памяти картинную галерею своих знакомых и пы-

гаюсь понять, кому из них я особенно ненавистен? Набралось с десяток, все как на подбор, один лучше другого. А проверил по архиву — ни одного на свободе!

— Гюго говорил: мужественного красит доблесть, ищущего — упорство. Заметь, Акперов, у-пор-ство! Факт, — насмешливо пробасил Гезалов.

— Гм! А следователя украшает начитанность. Спустимся, однако, на грешную землю.

— Еще раз повторяю: первое и главное — Алик, — твердо сказал Гезалов. — Алик — ключ ко всем замкам. Понимаешь, раскроется Алик, легче будет установить личность убитой, убедить дать показания Королеву.

— Уговорил. Согласен. Подскажи, дорогой Гезалов, как это сделать. — Акперов хмуро усмехнулся.

— Перечитай еще раз показания Лейлы. Она очень точно описала этого Алика. Может, какая-нибудь деталь всплывет в памяти.

— Кстати, Лейла уже выписалась, — заметила Гаджибекова, придвинув стул к окну. — Очень неглупая и приятная девушка.

— Да, — Гезалов нахмурился и наглухо замолчал.

Акперов понял: развивать эту тему не стоит.

— Есть идея, — сказала Гаджибекова неожиданно. — Коротко говоря, она сводится к следующему. Два окончательно обалдевших сыщика берут машину и едут на пляж. Погода отличная. Кстати, настоящие криминалисты именно так поступают: в особо трудную минуту... Ну, а я посижу здесь без вас, мужчин; и спокойно почитаю протоколы. Дело девочки Мироновой лежит без движения, и вы не даете мне сосредоточиться. Принято?

Предложение было принято сразу. Их прямо-таки эта идея захватила: забыв обо всем, бездумно и беззаботно мчаться в машине. Разве не могли они, в самом деле, однажды позволить себе такое — от всего отойти, забыть о делах хотя бы на час?

Мимо мелькали зеленые сады, шоссе серой лентой стекало к голубому побережью. Яшар замедлил ход. Ветер растрепал его волосы.

— Эй, лентяй! — крикнул он, думая, что Заур спит. — Раскрой глаза, оглядись. Благодать! Перевести бы сюда наше управление, работать сразу стало бы легче.

Заур улыбнулся одними глазами.

— Мечтатель... — Уэллс!

Проехали по узким улочкам Пиршагов и остановились на пригорке. Отсюда открывался чудесный вид на пляж, усыпанный мелкой галькой и ракушками.

— Обожаю Пиршаги, — вздохнул Яшар. — И народу много, и море чистое. Как небо...

Наплававшись (купались они почему-то порознь), Яшар присел на сиденье машины. Сюда отчетливо доносились крики детворы, глухие удары по мячу. У самой кромки воды парни азартно играли «в пас»...

Вдоль берега по воде шла девушка в оранжевом купальнике. Копна черных волос, темные очки. Рядом высокий парень спортивного типа. Тоже в очках. Они прошли совсем рядом с машиной. Яшару показалось, что девушка чем-то ему знакома: ровные и мягкие движения, улыбка, характерное движение рук. Он услышал голос, смех — это была она, Лейла...

Мокрая рука Заура легла ему на плечо.

— Засмотрелся?

— Так оно и бывает, — пробурчал Гезалов. — Не судьба. Встретишь, да уже поздно.

— Кто о чем... Чего ж ты не подошел, не поздоровался? Одевайся и выбрось эту глупую историю из своей седой головы. Все у нас есть, не хватало нам только ревности.

— Едем, — сказал Яшар рассеянно, краем глаза наблюдая за Лейлой.

Разговаривая, она и ее спутник подошли к красному «Москвичу». На коврике у машины сидела мать Лейлы.

— Что ты там увидел? — спросил Заур, не поворачивая головы.

— Ровным счетом ничего.

Белая «Волга» 52-48 АЗИ вихрем пронеслась мимо «Москвича». Яшар посигналил. Лейла взглянула вслед и наклонилась к матери.

Гезалов вел машину на предельной скорости. Сорвавшийся вдруг норд гнал облака. Небо темнело, хмурилось. По стеклу чиркнули первые капли дождя.

Заур покачал головой.

— Знаешь, седой, ревность и неверие в себя — близкие родственники. Веди машину нормально. Тебе терять нечего, а у меня, между прочим, сын и любимая жена.

Вместо ответа Яшар прибавил скорость. Заур толкнул его кулаком в бок.

— Убавь газ, Отелло! Что случилось: увидел девушку с парнем. И что? Скорее всего, просто знакомый.

— Скорее всего?.. Ерунда. И вообще оставим этот разговор.

— Как знаешь. Нам с тобой надо думать о главном.

— А что главное? Раскрыть преступление? Оно что, первое в нашей жизни или последнее?

— Философ, — Акперов улыбнулся и умолк, они въезжали в город.

Город встретил их гулом машин, разноголосым людским гомоном. Был час пик: люди заполнили тротуары, толпились у автобусных остановок, нескончаемым потоком вливались на дерекрестки. Машина подолгу застревала у светофоров. Гезалов непрерывно работал тормозами.

Акперов нахохлился, весь ушел в себя. Уличный гул доходил до него откуда-то издалека. Вся эта забавная история с ревностью Яшара что-то ему напомнила. Он никак не мог сосредоточиться. Перед глазами мелькали картины, совсем не связанные между собой. Разные годы, события, лица... И вдруг мелькание оборвалось, кадр остановился. Он услышал лесную тишину, легкий шорох листьев под сапогами, свое дыхание и потом — выстрел... Нет, это недавно стреляли из «ТТ». А тогда была автоматная очередь, и не редкие деревья на бульваре, а настоящий лес. Стреляли из-за дерева, их группа окружила бандита... Шли осторожно, выжидая, пока он расстреляет весь магазин...

Ай-да, Яшар! Настоящий ревнивец. До чего же ясно он теперь помнил все. Еще раз проверяя себя, Заур откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Нет, определенно — в этой Лейле есть нечто мистическое. Даже случайная встреча с ней помогла ему сдвинуть с меча дело. Он с трудом удержался, чтобы не схватить Гезалова за руку.

— Останови машину.

Гезалов удивленно косил глаза, но резко притормозил.

— Аварии захотелось?

— Слушай, дай закурить. — Заур обнял его за плечи. — Нашел я этого Алика. Нашел!

Гезалов ничего не понимал.

— Где нашел?

— Э, нет, седой, я в своем уме. Нашел на пляже. И не я, а ты. Правда, тут нужно кое-что еще проверить. Но вряд ли я ошибаюсь. Скоро ты в этом убедишься и сможешь провести

между ним и Лейлой очную ставку. Молодец Амалия. Ведь это ее идея с пляжем. Настоящий психолог...

По коридору неторопливо прогуливались участковый Сулейманов и Маил Мухтар-заде. О чем-то тихо беседовали, улыбались. Похоже, ждали они давно.

— Где вы гуляете, товарищи? — сказал Маил с упреком. — Мы тут извелись в ожидании. У Сулейманова есть новости, да и я прилетел не с пустыми руками.

— Ездили за памятью, — сказал Акперов коротко и кивком пригласил их в кабинет. — Начнем с вас. Рассказывайте.

— Сегодня утром я нашел свидетеля убийства, — выдохнул Сулейманов.

— Видишь, — Акперов подмигнул Гезалову. — Товарищ Сулейманов ухватил конец веревочки, я этого ожидал. Да вы садитесь, ребята. Продолжай. Маила мы выслушаем потом. По глазам вижу, что он не зря катался.

Сулейманов протянул исписанный лист.

— Заявление. Я не хотел заниматься самодеятельностью, не получив от вас указаний, товарищ подполковник.

— Правильно. Так что рассказывает ваш очевидец?

— Свидетель, — Сулейманов солидно откашлялся, — пришел ко мне в пункт. Объяснил, что в ту самую ночь ехал на мотороллере со своей знакомой из Ахмедлов и на месте убийства видел самосвал под номером АЗА 45-61...

— Поразительная точность! — нахмурился Гезалов. — Ну-ну, дальше.

— Далее он рассказывает, что из кабины самосвала вышли мужчина и женщина. Они несли что-то, завернутое в белую простыню.

— Разумеется, он сразу же догадался, что несли тот самый труп, который потом был обнаружен в мазутной канаве? — резко спросил Акперов.

— Нет. Это он позднее, из разговоров понял. И решил сообщить органам.

— Подожди, а с чего он взял, что убитую привезли именно той ночью? И почему он пришел только сегодня утром? — спросил Гезалов.

Сулейманов смутился.

— Я как-то не подумал. Так обрадовался, что нашелся свидетель...

— Гезалов, возьми заявление, познакомься и решай. Да, кстати. Как фамилия свидетеля?

— Назаров Михаил Ибад оглы.

— Где живёт?

— На проспекте Нариманова, три, в частном доме. Студент.

— Номер своего мотороллера назвал?

— Нет.

— И ты не спросил? — вмешался в разговор Маил.

— А что?

— А то, что на таких добровольцах-очевидцах кое-кто уже обжегся. — Гезалов грустно покачал головой и подошел к столу у окна. Здесь лежала записка.

«Товарищи, я поехала в следизолятор, хочу еще раз поговорить с Флорой. А. Г.»

Акперов позвонил в адресное бюро. Ему ответили, что Назаров Михаил Ибад оглы по указанному адресу не значится. Это, правда, еще ничего не доказывало: студент мог жить и без прописки. Но Акперов связался с майором Зейналовым из ГАИ и выяснил, что самосвала под номером АЗА 45-61 не существует. Два года назад этот номер заменен другим.

Акперов рассмеялся, искоса поглядывая на смутившегося участкового.

— Вот так-то, дорогой! Свидетель-то у тебя липовый. Уверен, что и имя знакомой, с которой ездил на мотороллере, он забыл назвать. Так? — Заур добродушно потрепал Сулейманова по плечу. Настроение у него было хорошее.

— Все верно, товарищ Акперов.

— Слушай, уж не Алики ли это? — спросил Гезалов. — Ведь и Мустафа расшифровал себя именно в Ахмедлах.

— Нет, седой, это не он. Я знаю, кто это. Он нам скоро понадобится.

— Не понимаю, говоришь загадками. Какие-то секреты появились у Акперова. Чувствуешь, Маил Мирзоевич?

— Заур Алекперович прав. Оперативная работа...

— Вот именно, — кивнул Акперов. — А теперь мы, неудачки, слушаем тебя, Маил Мирзоевич.

Мухтар-заде потянул молнию, вынул из папки и положил на стол кипу бумаг и пакет.

— Вот весь мой багаж. Пока расскажу коротко. Пожалуй, все теперь предельно ясно, кроме Алики. Павлов живет в Кисловодске. Заядлый рыбак. Свой мотоцикл продал в позапрошлом году покупателю из Кизляра. Естественно, дальнейшая судьба техпаспорта ему неизвестна. Если не считать трех-четырех стаканов нарзана, Кисловодск мне ничего не дал.

Зато во Львове кое-что прояснилось. «Волгу», которая

стоит в нашем дворе, приобрел в сентябре 1967 года капитан авиации Похвальный Семен Андреевич. Номерной знак этой машины — ЛОИ 32-18. Я с ним встретился, и вместе с львовскими коллегами допросил его. Выяснилось, что 10 сентября 1971 года Похвальный, вернувшись из спецкомандировки, не нашел дома ни жены — Похвальной Христины Казимировны, ни своей автомашины. Офицер заявил в милицию. Там возбудили уголовное дело, искали, ничего не обнаружили и приостановили расследование. Таким образом, преступление не раскрыто. Наши коллеги очень обрадовались, что машина нашлась. Мы решили, что днями к нам по этому делу придет следователь УВД. Я привез фотооткрытки Похвального — вот они. И ее, Ольги — вот эта особа. Судя по описаниям, на фотографии Ольга — Татьяна — Христина. Познакомьтесь. Технический паспорт машины я тоже привез. Вот, пожалуй, и все мои успехи, товарищи.

Акперов взял фотографию, внимательно посмотрел, запоминая, и передал Гезалову.

— Похоже, что она, — пробасил Яшар. — Но...

— Кстати, — вспомнил Маил. — Похвальный утверждает, что Флора Вадимовна Королева ни в каких родственных отношениях с ними не состоит и что в 1970 году они жили у нее как квартиранты в связи с тем, что он был командирован в Баку на спецкурсы. Вы довольны, Яшар Агаевич?

— Как сказать... — протянул Гезалов. — Кое-что, конечно, есть. Но не все и не вся. Алик опять в стороне.

Акперов, раздумывая, прошелся по кабинету, остановился у раскрытого окна. Лицо у него было хмурое. Не потому, что он был недоволен. Конечно, поездка Маила многое прояснила в этой путаной истории. Теперь, похоже, известны все члены преступной группы, кроме Алика. А это значит, что развязка близится.

В кабинете было тихо. Все молчали. Акперов размышлял, Сулейманов растерянно тер лоб, Маил перебирал в памяти детали поездки, Яшар... нет, Яшар думал не о деле. Перед глазами упорно маячило смеющееся лицо Лейлы, как она наклонилась к тому парню...

— Пожалуй, кое-какие выводы уже можно сделать, — Акперов отвернулся от окна. — Тропинка, которая привела сюда Алика, длинная, и началась она, думаю, в местах заключения. С Ольгой — Татьяной — Христиной пока не все ясно. Во-первых, надо точно установить, идет ли во всех этих случаях речь об одном лице. Во-вторых, следует выяснить, почему солгала

Флора Вадимовна, опознав в погибшей Татьяну—Ольгу—Бабочку... А в том, что она солгала, я уже не сомневаюсь. Дальше необходимо быстро найти и обезвредить Мустафу и Алика, убедить Королеву дать правдивые показания.

Не знаю, как вы, друзья, но я уверен, вопреки мнению Амалии Джангировны, что убитая, имени которой мы до сих пор не знаем, к нашему делу отношения не имеет.

Так вот. По-моему, тебе, Гезалов, надо немедленно съездить в следизолятор, где сейчас Гаджибекова, еще раз прокрутить кинолентку опознания, предъявить Королевой фотографии и допросить ее снова. Возражений нет? Тогда поезжай. Время дорого. Работать, друзья, работать... И я тоже пойду по своим делам, — он улыбнулся. — Дело у меня нынче особое, сугубо секретное.

Утром Акперова в управлении не было. Не появился он и в середине дня. Гезалов и Гаджибекова, которым ничего не удалось добиться от Королевой, начали тревожиться. «Сугубо секретное» дело Акперова могло обернуться плохо. От Алика, они это знали, можно было ждать всего.

Дежурный по управлению доложил, что в три часа ночи подполковник Акперов сел в свою «Волгу», которая ждала его у подъезда, и в сопровождении оперативной машины ПМГ уехал на задание. Больше ничего дежурный не знал. Гезалов поднялся в уголовный розыск.

— Акперов проводит операцию по указанию подполковника Керимбекова, — спокойно сказал начальник отделения. — Человек он взрослый, самостоятельный, чего волноваться.

Гезалов вернулся к себе. Встретив вопросительный взгляд Гаджибековой, раздраженно пожал плечами.

— Ничего не знаю, — подошел к телефону, набрал номер. Ответил знакомый голос Мариты.

— Добрый день, Яшар Агаевич. Заур? Понятия не имею. Вроде бы ночевал. Но в шесть утра, когда я проснулась, его не было. Что-нибудь случилось?

— Нет-нет, Марита Мартиновна, все в порядке.

«Все в порядке...» А что еще он мог сказать?

Гезалов закурил и подошел к Гаджибековой.

— Мастер сыска решил уморить нас неизвестностью. Почти сутки его нет. Кстати, я выяснил, Маила и Кямала тоже нет. Похоже, Амалия, нас ждут сюрпризы.

Гаджибекова усмехнулась. Открыла портфель и медленно, словно испытывая терпение Яшара, сложила туда документы. Поднялась, сказала медленно:

— Дорогой коллега, у меня нет времени разгадывать ваши загадки. И вообще, мое дело — расследовать убийства, мошенники — по вашей части. Так что давайте разойдемся как в море корабли. И не думай, что я так наивна. Хотя Королева молчит, но я и сама вижу, что та несчастная вовсе не Христина — Татьяна — Ольга. Ничего, разберемся. А у меня ведь еще два дела: Миронова и этот молодой ученый. Желаю всех благ.

Она направилась к двери, но остановилась.

— Кстати, Яшар Агаевич, если Акперов все же объявится, а я в этом не сомневаюсь, будь любезен, позвони мне. Я в прокуратуре.

Гезалов молча кивнул и устало сел к столу.

12. РЕВАНШ

Ночевал Мустафа в старом сарайчике, что в самом углу двора. Вид у сарайчика был нежилой, а главное, он имел второй выход. Жена, за долгие годы привыкшая не докучать вопросами, принесла тюфяк и старый коврик под ноги. Он не объяснил ей, откуда и зачем явился. Он вообще ничего не сказал. Но она видела, что он разъярен.

Скинув туфли и с отвращением ощущая тяжелый запах немытых ног, Мустафа долго лежал в темноте, не мог заснуть. Кусала мошкара, тюфяк был жесткий, подушка сбивалась комьями.

С усталым самодовольством он убеждал себя в том, что и эту ночь проведет спокойно, хвоста за собой не приволок, что в запасе у него по крайней мере два-три дня. А там — как бог даст. Не настолько он был глуп, чтобы надеяться на большее. После той операции можно было и ускользнуть — подумаешь, мошенничество. Но этот кровожадный идиот заварил такую кашу, что теперь милиция не остановится, пока не выявит все до конца. Самое большее, на что можно рассчитывать, отсрочка в несколько дней. «Идиот, — выругал он себя. — Связался с этим зверем. И откуда у него, в тридцать лет, такая злость на людей, такая звериная жестокость?»

На рассвете, отомкнув навесной замок, в сарай вошла жена. Он узнал ее осторожные движения и все равно притаился. Она молча ждала, пока он выйдет из темного угла и отдаст приказания.

— Позови парикмахера, — сказал он, кольнув ее острыми

глазами-буравчиками. — Только осторожно, чтобы никто не видел.

Она кивнула и вышла. Зейнал подкатил на мотороллере к соседнему дому. Через щель Мустафа видел, как он, озираясь, прошел задней частью двора и остановился перед дверью. Сжав кулаки, Мустафа открыл и скрипнул зубами.

— Что, не мог без коляски, ахмах? — он все больше терял контроль над собой и от этого злился — и на себя, и на других. — Ну что?

— Был у меня Газанфар, говорил об адвокате. Я его выгнал.

— Хорошо. А как с участковым?

— Был, Мустафа-киши. Сделал, как вы велели.

— Поверил?

— Еще как. Благодарил.

— Так, — Мустафа нахмурился. — Не знаю, чье это мокрое дело. Моего осла или кого другого. И знать не хочу. Пусть поищут, на кого повесить, покопаются. А то даром хлеб едят. Может, пока оставят меня в покое. Зейнал, отнесешь Флоре передачу, с весточкой. Умно. Понял?

— Понял, Мустафа-киши. Сделаю.

День прошел как будто спокойно. Дважды приходила молчаливая жена, приносила поесть. Она по-прежнему не смела поднять глаз на мужа, который ничем — ни детьми, ни счастьем, ни покоем на старости лет — не радовал ее. Да и что он мог ей дать, если больше половины из тех двадцати лет, что они были женаты, провел где-то далеко — в тюрьмах и колониях. Забитая и неграмотная, во всем послушная молле, она по его совету вышла замуж за этого угрюмого человека.

Кто он, она не знала. Да и мало кто в селе знал, что Мустафа вовсе не Сафаров, а Ханкиши Эминов, племянник расстрелянного в первые годы Советской власти бандита, кочи. Когда-то он считался социально чуждым элементом, но постепенно об этом забыли, а при паспортизации ему удалось принять новое имя и новую фамилию.

Он рассчитывал, что еще несколько дней сможет отлежаться в сарае — отдохнуть и спокойно подумать. Но уже к ночи явились вдруг Алик с Бабочкой. Мустафа, кривя лицо, смотрел на этого фразера: модная шляпа, яркий галстук. Почернел подбородок, осунулся. Черные усики торчат, губа злобно прикушена.

— Морда у тебя, как у побитой собаки, — проворчал Мустафа. — Что приполз, шкода? Из-за твоих фокусов... Такая

тьма здесь, как в кладовке... Планы строил: Гёк-Гёль, Сочи, Москва... И что тебе далась эта Лейла? Меджнун проклятый, — он сузил глаза и взглянул на Бабочку. — Ну как, не сладко вам без старика? Растерялись?

Он как-то непонятно хохотнул, буркнул что-то. Зло посмотрел на Алика.

— Небось, пустые пришли, обглоданные, без денег.

Трудно было понять, злорадствовал он или казнил себя. Но бил он молодого партнера остро, вызывая на ссору. Давно ему хотелось отвести душу, сорвать злость.

— Чисто работать надо уметь. Только лошадь по старой тропе ходит.

Алик слушал, кротко и покорно кивая. Но кто-кто, а Мустафа знал, что эта покорность лжива. Ждет, воробей. Чего? Нет, Алик, надеяться не на что, слишком далеко ты зашел. Конечно, ничего этого Мустафа не сказал. Не его дело воспитывать. Да и что ему до этого Алика? В мире, где они жили, не было места для жалости, сочувствия, обыкновенных человеческих чувств. Закон был один: если придется умирать, ты умри сегодня, а я — завтра.

— Без тебя, старик, нам ни шагу. Без тебя — вот! — Алик оттянул и резко отпустил тугую резинку галстука. — Откровенно говоря, я думал, что ты давно гуляешь по столице, навещаешь ГУМ, в ресторане сидишь. Думал, базарит Зейнал насчет сарая. Просто так...

— Просто? Ой, не просто. Надо бы исчезнуть, а некуда. Пути отрезаны. Рустамы и Флору замели. Коньяк взяли. Все забрали. Главное — золото, что я хранил для «ящика». Все. И руки обрубили, и ноги. И все-из-за тебя, подлюка. Когда я взял тебя с собой, думал, сделаю из тебя художника... Э-эх...

Алик присел на табуретку и с удовольствием следил за тем, как жена Мустафы раскладывает на столике еду. Толстое лицо, низко повязанный платок. Длинные цветастые, как у цыганки, юбки неприятно пахли. Молчит, будто немая. «Вот кто у него собакой весь век служил!» — подумал Алик со смешанным чувством неприязни и зависти...

Он быстро взглянул на Ольгу. Она сидела, закинув голову, устало привалившись спиной к стене. Глаза были закрыты, веки — в тусклом свете лампы — отливали синевой. На мгновение он представил ее такой, как вот эта, жена Мустафы, и содрогнулся. «Может, я и подлец, но все же не такая сволочь, как старик. До чего довел бабу... Неужто уже конец? Нет, надо бежать. Бежать, если даже придется стрелять. К черту их

всех — и Бабочку, и Мустафу, и тех, с кем я не рассчитался, кому я должен... Бежать.»

Фантазия... Куда бежать? Денег нет. Связей нет. Людям хватает своих грехов, кому нужны чужие. Судорога сжала горло. Он хрипло расхохотался, вскочил — увидел водку. Плеснул себе полный стакан.

— За встречу, старик!

— Лучше за расставание, — насмешливо бросил Мустафа. Это было оскорбление.

— Не бузи, старик. Хлеб-соль делили. Я еще никого не закладывал. Может, решил идти к Акперову с повинной? Ладно, не пузырись, шучу...

Мустафа прошипел:

— Зато я не шучу! Кто тебя сюда звал, наследить приехал? Я сгинул, нет меня, понял? Пришить бы тебя, мокрушника, все одно по тебе веревка плачет. Посчитать, сколько жизней висит на тебе!

— Заткнись, папаша! И ты не святой! — процедил сквозь зубы Алик.

Мустафа медленно поднялся. Вскочил и Алик.

— Значит, посчитать? С кого начнем, Аслан Пашаев? С конвоира в колонии, которого ты уколошил? Уколошил просто так, под настроение... А ее муженек, которого ты оставил без жены и машины? А сколько ты пытался выйти на Акперова? Я тебя останавливал. А что ты сделал с девчонкой? Сколько раз я предупреждал — работай чисто, деликатно, с умом! Хватит. Завязали. Чтобы завтра твоего запаха тут не было. Это говорю тебе я, Мустафа. Я ухожу, Зверек. Тихо уйду. И чтобы ты у меня под ногами не путался. Понял? А перекусить можете... Садитесь к столу. Я сыт.

Он пошел к двери. Пашаев дернулся, но Мустафа лишь слегка повернул голову. У выхода он наклонился, и Алик заметил, как топорщится от пистолета подкладка его пиджака — руку он держал в кармане.

— Прощай, Бабочка, — сказал он. — Жалко тебя, дуру. Прощай. Как быть дальше — думай сама. Лучше уходи. Аслан тебя не тронет, грехов за тобой нет. Запомните: я вас не видел и не знаю...

Алику было не по себе. Вроде ничего не случилось. Ну, полаялись, ну, ушел. А почему-то его трясло, крутило, как при простуде, было в тоскливом ознобе. Из открытой двери сарая тянуло холодом. Он налил еще полстакана, выпил. Мысли пропали...

Что делать? Пусть она тоже уходит. А я еще задержусь, устрою небольшой фейерверк. Все равно — хана. Плохо, если не успею, если схватят. Не выпустят. Главное — свести счеты.

В пьяных глазах что-то мелькнуло. Ольга вдавилась в стену, боялась шевельнуться. Но голос его дрогнул, стал мягче:

— Ольк, на рассвете уходи. Вот тебе последний червонец. Уезжай из города и устраивайся. Где придется. Я, — он не договорил, чья-то тень мелькнула во дворе. — Он хмыкнул. — Жена Мустафы тоже не спит, бродит.

Он выглянул в дверь, спросил тихо:

— Где Мустафа?

Она пожала плечами: не мое дело. Едва ли ушел, подумал Алик, спит, наверно, в доме. От этого почему-то стало спокойнее. Дрожь прошла. Он жадно напился прямо из ведра и глубоко вздохнул, вытер лицо. Подошел и сел рядом с Ольгой. Спать не хотелось. Он будто чего-то ждал.

Под утро в сарай заглянула старуха, окликнула, что-то хотела сказать. И сразу, слепя фонариками, в сарай ворвались люди. Алик не успел сбросить дремоту, вскочить. Услышал лязг наручников, голоса: «Мустафы нет? Что говорит жена? Ушел?»

В третьем часу ночи Гезалов, которого звонком вытащили из постели, приехал в управление. Поднялся на свой этаж, свернул к своему кабинету и оторопел.

На стульях у стены понуро сидели шестеро. Кое-кого он знал: Хорен Парсаданов, Газанфар Моллаев... Ага, эти двое — дружинники. По коридору ходил Сулейманов.

— Может, объяснишь мне, что это значит? — сердито спросил Гезалов.

Участковый инспектор кивком указал на дверь кабинета. Вошли.

— Товарищ капитан, я и сам пока мало что знаю. Приказ Акперова. И это еще не все. Часть людей на четвертом этаже.

— Ну-ну... А где Акперов? Где этот дьявол?

— Внизу, — Ахад улыбнулся. — Только что привезли Мустафу Сафарова и...

— Что? — Гезалов схватил его за руку. — Взял-таки... И все делал сам, совершенно секретно...

— Да. Взяли его, кажется, в селении Кюрдаханы.

Гезалов взъерошил волосы, обнял Сулейманова за плечи.

— А подробности? Хоть какие-то?..

Ответить Сулейманов не успел. В кабинет, широко шагая, вошел Акперов. За ним — Маил и Кямал, усталые, радостные.

— Все сделано, Гезалов. Не надо фанфар! Сафаров Мустафа, Аслан Пашаев — Алик, Христина Похвальная — она же Ольга — Таня — Бабочка — задержаны. Плюс Королева. Теперь начинается твоя работа. А где Амалия? Ей разве не сообщили?

— Гм! Не знаю. Она нас бросила. Сказала: разошлись как в море корабли. — Гезалов усмехнулся.

— Напрасно. Сколько раз я ее предупреждал: торопиться надо медленно. Кямал!

— Слушаю.

— Передай Гезалову протокол обыска в квартире Пашаева и письмо Мироновой... Да, Гезалов! Для меня самого это неожиданность. Позвони Амалии, она тебе будет благодарна за это письмо.

— Почему же мне?

— Почему, почему? Манл, передай ему все остальное. Мы свою часть работы выполнили. Мавр сделал свое дело, мавр может уйти.

Гезалов сдвинул брови.

— Заур, не валяй дурака. Это не твой стиль. Расскажи все по порядку.

— Некогда, друг мой, потом. Тебе предстоит срочно организовать два опознания, провести очные ставки. Все, что тебе нужно, в документах.

— Кому и кого я должен предъявлять?

Акперов прищурился.

— Наверху свидетели и ребята Гейдара Султанова. Абдуллаев, Сулейманов, Мухтар-заде и два милиционера в твоём распоряжении. Посматривайте, чтобы участники спектакля не выпрыгнули в окно. Кое-кому из них нечего терять. Давайте, ребята...

Абдуллаев и Сулейманов вышли.

Акперов аккуратно расставил рядышком у стены семь стульев и еще два отдельно — для понятых.

— Начнем, седой. Пожалуйста, не ломай пока голову. Могу только сказать — Лейла молодчина. И Гейдар молодец. Общественности! Кстати, на пляже она была со своим двоюродным братом Муратом, который приезжал из Тбилиси...

— Шутить?

— Яшар, ты же интеллектурал. Умей сдерживать чувства. И вообще личное — потом.

— Она здесь? Ты и ее поднял с постели?

— Здесь все, кто нам был нужен. Работы хватит до самого утра. Но это, поверь, последняя ночь. Конец.

— Склоняю голову, Заур Алекперович.

— То-то! — Акперов усмехнулся и крепко обнял друга. — А за то, что исчез, ничего не объяснив, извини. Оба вы — и ты, и Амалия — меня задели. Реванш!

В кабинет вошли две девушки из оперативной группы Султанова. За ними мужчины. Заур усадил их на стулья, оставив три свободных места. Появились понятые.

— Граждане! — сказал Гезалов озабоченно. — Вместе с вами будут сидеть преступники, очень серьезные и опасные. Даже здесь мы вынуждены принимать особые меры предосторожности — наручники. Прошу помочь нам и согласиться на такое исключительное условие: разрешить и на вас надеть наручники. Иначе опознание потеряет всякий смысл: свидетели узнают их сразу по этим приметам.

Ввели Сафарова, Пашаева и Похвальную. Им предложили занять любое место. Они молча и равнодушно сели на свободные стулья. Аслан поднял глаза на Акперова и опустил, лицо у него было постаревшее и обмякшее.

Когда все было готово, в кабинет пригласили Лейлу. Она взглянула на Гезалова, улыбнулась и сразу отвела взгляд.

— Товарищ Гасаналиева, — сказал Яшар спокойно, — узнаете ли вы кого-нибудь из сидящих здесь граждан? Если да, то когда, как и при каких обстоятельствах вы с ними познакомились? Отвечайте ясно и подробно, чтобы присутствующие могли все понять.

Лейла обвела пристальным и внимательным взглядом сидящих на стульях. Казалось, она колеблется. Но нет, Гезалов чувствовал, что в эти минуты она вспоминает все, что случилось с ней. И, понятно, волнуется. Однако она заговорила, и голос ее звучал спокойно и твердо.

— Узнаю. Третья слева — Ольга. Она сидела за рулем автомашины «Волга» АЗИ 52-48 и помешала человеку, который назвался Аликом, нанести мне второй удар ножом. Вот он сидит, на пятом стуле. Знаю я и этого человека. Его фамилия Дашдамиров. Что мне о них известно?

Рассказывая, она смотрела только на Ольгу. Ольга сидела, опустив голову, по щекам ползли слезы. Алик упорно смотрел вниз, под ноги. Взгляд Мустафы блуждал: окно, дверь, снова окно... Все молчали. Молчали, когда она говорила, молчали и потом, когда она кончила и отошла, уступив место другим.

И Хорен Парсаданов их опознал: Мишу и Алика. Было за-

метно, что он злился. Но говорил он ровно и уверенно, не оставляя тени сомнения.

Они по-прежнему молчали. Подписать протоколы отказались. Собственно, их подписи следствию были не очень нужны. Факт опознания был зафиксирован в протоколах, закреплён подписями следователя, двух понятых, шести свидетелей.

В пять часов утра в комнате Амалии Гаджибековой зазвонил телефон. Она проснулась мгновенно, будто ждала этого звонка, привычно протянула руку к телефону — он стоял на тумбочке, у кровати.

— Слушаю, — голос был чуть хриповатый, неуверенный. — Кто?

— Гезалов, Амалия-ханум. Прости, что бужу тебя так рано. Хочу поздравить. Акперов многое успел. Приезжай скорее. У меня на столе письмо Мироновой, написанное перед смертью.

— Что? Откуда?

— Нашли в квартире у Алика.

— Как, его взяли?

— Взял Акперов. Вот дьявол, все сделал один, тайно. Словом, приезжай.

«...Ты помнишь, Алик, я шла по улице Толстого... Ты сам, сам остановил машину, сказал, что я красавица... Ты даже упрекнул меня за отца, ведь он обманывал государство. Ты обещал мне золотые горы и все честно, трудом. Ты лгал мне всегда. Возил меня на пляж — и лгал. Называл золотой рыбкой — и лгал. Ты искалечил мне жизнь, погубил меня, растоптал мою любовь, мои надежды... Как у тебя повернулся язык сказать, что я дочь преступника и сама преступница? Я верю, что жизнь тебя накажет, люди тебя проклянут за меня и за ребенка, которому не суждено родиться. Умирая, я проклинаяю тебя. Одним человеческим словом ты мог сохранить нам жизнь — ему и мне. Но в тебе не осталось ничего человеческого. Ты — негодяй и лжец. Очень хочется жить, но я не сумею. Все стыдно. И самое худшее, что я полюбила ничтожество...»

Солнце стояло уже высоко, заливая кабинет золотистым светом. А Амалия Джангировна все держала в руках письмо. Читала, откладывала, снова читала. Привычный глаз невольно отмечал детали: буквы пригают — рука дрожала; сгибы потерты — видно, и он, этот подонок, не раз перечитывал письмо. Щипало глаза. Только этого не хватает — разреветься здесь, на людях, в чужом кабинете...

— Девочке было немногим больше шестнадцати лет... Где пределы подлости? Тридцать лет этому мерзавцу, сколько судимостей, сколько зла. Что делать, Гезалов?

— Расследовать, Амалия, — сказал он тихо, опираясь рукой на край стола. Лицо у него было бледное, усталое, губы подрагивали. — Теперь ты знаешь, кто довел её, бедную, до самоубийства. Никогда не думал, что мне придется еще раз столкнуться с этой трагической историей. Первое в моей практике самоубийство.

— Ты прав, случай редкий. Но мерзавец редчайший. Какое-то доисторическое чудовище. Ископаемое. Ладно, оставим эмоции. Дело следователя — вести следствие. Точно и объективно.

13. ФИНАЛ

И Аслан Пашаев, и Мустафа Сафаров не желали отвечать на вопросы следователя. Они не очень затрудняли себя. На любой вопрос Гезалова ответом были либо короткое «нет», либо немногим более длинное «впервые слышу». Протоколов очных ставок они тоже не подписали. Показания Лейлы Гасаналиевой и Хорена Парсаданова, заключения экспертизы и прочее выслушали в молчании. Конечно, они понимали, что улики достаточно, что опровергнуть доказательства им не удастся. Но держались оба твердо.

Гезалов работал с предельным напряжением сил. Акперов, забыв о сне, изредка он подставлял голову под кран.

А в кабинете шел бесконечный, какой-то удручающе бессмысленный разговор. Те же слова, те же голоса — стертые, равнодушные:

— Нет, начальник... Первый раз слышу...

Акперов даже не пытался говорить с Асланом. Понимал: бесполезно; Аслан, приняв поражение, замкнулся. А показания его следствию были очень нужны. Очень.

Правда, оставались Христина Похвальная и Королева. Их пока не трогали. Гезалов особенно верил в Королеву. Он считал, что теперь-то ей нет смысла молчать. Раньше она боялась Мустафы и Аслана, но сейчас они арестованы. И потом интересно, что она скажет, увидев Татьяну, которую давно похоронила и оплакала? Может быть, в ней наконец заговорит совесть, ведь не такая она преступница, как эти, давно потерявшие человеческий облик? И кто же все-таки та несчастная, тело которой они обнаружили? Кто лишил её жизни, за что?

Преступление было доказано, преступники арестованы, но Гезалов не чувствовал удовлетворения. Следствие, как волна,

взметнуло ввысь множество грязи и внезапно застыло, будто, попав в полосу шального мороза. Так Яшар и сказал Акперову. И услышал в ответ усталый, но спокойный голос.

— Выдержка и терпение. Еще раз повторю: торопиться надо медленно. Главное, ты меня теребил: «Алик... Алик». А ведь оказалось, что именно у тебя был ключ к моей памяти. Помнишь эту цепочку: «Лейла — ревность — память?» За Аликом много всякого. Уже в двадцать лет он совершил первое преступление — из ревности ударил парня ножом. Получил шесть лет. Бежал. Оказавшись на свободе, ранил и ограбил кассира... Через два месяца его поймали. Снова суд, десять лет строгого режима. Там его и окрестили кличкой Зверек. Просидел он всего три года. Снова бежал. Уже с автоматом. Тяжело ранил конвоира, забрал оружие. И как в воду канул!

Однажды вечером к дежурному по УВД пришла старушка и рассказала, что на улице ее остановил незнакомый человек и попросил отнести записку в милицию. Всего несколько слов: «Бежавший из колонии Аслан Пашаев скрывается в лесу у Солнечного озера». Кто написал записку, мы до сих пор не знаем. Направили группу сотрудников. Надо было брать его живым.

Было это в августе, самая жара. Операция серьезная. Разъяренный маньяк, вооруженный автоматом, сам понимаешь, не шутка. Кому охота получить пулю? Окружили пролесок и двинулись в разведку. Пашаев действительно был там. Он сразу резанул очередями. Чуть не продырявил меня. Ну, думаю, сволочь, стреляй дальше! И пополз к нему по кустам. Наши ребята, немного оробевшие, тоже двинулись. Аслан растерялся: не знает, в кого стрелять раньше. Расчет у меня был простой: пусть расстреляет магазин с перепугу, а там мы его и возьмем. Но все получилось не так, как думал. Он сам пошел мне навстречу. Хорошо, что я первым успел выстрелить: у него в рожке автомата оставалось с пяток патронов. На меня хватило бы с избытком.

Гезалов покачал головой и взглянул на Амалию Джангировну.

— Никак не пойму: как ты мог все это забыть?

— Странная логика. Почему я должен был догадаться, что бандит Аслан превратится в «Алика», да еще займется мошенничеством. Не тот стиль. И потом, честно говоря, голова забита, трудно было сосредоточиться. Мало всего, так еще выплыло убийство. Ходил задуренный, никак не мог отвлечься. Ты молодец, Амалия. Предложение было гениальное, с него все

началось. Но, пожалуй, окончательно убедило меня сообщение Сулейманова. Я разыскал знакомого старика, живущего по соседству с матерью Пашаева. Он сказал, что недавно видел Аслана, заходил к матери. После этого я уже не сомневался, что он в городе, и подобрал себе компанию по пословице: волк волка...

Кстати, ту фантастическую историю об обстоятельствах убийства рассказал Сулейманову парикмахер Зейнал. Тут тоже не все просто. Внешне этот Зейнал напоминает Алика. Мустафа, видимо, собирался это сходство использовать. Он ведь специалист по фокусам, Кюо. Он же принес передачу Королевой. Я этого ждал. В хлебном мякише обнаружили записку: «Держись. Мы здесь хлопочем. Рустам».

— Даже так? — Гаджибекова подняла брови.

— Я понял, что и эта идея Мустафы: убедить Флору молчать и тем самым выиграть время. В Маштаги я ехал с полной уверенностью, что кого-нибудь из них мы там зацепим. Взяли под наблюдение двор и огород Мустафы. Вижу, выходит ночью из сарая парень. Вот тогда я сразу узнал Аслана.

— Не понимаю, на что они рассчитывали? Ведь дом Мустафы в любую минуту могли осмотреть.

— На авось. Авось пронесет, мы не догадаемся. Аслана мы трогать не стали. Думали, что и Мустафа в сарае. К утру из дому вышла его жена, повозилась в палисаднике и двинулась через огород к сараю. Тут мы решили действовать. Поначалу старуха так испугалась, что не могла говорить. А потом вдруг сказала, что Мустафа у сестры в селении Кюрдаханы. Она ведь его ненавидит. Взяли мы его легко, спал, как сурок. Вот, пожалуй, и все. Давайте теперь разберемся, в чем конкретно обвиняется эта волчья стая?

Все трое задумались.

— «Летоисчисление» следует, пожалуй, начать со Львова, — предложил Гезалов.

— Допустим. Похищение «Волги», и, так сказать, Христины Похвальной. Любовь, по-моему, исключается. Скорее страх. Пашаев пока молчит. Думаю, что об этой части истории расскажет сама Похвальная. Ей нет смысла скрывать. — Акперов помолчал. — Это первое. Думаю, особых трудностей тут не будет.

Второе. Надо выяснить в деталях, как организовалась шайка. Показания на этот счет могут дать и Флора, и Бабочка. Для начала. А там, будем надеяться, заговорит и Рустам. Верю в талант Гезалова.

— Идем дальше. Игра с твоим номерным знаком, подделка документов, хищение государственного имущества в особо крупных размерах. Затем ранение Лейлы. Необходимо сполна возместить государству ущерб. Полагаю, круг обвиняемых расширится. Теперь это не страшно...

— А ранение Беса не в счет? — пошутил Заур.

— К сожалению, Бес лишен возможности участвовать в чьей-либо ставке.

— Это верно. Но рассчитаться с Асланом он вполне способен.

— Законом запрещено. А жаль. Особенно, когда вспомнишь о Мироновой, — усмехнулась Амалия.

— По-моему, пора заняться Королевой. Интересно, какое представление она устроит теперь? — протянул Гезалов задумчиво. — Актриса...

— Да, нет, актриса она неважная, — возразил Заур. — Положение обязывает.

Они спустились в КПЗ. Скоро в следственную камеру ввели Королеву. Все уже было готово: бланки протоколов, магнитофон.

— Садитесь, Флора Вадимовна, — сказал Гезалов и остро глянул на неё, — Невесело быть под арестом, а?

— Врагам своим не пожелаю; — ответила она, не поднимая головы.

— А что, у вас есть и враги?

Королева вздохнула. Гезалов протянул ей записку, изъятую из передачи. Она равнодушно скользнула взглядом по измятой бумажке и отвернулась. Наступило молчание. Гаджибекова и Акперов не вмешивались.

— Не узнали почерк? Вас хотели успокоить от имени всемогущего Рустама Дашдамирова. Беда в том, однако, что его задержали одновременно с вами. Вы знали? Понятно. Не знали? Видите, Флора Вадимовна, опять я и спрашиваю и отвечаю за вас, а вы бережете голос. И зря. Игра проиграна и вами, и вашими приятелями. Проиграна. Что вы так на меня смотрите, ждете новостей?

— Ах, ничего я не жду.

— Почему? Вам, наверно, будет интересно узнать, что Ольга — Таня — Христина Похвальная, которую вы похоронили, жива и здорова.

Королева вскинула глаза на Гезалова и быстро отвела взгляд.

— Вы все шутите, гражданин следовательно...

— Нисколько, Флора Вадимовна. Какие могут быть шутки? Скорее надо плакать. Вы оказались гораздо упорнее, чем мы думали. Но упрямство, простите, не всегда признак ума. Вам вбили в голову, что мы добиваемся только одного: поймать вас и посадить в тюрьму. Это, по-моему, главное ваше заблуждение. Уверяю вас, нам куда важнее предотвратить преступление, а если не получилось, помочь человеку разобраться в его заблуждениях и ошибках. Конечно, такому человеку, которому можно помочь. Вам, например, можно — я в этом не сомневаюсь. И поверьте, это не следственный прием. Тому, кого вы знали под именем Алика, я этого никогда не скажу.

— Вы и сами понимаете, что совершили преступление. Не только не предотвратили хищение, но и помогли жуликам — скрыли похищенное, отказались давать правдивые показания, не захотели помочь следствию. На что вы надеялись? — Гезалов помолчал. — Верили в неуязвимость преступников, пытались запутать следствие, увести его в сторону, надеясь, что без вашей помощи мы не обойдемся. А как расценить ваше поведение при опознании тела? Согласитесь, это уже кощунство! И тем не менее мы верим в вас и предлагаем хотя бы теперь честно рассказать следствию то, что вам известно. Суд это учтет. Для такого человека, как вы, раскаться никогда не поздно.

— Прошу вас, гражданин следователь, не тратьте на меня время. Ничего я не знаю...

— Вот как? — Акперов встал, хмуро взглянул на нее. — Вы не знаете Мустафу Сафарова, вместе с которым были осуждены? Не знаете бандита Аслана Пашаева, Алика? Не знаете Ольгу — Татьяну — Бабочку, то есть Христину Похвальную и ее мужа Семена Андреевича, которые жили у вас в доме? Всего этого вы не знаете? Хорошо. Раз вы не знаете, мы расскажем вам сами.

Королева медленно подняла голову, в её тусклых глазах промелькнул интерес, губы почти беззвучно шевельнулись.

— Вы уже...?

— Да, Королева, все кончено. Очень скоро мы дадим вам возможность удовлетворить свое любопытство — представим вам в полном здравии всю компанию — Мустафу, Алика, Христину и Рустама.

Королева вскочила, зрачки расширились.

— Они арестованы?

— Арестованы, Флора Вадимовна, — спокойно сказал Ге-

залов. — К сожалению, без вашей помощи. Сейчас их введут сюда. Расскажите им, как вы их скрывали, пусть они еще раз убедятся в вашей преданности. Только цена, по-моему, слишком...

— Не надо! — закричала она. — Не надо. Прошу вас, не надо их мне показывать.

— Вот как? — медленно спросил Гезалов. — Неужели сейчас бонтесть?

— Н-не боюсь. Не хочу... Они все равно мне не поверят. Жизнь моя кончена.

— Не волнуйтесь, Королева, — сказал Акперов твердо. — Руки коротки! Даю слово, что они ничего не смогут вам сделать.

— Тогда я все скажу, если...

— Королева, вы умная женщина и понимаете, что в жизни для вас не все потеряно. Не будем обманывать друг друга и играть в кошки-мышки. Вы понесете наказание, но совсем не такое, как Сафаров и Пашаев, — Гаджибекова подошла и положила ей руку на плечо. — Поверьте, вам самой будет легче.

— Я все расскажу.

— Я в этом не сомневаюсь. Нас интересует, как организовалась эта шайка?

— Расскажу, чтобы они все сгорели.

— Как расхищалось государственное добро?

— Ну, конечно, вы же нашли вещи.

— Как они использовали номер машины Акперова?

— Да-да. И это вам известно?

— Только прямо и откровенно. О золоте... О той несчастной девочке, которая из-за Алика...

— О! И это известно, — она схватилась за голову. — Да-да. Но они меня...

— Опять? — Амалия, дайте, пожалуйста, воды, ей плохо.

Королева глотнула воды, тяжело опустилась на стул, вздохнула.

— Господи, я согласна, я все скажу. Только покажите мне эту Христину — такую же несчастную, как я.

В следственную камеру ввели Похвальную. Флора бросилась ей на шею, и обе они горько, навзрыд заплакали.

Следователи отошли к окну. Вроде давно бы полагалось привыкнуть, а вот не привыкнешь...

Потом Гаджибекова и Акперов, сев к столу, разобрали документы, чтобы выделить дело об убийстве неизвестной женщины в районе поселка Ахмедлы.

Зазвонил телефон. Крейко сжав трубку, Гезалов улыбнулся.

— Здравствуйте, Лейла-ханум. Очень рад. Признаться, не ждал звонка. Ведь следователи приходят в чужую жизнь неожиданно и уходят неожиданно. Не согласны? Ах, оставляют память? Ничего особенного. Сидим, сортируем бумажки... Обыкновенная работа. Стараемся по мере сил, чтобы на земле-матушке было меньше зла... Что? А я не буду лишним? Знаете, у меня случаются приступы меланхолии, и тогда со мной скучно. Ладно, спрошу совета у гениального Заура Алекперовича... У него новое дело. Последнее? Будем надеяться! Последнее дело Акперова... — это звучит. Еще бы! Благодарю вас, Лейла-ханум. Обязательно появлюсь.

У него кружилась голова — то ли от радости, то ли от усталости. Хотелось обнять весь мир, сказать кому-то такое нужное сейчас слово. Он подошел к столу, широко распахнул створки. Высоко в небе плыла луна. Слабое серебристое сияние медленно вползало в комнату.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИГОВОР. *Повесть*

ЧЕРНЫЙ ЖЕМЧУГ. *Повесть* 157

ЧТО НЕ ПРОХОДИТ БЕССЛЕДНО. *Повесть* . 225

Абрамов З.
А 161 Приговор. Повести. Б., Язычы, 1980.

417 с. илл.

Автор трилогии — старший следователь, майор милиции в отставке. И не случайно писателя привлекает детективно-приключенческий жанр. В книге поднимаются вопросы нравственного воспитания, борьбы с антиподами коммунистической морали, утверждения личности.

Трилогия связана общими героями. Первая повесть («Приговор») вышла в 1965 г. в издательстве «Азернешр», вторая («Чёрный жемчуг») — в 1971 г. в «Гянджликке». При подготовке к настоящему изданию обе повести подверглись существенной переработке. Заключительная повесть трилогии — «Ничто не проходит бесследно» — печатается впервые.

Острый и динамичный сюжет, своеобразные характеры, знание специфики работы органов внутренних дел — все это делает книгу Захара Абрамова интересной для широкого читателя.

А $\frac{70303-68}{M-656-80}$ 33—80

С(Аз)2

Редактор *Н. Шахиура*,
Художник *М. К. Кулиев*,
Художественный редактор *А. Мамедов*,
Технический редактор *В. Севоян*,
Корректоры *К. Фидлер*, *Р. Багиров*.

ИБ № 214

Сдано в набор 25/IV-1980 г. Подписано к печати
24/VII-1980 г. ФГ. 18879. Формат бумаги 60×84¹/₁₆.
Бумага № 2. Физ. п. л. 26,25. Условн. п. л. 24,41.
Учетн.-пзд. л. 23,9. Заказ № 851. Тираж 100 000.
(1-й завод 1—40 000). Цена 1 руб. 60 коп.

Государственный комитет Азербайджанской ССР
по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли.

Издательство «Язычы», 370083 Баку,
пр. Кирова, 18.

Типография *им. 26-и бакинских комиссаров*,
370005 Баку, ул. Али Баирова, № 3.

Захар Барисович Абрамов

ИӨКМ

Повестләр

БАКЫ — 1980

«Язычы» нәшрияты, 370088. Киров
проспекти 18.

1 руб 60 коп